

Администрация городского округа «Котлас»
Администрация муниципального образования «Котласский район»
МУК «Котласский краеведческий музей»
КИПМОДК «Северное трехречье»

ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Выпуск 12

МАТЕРИАЛЫ

всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции
«14-е Стефановские чтения»
26 марта 2021 года

Котлас
2021

УДК 947
ББК 26.89 (231)
Д 23

Рецензент: доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук М.А. Мацук.

Редакционная коллегия:

С.А. Гладких (главный редактор),
Н.В. Шептяков (ответственный секретарь),
И.А. Митянина, Т.А. Серёдкина (члены редколлегии).

Д 23 ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ. Вып. 12. Материалы всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции «14-е Стефановские чтения». / Под ред. С.А. Гладких. – Котлас: ООО «УспешнаяЯ», 2021. – 268 с.

ISBN 978-5-906619-84-6

В сборник включены научные статьи и краеведческие сообщения по истории Европейского Севера России, подготовленные на основе докладов 14-х Стефановских чтений, состоявшихся 26 марта 2021 г. в городе Котласе.

Рекомендовано к изданию Учёным советом МУК «Котласский краеведческий музей», протокол № 2 от 16 апреля 2021 г.

УДК 947
ББК 26.89 (231)

ISBN 978-5-906619-84-6 © Авторы, 2021
© КИПМОДК «Северное трехречье», 2021
© МУК «Котласский краеведческий музей», 2021

Часть I. ИСТОРИЯ КОТЛАСА И КОТЛАССКОГО РАЙОНА

А.Г. Едовин

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ НИЖНЕЙ ВЫЧЕГДЫ

Древности эпохи средневековья в районе устья реки Вычегды – не очень частая находка, поэтому каждый вновь найденный комплекс из разрушенных селищ и могильников представляет большой интерес для понимания историко-культурной ситуации X–XIII веков. До недавнего времени нам были известны здесь один могильник (Сухой Бор), четыре селища с весьма ограниченным набором инвентаря (Гостинское 1 и 2, Вондокурье, Байка) и отдельная находка плоской орнитоморфной подвески финно-угорского облика (Забелье). Эти материалы частично опубликованы¹.

В 2020 году первые средневековые находки были получены из Сольвычегодска – одного из древнейших населённых пунктов Северного Трёхречья, бывшего уездного центра. Первое упоминание о Сольвычегодске мы находим в свидетельстве Вычегодско-Вымской летописи за 1385 год, когда новгородцы пришли ратью на пермские земли, но были разбиты устюжанами на Чёрной реке под «Солдором»². Однако археологические данные свидетельствуют, что финно-угорские племена обитали в этих местах уже в XII–XIII веках.

Здесь были собраны следующие предметы: конусовидные пронизки с однопрорезными бубенчиками (2 ед.), подвески-денарии (2 ед.), литое бронзовое звено цепочки, украшенное косоплетёным орнаментом, пряжки поясные (2 ед.), кожаный ремень с бронзовыми пластинами и бусинами-таблетками, конусовидная привеска и фрагмент украшения в виде припаянных друг к другу коротких трубочек (Рис. 1).

Нам уже доводилось писать о том, что имевшие место в литературе представления некоторых исследователей о широком распространении конусовидных пронизок в ряде мест Севера Восточной Европы являются преувеличенными. Так, например, в Приладожье их найдено менее десятка (6 в Оятских курганах³), в Белозерье и на Сухоне – единичные находки⁴, в вымских и вычегодских могильниках и поселениях – всего 12 экземпляров⁵. В Прикамье находки конусовидных пронизок почти неизвестны. Можно указать на экземпляр с гладким конусом и жгутами по верху и подолу из д. Верхняя Воч в коллекции Теплоухова⁶. Однако, судя по её расположению, она относится к бассейну Вычегды.

Достаточно много таких украшений найдено в Костромском Поволжье – 47 штук (в 37 погребениях)⁷, однако, это впечатление обманчиво: общее число документированных раскопанных курганов здесь – 1670, то есть конусовидные пронизки встречены только в каждом пятидесятом кургане (около 2 %). Серия из более чем 30 пронизок на территории Заволочья выглядит гораздо более внушительно. Отсюда мы делаем вывод о местном характере подобного типа

украшений, присущем северным финнам бассейна Северной Двины. Отдельные находки в Вологде, Новгороде, Северной Карелии, на Сухоне и Виледи, вероятно, отражают направление культурных связей населения Заволочья.

Теперь рассмотрим конусовидные пронизки (33 экземпляра), найденные на территории бассейна Северной Двины. Географически они распределены следующим образом: Поважье (Воскресенское (10)⁸, Аксеновская (1)⁹, Усть-Пуйский могильник (4)¹⁰, Ленино-Ульяновская (1)) – 16 экземпляров; Нижнее Подвинье и Двиноважье (Матигоры¹¹, Княжестров¹², Холмогоры, Быстрокурье¹³, Кургонемь¹⁴) – 12; Верхнее Подвинье (Никольское¹⁵ и Сольвычегодск (Рис. 1:1-2)) – 3; Пинега (Чакола) – 2.

Стилистически можно выделить несколько вариантов рельефной орнаментации на поверхности конусов¹⁶. Первый вариант – нижняя часть конуса украшена зигзагообразным жгутом. Второй вариант – зигзагообразный жгут в верхней части дополнен розетками в нижней части конуса. Третий вариант – кольцевой жгут по всей поверхности конуса. Четвёртый вариант – подвеска с гладким конусом. Пятый вариант – с рельефным валиком посередине конуса. Шестой вариант – с кольцевыми жгутами только внизу конуса.

На Северной Двине в 30-е годы XX века были найдены две парные конусовидные пронизки¹⁷, дающие представление о том, как носили подобное украшение финно-угорские женщины. Остатки кожаного шнура однозначно указывают, что именно на нём крепились эти парные украшения, причём шнур весь был унизан бронзовыми бусинами-таблетками. Можно предполагать, что украшения носили на груди в составе грудного ожерелья из бус и других украшений. К сожалению, двинские украшения не сохранили привесок, неясно и точное их местонахождение. По нашей типологии пронизки относятся к четвёртому варианту, что намечает его приуроченность к северным и западным районам Архангельского Севера.

Одна пронизка найдена также на Нижней Вычегде, на её притоке Виледи близ села Никольское. С ней нас познакомил местный краевед, который нашёл её с помощью металлоискателя. Пронизка несколько отличается от обычных украшений шестого варианта – она оформлена двойным рельефным прерывистым жгутом. Привески не сохранились, осталось одно щитковое звено цепочки. Конусовидные пронизки, которые найдены в Сольвычегодске, также относятся к шестому варианту, привесками служат однопрорезные бубенчики, соединённые звеньями в виде перевитого колечка.

Если мы распределим эти тридцать три пронизки по распространению указанных вариантов, то выяснится, что в Нижнем Подвинье и на Пинеге более всего были распространены конусовидные пронизки четвёртого варианта (6 шт.), реже – первого варианта (3 шт.). В Двиноважье и Верхнем Подвинье известны только пронизки шестого варианта, которые представляют большинство в памятниках перми вычегодской¹⁸. Наиболее пёстрая картина зафиксирована в Поважье, но и здесь соотношение сходно с памятниками Нижнего Подвинья – четвёртый вариант представлен шестью изделиями, первый и третий варианты – по три предмета. Весьма симптоматично отсутствие этих изделий в Каргополье и на Мошинском волоке. Косвенным подтверждением принадлежности это-

го типа украшений местному финно-угорскому населению является тот факт, что ни одно из них не найдено на волоковых путях. Датировка их имеет широкие рамки XI–XIII веков.

Литые бронзовые звенья цепочек, украшенные косоплетёным орнаментом – также достаточно обычные для Заволочья находки. Найденное в составе комплекса средневекового инвентаря у Сольвычегодска звено цепочки – самое массивное из всех, отмеченных в бассейне Северной Двины (Рис. 1:3). В регионе, помимо Сольвычегодска, они встречены в следующих пунктах: Воскресенское (в составе игольника) (Вага), Кузомень (Терский берег Белого моря), Сухой Бор (Вонгода), Быстрокурье (2), Холмогоры (2) (Нижнее Подвинье), Чакола, Карпогоры, Усть-Ежуга (Пинега). Аналоги встречаются на всём пространстве Европейского Севера – в могильнике Нефедьевское¹⁹, вымских могильниках²⁰, Мининском археологическом комплексе на Кубенском озере²¹, в Костромском Поволжье²².

Литое звено цепочки в виде спаянных цилиндров, украшенных пятью рельефными жгутами (Рис. 1:4), как оказалось, имеет довольно много аналогов. В двух экземплярах они встретились среди инвентаря Кургонями и Холмогор, имеются они и в восточном ареале финно-угорского расселения – Пезмогском²³ и Ленском могильниках²⁴, Угдымском поселении²⁵. Кроме того, они найдены в могильнике Шаниково в Белозерье²⁶ и Мининском археологическом комплексе²⁷. В полном виде это украшение встретилось нам в Куликовском могильнике Костромской области. Здесь звено из шести спаянных цилиндров с обоих концов завершалось кольцами, к которым посредством щитковых звеньев были привешены лапчатые привески²⁸. Ещё два похожих изделия есть в Юго-Восточном Приладожье – Воскресенском ручье и Карлухе, здесь к трубочкам припаяны кольца с подвесками-треугольниками, имитирующими птичьи лапки²⁹. Датировка этих украшений широкая: от конца X до XIII века.

Что касается западноевропейских монет (Рис. 1:5-6), то они распространены на Севере повсеместно, им посвящён ряд публикаций³⁰, поэтому мы ограничимся лишь перечнем пунктов с находками денариев, который после сводки Н.А. Макарова 1997 года³¹ пополнился рядом новых географических названий: Попово, Тихманьга (озеро Лача), Архангельский клад, Красноборский клад, Борецкий клад, Холмогоры (Подвинье), Благовещенский клад, Корбальский могильник (Поважье), Никольский клад (Нижняя Вычегда), Кузоменский могильник (Беломорье), Веркольский могильник, Чакола, Паленьга (Пинежье). Как видим, два новых пункта появилось на Пинеге, два – в районе устья Вычегды и два – в Подвинье, причём в двух последних регионах есть клады, которые нуждаются в дальнейшем изучении (Никольский и Борецкий). Привески, изготовленные из западноевропейских денариев (остались не атрибутированы из-за плохой сохранности), найденные в Сольвычегодске, использовались в инвентаре погребений Попово, Тихманьги, Корбалы, Верколы, Чаколы, Паленьги и Холмогор.

После находки уже упомянутого набора конусовидных пронизок, подвешенных на кожаные ремешки, украшенные бронзовыми бусинами-таблетками, стало понятно, каким образом использовались подобные бусины и в Сольвычегодске (Рис. 1:7) – несомненно, они принадлежат паре конусовидных пронизок.

В единственном числе найдена привеска-конус, соединённая с каким-то украшением с помощью щиткового звена цепочки. Подол привески имеет рельефный ободок. Аналогичные привески найдены в регионе в Матигорах и на Княжестрове (Нижнее Подвинье)³², в Кургонями (Двиноважье)³³.

Ременной набор состоит из фрагментов кожаного ремня, который был усилен листовой медью, крепящейся с помощью клёпок (Рис. 1:11-20), а также двумя ременными пряжками. Одна из них, прямоугольная с отростком, не имеет аналогов в Заволочье (Рис. 1:10). Такие пряжки известны в Верхневолжском регионе³⁴, на Шексне и Суде (Кривец)³⁵. В Новгороде они датируются рубежом первой и второй четвертей XIII века³⁶. Вторая пряжка характеризуется отсутствием перемычек, игла при этом крепится на прямой перекладине, на противоположной стороне имеется характерный отросток (Рис. 1:9). Похожие пряжки найдены в Холмогорах, на Княжестрове³⁷ и в Карпогорах. В Неревском раскопе Новгорода Великого пряжка, подобная Княжестровской, датируется второй половиной XIII века³⁸.

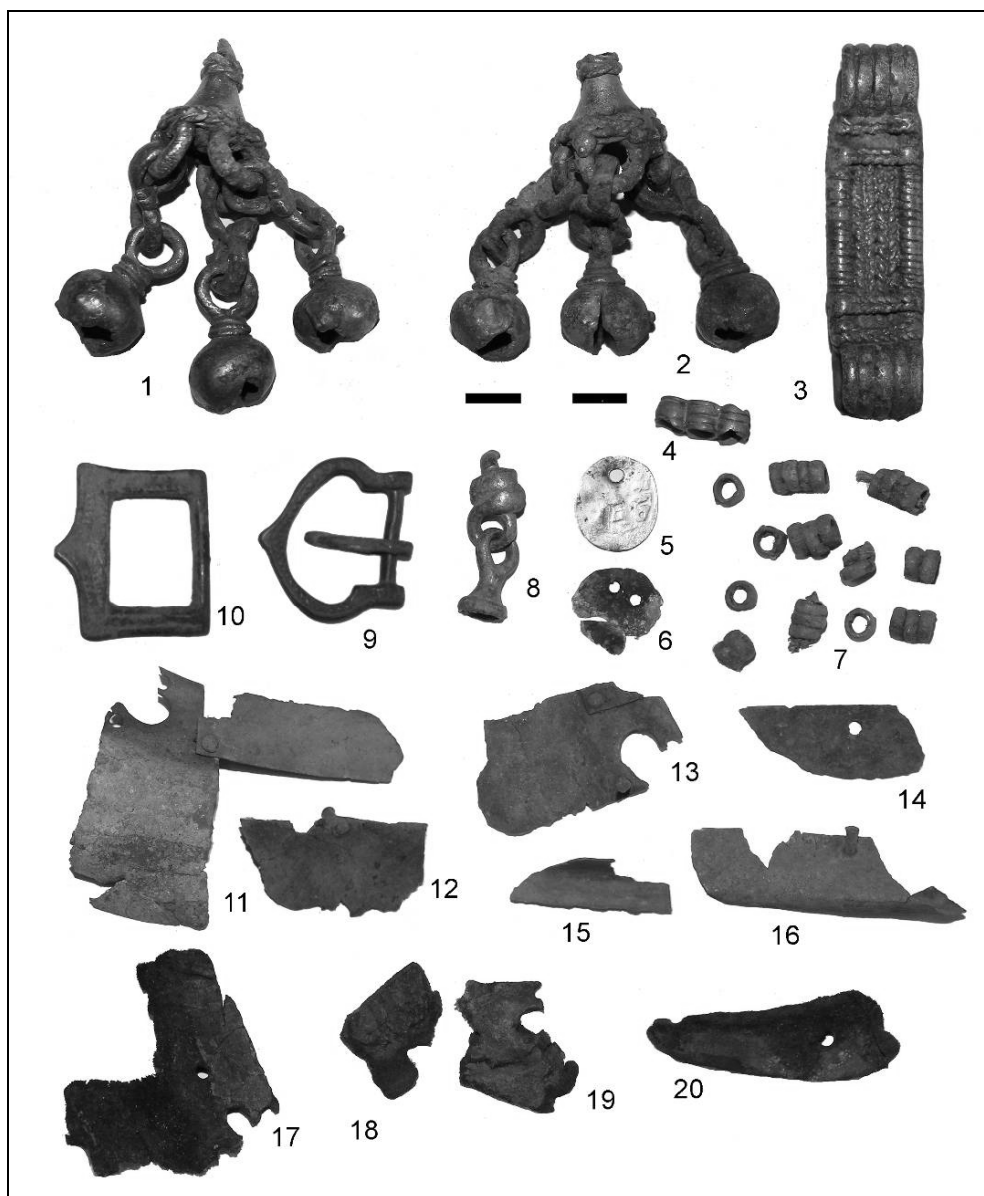

Рис. 1. Комплекс находок у Сольвычегодска

По совокупности находок мы склонны датировать комплекс украшений и бытовых предметов, найденный в окрестностях Сольвычегодска, второй половиной XII – XIII веками. К сожалению, случайные обстоятельства обнаружения предметов не дают нам возможности сделать выводы по контексту находок – были ли они частью захоронения (что весьма логично, исходя из наличия ременного набора) либо относились к поселенческому комплексу (что менее вероятно). Вполне определённо можно охарактеризовать гендерную принадлежность предметов – они явно использовались женщиной. Кроме того, не вызывает сомнений и этническая принадлежность этого финно-угорского комплекса. Таким образом, новый комплекс средневековых предметов позволяет утверждать, что Сольвычегодск возник не на пустом месте, а до его появления существовало поселение, прошедшее традиционный для севернорусских поселений путь постепенной ассимиляции местного населения славянами.

Этнокультурная принадлежность в рамках финно-угорского мира сближает находки Сольвычегодска, во-первых, с Нижним Подвиньем, а во-вторых – с ареалом вымской археологической культуры. О первом свидетельствуют общие варианты пронизок и цепочек, ременные пряжки. Второе направление культурных связей угадывается по наличию как общераспространённых, так и специфических украшений в виде литых звеньев цепочек. Представляется, что в X–XIII веках окрестности устья Вычегды были окраиной и контактной зоной двух крупных финно-угорских образований, представленных, с одной стороны, древностями Нижнего Подвинья (в широком смысле этого понятия), а с другой – археологическими памятниками предков перми вычегодской.

¹ Едовин А.Г. Средневековые древности Верхнего Подвинья // Двинская земля. Вып. 11. Котлас, 2019. С. 52–61.

² Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257–271.

³ Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 107, 140; Кочкуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 40.

⁴ Кудряшов А.В. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 191; Голубева Л.А. Археологические памятники веси на Белом озере // Советская археология. 1962. № 3. С. 74. Рис. 16; Черницын Н.А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области // Советская археология. 1966. № 4. С. 197. Рис. 1:7; Гуслистов Н.В. Материалы раскопок на реке Сондуге Тотемского района // Послужить Северу... Вологда, 1995. С. 61. Рис 9:2.

⁵ Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 105; Савельева Э.А. Прибалтийско-финский компонент в этногенезе коми-зырян // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 129–133; Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в Северном Приуралье. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока (далее – МАЕСВ). Вып. 13. Сыктывкар, 1995. С. 108. Рис. 8:10; Кленов М.В. Средневековые поселения Европейского Северо-Востока (новые материалы раскопок) // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Сыктывкар, 2007. С. 150. Рис. 2:1; Савельева Э.А. Удорские памятники эпохи средневековья // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. МАЕСВ. Вып. 15. Сыктывкар, 1998. С. 135. Рис. 7:3-5.

- ⁶ Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. № 26. СПб., 1902. Табл. XIV:7.
- ⁷ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 78.
- ⁸ Едовин А.Г. Средневековые древности Важского края // Важский край: источниковедение, история, культура. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 191. Рис. 6.
- ⁹ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997. С. 130. Рис. 37.
- ¹⁰ Назаренко В.А. Новый памятник заволочской чуди // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 144–147.
- ¹¹ Едовин А.Г. Новые средневековые находки в Беломорье и Нижнем Подвинье в контексте основных проблем средневековой истории Архангельского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 539. Илл. 11; Едовин А.Г. Средневековые древности Матигор // Труды Архангельского центра РГО. Вып. 7. Архангельск, 2019. С. 226–236.
- ¹² Едовин А.Г. Средневековые древности Княжестрова // Беломорские чтения. Вып. II. Архангельск, 2019. С. 175. Рис. 3:1, 10.
- ¹³ Едовин А.Г. Средневековые древности Холмогор и округи XI–XIII вв. Находки в Быстрокурье // Труды Архангельского центра РГО. Вып. 6. Архангельск, 2018. С. 194–204. Рис. 2:17.
- ¹⁴ Едовин А.Г. Средневековые древности Двиноважья // Сборник XII краеведческих чтений в с. Березник. (2020, в печати)
- ¹⁵ Едовин А.Г. Средневековые древности Верхнего Подвинья // Двинская земля. Вып. 11. Котлас, 2019. С. 52–61. Рис. 2:1.
- ¹⁶ Едовин А.Г. Средневековые древности Важского края // Важский край: источниковедение, история, культура. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 191. Рис. 6.
- ¹⁷ Фонды Архангельского краеведческого музея. № 9961 КП.
- ¹⁸ Савельева Э.А. Вымские могильники. Л., 1987. С. 102. Рис. 31:13–15, 46.
- ¹⁹ Макаров Н.А. Колонизация Северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 360. Табл. 148:6. Погребение 68.
- ²⁰ Савельева Э.А. Вымские могильники. Л., 1987. Рис. 37:83.
- ²¹ Археология севернорусской деревни. Т. 2. М., 2008. С. 115. Рис. 104:1.
- ²² Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999. С. 192. Рис. 44.
- ²³ Королёв К.С. Предки коми-зырян на Средней Вычегде. Сыктывкар, 2013. С. 72. Рис. 58:19а.
- ²⁴ Савельева Э.А. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского северо-востока. МАЕСВ. Вып. 17. Сыктывкар, 2005. С. 111. Рис. 8:31.
- ²⁵ Королёв К.С. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде. Сыктывкар, 2002. С. 93. Рис. 27:14.
- ²⁶ Макаров Н.А. Колонизация Северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 237. Табл. 25:7.
- ²⁷ Археология севернорусской деревни. Т. 2. М., 2008. С. 115. Рис. 104:5–6.
- ²⁸ Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999. С. 59. Рис. 16:5.
- ²⁹ Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 39.
- ³⁰ Канивец В.И. Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале // МАЕСВ. Вып. 1. Сыктывкар, 1962. С. 145–154.
- ³¹ Макаров Н.А. Колонизация Северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 36. Рис. 12.
- ³² Едовин А.Г. Средневековые древности Княжестрова // Беломорские чтения. Вып. II. Архангельск, 2019. С. 175. Рис. 3:12.
- ³³ Едовин А.Г. Средневековые древности Двиноважья // Сборник XII краеведческих чтений в с. Березник. (2020, в печати)
- ³⁴ Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999. С. 239. Рис. 53:2, 5

³⁵ Кудряшов А.В. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 196. Рис. 3:7.

³⁶ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М., 1981. С. 144–145. Рис. 56:9.

³⁷ Едовин А.Г. Средневековые древности Княжестрова // Беломорские чтения. Вып. II. Архангельск, 2019. С. 175. Рис. 3:14.

³⁸ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М., 1981. С. 144–145. Рис. 56:5.

Г.Б. Красноштанов

РОДОСЛОВНАЯ ЕРОФЕЯ ХАБАРОВА: ФАКТЫ, ЗАГАДКИ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Среди многочисленных документов о Ерофее Павловиче Хабарове нет таких, в которых бы записывалась вся его семья по состоянию на какой-либо год – даже в переписных книгах. И лишь иногда, как бы случайно, встречаются упоминания о родственниках. Исключение составляют его брат Никифор и племянник Артемий Филиппов Петриловский. Поэтому есть необходимость упорядочить все случайные упоминания.

Самым ранним документом, в котором упоминается отец Ерофея Хабарова, является обнаруженная и опубликованная нами купчая на деревню Выставок Ленивцев Сольвычегодского уезда, датированная 22 марта 7134 (1626) года¹. Приведём её начало: «Се аз, Наталья Аникиева дочь Гусева, да со своими детьми, яз Родион да Логин, да Иван, да Улита, Антонида да Устинья Петровы дети, Ваганского Алексинского стану продали есми Павлу, а по прозвищу Меньшику Иванову сыну Хабарову, Устюжского уезда Вотложемские волости, в Усольском уезде, в Олексинском стану, в Удимской волости, Ленивской жар, чистую землю ораму и под лесом, и з двором, и з дворищем»².

Эта запись содержит ценные сведения. До этого не было известно отчество Павла Хабарова и его прозвище. Выявленное отчество позволило установить имя деда Ерофея Хабарова – Иван. При полной публикации купчей была допущена ошибка: во фразе «с посеяною рожью, что сияна ко 135 году», 135 год следует исправить на 133³. И Вотложемская, и Удимская волости находятся на территории современного Котласского района.

Самая ранняя писцовая книга по Устюгу Великому хранится в Российском государственном архиве древних актов, в фонде 1209 (Поместный приказ, книга 506). В «Описании документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции» эта книга датирована приблизительно: около 7134 (1625/26) года⁴. Там Павел (Меньшичко) Иванов Хабаров записан в деревне Дмитровой:

«Волость Вотложемская на реке на Двине. <...>

Деревня Дмитрова на реке на Двине, а в ней крестьян:

Двор – Микитка Меньшиков Хабаров. <...>

Пустошь, что была деревня Святица на реке на Двине, а дворы и треть ее поле[й] сметало рекою Двиною.

Пашут наездом тоё же волости крестьяне из деревни Часовницкие Васка Хабаров да из деревни Наумовской Федосейко Васильев, да из деревни Дмитрова Меньшичко Хабаров»⁵.

Из этой записи следует, что Меньшичко (Павел) Хабаров в деревне Дмитровой после наводнения своего двора не имел, а жил у своего сына Микитки. Чей сын Васька Хабаров, не поясняется. О других Хабаровых в Вотложемской волости, в том числе о Ерофее и Никифоре Павловых, почему-то не упоминается.

В этой же книге есть запись, из которой выясняется, что Меньшичко Хабаров раньше имел мельницу совместно с другим крестьянином: «С мельницы, что была на оброке за Логинком Верещагиным да за Меньшичком Хабаровым, а ныне на оброке за Офонькою Верещагиным, старого оброку восемь алтын две деньги да новые наддачи десять денег»⁶. Мельница, видимо, была продана.

В упомянутой книге 506 по Устюгу Великому за 7134 год несколько раз упоминается о более ранней приправочной книге Юрия Строилова с товарищи 128 (1619/20) года. В ней должны быть записаны Хабаровы, когда они жили в Святице, до злополучного наводнения. Но в описи фонда Поместного приказа её нет. Видимо, утрачена.

За 1625 год имеется также писцовая книга Соли Вычегодской. Там записано:

«Деревня Выставок Ленивцев, а в ней крестьяне:

Двор – Родька да Логинко Петровы дети Судницына. <...>

А Родька да Логинко владеют по купчей 125 [1616/17] году»⁷.

Из купчей известно, что Родька да Логинко Петровы дети Судницына – сыновья Натальи Аникиевой Гусевой. А муж Натальи Аникиевой, Пётр Судницын, видимо, умер. Так было до продажи деревни Выставок Ленивцев Павлу Хабарову.

В фонде 141 (Приказные дела старых лет) имеется небольшой документ, содержащий очень ценные сведения. Из этого документа следует, что, вопреки писцовой книге, Павла (Меньшичка) Хабарова в 1626 году уже не было в живых.

«Список с подписные челобитные, 141 [1632] году, ноября в 20 день.

По государеву [М.Ф.]⁸ указу Вотложемские волости земскому судейке Илейке Буйнову с товарищи.

По сей челобитной взять у вдовы, у Домницы, да у сына её, у Никитки, житнишной ключ, да взяв с собою сторонных добрых людей, да с теми сторонними людьми тоё житницу отомкнуть.

Да что в той житнице вдовы Домницы да сына её Микитки живого хлеба, или какие подворные рухляди есть, и тоё рухлядь всеё отдать вдове Домнице да сыну её Микитке. А очистя тоё житницу, и ключ отдать Дениску Гаврилову Рогова.

А государевы подати с тоё полдеревни на вдове, на Домнице, до Ильина дни (20 июля. – Г.К.) нынешнего 133 [1625] году против купчей, что муж её, Меньшичко Хабаров, продал тому Дениску Рогову»⁹.

Что следует из этого документа? Хотя он назван списком с челобитной, текста челобитной здесь нет, а описываются меры, принятые по челобитной. Год в первой строке документа исправлен, причём так, что нельзя ручаться, что он

141-й. Это не год написания челобитной, а год написания списка. Год написания челобитной указан ниже, он без исправлений – 133-й. Но важнее другое. Появляется возможность установить год смерти отца Ерофея Хабарова – Павла (Меньшичка) Хабарова. По состоянию на 20 июля 133 (1625) года его жена Домница названа вдовой. И живёт она в деревне Дмитрове со своим сыном Никиткой. О Ерофее и Никифоре не упомянуто.

Но тут возникает вопрос о датировании купчей на деревню Выставок Ленивцев 22 марта 1626 года. Это не дата составления купчей, а дата составления списка с купчей. В документе, в котором содержится купчая, указано, что это список, но дата составления подлинника не приведена. Создаётся видимость, что Павел Хабаров в это время был жив. Значит, сведения о Хабаровых, которые имеются в писцовой книге Устюга Великого, нужно датировать, по крайней мере, не ранее июля 1625 года.

В том же деле, где содержится документ о вдове Домнице, есть челобитная Никифора Хабарова, имеющая прямое отношение к этому документу. Из неё становится ясным, почему вдова Домница обязана была освободить житницу и отдать ключ Денису Данилову Рогову.

«Царю [М.Ф.] бьёт челом сирота твой, Усольского уезда Олексинского стану Микифорко Павлов Хабаров.

В нынешнем, государь, во 148 [1639/40] году, бил челом государю я, сирота твой, Устюжского уезда Вотложемские волости на Дениска Рогова в закладной в полудеревни Дмитрова в пятидесяти рублях, что ему заложил отец мой Павел.

И то, государь, дело ныне на Устюге Великом в Съзжей избе. <...>

Вели, государь, то наше дело земляное взять перед твоим государевым дозорщиком, перед воеводу, перед Михаила Ивановича Спешнева да перед Павла Давыдова для подлинной sprawy»¹⁰. На обороте: «Послать память».

Упомянутое дело не обнаружено. А в памяти написано:

«Лета 7148 [1639], декабря в ... день.

По государеву [М.Ф.] указу воеводе Михайлу Ивановичю Спешневу да Орефе Башмакову.

В нынешнем 148 [1639] году бил челом государю [М.Ф.] Усольского уезда Олексинского стану крестьянин Микифорко Хабаров.

А в челобитной ево написано: бил челом государю, подал челобитную Устюжского уезда Вотложемские волости на крестьянина, на Дениска Рогова, в закладной полудеревне, что заложил отец ево, Микифорков, Павел Хабаров половину деревни Дмитрова. И то де их земляное дело ране вершено. И за кем та половина деревни Дмитриевы – в дозорные книги записать – про то ведать не по чему.

И по государеву [М.Ф.] указу воеводе Михайлу Ивановичю Спешневу да Орефе Башмакову то земляное дело по челобитью Микифорка Хабарова Устюжского уезда Вотложемские волости с крестьянином, з Дениском Роговым, в закладной половине деревни Дмитриевы дозорнова дела к подьячему, к Павлу Давыдову, для земляные росправы и для ведома, за кем та половина деревни Дмитриевы доведётца, в дозорные книги записать.

Такова память послана...» (не окончено)¹¹.

Этот документ не согласуется с писцовой книгой. Там у Павла Хабарова в деревне Дмитровой даже двора не записано. А здесь сообщается, что Павел Хабаров заложил половину деревни Дмитровой.

Действительно, после покупки деревни Выставок Ленивцев и заклада полдеревни Дмитровой никаких изменений в писцовые книги внесено не было. В фонде 137 (Боярские и городовые книги) имеется «Список с сотной Шемогодской и Вотложемской волостей Устюжского уезда». В нём есть записи о Хабаровых¹², дословно повторяющие приведённые выше записи из писцовой книги. Там Павел Хабаров числится в живых и о закладе половины деревни Дмитровой не упоминается, несмотря на то, что список датирован 1631 годом. Что же касается Никифора Хабарова, то он не жил в Усольском уезде постоянно, а бывал наездом. До подачи этой челобитной он упоминался в Енисейске в сентябре 1637 года¹³.

Ещё более поздняя и более краткая запись о брате Ерофея Хабарова Микитке Хабарове содержится также в книге фонда 137 за 1646 год:

«Деревня Дмитрово на реке на Двине. А в ней крестьян:
Двор – Микитка Меньшиков Хабаров»¹⁴.

И здесь о закладе половины деревни Дмитровой не упомянуто. Хотя следующая по времени книга Устюга Великого в фонде Поместного приказа за 1658 год названа подлинной переписной книгой дворов, по сути, она таковой не является. В ней переписаны только крестьяне, взятые в солдаты. Там упоминается о сыне и внуке Васьки Хабарова:

«Деревни Часовина:

Двор – Емельян Васильев сын Хабаров, сын его Пётр»¹⁵.

Писцовых книг в фонде 1209 за промежуток времени с 1626 по 1645 годы нет. А сведения, где жили или числились Ерофей и Никифор Хабаровы после покупки деревни Выставок Ленивцев, содержатся в документах фонда 141. В книге «Ерофей Павлович Хабаров» описан расспрос торговых и промышленных людей о местах жительства Ерофея и Никифора Хабаровых. Наиболее полные сведения сообщил Шестой Савельев Белобород:

«Торговой человек Шестой Савельев Белобород, Соли Вычегодские посадской человек, сказал по государеву крестному целованью:

Слышил де я на Устюге от отца их, Ярофеева и Микифорова, от Павла, что оне, Микифорко и Ярофейко, в делу (то есть живут раздельно. – Г.К.). А живёт де он, Ярофейко, в Устюжском уезде на Вотложемском стану в деревне в Дмитриеве, а Микифорко с отцом своим, с Павлом, в Усольском уезде в деревне на Ленивице»¹⁶.

Когда Ерофей Хабаров стал числиться в деревне Выставок Ленивцев, точно неизвестно, но в енисейской таможенной книге 1635 года есть такая запись: «Того ж дни [4 сентября 1635 года] у промышленного человека, у Ярофейка Павлова Хабарова Усоля Вычегоцкого, с перекупных со шти сороков з дватцати соболей взято дватцать шесть соболей с хвосты»¹⁷. Однако в проезжей грамоте, выданной Ерофею Хабарову в Енисейске 25 мая 1638 года, написано: «По государеву [М.Ф.] указу отпущен из Енисейского острогу промышленной человек Ярофейко Павлов Хабаров устюжанин»¹⁸.

В купчей от 14 июля 1639 года он снова назван устюжанином: «Се аз, Фёдор Микифоров Балагур, красноярской казак, продал есми в Ленском остроге торговому человеку Ярафею Павлову Хабарову устюжанину ясырь свой»¹⁹. А 10 февраля 1641 года в челобитной Ерофея Хабарова написано: «Царю [М.Ф.] бьёт челом твой государев сирота, торговой человек Устюга Великого Ярофейка Павлов Хабаров»²⁰.

Архивные документы, в которых интересующие нас Хабаровы упоминаются раньше 1625 года, обнаружить не удалось. Но существует весьма загадочный, давно опубликованный документ о пожаре в Устюжском Николаевском Прилуцком монастыре в 1597 году, в котором упоминается житель Вотложемской волости Устюжского уезда Иван Артемьев сын Хабаров.

«1597 года. Явочная челобитная Устюжского Николаевского Прилуцкого монастыря игумена Авраама с братиею о пожаре в монастыре и проч.

Царю, государю и великому князю Фёдору Ивановичу всеа Русии бьют челом и являют Николы Чудотворца Прилуцкого монастыря с Двины реки, Устюжского уезда Ярокурского стану нищие твои государевы богомольцы, игумен Аврамьще яже о Христе с братьею.

В нынешнем, государь, во 105 [1597] году, мая в 30 день, грех ради наших, пришло, государь, Божие посещение: в монастыре оба храма погорели с образы и с книгами, и со всею церковною утварью, да и кельи, государь, все погорели, да дворцы, государь, кои были около монастыря, всё погорело. <...>

И в те поры, государь, многие люди съехались Устюжского уезда Вотложемские волости Иван Григорьев сын Сабуров да Иван Артемьев сын Хабаров с родом и с племенем своими с заговоры, и с ними, государь, иные многие неизвестные люди, кои на пожаре были, и меня, игумена Аврамьща, связали и хотели в огонь кинути, да и всю братию хотели, государь, в огонь пометати для своей корысти, что мы им говорили о грабежу.

И как, государь, меня, игумена Аврамьща, связали, и в те поры, государь, казённой анбар россекли ж. И в те поры, государь, казённой анбар россекли, и ржаной, государь, анбар россекли ж, и казну, и рожь по себе рознесли тот Иван Сабуров да Иван Хабаров, да Якуня, да Ивашко Зубцовы о своим родом и заговором с неизвестными людьми, кроме иных крестьян, волостных людей, кои были тут на пожаре. <...>

Да и впредь, государь, те люди угрожают боем и грабежом, и пожёгом, и всяким лихим делом хвалятся везде»²¹.

Имя деда Ерофея Хабарова – Иван – установлено без каких-либо сомнений. Не он ли Иван Артемьев? Если это так, то прадеда Ерофея Хабарова звали Артемий. И ещё одно существенное обстоятельство: в челобитной Иван Артемьев сын Хабаров упоминается не один, а с родом и племенем своим. Выписка о Хабаровых из писцовой книги 1625/26 года приведена выше. А Сабуровы и Зубцовы в этой писцовой книге в Вотложемской волости уже не упоминаются: видимо, выбыли.

О Прилуцком Николаевском монастыре имеются некоторые сведения, относящиеся к более позднему, XVII веку²². В настоящее время руины этого мона-

стыря находятся в деревне Минина Полянка Котласского района, на противоположном от бывшей деревни Святица берегу Северной Двины.

После покупки деревни Выставок Ленивцев Ерофей и Никифор Хабаровы оба записаны в писцовой книге Соли Вычегодской за 1645 год:

«Деревня Выставок Ленивцов, а в ней крестьяне:

Двор – Микифорко Павлов Хабаров з братом с Ерофейком, да с ними половники Кузёмка Терентьев да Васка Иванов, владеют по купчей Натальицы Аникиевы дочери Гусева 134 [1625] году»²³. Но жили они в это время на реке Лене. Затем их стали записывать поодиночке.

Следующая книга по Сольвычегодскому уезду от 25 марта 1646 года за номером 15058. И хотя прошёл всего лишь один год, запись в ней в корне отличается от предыдущей:

«Деревня Выставок Ленивцов.

Двор – крестьянин Никифорко Хабаров с племянником с Васкою Яковлевым шти лет.

На том же дворе в другой избе его ж половник Козёмка Терентьев з детьми с Ывашком да з Давыдком, да с Якушкою шти лет.

В той же избе другой половник Васька Малышев сыном с Пашкою пяти лет»²⁴.

Получается, что Васька Яковлев родился в 1640 году. Его не следует путать с Васькой Хабаровым, который без указания отчества упоминается в писцовой книге 506 в деревне Часовницкой.

В книге 15058 Ерофей Хабаров не записан. А в переписной книге Соли Вычегодской 12 сентября 1647 года записан, несмотря на то, что был в это время на Лене:

«Деревня Выставок Ленивцов, а в нём:

Двор – крестьянин Ярофейко Павлов сын, прозвище Хабаров, с племянником, с Васкою Яковлевым.

Да у него ж половник Спиридонко Емельянов сын, прозвище Заплатин, з братом с родным с Васкою»²⁵.

Хозяйство, видимо, вёл половник. Здесь уже не записан Никифор Хабаров. Подробные выписки о Хабаровых из переписных книг Устюга Великого и Соли Вычегодской приводятся в книге «Ерофей Павлович Хабаров»²⁶.

В документах о Ерофее Хабарове упоминается много различных родственников, но их родственные связи часто не описаны или описаны неопределённо. Так, за 1640 год есть не совсем понятный документ, в котором Ерофей Хабаров упоминает своего брата.

«148 [1640] году, июня в 6 день, в Ленском острожке в Съезжей избе принёсл служилой человек Якунька Щербак короб. А в коробу тритцать полосмы [37,5] дюжины карт. А сказал: оставил де мне в прошлом году, 147-м [1638/39] году, торговой человек Ярафейко Хабаров. И те карты взяты в государеву казну в Съезжей избе. Да снята его, Яркова, печать с короба, тут же в короб положена». А далее приводится грамотка (письмо) Хабарова Осипу Галкину, который тогда был приказным человеком в Ленском остроге:

«Господину моему Осипу Семёновичю Ярофейко Павлов челом бьёт.

Как тебя господь сохраняет, а про меня поход ведать. И я жив, февраля 27 день.

Да умилось, Осип (написано: Яков. – Г.К.) Семёнович. Были мои карты оставлены у Якова Щербака. И ты ему поговори, чем бы ему пожаловать, отдать брату моему Тимошки Сергеев[у]. А за тем челобитьем...» (конца нет)²⁷.

На обороте письма помечено: «148 [1640] году, июня в 6 день, взята грамотка у промышленного человека, у Тимошки Сергеева устьцылемца. Дана ся грамотка в Якутах Якову Данилову сыну Щербаку».

Дана как расписка за переданные карты. Сохранившаяся же часть письма является копией с письма Хабарова, поэтому и присутствует ошибка в имени Галкина. Видимо, карты в то время ещё не были запрещённым товаром, как в более позднее время. Торговля ими приносила немалый доход.

Судя по отчеству, Тимошка Сергеев не родной брат Ерофея, а двоюродный. Он занимался торговлей хлебом и «промышленным заводом». Об этом есть запись в таможенной книге Якутского острога 1639/40 года: «Да у промышленного человека, у Тимошки Сергеева усть-цылемца, с хлебного запаса и с промышленного заводу, по таможенной оценке и ста со шестидесят рублёв одиннадцати алтын четырёх денег (деньга = ½ копейки. – Г.К.), печатных пошлин, с рубля по деньга, – итого дватцать шесть алтын полпяты [4,5] деньга»²⁸.

Этот Тимошка Сергеев задолжал Ерофею 240 рублей:

«Царю [М.Ф.] бьёт челом сирота твой государев, торговой человек Ярофийко Павлов Хабаров.

В прошлом, государь, во 149 [1641] году бил я челом тебе, государю, а подавал челобитную в Съезжей избе стольникам и воеводам, Петру Петровичю Головину с товарищи, по кабале на промышленного человека на Тимофея Сергеева усцелемца в двухстах в сорока рублях.

И та челобитная подписана была и послана на низ с яшным зборщиком, служилым человеком, с Курбатом Ивановым. И по той челобитной Курбат тово промышленного человека Тимофея Сергеева за порукою в Ленском остроге поставил в Съезжую избу перед стольника и воеводу Петра Петровича Головина с товарищом.

И по той кабале до меня, сироты твоего, от него, Тимофея, денги все дошли. И по той кабале мне до него, Тимофея, дела нет.

Вели, государь, порушную запись на него, Тимофея, выдать»²⁹.

На обороте также помечено: «150 [1642], июля в 17 день, подал челобитную торговой человек Ярко Павлов. А сказал: помирился с Тимошкою усцелемцом, и исцом де по той кабале не стояти. И по Тимошке была в Жиганех взята поручная запись. И та запись велено отдать. И отдана порушная».

Судя по отчеству и по месту рождения, Тимошка Сергеев – двоюродный брат. В этом случае могут быть два варианта. Первый: у отца Ерофея, Павла Иванова, был брат Сергей Иванов, а у него сын Тимошка Сергеев. Но этот вариант мало вероятен, так как обычно братья селятся рядом, и Сергей Иванов в писцовой книге Вотложемской волости в 1625 году упоминался бы, а он не упоминается. К тому же Усть-Цильма находится далеко от родной деревни Ерофея – Святицы. Второй вариант: у отца Ерофея, Павла Иванова, или же у

его матери, Домницы, была сестра (тётка Ерофея), у неё муж Сергей, а у них сын Тимошка. Этот вариант более вероятен.

О семье самого Ерофея Хабарова полной ясности нет. О привозе жены на Лену он подавал челобитную в 1650 году, когда приезжал с Амура в Якутский острог за подкреплением. Эту челобитную с отпиской воевода Дмитрий Францбеков и дьяк Осип Степанов послали в Москву. В отписке сообщалось: «В нынешнем, государь, во 158 [1650] году бил челом государю [А.М.], а нам, холопом твоим, подал челобитную Ярко Хабаров. И мы, холопи твои, тоё ево челобитную под сею отпискою послали к тебе, государю к Москве».

На обороте отписки отметка о подаче: «159 [1651] году, генваря в 26 день, подал ленской пятидесятник Иван Кожин». А в челобитной Хабарова написано:

«Жил я, холоп твой, в твоей государеве отчине в сибирской украине на великой реке Лене с 140 [1632] году. <...>

И живу я, холоп твой, на великой реке Лене лет з дватцать. А женишко, государь, моя Василиска з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянницею живут на Устюге бес приюту. <...>

Вели, государь, ту мою женишку Василиску и з дочеришкою моею с Наташкою и со внуком, и с племянником, и с племянницею отпустить с Устюга ко мне, холопу твоему, в Якутцкой острог и подводы указать, чтоб, государь, моя женишко и з детишками без меня, живучи на Устюге без приюту, вконец не погибла»³⁰.

Челобитье, видимо, было удовлетворено, так как на обороте отписки Францбекова есть помета, правда, не очень разборчивая: «Приказал боярин князь Алексей Иванович Трубецкой послать память в Устюжскую четь. Велеть жену и дочь, и племянницу, и внука из Устюга отпустить»³¹. Неизвестно, кто был мужем Наташки и как звали внука Ерофея Хабарова. О них больше никаких упоминаний нет.

В челобитной записаны племянник и племянница, а в помете боярина Трубецкого только племянница. Имя племянницы тоже неизвестно. А имя племянника названо в переписных книгах Соли Вычегодской за 1646 и 1647 годы – Васька Яковлев. Выписки из них приведены выше. Возникает вопрос, кем был Васька Яковлев? Племянник – это сын брата или сестры. У Ерофея брата по имени Яков не было. Значит, Васька Яковлев мог быть сыном какой-то неизвестной сестры Ерофея. Но тогда надо искать подтверждение её существования. Это дело – безнадёжное, так как в писцовых книгах того времени записывали лиц мужского пола. Из лиц женского пола записывали только вдов, которые после смерти мужа вели хозяйство.

Не лучше ли сделать предположение, что Васька Яковлев не племянник Ерофея Хабарова, а его шурин, то есть брат его жены Василисы? И при этом вспомнить, что на Лене были Панфилко Яковлев, его братья Федька Яковлев и Гришка Яковлев. Тогда будет понятно, почему, уходя в амурский поход, Ерофеем Хабаровом отдал свою деревню и мельницу на речке Тихтилячихе во временное пользование Панфилку Яковлеву, а мельницу на речке, которая позже стала называться Бобошиной, Федьке Яковлеву. Почему именно им? Потому что все они были братьями его жены, которую звали Василиса Яковлева. А фамилия неизвестна. Поэтому стоит вспомнить, что известно об этих братьях.

Панфил Яковлев появился на Лене ещё до образования Якутского воеводства. Записи о нём встречаются в таможенных книгах, как о промышленном человеке. Так в книге за 143 и 144 годы (с 1 сентября 1634 по 31 августа 1636 года), которая озаглавлена: «Да збору Енисейского острогу стрелецкого головы Богдана Балкащы, да целовальника Игнашки Осипова, что збирали на Лене реке с торговых и промышленных, и [с] служилых, и со всяких людей государевы десятой пошлыны мяжкой рухляди» есть запись:

«У промышленово человека, у Панфила Яковлева вымитина, с промышленных з дву сороков з дватцати соболей взято десятой десять соболей с пупки и с хвосты. У него ж с перекупных з десяти соболей взято десятой соболю с хвостом»³².

Есть также записи, относящиеся к 1639 году:

«Того ж дни [27 мая 1639 года] у промышленого человека у Панфила Яковлева важенина с перекупных с трёх сороков з дватцати соболей десятые пошлыны взято четырнатцать соболей с хвосты. У него ж с осми соболей, по оценке с осми рублёв и за восемь гривен, взят соболю с хвостом»³³.

В таможенной книге Олёкминского острожка имеется запись о взятии с Панфила Яковлева десятой пошлыны:

«Того ж дни [в конце мая 1640 года] у промышленого человека, у Панфила Яковлева устюжанина, с промышленных со шти сороков з дватцати соболей десятые пошлыны взято дватцать шесть соболей с пупки и с хвосты. У него ж со шти соболей, по оценке з двух рублёв и за две гривны, взято шесть пупков»³⁴.

Его здесь называют то вымитином, то важенином, а позже устюжанином. К сожалению, выяснить, где находится родина Панфила Яковлева, невозможно. В писцовой книге Устюжского уезда 1625/26 года Панфил Яковлев не упоминается. Вероятно, он не устюжанин.

Вымитин – обозначение проживания на реке Выми, которая впадает в Вычегду, на территории нынешней Республики Коми; а важенин – на реке Ваге, которая протекает по территории современных Вологодской и Архангельской областей, и впадает в Северную Двину. Там были отдельные уезды, по которым писцовых книг не сохранилось. В писцовой книге Устюжского уезда ни одной деревни на Ваге и Выми не упоминается.

С приездом ленских воевод начинается новая полоса в жизни Панфила Яковлева: он становится пашенным крестьянином. Причём самым первым, устроенным в пашню официально ещё раньше Ерофея Хабарова. Об устройстве Панфила Яковлева в пашню воевода Пётр Головин с товарищами сообщили в Москву:

«Да генваря, государь, в 27 день [1641 года] бил челом тебе, государю [М.Ф.], промышленой человек Пантелейко Яковлев устюженин, чтоб ему быть в пашенных крестьянех на Лене реке на Тунгуском волоку, где переходят с Лены реки на Турухань.

И мы, государь, холопи твои, ему, Пантелейку, велели быть на Тунгуском волоке в пашенных крестьянех»³⁵.

Чуть позже здесь же построили ясачное зимовье, а в 1670 году Чечуйский острог.

О Панфиле Яковлеве имеется множество документов. Везде он записан без фамилии, и лишь в одном документе упоминается с прозвищем Плотник³⁶.

Первые годы деятельности Панфила Яковлева описаны в книге «Ерофей Павлович Хабаров»³⁷.

В семи километрах выше устья реки Киренги, на правой стороне Лены, была заимка Ерофея Хабарова. О ней в ужинной книге 1647 года записано: «Да на усть Киренги у Ярофейка Павлова сына Хабарова в ево, Ерофейкове, деревне...»³⁸ А в ужинной книге 1648 года другая запись: «Да у Панфилка Яковлева на закладной пашне на усть Киренги реки, что заложил ему, Панфилку, торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров в ево закладной деревне, выделена на государя...»³⁹

Эта запись вызывает несколько вопросов. Первый вопрос: когда заложил? Книга эта, хотя и названа приходной хлебной 157 (1648/49) года, по своему содержанию представляет ужинную и умолотную книгу, и составлялась, видимо, осенью 1648 года после умолота. Второй вопрос: почему заложил? В 1664 году в челобитной Хабаров так объяснял причину заклада заимки: «В прошлых де годех был он, Ярафей, великого государя на службе в Даурской земле, и после себя приказывал он, Ярафей, деревни свои и мельницы, и пашенные земли, и сенные покосы пашенному крестьянину Панфилу Яковлеву»⁴⁰.

Такое соглашение обязательно должно быть заключено не на словах, а письменно, так как у Хабарова были обязанности по отношению к казне по обработке государевой пашни и сдаче урожая, о чём в книге 1648 года сказано прямо: «в его закладной деревне выделена на государя». Но никакого документа о закладе не сохранилось.

На заимке у Панфила Яковлева жили два его брата, Федька и Гришка, которых до образования Илимского уезда редко упоминали. После образования Илимского воеводства братья оказались в разных уездах. Спустя много лет Федька Яковлев так описывал в челобитной своё здесь поселение:

«В прошлых, великие государи, годех селился я, сирота, з братьею своею, с Панфилом да з Григорьем, в вашу великих государей пашню на Чечюйском волоку на пустое лесопорослое место.

А из вашей великих государей казны в тоё пашенную селидбу на помог[у] денег и хлеба ничего не имал, и подмогу и льготы мне, сироте, не было. А с того пашенного поселения я, сирота, з братьею своею почал на вас, великих государей, пашни пахать на год по десятине ржи да по десятине ярового.

И в прошлых же годех та моя братья с пахотною землёю отделены к Ылимскому уезду в пашню. А я, сирота ваш, и по сё число пашу те две десятины сполна один»⁴¹.

Федьке Яковлеву, действительно, никакой подмоги не давали, но давали её Панфилу Яковлеву. Об этом сообщается в выписке Якутской приказной избы:

«В прошлом во 149 [1641] году при прежних стольниках и воеводах, при Петре Головине с товарищи, устюженину Панфилку Яковлеву велено быть в пашенных крестьянех на великой реке Лене блиско Тунгусково и Мангазейсково волока. И пахать ему на государя пашня от своей пашни от десяти десятины по вся годы в пол[е], а в дву по тому ж. А семена ему на те государевы десятины давать по вся годы государевы.

А подмоги тому Панфилку по приговору и по уговорной ево записи из государевы казны на лошадь и на сошники, на косу и на серп денег дано 30 рублёв. И те ему деньги даны не в отдачу. Да ему ж, Панфилку, дано в ссуду денег ж 30 рублёв на два года»⁴².

Тунгусским и Мангазейским волоком здесь назван Чечуйский волок.

В книге пятидесятника Ивана Григорьева Щукина (он же Кожин) и подьячего Ивана Синицына, составленной в 1652 году, написано:

«Заимка ниже Чичюйского волоку пашенного Федки Яковлева. А тот Федка поселен на той заимке при стольнике и воеводе при Петре Головине с товарищи. <...>

Да у него ж, Федки, к той ж заимке мельница большая, одно жерновы, на речке, что вытекла с Чичюйского Тунгусского волоку. А оброку с тоё мельницы государева никакова не положено»⁴³.

Речка, на которой стояла мельница, сейчас называется Бобошиной. А принадлежала она Ерофею Хабарову. Первую мельницу он построил здесь ещё до амурского похода, видимо, без разрешения воеводы. Поэтому никаких документов о её постройке нет. Лишь один раз о ней мельком упоминается в челобитной промышленного человека: «В нынешнем, государь, во 168 [1660] году, на Чичюйском Тунгусском волоку, на мельнице Ярофея Хабарова...»⁴⁴. Уходя в амурский поход, Хабаров передал её во временное пользование Федьке Яковлеву.

Кроме своего зерна, Федька Яковлев молот на этой мельнице за плату зерно пашенных крестьян, а также и государевы хлебные запасы, отправляемые в Якутск. В 1652 году якутский воевода М.С. Лодыженский писал: «Да на Чичюйском же, государь, волоку у пашенного крестьянина у Федьки Яковлева на речке, что вытекла ис Тунгусского Чичюйского волоку, поставлена мельница большая. И владеет, государь, тою мельницею тот Федька безоброчно, и твоих государевых запасов даром не мелет»⁴⁵. Раз безоброчно, значит, была поставлена та мельница самовольно, без челобитья. Федьку Яковлева в ленских документах записывали по прозвищу Пашенной.

Гришка Яковлев был родным братом Панфила Яковлева и Федьки Яковлева. В 1649 году он был устроен отдельно от Панфила Яковлева на верхнем конце заимки Ерофея Хабарова. Илимский воевода Т.В. Шушерин сообщал в Москву, что устроил в пашню «промышленного человека Гришку Яковлева на великой реке Лене на усть Киренги»⁴⁶.

В росписи заимок, составленной якутским воеводой Михаилом Лодыженским в 1652 году, ниже заимки Гришки Васильева (Кривошапкина) указана «Заимка Гришки Яковлева». Затем должна следовать заимка Ерофея Хабарова, но в росписи записано: «Заимка пашенного Панфилка Яковлева»⁴⁷. О ней в окладной книге 1656 года сказано: «На том же Киренском лугу на низ по Лене пашенной Панфилко Яковлев...»⁴⁸. Это заимка Ерофея Хабарова, но там уже пашет Панфил Яковлев.

В ужинной книге 1649 года записано: «Да у Панфилка Яковлева на закладной пашне на усть Киренги реки, что заложил ему, Панфилку, торговой человек Ярофейко Павлов Хабаров, в ево закладной деревне выделена...»⁴⁹. Заложил перед отправкой в амурский поход.

В окладной книге 180 года написано: «Гришка Яковлев. <...> Во 180 [1671/72] году Гришка умер, а на ево пашню в то ж тягло построены сын ево Фочка да ис промышленных людей Васка Данилов сын Сухой»⁵⁰. В 1675 году эта деревня была передана ими Киренскому монастырю и вошла в состав деревни Хабаровой.

Ввиду тесных хозяйственных связей Ерофея Хабарова с Панфилом Яковлевым и его братьями можно выдвинуть предположение, что они были братьями жены Ерофея Хабарова Василисы, иными словами, приходились Ерофею Хабарову шуринами.

Поиски памяти об отпуске Василисы и документов о поездке её на Лену успеха не принесли. Сведения о её переезде на Лену логично было бы искать в таможенных книгах. Но таможенные книги за 1650–1651 годы по Верхотурью, Тобольску, Енисейску и Илимску не сохранились. О пребывании жены Хабарова на Лене документов тоже не обнаружено. А возможности привезти семью у Ерофея были, так как он приезжал в Москву неоднократно. Путь лежал через Устюг Великий и Соль Вычегодскую.

Ф.Г. Сафронов почему-то считал, что семья Хабарова так и не приехала на Лену: «...вероятнее всего, что Ерофей Павлович в Усть-Киренской волости жил один, без семьи. <...> От него остался сын Андрей, <...> мы не знаем, законный ли это сын Ерофея Павловича. Вполне возможно, что он был прижит вне брака и в последующем усыновлён»⁵¹. Но это лишь смелое предположение, ничем не подтверждённое. У Хабарова был ещё сын Максим. Тоже прижит? Андрей и Максим в устюжских и сольвычегодских документах не упоминаются: вероятно, родились на Лене. Нет документов, в которых их называют незаконными. Значит, жена всё-таки была привезена.

Теперь порассуждаем о сёстрах Ерофея Хабарова. Чтобы выяснить, были ли у Ерофея Хабарова сёстры, придётся начать издалека. В книге «Ерофей Павлович Хабаров» многократно упоминается его племянник Артемий Филиппов Петриловский. Что он действительно племянник, можно подтвердить выдержкой из челобитной:

«Царю [А.М.] бьют челом сироты твои, Соли Вычегоцкой уезда Лальского погоста торговые люди Матюшка Яковлев сын Ворыпаев да Стенька Семёнов сын Самойлов.

Жалоба, государь, нам, сиротам твоим,
на устюжанина на Ярофея Павлова сына Хабарова
да на племянника ево, на Ортемья Петриловского»⁵².

В книге «Ерофей Павлович Хабаров» подробно описаны обстоятельства смерти Артемия. Оттуда мы извлечём только самое необходимое. Артемий Петриловский умер в декабре 1669 года в Верхотурье во время поездки в Москву с государственной соболиной казной. С этим событием связан весьма интересный документ:

«178 [1670] году, февраля в 8 день, бил челом великому государю [А.М.] Соли Вычегоцкой Алексинского стану крестьянин Ефимко Петриловской, а в Сибирском приказе окольниковому Родиону Матвеевичю Стрешневу да дьяком Григорью Порошину, да Лву Ермолаеву подал челобитную. А в челобитной пишет:

Царю [А.М.] бьёт челом твой государев сирота, Соли Вычегоцкой уезда Алексинского стану крестьянин Евфимко Филипов Петриловской.

Жалоба, государь, мне, сироте твоему, Сибирской земли Якутцкого острогу на служилого человека на Завьяла Калинина.

По твоему великого государя указу шёл брат мой родной атаман казачей Артемей Филипов Петриловской за твоею великого государя якутскою казною к Москве с ним, Завьялом. И идучи, государь, дорогою, заложил брат мой ему, Завьялу, свою кабалу в десяти рублех в вере. А та, государь, кабала на московского жильца во сте пятидесяти рублех. И тот Завьял брата моего кабалою владеет. А мне, сироте твоему, не отдаёт. <...>

Вели, государь, тому Завьялу закладную кабалу брата моего покойного отдать мне, сироте твоему, на выкуп»⁵³.

Для нас важно, что Ефимко Петриловский указал своё местожительство – Алексинский стан. Но не указал название деревни. Алексинский стан находился в Сольвычегодском уезде. К счастью, сохранилась писцовая книга Соли Вычегодской за 1678 год. А там записано:

«Деревня Петрилово.

Двор – Ивашко Филипов сын Кривошапкин да Гришка Микифоров Кривошапкин же.

Двор – Лёвка Микитин сын Кривошапкин. У него половник Ивашко Григорьев.

Двор – Ивашко Семёнов сын Кривошапкин. У него братья: Андрюшка двенадцати годов, Спирька шти годов.

Двор – Елфимко Филипов сын Кривошапкин. У него детей: Анисимко тринадцати годов, Алёшка шти годов, Фетька четырёх годов»⁵⁴.

Получается, что настоящая фамилия Елфимки Филипова не Петриловский, а Кривошапкин. Значит, Артемий Филипов тоже не Петриловский, а Кривошапкин. У Ерофея Хабарова тоже иногда писали фамилию по его деревне Святице – Святицкий.

Если пойти вглубь веков, то сохранились ещё пять книг, в которых переписаны жившие в деревне Петрилово крестьяне. Это книги за 1647, 1646, 1645, 1625 и 1620 годы. Поэтому полезно проследить, как изменялась там обстановка.

В писцовой книге 1647 года Сольвычегодского уезда записан отец Артемия Петриловского и имена других родственников Хабарова.

«Деревня Петрилова, а в ней крестьяне:

Двор – Филька Родионов сын, прозвище Кривошапкин. У него детей: Мишка да Максимко, да Елька (Елфимко. – Г.К.), да Ивашко трёх лет. А у Мишки сын Ивашко дву лет.

Двор – Тараско Родионов сын Кривошапкин. У него детей: Фетька осми лет, да Гришка трёх лет.

Двор – Микитка Родионов сын Кривошапкин. У него детей: Сенька да Лёвка, году»⁵⁵.

Филька Родионов Кривошапкин – отец Артемия Филипова Петриловского. Так как Артемий Петриловский был племянником Ерофея Хабарова, необходимо, чтобы его отец был братом Ерофея, или же его мать была сестрой Еро-

фея. Отец не подходит, подходит мать. Получается, что Филька Родионов Кривошапкин был женат на сестре Ерофея Хабарова, имя которой неизвестно. А Тараско Родионов и Микитка Родионов – братья отца Артемия Петриловского. Все дети Фильки Родионова Кривошапкина – племянники Ерофея Хабарова.

В писцовой книге Сольвычегодского уезда от 25 марта 1646 года записано:
«Деревня Петрилово, а в ней крестьяне:

Двор – Филька Родионов з детьми: с Никиткою, с Максимком да с Евдокимком (Елфимком. – Г.К.) осми лет. Да на том же дворе в другой избе – брат ево Тараско с сыном с Фетькою семи лет.

Двор – Микитка Родионов с сыном Семейкой осми лет. Да у него половник Фетька Протасов»⁵⁶.

В писцовой книге Соли Вычегодской за 153 (1645) год записано:

«Деревня Петрилово, а в ней крестьяне:

Двор – Филька Родивонов з детьми с Мишкою да с Максимком, да з братом с Тараском,

Двор – Микитка Родивонов с сыном с Сенькою»⁵⁷.

Ни в одной из этих книг Артемий Филипов Петриловский не записан. Значит, можно полагать, что по крайней мере в 1645 году он уже был на Лене.

В писцовой книге 1625 года записано:

«Деревня Петрилово, а в ней:

Двор – Родька Омельянов сын Кривошапкин з детьми с Мишкою да с Тараском. Владеют по купчей 77 [1569] года по данной, по мирской, 92 [1592] году.

Двор – вдова Маланьца, Петровская жена Кривошапкина, с сыном Осипком»⁵⁸.

Таким образом, мы добрались до деда Артемия Петриловского – Родьки Омельянова сына Кривошапкина. Упомянутый здесь Пётр Кривошапкин, вероятно, был его братом. А имя прадеда Артемия Петриловского было Омельян.

Наконец, в самой ранней из сохранившихся книг, 1620 года, также есть запись о крестьянах деревни Петрилово. И хотя она мало нового добавляет к книге 1625 года, всё-таки приведём её:

«Деревня Петрилово, а в ней:

Двор – Родька Омельянов сын Кривошапкин.

Двор – вдова Маланьца, Петровская жена Кривошапкина»⁵⁹.

После издания книги «Ерофей Павлович Хабаров» мною были обнаружены две купчие Кривошапкиных в фонде 159 (Приказные дела новой разборки). За 1621 год – список с купчей Родиона Емельянова Кривошапкина на четверть деревни Илейцыно: «Се яз, Родион Емельянов сын Кривошапкин, купил есми у Федосьи Матфеевы дочери Башарина, у Савинские жены Сеницына, да у сына её, у Фёдора Савина сына Сеницына, четверть деревни Илейцина з двором и з дворищем. <...> Лета 7130 [1621], ноября 23 день»⁶⁰.

И ещё есть список с купчей отца Родиона Кривошапкина, Емельяна Игнатъева Кривошапкина, относящийся к 1569 году. Это уже прапрадед Артемия Филипова Петриловского. «Се яз, Емельян Игнатъев сын Кривошапкин, купил есми у Никиты у Дмитреева сына у Митюкова четверть земли Петриловские без двора и без дворища. <...> Лета 7077 [1569] году, августа в 29 день»⁶¹.

В документах о взыскании долга с Ерофея Хабарова за амурский поход упоминается ещё один его племянник. Летом 1661 года Хабаров подавал челобитную Фёдору Пущину о выдаче ему займы железа: «Велите, государи, дать пуд железа займы. А цену тому железу, что ты укажешь». Даты на челобитной нет, и не сам Хабаров её подписывал. Отпись за получение этого железа дал племянник Хабарова, и на отписи есть дата:

«Се яз, Киренские волости пашенной крестьянин Ивашко Иванов Кляпиков, принял есми из государевы казны на Чечуйском волоку у сына боярского, у Фёдора Пущина, по приказу дяди своего Ярофея Хабарова, железа кричного пуд против ево, Ярофеева, к великому государю челобитью, какову он, Ярофей, за своею рукою подал челобитную об том железе ему, Фёдору Пущину. <...> 7169 [1661] году, июля в 23 день»⁶².

Ивашко Иванов Кляпиков (Клепиков) – это уже второй после Артемия Петриловского племянник Хабарова на реке Лене. К сожалению, о нём мало что известно. Впервые он упомянут в 1658 году, как пашенный крестьянин в деревне Таюра, на правом берегу Лены, в 80 километрах ниже Усть-Кута. В 1659 году о нём сказано, что «Ивашко переведён в Усть-Киренскую волость на выбылое место». Об этом писал в Москву илимский воевода П.А. Бунаков: «Да на выморное, государи, место призвал я, холоп ваш, промышленово человека Ивашка Иванова и на вдове, пашенново крестьянина жене, женил и в пашню построил»⁶³.

Почему-то воевода назвал его промышленным человеком: может быть, потому, что в Таюре он пробыл в пашенных крестьянах совсем недолго. При сличении крестьянских книг получается, что Ивашко Клепиков был переведён в ныне исчезнувшую деревню Горбову, на правом берегу Лены, в десяти километрах выше Чечуйска. А выбыл из этой деревни пашенный крестьянин Игнашка Тимофеев Подставка, ссыльный черкашенин. Видимо, на его вдове и женился Ивашко Клепиков. Так как он жил рядом с Чечуйском, ему и поручил получить железо Хабаров. У Ивашки Клепикова был сын Якунька. В одном из документов он тоже назван племянником Ерофея Хабарова⁶⁴, хотя он не племянник, а сын племянника. А больше никаких сведений нет. Фамилия Клепиков и сейчас встречается на Лене.

Как видим, раньше не особенно заботились, чтобы записать истинное родство. Но Ивашко Иванов Клепиков называет Ерофея Хабарова своим дядей. С этим надо считаться. А если Ивашко Иванов Клепиков был истинным племянником Ерофея Хабарова, то у Ерофея была вторая сестра, которая была матерью Ивашки Иванова Клепикова. Одну сестру мы уже упомянули – это мать Артемия Филиппова Петриловского. Таким образом, в результате выявления и сличения разнообразных документов удалось существенно расширить представления о родственных связях Ерофея Павловича Хабарова.

¹ Полный текст купчей см.: Красноштанов Г.Б. В поисках родины Ерофея Хабарова // Двинская земля. Вып. 6. Котлас, 2010. С. 20–22.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 141. Оп. 2. Д. 99. 1645 г. Л. 35.

- ³ Красноштанов Г.Б. В поисках родины Ерофея Хабарова // Двинская земля. Вып. 6. Котлас, 2010. С. 21.
- ⁴ Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. Кн. 1. СПб., 1869. С. 280.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 506. Л. 381, 388–388 об.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 506. Л. 393.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 449. Л. 223.
- ⁸ Здесь и далее инициалами в квадратных скобках заменено громоздкое официальное титулование русских царей: Михаила Фёдоровича или Алексея Михайловича.
- ⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 61. Л. 3–3 об.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 61. Л. 13.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 61. Л. 14–15.
- ¹² РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 6. Л. 33–33 об., 42 об.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Д. 12. Л. 9.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг Великий. Д. 214. Л. 116 об.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15040. Л. 465 об.
- ¹⁶ Цит. по: Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 24.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 71. Л. 85.
- ¹⁸ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1847. Т. 27. № 105. С. 54.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 28. Л. 5.
- ²⁰ Цит. по: Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983. С. 86.
- ²¹ Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 3. II. Материалы. Вологодские акты 1500–1684 гг. СПб., 1864. С. 5–8.
- ²² Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. Ч. 5. М., 1813. С. 646–648.
- ²³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 541. Л. 250–250 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 449. Л. 236–236 об.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15052. Л. 248 об.
- ²⁶ Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 60–65.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Д. 79. Л. 655–656.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 350. Л. 3 об.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 31. Л. 41.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 214. Ст. 381. Л. 92.
- ³¹ РГАДА. Ф. 214. Ст. 381. Л. 96 об.
- ³² РГАДА. Ф. 214. Кн. 95. Л. 823–823 об.
- ³³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 127. Л. 358 об.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 9. Л. 66.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 43. Л. 21.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. I. Д. 174. Л. 1.
- ³⁷ Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 115–124.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 171. Л. 6.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 310. Л. 8.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Д. 2690. Л. 23.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. V. Д. 3231. Л. 1–2.
- ⁴² РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. Д. 288. Л. 3.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 214. Ст. 319. Л. 148 об.–149.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Д. 46. Л. 26.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Л. 205.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Ст. 360. Л. 507.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Л. 209.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 306. Л. 507.

-
- ⁴⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 310. Л. 8.
⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 577. Л. 73 об.
⁵¹ Сафронов Ф.Г. Ерофей Хабаров. Хабаровск, 1983. С. 79–80.
⁵² РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Ч. I. Л. 82–83.
⁵³ РГАДА. Ф. 214. Ст. 348. Л. 308–309.
⁵⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15053. Л. 100об.–101.
⁵⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15052. Л. 277.
⁵⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15058. Л. 56.
⁵⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 451. Л. 265.
⁵⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 449. Л. 236–236 об.
⁵⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15039. Л. 178.
⁶⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 530. 1624 г. Л. 292.
⁶¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 530. 1624 г. Л. 292.
⁶² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Д. 1393. Л. 35–36.
⁶³ РГАДА. Ф. 214. Ст. 470. Л. 367.
⁶⁴ Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 642.

А.В. Кузнецов

ФАМИЛИИ С НАРОДНЫМИ ПРОЗВИЩАМИ В ОСНОВЕ У ЖИТЕЛЕЙ ПОСАДА СОЛИ ВЫЧЕГОДСКОЙ (ПО ПЕРЕПИСИ 1710 ГОДА)

Термины «личное имя» и «прозвище» в XV–XVII веках употреблялись во многом на равных правах, были по смыслу близки друг другу. Часто очень трудно различить, какое личное имя или прозвище давалось человеку в младенчестве, а какое имя (прозвище) он получал в течение последующей жизни. Кроме того, один человек в старину мог носить сразу несколько народных имён (прозвищ), которые в разные периоды жизни употреблялись на разных уровнях и на разных правах. Наконец, имена (прозвища) у человека могли меняться с течением времени.

Предлагалось выделить всего две категории личных имён: внутрисемейные и прозвищные¹, однако такое деление выглядит довольно условным. В своё время ещё Н.М. Тупиков задался вопросом: «Как различать личные имена и прозвища?». Проанализировав многочисленные случаи употребления тех и других, он пришёл к выводу: «какие имена и когда переходили в прозвище, решить невозможно»². Всё это заставляет автора придерживаться в данной статье обобщающего термина «народные имена (прозвища)» для всей категории личных собственных обиходных русских антропонимов. Как отмечают исследователи, «число их практически могло быть безграничным»³.

Реально выделяются две крупные группы народных имён (прозвищ) – деловые, то есть связанные с профессиями и ремёслами (например: *Корзник, Поршенник*), а также производные от географических названий, или катойконимы (например: *Вилежанин, Пермогорец*). «Отечественные, или родину значащие, имена» – так называл последнюю группу онимов М.В. Ломоносов в § 231 своей «Российской грамматики». Тот факт, что в дальнейшем от них возникали отече-

ства (*Корзников, Поршенников, Вилежанинов, Пермогорцев*) – будущие фамилии, свидетельствует о том, что эти две группы народных имён (прозвищ) находились в русле единого русского именотворчества XV–XVII веков.

В русском антропонимиконе выделяется также группа народных имён (прозвищ), связанных с охранной функцией имени. Обычно к ним относят онимы типа *Дурак, Волк, Некрас, Нелюб* и др. Однако бывает сложно провести грань между охранной функцией и обычным значением, отражающим личные качества и особенности человека (скрытая или вторичная семантика). Объективно существует и группа внутрисемейных народных имён (прозвищ), которые давались ребёнку в самом раннем детстве. К ним относятся, например, *Первушка, Третьяк, Девятый, Томило, Баженко, Ждан, Поздейка* и др.

Многие народные имена (прозвища) связаны с наименованиями одежды, обуви, продуктов питания и кушаний простого народа, либо с наименованиями деревьев, трав, птиц, зверей, а также с особенностями погоды и временами года. В большинстве своём такие антропонимы тоже несут в себе скрытую личностную семантику, но она выявлена далеко не для всех онимов подобного типа.

В XVI–XVII веках началось формирование семейных именованных русских людей, которые в петровские времена вместо понятий «отчество/отечество» или «семейное прозвище/прозвание» попали под заимствованное определение «фамилия». Если сравнить материалы четырёх- или пятивековой давности с современными фамилиями жителей Русского Севера (по телефонным справочникам, спискам избирателей, «Книгам памяти участников Великой Отечественной войны» и иным массовым источникам XX–XXI веков), мы обнаружим явную и широкую преемственность этого типа онимов. Правда, в одном из современных научно-популярных словарей русских фамилий без обиняков утверждается: «У государственных крестьян – например, на севере – фамилии были уже в XVIII веке. Встречаются даже единичные случаи крестьянских фамилий в XVII столетии»⁴. Автор этого утверждения, видимо, не владеет материалом: в старинных документах тысячи соответствий отчеств XVI–XVII веков современным фамилиям жителей Вологодской и Архангельской областей. Не важно, как этот тип онимов в старину именовали государственные чиновники; важнее, что отчества XV–XVII веков уже передавались по наследству, а значит, были настоящими семейными прозваниями (фамилиями).

Конечно же, церковные имена в XVI–XVII веках уже преобладали среди антропонимикона жителей посада Соли Вычегодской и Усольского (Сольвычегодского) уезда, но и старинные традиции именованья ребёнка или взрослого человека по образу и подобию предметов и явлений окружающего мира были ещё очень живучи. Вот ряд примеров таких парных имён и народных прозвищ: Мороз Афанасьев, Незговор Васильев, Гость Гаврилов, Безсон Силюянов, Осип Ноздря, Зима Иванов, Иван Худоржой, Яков Шиш, Иван Балда... Следует отметить, что в XVII веке такого понятия, как «фамилия», ещё не существовало. Ни в каких источниках этого периода данное слово не встречается. Термин «фамилия» пришёл в русский язык только в начале XVIII столетия, при Петре Первом. Он был заимствован из немецкого языка через посредство польского, в первоначальном значении «семья»⁵. Древнейшие же истоки данного слова

имеются в латинском языке, где «familia» во времена Римской империи означало семейную хозяйственно-юридическую единицу, куда помимо членов семьи входили принадлежащие им рабы.

В старину на Руси вместо понятия «фамилия» употреблялись иные слова: «прозвище», «прозвание», «отчество», «отечество». Документы допетровского времени пестрят такими фразами, как «во дворе крестьянин Федотко Фадеев сын прозвищем Чурилов» (с отчеством и семейным прозвищем), «Павел Григорьев сын» (с отчеством, но без прозвища), «Семен Иванов сын, а прозвище Голик» (с отчеством и личным прозвищем). В царских указах о переписях населения (дозорах) в XVII веке строго предписывалось заносить сведения о человеке «по имени, с отцы и с прозвищи»⁶. «Прозвищи» в данном случае – аналог будущим фамилиям.

Привычное теперь окончание отчеств на *-ич* распространилось в крестьянской среде на Русском Севере лишь в начале XX века, а особенно – при советской власти. Раньше *Васильевичами*, *Проконьевичами*, *Ивановичами* звались только знатные и богатые люди, так называемые «лучшие»; а «средние» и «худые» по достатку права на окончание *-ич* не имели. Поэтому изначально отчества заканчивались на *-ов* и *-ин*, а затем эти окончания перешли в большинство русских фамилий, как свидетельство их происхождения от отчеств.

В данной статье в качестве источника использованы архивные материалы переписной книги города Сольвычегодска с уездом, переписи стольника Ивана Романовича Цымерманова 1710 года⁷. В ней фамилии присутствуют у большинства жителей посада Соли Вычегодской и крестьян многочисленных уездных деревень. Фамилии тогда уже передавались по наследству от отца к сыновьям, в чём и состояло их главное отличие от более ранних отчеств и прозвищ. Данная статья посвящена сольвычегодским фамилиям, в основу которых положены народные прозвища. В качестве источников русской диалектной лексики, привлечённой для этимологизации основ фамилий, использовались «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (далее – Д) и научно апробированные издания: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (далее – СРЯ, выпущен на литеры А – У), «Словарь русских народных говоров» (далее – СРНГ, также на литеры А – У), «Словарь вологодских говоров» (далее – СВГ)⁸. Привлечение последнего обусловлено тем, что на карте диалектного членения русского языка Сольвычегодский район отнесён к группе вологодско-вятских наречий⁹.

Сольвычегодские фамилии начала XVIII века с народными прозвищами в основе даются ниже в алфавитном порядке. После фамилии в скобках идёт указание на лист переписной книги 1710 года¹⁰, а далее восстанавливается её основа в виде народного прозвища (со значком *), толкование которого представлено с опорой на лексику из приведённых выше словарей. Ссылки на словари выполнены в виде аббревиатур их названий, с указанием номера тома и соответствующей страницы. Помимо приведённых, возможны и другие трактовки прозвищ.

* * *

Башмаков (л. 30), от прозвища *Башмак, ср. *башмак* – «кожаная обувь» или «путы, капкан» (Д 1: С. 56; СРНГ 2: С. 165). Так могли прозвать человека, носившего башмаки.

Бебяков (л. 18 об.-2), от прозвища *Бебяк, ср. *бебех* – «удар», *бебехать* – «ударять чем-либо тяжёлым»; *бебехи* – «внутренности, кишки» (СРНГ 2: С. 168). Возможно, Бебяком могли прозвать человека с толстым животом.

Белоногов (л. 18-2), от прозвища *Белоногий, ср. *белоногий* – «у кого белые ноги» (Д 1: С. 157).

Белослудцов (л. 26 об.), от прозвища *Белослудец, ср. *белослудец* – «выходец из волости Белая Слуда Устюжского уезда на реке Северная Двина»¹¹.

Белоусов (л. 18-2), от прозвища *Белоусый, ср. *белоусый* – «имеющий светлые усы» (СРЯ 1: С. 136).

Бояркин (л. 21 об.), от прозвища *Боярка, ср. *боярка* – «обедневший дворянин; приживатель» или «ягода боярышника» (Д 1: С. 121); а также «шапка, опушённая мехом, носимая мужчинами и женщинами»¹².

Бровин (л. 4), от прозвища *Брова, ср. *брова* – «волосяная дугообразная опушка над верхней окраиной глазной впадины» (Д 1: С. 130). Так могли прозвать человека с крупными бровями.

Брызгалов (л. 30 об.), от прозвища *Брызгало, ср. *брызгало* – «человек, который не выслушав, что ему говорят, спорит и ссорится; упрямый, несговорчивый» (СРНГ 3: С. 214).

Вакорин (л. 15 об.), от прозвища *Вакора, ср. *вакора* – «коряга, суковатый пенёк, кривулина лесная, малорослое дерево» или «человек, похожий на корягу» (Д 1: С. 161; СРНГ 4: С. 18).

Водолеев (л. 18 об.), от прозвища *Водолей, ср. *водолив* – «работник для наливки и отливки воды на соляных варницах» (Д 1: С. 220).

Гогунин (л. 15 об.), от прозвища *Гогуня, ср. *гогона* – «чучело, болван» или «непристойная песня, игра слов»; *гогун* – «громко кричащий петух» (Д 1: С. 363, 364; СРНГ 6: С. 265).

Гневашев (л. 31 об.), от прозвища *Гневаш, ср. *гневаши* – «сердитый, вспыльчивый человек» (Д 1: С. 362; СРНГ 6: С. 235).

Грибанов (л. 3), от прозвища *Грибан, ср. *грибаниться* – «хмуриться, становиться угрюмым»; *грибан* – «вечно чем-то недовольный человек» или «толстогубый» (Д 1: С. 391; СРНГ 7: С. 140).

Гробов (л. 26), от прозвища *Гроб, ср. *гроб* – «ящик в меру человека, для схоронения трупа его» или «кончина, смерть»; а также «глупый, ненормальный» либо «неуклюжий и сутулый мужик» (Д 1: С. 396; СВГ 1: С. 130).

Двинянинов (л. 29 об.), от прозвища *Двинянин, ср. *двинянин* – «выходец с берегов реки Северная Двина или из Двинского уезда»¹³.

Дерягин (л. 18), от прозвища *Деряга, ср. *деряга* – «пашня на расчищенном среди леса месте»; или «кто дерёт, скребёт»; а также «вздорный, сварливый человек; драчун» (Д 1: С. 432; СВГ 2: С. 20, 24; СРНГ 8: С. 32).

Долгополов (л. 13 об.), от прозвища *Долгопол, ср. *долгополый* – «с длинными полями (об одежде)» (Д 1: С. 461) или «поп в одежде с долгими полами»¹⁴.

Долгоштанов (л. 4), от прозвища *Долгоштан, ср. *долгий* – «длинный»; *штаны* – «мужское исподнее платье; портки, подштанники» (Д 1: С. 473; Д 4: С. 665). Долгоштан – кто носит долгие, не по размеру штаны.

Драчев (л. 14), от прозвища *Драч, ср. *драч* – «птица коростель» или «обидчик, драчун, грабитель; взяточник», а также «драчун, который никого не боится» (Д 1: С. 490; СРНГ 8: С. 176).

Дубровин (л. 20 об.), от прозвища *Дуброва, ср. *дуброва* – «заброшенное лесное сенокосное или пахотное угодье» или «растение девичья-краса» (Д 1: С. 497; СВГ 2: С. 20, 63). Дубровой могли прозвать также выходца из деревни Дуброва, каких на Русском Севере несколько.

Заморин (л. 24), от прозвища *Замора, ср. *замора* – «изнурение голодом; заморённый, измученный человек» (Д 1: С. 600).

Заякин (л. 17 об.), от прозвища *Заяка, ср. *заяка* – «заика»; *заякать* – «говорить о себе, бахвалиться» (Д 1: С. 670; СВГ 2: С. 163).

Звягин (л. 18), от прозвища *Звяга, ср. *звяга* – «докука, брюзга, безотвязный проситель; надоедливый, сварливый человек»; или «плакса, визгливый ребёнок» (Д 1: С. 674; СРНГ 11: С. 225).

Зуев (л. 26 об.), от прозвища *Зуй, ср. *зуй* – «птица кулик» или «задира, озорник, провор»; либо «ребёнок-шалун; хитрец, плут»; а также «бойкий человек, выскочка» (Д 1: С. 696; СРЯ 6: С. 69; СРНГ 12: С. 23-24).

Кадцин (л. 32), от прозвища *Кадца, ср. *кадца* – «небольшая кадь, обручная посуда на об одном дне» или «держак цепа; ударная часть била» (Д 2: С. 72; СВГ 3: С. 30, 31). Прозвище мог получить толстый человек небольшого роста.

Казаринов (л. 29), от прозвища *Казарин, ср. *казарин* – «хазарин»; *казары* – «тюркский народ, жители степной Хазарии»¹⁵. Прозвище могли дать опасному, лживому человеку.

Каргапольцов (л. 17-2), от прозвища *Каргаполец, ср. *каргополец* – «выходец из города Каргополь или из Каргопольского уезда»¹⁶.

Колокольников (л. 27 об.), от прозвища *Колокольник, ср. *колокольник* – «мастер, льющий колокола» (СРЯ 7: С. 250).

Коротанов (л. 19 об.), от прозвища *Коротан, ср. *коротеня* – «человек коротыш» (Д 2: С. 169).

Котельников (л. 20 об.), от прозвища *Котельник, ср. *котельник* – «ремесленник, изготавливающий и чинящий медные котлы и посуду» (Д 2: С. 178; СРЯ 7: С. 380).

Крестьянинов (л. 28), от прозвища *Крестьянин, ср. *крестьянин* – «крещёный человек; мужик, землепашец» (Д 2: С. 192; СРЯ 8: С. 50).

Кривонос (л. 25 об.), от прозвища *Кривонос, ср. *кривонос* – «человек с кривым носом или кто имеет нос с горбинкой» (Д 2: С. 194; СРЯ 8: С. 55).

Куимов (л. 31), от прозвища *Куим, ср. *куим* – «глухонемой; картавый; заяка» или «нелюдимый, застенчивый человек» (Д 2: С. 213; СВГ 4: С. 13; СРНГ 16: С. 29).

Курлаков (л. 20), от прозвища *Курлак, ср. *курлявый* – «кудрявый»; *курлук* – «кто вечно кричит» (Д 2: С. 223; СРНГ 16: С. 131, 132).

Мезенцов (л. 3), от прозвища *Мезенец, ср. *мезенец* – «выходец с берегов реки Мезень, впадающей в Белое море, или из Мезенской волости (позднее – Мезенского уезда)»¹⁷.

Мохнаткин (л. 19 об.-2), от прозвища *Мохнатка, ср. *мохнатка* – «рукавица шерстью наружу, волчья или собачья»; или «обросший густой шерстью, волосатый человек; космач» (СРЯ 9: С. 280; Д 2: С. 352; СРНГ 18: С. 310).

Мохов (л. 29), от прозвища *Мох, ср. *мох* – «пресмыкающееся растение» или «моховое болото»; а также «морщины или растительность на лице» (Д 2: С. 352; СРНГ 18: С. 309).

Мужилов (л. 27), от прозвища *Мужило, ср. *мужило* – «муж, супруг» (СРНГ 18: С. 334).

Мызгунов (л. 18 об.-2), от прозвища *Мызгун, ср. *мызгать* – «бегать, ходить взад-вперёд без дела; шататься, слоняться» или «суетиться» (СРНГ 19: С. 50).

Неволин (л. 30), от прозвища *Неволя, ср. *неволя* – «несвобода, зависимость; принуждение» (Д 2: С. 506; СРЯ 11: С. 57-58).

Неклюдов (л. 18 об.-2), от прозвища *Неклюд, ср. *неклюдимый* – «нелюдимый, недоступный, несговорчивый»; *нехлюдок* – «нескладный, неуклюжий человек» (Д 2: С. 521; СРНГ 21: С. 59).

Немтинов (л. 31 об.), от прозвища *Немтин, ср. *немтовать* – «калякать, болтать, лепетать невнятно»; *немта* – «немой человек» (Д 2: С. 563; СРНГ 21: С. 87).

Огибалов (л. 21 об.), от прозвища *Огибало, ср. *огибала* – «льстец, подлиза, пролаз, ловкий плут» (Д 2: С. 571; СРНГ 22: С. 313).

Оглоблин (л. 3 об.), от прозвища *Оглобля, ср. *оглобля* – «жердь» или «долговязый, неуклюжий человек» (СРНГ 22: С. 317). Оглоблей также могли прозвать ямщика, который занимался извозом.

Ожегов (л. 27 об.), от прозвища *Ожег, ср. *ожгать* – «быстро пройти, пробежать»; *ожег* – «средний палец на руке» или «кочерга» (Д 2: С. 580; СВГ 6: С. 37; СРНГ 23: С. 74), или «беспринципный, пронырливый человек», а также «долговязый»¹⁸.

Опухляков (л. 3), от прозвища *Опухляк, ср. *опухляк* – «толстяк» или «лентяй» (СРНГ 23: С. 317).

Осколков (л. 16), от прозвища *Осколок, ср. *осколок* – «отломок, щепка, черепок» или «невысокий, худощавый человек» (Д 2: С. 697; СРНГ 24: С. 10).

Острецов (л. 28 об.), от прозвища *Острец, ср. *острец* – «трава пырей; осока» или «окунь; ёрш» (Д 2: С. 706; СРНГ 24: С. 78-79); а также «резкий, колкий человек»¹⁹.

Отрясывальников (л. 15 об.), от прозвища *Отрясывальник, ср. *отрясать* – «стряхивать, трясти»; *отрясыватель* – «кто отрясает что-то» (Д 2: С. 753, 754). Отрясывальником могли прозвать человека, занятого вытрясыванием мучных остатков из мешков.

Охлопков (л. 19 об.-2), от прозвища *Охлопок, ср. *охлопок* – «клок пакли, вычески, негодные для пряжи» или «парень, неженатый мужчина»; а также «очень плохой человек» (Д 2: С. 631; СРНГ 25: С. 35) либо «последыш в семье»²⁰.

Ошмарин (л. 16 об.), от прозвища *Ошмара, ср. *ошмара* – «палица или большой кистень для обороны в дороге»; *ошморить* – «охлеснуть, огреть, больно ударить» (Д 2: С. 779; СРНГ 25: С. 92); или «толстый, глупый человек»²¹.

Ошурков (л. 13), от прозвища *Ошурок, ср. *ошурки* – «вытопки сала; остатки, подонки» или «стружки, кожа от чего-либо» (Д 2: С. 779); либо «последний ребёнок в семье»²².

Паламудов (л. 32), от прозвища *Паламудый, ср. *паламуд, полонудый* – «неряха, кто ходит в рваной одежде (с полыми, открытыми мудами)»²³.

Пивоваров (л. 27 об.), от прозвища *Пивовар, ср. *пивовар* – «кто умеет варить пиво и продаёт его» (СРЯ 15: С. 44; Д 3: С. 116).

Плутов (л. 18 об.-2), от прозвища *Плут, ср. *плут* – «ловкий обманщик, мошенник; бездельник; надувала» (Д 3: С. 132).

Поплевин (л. 3), от прозвища *Поплева, ср. *поплев, поплевание* – «поругание, посрамление, посмеяние»; *поплевка* – «мелкая костлявая рыба» (Д 3: С. 301; СРЯ 17: С. 88). Поплевой могли прозвать посрамлённого чем-то человека, либо маленького, костлявого на вид.

Портнягов (л. 18 об.-2), от прозвища *Портняга, ср. *портняга* – «портной» (СРНГ 30: С. 96).

Преснодоев (л. 31), от прозвища *Преснодой, ср. *преснодой* – «кто подоил чужую корову» (СРНГ 31: С. 92).

Притчин (л. 15 об.), от прозвища *Притча, ср. *притча* – «внезапный, неожиданный случай» или «внезапная болезнь; порча, сглаз», а также «проказливый, озорной человек» (Д 3: С. 452; СРНГ 32: С. 33).

Пролебников, Пролубников (л. 30), от прозвища *Пролебник, *Пролубник, ср. *пролубник* – «содержатель портомойной проруби на реке и сборщик соответствующих налогов» (Д 3: С. 506).

Рукавишников (л. 3 об.), от прозвища *Рукавишник, ср. *рукавичник* – «кто промышляет шитьём и продажей на торгу рукавиц» (Д 4: С. 111; СРЯ 22: С. 244).

Рыбкин (л. 27 об.), от прозвища *Рыбка, ср. *рыбка* – «маленькая рыба» (СВГ 9: С. 75; СРНГ 35: С. 292-293). Прозвище могли дать худому человеку маленького роста.

Серков (л. 31), от прозвища *Серко, ср. *серый* – «сизый, седой»; *серко* – «лошадь серой масти» (Д 4: С. 381); или народный вариант мужских церковных имён Сергей, Серафим, Серр²⁴.

Сигов (л. 2 об.), от прозвища *Сиг, ср. *сиг* – «рыба, близкая к роду белорыбицы» или «прыжок» (Д 4: С. 181; СРНГ 37: С. 276). Возможное толкование прозвища – тот, кто скачет, прыгает во время ходьбы.

Сидякин (л. 3), от прозвища *Сидяка, ср. *сидяка* – «человек, утративший способность ходить, двигаться» или «ребёнок, который ещё не умеет ходить»; а также «нищий, калека, не способный двигаться» (СРНГ 37: С. 292).

Силкин (л. 32 об.), от прозвища *Силка, ср. *силка* – «физическая сила человека»; *за силку забрать* – «приобрести вес, влиятельное положение» (СРНГ 37: С. 308).

Смертогонов (л. 3 об.), от прозвища *Смертогон, ср. *смерть* – «конец жизни, кончина, умирание»; *гон* – «гнание» (Д 4: С. 238; 1: С. 384). Прозвище могли дать старому человеку, который долго живёт.

Снуров (л. 27 об.), от прозвища *Снур, ср. *снур* – «шнур, шнурок» или «украшение в виде шелкового шнура с бисером и бахромой»; *снура* – «глупый че-

ловец»; *снурать* – «ругать, бранить» (СРНГ 39: С. 133). Из приведённой лексики для прозвища больше всего подходит значение «глупый человек».

Сокольников (л. 26), от прозвища *Сокольник, ср. *сокольник* – «соколиный охотник, приставленный к ловчим птицам для ухода за ними, обучения и для охоты» или «крестьянин, несший тягло в форме обязанности поставлять соколов» (Д 4: С. 262; СРЯ 26: С. 120).

Солоницын (л. 42 об.-2), от прозвища *Солоница, ср. *солоница* – «сосуд для держания соли на столе» или «лицо человека» (Д 4: С. 268; СРНГ 39: С. 300). Прозвище могли дать человеку с широким лицом.

Соскин (л. 28), от прозвища *Соска, ср. *соска* – «сосок на женской груди» или «замена младенцу груди матери» (Д 4: С. 277; СРЯ 26: С. 191); а также народный вариант мужских церковных имён Сосий, Сосипатр²⁵.

Старожилов (л. 3 об.), от прозвища *Старожил, ср. *старожил* – «коренной житель» или «человек преклонного возраста» (Д 4: С. 318; СРНГ 41: С. 81).

Стрижиков (л. 24), от прозвища *Стрижик, ср. *стрижак* – «кто ходит в короткой стрижке, в немецкой, нерусской»; *стрижек* – «перегодовалый жеребёнок» (Д 4: С. 340; СРНГ 42: С. 5, 6).

Строганов (л. 17-2), от прозвища *Строганный, ср. *строганный* – «красивого телосложения» или «о человеке в обтягивающей одежде», а также «культурный, светский» (СРНГ 42: С. 12).

Сумороков (л. 42-2), от прозвища *Суморок, ср. *суморок* – «сумерки, ни свет, ни тьма; хмурый, сумрачный человек»; *суморочный* – «пасмурный» (Д 4: С. 233; СВГ 10: С. 158) или родившийся в сумерках²⁶.

Телятев (л. 18), от прозвища *Телять, ср. *телятко* – «телёнок» (СВГ 11: С. 12, 13). Телятью могли прозвать молодого, неопытного, глупого человека.

Трубачев (л. 3 об.), от прозвища *Трубач, ср. *трубач* – «птица выпь» или «человек, играющий на трубе» (Д 4: С. 436); а также «работник на рассолоподъёмной трубе»²⁷.

Уфтюжанинов (л. 13), от прозвища *Уфтюжанин, ср. *уфтюжанин* – «выходец с берегов реки Уфтюга, правого притока Двины, или из Уфтюжской волости Устюжского уезда»²⁸.

Хайминов (л. 19), от прозвища *Хаймин, ср. *хайма* – «нечистота, грязь»; *хаймить* – «кричать, вздорить» (Д 4: С. 541; СРНГ 49: С. 243). Так могли прозвать человека, живущего в нечистотах, либо крикуна, вздорного по характеру.

Холкин (л. 21), от прозвища *Холка, ср. *холка* – «сустав; щиколотка, ступня» (СВГ 11: С. 199); или «бедро у ноги»²⁹.

Хохряков (л. 14), от прозвища *Хохряк, ср. *хохряк* – «горб, шишка» или «хилый и слабый, тщедушный человек»; а также «кто горбится, ёжится» (Д 4: С. 563).

Цыренников (л. 17 об.-2), от прозвища *Цыренник, ср. *цыренник* – «кузнец, что изготавливает црены для выпаривания соли»³⁰.

Часовиков (л. 21 об.), от прозвища *Часовик, ср. *часовик* – «часовой мастер» или «обслуживающий городские часы» (Д 4: С. 584).

Черепанов (л. 32 об.), от прозвища *Черепан, ср. *черепан* – «кто изготавливает кирпичи или глиняные горшки и торгует ими; горшечник, гончар» (Д 4: С. 593).

Чувикалов (л. 28 об.), от прозвища *Чувикало, ср. *чувичка* – «рукавица»; *чувыканье* – «звуки, характерные для глухаря, тетерева» (СВГ 12: С. 50). Чувикалом могли прозвать человека, говорившего невнятно, шепеляво.

Шабалин (л. 3 об.), от прозвища *Шабала, ср. *шабала* – «отвал у плуга» или «голова, башка»; а также «бестолковый пустомеля, врун» или «человек-шатун» (СВГ 12: С. 58; Д 4: С. 617).

Шамов (л. 29), от прозвища *Шам, ср. *шам* – «отбросы, мусор» или «отходы при обработке пшеницы, ржи» (СВГ 12: С. 66). Прозвище мог получить ничтожный или униженный человек.

Швецов (л. 29 об.), от прозвища *Швец, ср. *швец* – «портной мастер» или «сапожник»³¹.

Шерстобитов (л. 22), от прозвища *Шерстобит, ср. *шерстобит* – «кто бьёт, треплет, пушит шерсть» (Д 4: С. 630).

Шехардин (л. 19-2), от прозвища *Шехарда, ср. *чехорда* – «игра, где прыгают друг через дружку»; *чехор* – «драчун, буян, забияка» (Д 4: С. 621).

Шигаев (л. 30), от прозвища *Шигай, ср. *шига* – «отъявленный бездельник, продувной выжига» (Д 4: 632).

Ширяев (л. 4), от прозвища *Ширяй, ср. *ширяй* – «плотный, широкий в плечах или груди» или «живущий с размахом человек» (Д 4: С. 634).

Ярославцов (л. 21 об.), от прозвища *Ярославец, ср. *ярославец* – «выходец из города Ярославль на реке Волге или из Ярославской земли»³².

¹ Чайкина Ю.И. Именования вологжан в первой половине XVII в. // Историческое краеведение и архивы. Вып. 14. Вологда: Полиграфист, 2007. С. 22.

² Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М.: Русский путь, 2004. С. 16.

³ Унбегаун Б. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 13.

⁴ Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М.: АСТ: Астрель, 2001. С. 4.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. СПб.: Азбука, 1996. С. 184.

⁶ Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1991. С. 158.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1082, 1082. Часть книги опубликована: Пономарев И.[С.] Сборник материалов для истории г. Лальска Вологодской губ. Т. 1. С 1570 по 1800 год. Великий Устюг, 1897. С. 103-114. Полный текст см.: http://census1710.narod.ru/perepis/1209_1_1083.htm (дата обращения 07.03.2021).

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. СПб., М., 1880; Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–30... М.: Наука, 1975–2015...; Словарь русских народных говоров. / Под ред. Ф.П. Филина. Т. 1–46... – Л., СПб.: Наука, 1965–2013...; Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

⁹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 68.

¹⁰ Отсылки в виде (л. 12) относятся к первой части книги (Д. 1082. Л. 1–32), отсылки в виде (л. 15-2) относятся ко второй части книги (Д. 1082. Л. 1–839).

¹¹ Писцовые книги Русского Севера. / Сост. Н.П. Воскобойникова и др. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 347.

¹² Ганжина И.М. Указ. соч. С. 73.

¹³ Словарь названий жителей СССР. / Под ред. А.М. Бабкина, Е.А. Левашова. М.: Русский язык, 1975. С. 466.

¹⁴ Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 150; Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 69.

¹⁵ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 256; Ганжина И.М. Указ. соч. С. 229.

¹⁶ Словарь названий жителей СССР... С. 30.

¹⁷ Писцовые книги Русского Севера... С. 34, 272; Словарь названий жителей СССР... С. 31, 460.

¹⁸ Федосюк Ю.А. Указ. соч. С. 146.

¹⁹ Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М.: Эксмо, 2006. С. 262.

²⁰ Федосюк Ю.А. Указ. соч. С. 150.

²¹ Кюршунова И.А. Указ. соч. С. 403.

²² Федосюк Ю.А. Указ. соч. С. 150.

²³ Кузнецов А.В. Народный именованье Русского Севера XV–XVII веков. Ч. 2. Вологда: ВОУНБ, 2020. С. 26.

²⁴ Суперанская А.В. Указ. соч. С. 299.

²⁵ Там же. С. 304.

²⁶ Там же. С. 309.

²⁷ Кюршунова И.А. Указ. соч. С. 544.

²⁸ Писцовые книги Русского Севера... С. 347.

²⁹ Грандилевский А.[Н.] Родина Михаила Васильевича Ломоносова: Областной крестьянский говор. СПб., 1907. С. 294.

³⁰ Кузнецов А.В. Указ. соч. С. 120.

³¹ Кюршунова И.А. Указ. соч. С. 606.

³² Словарь названий жителей СССР... С. 317.

Д.А. Пшеницын

НАСЕЛЕНИЕ КОТЛАСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ – СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ)

Настоящей статьёй автор продолжает серию публикаций по истории местности в районе современного города Котласа Архангельской области, используя документы XVIII в. Ранее был опубликован ряд неизвестных грамот о поселениях близ храма Николая Чудотворца и Архидиакона Первомученика Стефана по документам XVI в., материалы писцовых и переписных книг Устюжского уезда XVII в., а также документы первой и четвёртой ревизий 1719–1727 и 1782 гг.¹

В данной публикации будут представлены новые архивные демографические данные по Котласу XVIII в. Это материалы переписей населения, из них первый документ – ландратская перепись 1717 г., а также вторая и третья ревизии Устюжского уезда 1744–1747 гг. и 1762 г. Что показательно, в первом источнике отражено не только мужское, но и женское население; причём в последнем отмечены не только фамилии, но и сведения, откуда взяты невесты и в какую местность выданы дочери. Выявленные материалы являются планомерным продолжением исследовательской работы автора по этому региону.

Представленные сведения отражают государственную политику по учёту податного населения страны. После неудовлетворительных результатов подворной переписи 1710 г. Пётр I приказал провести в 1716–1717 гг. новую перепись населения – ландратскую (по названию особых должностных лиц²). Эта перепись является ценным источником в плане изучения демографии и миграций сельского населения, а также для исследования генеалогии разных сословий, так как отличается особой информативностью: указывались лица мужского и женского пола, их возраст, иногда отмечены место и причины прибытия или убытия, кто умер и в какое время. Особенно интересно, что в данном источнике приводилось сопоставление с данными двух предыдущих переписей – 1678 и 1710 гг.

Однако затея с подворными ландратскими переписями также провалилась в связи с большим недоучётом населения, и Пётр I решил провести новую перепись, где единицей обложения стала «душа мужского пола». Таким образом, появились ревизские сказки – документы именной переписи податного населения Российской империи. 26 ноября 1718 г. царским указом было велено собрать «сказки» (сведения) о количестве душ в каждом населённом пункте³, а последующим указом Петра I от 22 января 1719 г. *«ради расположения армейских полков на крестьян всего государства»* приказывалось собрать со всех губерний «сказки» о лицах мужского пола с указанием их имени и возраста⁴. Всего было проведено 10 ревизий (с 1719 по 1858 гг.).

Ниже приводятся материалы переписей деревни Котлас Вондокурского стана Устюжского уезда Архангелогородской губернии за 1717, 1747 и 1762 гг., восполняющие существенный пробел в местной истории. Ландратская книга Устюжского уезда 1717 г.⁵, прежде всего, интересна тем, что в этом архивном источнике представлены сведения о численности местного сельского населения почти за полвека, а конкретно – изменения, произошедшие за 40 лет с 1678 по 1717 гг., причём впервые приведены данные о женском населении, которые не отражены в материалах двух дальнейших ревизий 1719–1727 и 1744–1747 гг.

В материалах ландратской переписи населения Котласа, кроме описания погоста и перечисления священно- и церковнослужителей, присутствует информация и о жителях деревни, где помимо уже известной с XVII в. старинной фамилии Корноковы зафиксированы такие, как Лахтионовы и Квасниковы:

«Стан Вондокурской.»

В том стану церковь деревянная холодная во имя Пресвятыя Богородицы Владимирския и Стефана Архидьякона. При той церкви причетничьи дворы.

Во дворе священник Герасим Васильев сын 60 лет, у него жена Наталья Алексеева дочь 43 лет. У него детей: сын Василей 13 лет, три дочери, девки: Стефанида 15 лет, Татьяна 3 лет, Марья году. Родом он, священник, Вотложемской волости Городецкой Архангелской церкви поповской сын. И в переписных книгах 186 (1677/78) году отец его во священниках и он, Герасим, написан.

В переписных книгах написан в том дворе во 186 году поп Андрей Михайлов.

В 1710-м году он же, священник Герасим з женой Натальей с сыном Васильем и дочерми Евдокией, Стефанидой, Евдокией и с подворницей Ириной.

А по скаске помянутого священника Герасима и тех переписных книг ис того двора поп Андрей умре в давних годах, Герасима дочь Евдокия отдана в законное супружество. Подворница Ирина живет в Вондокурском селе, скитаецца в мире.

Во дворе дьячек Иван Иванов сын Юрьев 45 лет, у него жена Ирина Семенова дочь 20 лет. Детей: три сына Филип 15 лет, Феопемт 13 лет, Петр 5 лет, дочь Анна 3 лет.

С ним же, дьячком Иваном, живет трапезник дьячков брат родной Алексей 30 лет, у него жена Мария 20 лет. Родом они, дьячек з братом, Соли Вычегоцкие уезда отписной сошки деревни крестьянской сын.

А в переписных книгах 186 году написан он или нет и оной ево деревенской земли оставлен в жилье или впусе, о том сказать не знает.

В переписных книгах написан в том дворе во 186 году дьячек Федор Степанов з братом Семеном.

В 1710-м году дьячек Афонасей Сергиев сын Каплинской з женой Акилиной з детми: Козмой, Ильей, Петром, з дочерми: Евдокией и Агафьей.

А по скаске оного священника и тех переписных книг ис того двора выбыли: дьячек Федор з братом умерли, Афонасей Каплинской з женой и з детми скитаецца в мире.

Во дворе пономарь Семен Федоров сын Корноков 50 лет, у него жена Марфа Семенова дочь 40 лет.

В переписных книгах написан в том дворе во 186 году пономарь, а ево, Семенов отец, Федор Матвеев сын с племянником Васильем.

В 1710-м году он же, пономарь Семен, з женой Марфой с подворником Федором Семеновым сыном Пахиревым з женою ево Ксеньей.

А по скаске оного священника ис тех переписных книг ис того двора выбыли: пономарь Федор с племянником Васильем умерли, подворник Федор в 1714 году, жена ево Ксения скитаецца в мире.

Во дворе просвирница Каптелина Данилова дочь 60 лет, у нея дочь девка Ирина Лукина дочь 20 лет.

В переписных книгах написана в том дворе во 186 году просвирница Ульяна.

В 1710-м году она ж, просвирница Каптелина, з детми: Осипом, Иваном, з дочерми: Марьей, Ириной с сыновней женой Ксеньей.

А по скаске оного священника ис тех переписных книг ис того двора выбыло: просвирница Ульяна умре, просвирницы Каптелины дети живут в Усольском уезде в Окологородной волости, Осип в половничестве, Иван Архангелского монастыря на Нимянской мельнице в работниках, дочь ея Марья отдана замуж.

Двор пуст, а в нем в переписных книгах 186 году написан трапезник Лазарь Федоров Корноков.

В 1710-м году трапезник Павел Афонасьев сын Паламудов з женою Марфою с сыном Иваном, Васильем з дочерью Пелагией.

А по скаске явился тот двор пуст. А по скаске священника тот двор запустел в 1712 году, а они, трапезник Лазарь, умре, а трапезник Павел Паламудов з женою и з детми сбежал в Усольский уезд, скитаецца меж дворов...

Дворы крестьянские.

*Деревня **Кодлас, а Мартемьяновская тож***

Во дворе Кирило Игнатъев Корноков 68 лет, вдов, у него брат родной Федор 48 лет. У Федора жена Парасковья Максимова дочь 37 лет, сын Родион 10 лет. Родом тоя ж деревни.

В переписных книгах написаны в том дворе во 186 году Игнатий Матфиев Корноков, у него дети: Кирило, Иван, Федор. У него ж племянник Григорей Парфенов.

В 1710-м году Кирило з братом Федором и женой ево Парасковьей с сыном Родионом з дочерьми Евдокией, Пелагией.

А по скаске священника и соцкого с товарищи и крестьян посторонних людей и с тех переписных книг ис того двора выбыли: Игнатий и сын Иван и племянник Григорей в прошлых разных годах, Федоровы дочери девки Евдокия, Палагея в 1712 году примерли.

Во дворе Кодлаской Николаевской церкви половник Филип Пантелеев сын Лахтионовых 35 лет, у него жена Палагея Мартынова дочь 30 лет. Детей: два сына Степан 15 лет, Антипа 3 лет, дочь Матрона 2 лет. У него ж падчерица девка Акилина 13 лет. У него ж брат родной Иван 30 лет, у него жена Наталья Семенова дочь 25 лет, сын Иван году, дочь Дарья 4 лет. У них же мать вдова Марья Степанова 60 лет. Родом они Соли Вычегоцкие уезда Окологородной волости деревни крестьянские дети.

А в переписных книгах 186 году написан отец их Пантелей или не написан, о том сказать не знаем, оной ево деревенской земли оставлен в жилье или впусе.

В переписных книгах написан в том дворе во 186 году той же церкви половники Яков, Тимофей Глебовы Корноковых. У Якова дети Александр.

В 1710-м году их же половник, Филипов отец Пантелей Семенов Лахтионов да с дочью Ульяною и детми: с сыном Филипом, Иваном з дочерью Евдокией с Филиповой женой Пелагеей с сыном Степаном с падчерицей ево Акилиной.

А по скаске священника и старосты и с тех переписных книг ис того двора выбыло: Яков и Тимофей Квасниковы и Сидор, умерли в разных годах, а в которых имянно, о том сказать не упомянут. А куда Яковлев сшел в 1709 году безвестно, Пантелей умре в 1712 году, дочь Евдокия отдана в законное супружество.

Во дворе той же Кодлаской Николаевской церкви половник Яков Яковлев сын Квасников 70 лет, у него жена Фотинья Григорьева 66 лет, сын Михайло 30 лет, у него жена Евдокия Мартынова 25 лет. У него ж сноха салдацкая жена Февронья Родионова дочь 40 лет, у нея сын Семен 10 лет, дочь Марфа 20 лет, Козмины дети. Родом они той же волости деревни Чернцова крестьянские дети. И в переписных книгах 186 году написан отец ево Яков во крестьянстве. А той их двор во владении тоя ж Николаевской церкви.

В 1710-м году жил он, Яков, в Усольском уезде в Окологородной волости деревне Слоботке той же Николаевской церкви половничать и ныне тот двор впусе.

В переписных книгах написаны в том дворе во 186 году были вдовы Наталья Андреевы дочери половник Семен Афонасьев сын.

В 1710-м году их же половник Павел Иванов сын Лахтионовых з женою Гликерьей и детми своими: Иваном, Иваном же, Михайлом, Андреем, Тимофеем, да з зятем Максимом з женой ево Евфимией с сыном ево Максимом з дочерью Варварой.

А по скаске той церкви священника и старосты и с тех переписных книг ис того двора выбыли: Семен Афонасьев сын умре в 1701 году, Павел Лахтионов з женою и з детми сбежал в Усольский уезд во Окологородную волость и живет у усольца посацкого человека у Петра Выслудцова? ... отрок Максим з женою и з детми в мире скитаются в разных волостех.

Во дворе нищей Василей Гаврилов сын Овечкин 85 лет. В переписных книгах написан в том дворе во 186 году Иван Васильев сын Антоновых з детми Тимофеем, Андреем.

В 1710-м году он же, Василей Овечкиных, той же Николаевской церкви написан был половником за Мосеиком з дочерью Матроной.

А по скаске той церкви священника и старосты и с тех переписных книг ис того двора выбыло: Иван Антоновых з детми Тихоном, Андреем умерли, а в которых имянно о том сказать не упомянут; Васильева жена Елена умре ж в 1712 году, дочь ево Матрена отдана в законное супружество. Живет оной нищей Василей в оном дворе для приезды за престарьем и одиночеством, скитаецца в мире»⁶.

Затем, в материалах очередной переписи податного населения – второй ревизии Устюжского уезда 1744–1747 гг. – даны следующие сведения, по которым чётко прослеживаются как родственные связи и преемственность, так и указывается сословный и владельческий состав жителей, а также находит отражение налоговая политика государства:

«Книга переписная Архангелогородской губернии Великоустюжской провинции города Устюга Великого с уездом, тако ж Лальского посаду и приписных к той провинции Устьянских волостей о явившихся по нынешней генеральной ревизии наличных мужеска полу душах. 1747 года мая дня.

Вондокурского стану Стефановской церкви, что на Котласе по прежней переписи, положенные в обоих семигривенном и четырехгривенном окладах, которые и ныне состоят в том же окладе, крестьяне...

В деревне Котласе, а Мартемьяновская тож:

Написанной в прежнюю перепись: Филип Пантелеев сын Лахтионовых – 62 лет

У него дети: написанной в прежнюю перепись: Степан – 42 лет

Тихон – 25 ½ лет

После переписи рожденной: Михайло – 19 лет

У них дети ж: после переписи рожденные:

У Степана: Егор – 3 лет

У Тихона: Тарас – 5 лет

Написанной в прежнюю перепись: Семен Козмин сын Квасников – 37 лет

У него дети после переписи рожденные: Логин – 12 лет

Архип – 7 лет

Петр – 5 лет

Написанной в прежнюю перепись: Иван Лукин сын Слотин – 57 лет

У него сын после переписи рожденной: Иван – 14 лет

Написанные в прежнюю перепись: Федор Игнатьев сын Корноковых – 77 лет

У него сын Родион – 36 лет

У Родиона сын после переписи рожденной: Яков, пол 1 года

Итого в оной деревне Котласе пятнадцать душ [мужского пола].

Итого за Степановскою церковью 48 душ, в том числе написанных в прежнюю перепись 21, у них детей после переписи рожденных 27 душ»⁷.

И совсем недавно автору удалось обнаружить «неуловимые» до сих пор материалы третьей ревизии 1762 г. по Котласу, в которых отмечено и женское население, поэтому они также представлены вниманию читателя (сокращение «д.м.п.» в итогах ревизии означает «душа мужского пола»):

«1762 года августа [26] дня Архангелогородской губернии Устюжского уезда Двинской трети Вондокурского стану отписной от Кодлаской Стефановской церкви в ведомство коллегии Экономии деревень вновь выбранной староста Никита Андреев сын Ошурков, по силе опубликованного в нынешнем 1762-м году февраля 5 дня Правительствующего Сената в Устюге Великом указу, дал сию скаску о положенных во владении за вышеозначенною церковью в половничестве в нижеписанных деревнях по последней 1747 году ревизии в подушном окладе [людях и крестьянах, с показанием из того числа разными случаями убылых], и после того вновь рожденных и прибылых, и объявляю по самой истине, без всякой утайки, а буде кем впредь обличен явлюсь, или по свидетельству найдется, что кого либо утаил, то повинен положенному по указом штрафу, безо всякого милосердия.

А именно: Устюжского уезду Двинской трети Вондокурского стану в деревнях...

Мартемьяновской, Котлас тож

Написанные в бывшую последнюю ревизию:

Филип Пантелеев сын Лахтионов, 62 лет (возраст указан по 2-й ревизии 1745 г., отметка в преамбуле «1747 году» обозначает, что окончательно итоги переписи были подведены лишь в этом году. – Прим. авт.), 79 лет

У него дети, написанные в бывшую ревизию:

Степан, 42 лет (1745 г.), 59 лет

У него жена Матрона Яковлева, 60 лет, взятая Усольского уезду Окологородной волости крестьянина Якова Шабалина дочь

У них дети, написанные в бывшей ревизии

Егор, 3 лет (1745 г.), 20 лет

У него жена Дарья, 21 году, взятая Усольского уезду Пачеозерской волости деревенского владельца Прокопья Коробицына у половника Романа Червякова дочь

У них дочь девка Мавра, 3 месяцев

Рожденные после ревизии:

Карп, 16 лет

Никита, 14 лет

Семен, 12 лет

Дочери, выданные в замужество:

Мелания, 26 лет, Усольского уезду Алексинского стану за крестьянина Ивана Сухнева

Ксения, 23 лет, Устюжского уезду Вондокурского стану за крестьянина Харлама Логачевых

Тихон, 26 лет (1745 г.), 43 лет

У него жена Васса, 44 лет, взятая в замужество Усольского Веденского монастыря половника Петра Мелентьева дочь

У них дети, написанные в бывшую ревизию:

Тарас, холост, 22 лет

Рожденные после ревизии:

Василей, 10 лет

Ермола, 5 лет

Дочери, выданные в замужество:

Евдокия, 25 лет, Устюжского уезду Вондокурского стану за крестьянина Алексея Стрекаловских

Евдокия ж, 25 лет, того ж Вондокурского стану Архангельского монастыря за крестьянина Аверкия Корюкаева

Девки: Улита, 16 лет

Маремьяна, 15 лет

Ульяна, 13 лет

Михайло, 19 лет (1745 г.), 36 лет

У него жена Параскева, 28 лет, Усольского уезду Вондокурского стану господ барон Строгановых крестьянина Семена Башкирева дочь, взятая по зговору и венчаны с поездом

У них дети, рожденные после ревизии:

Стефан, 5 лет

Григорей, 1 года

У Михаила сестры, отданные в замужество:

Анна, 40 лет, Усольского уезду Пачеозерской волости барон Строгановых за крестьянина Семена Тюшева

Семен Козмин Квасниковых, 37 лет (1745 г.), умре в 751-м году

У него жена Матрона, 53 лет, взятая в замужество Усольского уезду Окологородной волости крестьянина Федора Ракитина дочь

У них дети, написанные в бывшую ревизию:

Логин, 12 лет (1745 г.), 29 лет

Архип, 7 лет (1745 г.), 24 лет

Петр, 5 лет (1745 г.), 22 лет

Дочь Евдокия, 34 лет, выдана в замужество Усольского уезду Пачеозерской Архангельской церкви за дьячка Трофима Манакова

Сестра родная Марфа, 55 лет, выдана в замужество Устюжского уезду Комарицкого стану за крестьянина Василья Кодсикиных

Иван Лукин сын Слотин, 57 лет (1745 г.), умре в 751-м году

У него дети, написанные в бывшую ревизию:

Иван, 14 лет (1745 г.), 31 года

У него жена Марья, 31 году, взятая Устюжского уезду Подосиновской волости крестьянина Тимофея Лаврентьева дочь

У них дети, рожденные после ревизии:

Григорей, 10 лет

Наум, 4 лет

У Ивана Лукина дочери, выданные замужество:

Наталья, 40 лет, Устюжского уезду Вондокурского стану за крестьянина Григорья Горынцова

Ирина, 37 лет, Устюжского уезду Вондокурского стану за крестьянина Бориса Ноготкова

Анисия, 35 лет, Устюжского Архангельского монастыря в деревню Ибеники за крестьянина Антона Никоновых

Ефросиния, 31 году, того ж Архангельского монастыря за крестьянина Герасима Краева

Федор Игнатьев сын Корноковых, 77 лет (1745 г.), умре в 746 году

У него написанной в бышую ревизию сын:

Родион, 36 лет (1745 г.), умре в 746-м году

У него жена Марья, 52 лет, взятая Усольского уезду Окологородной волости крестьянина Андрея Дубровина дочь

У них дети, написанной в бышую ревизию:

Яков, полгода (1745 г.), умре в 747-м году

Рожденной после ревизии:

Петр, 16 лет

Дочери, выданные замужество:

Ирина, 28 лет, Усольского уезду Пачеозерской волости господ барон Строгановых за крестьянина Сидора Гошева

Мавра, 23 лет, Устюжского уезду Вондокурского стану за крестьянина Сильвестра Истомина

Евфимия, 20 лет, Усольского уезду Окологородной волости за крестьянина Андрея Елсакова

У Родиона сестра Пелагея, 48 лет, выдана замужество Усольского уезду Окологородной волости за крестьянина Семена Власова

Написанные в бышую ревизию в деревне Чернцове:

Сава Стефанов Корноков, 20 лет

Сава Стефанов Корноков же, 30 лет

Итого: по 2-й ревизии 1747 г. – 15 д.м.п., а ныне по ревизии 1762 г. – 20 д.м.п. и 2 переведенных»⁸.

Таким образом, в настоящей статье на основе материалов переписей населения – ландратской переписи 1717 г., второй и третьей ревизий 1744–1747 и 1762 гг. – удалось показать, как был представлен социально-демографический, военный и фискальный учёт владений Котласской Стефановской Архидиаконской церкви; а также наглядно отражён генеалогический аспект: удалось проследить бытование таких древних котласских фамилий, как Корноковы и Лахтионовы, чем закрыть существующий пробел в истории данного поселения. В

перспективе возможны дальнейшие плановые исследовательские разработки по деревне Котлас с выселками по V–X ревизиям 1795–1858 гг.

¹ Пшеницын Д.А. Котлас в документах XVII века (По материалам писцовых и переписных книг Устюжского уезда) // Известия Русского Севера. 2017. № 3-4. С. 53–57; Пшеницын Д.А. Ранние поземельные акты из архива Котласской церкви второй половины XVI века // Вестник Котласского краеведческого музея. Вып. 1. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2018. С. 6–10; Пшеницын Д.А. Население Котласа в XVIII веке (по материалам ревизских сказок) // Вестник Котласского краеведческого музея. 2019 год. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2019. С. 8–13.

² Ландрат (нем. Landrat, от Land – страна и Rat – совет, советник) – должность в системе губернского управления, учреждённая указом Сената от 24 апреля 1713 г. Ландраты, в количестве от 8 до 12 человек (в зависимости от величины и значения губернии), составляли губернский ландратский совет при губернаторе. Ландраты представляли население уезда (доли) и составляли коллегия для управления губернией во главе с губернатором. – *Прим. авт.*

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 1. Т. 5. № 3245.

⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 5. № 3287.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 436.

⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 436. Л. 370–372, 444 об.–446.

⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3762. Л. 540 об.–541.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3770. Л. 118, 121–122 об.

С.А. Красавцева

ШАГИ К ПОРТРЕТУ ГОРОДА: КОТЛАС В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Каждый город уникален и хранит свою историю, прежде всего, в своём народе. А наш северный народ на память крепок. Сильна историко-краеведческая база и у котлашан. Детальным изучением истории Котласа на протяжении многих лет занимались архивисты, архитекторы, географы, историки, этнографы, экологи и многие другие, а также энтузиасты из местного населения.

В краеведении присутствуют все знаки препинания, кроме, пожалуй, точки. Нельзя, досконально изучив материал, больше к нему никогда не возвращаться: не получится. Особенно это правило «работает» с документами. Каждый раз, погружаясь в необъятную «архивную пучину», не знаешь, какую жемчужину там отыщешь, и отыщешь ли. И каждый документ – своего рода жемчужина, в силу своей уникальности и неповторимости. Несколько таких документов, имеющих отношение к истории города Котласа, и предлагается вниманию читателя.

В первую очередь, это сведения о станции Котлас, представленные приставом 3-го стана Великоустюгского уезда Великоустюгскому уездному исправнику в формате «вопрос-ответ» 27 января 1911 года. Незадолго до этого, 21 января 1911 года, Великоустюгским уездным исправником было получено письмо из Вологодского губернского правления с грифом «Конфиденциально. Экстренно», предписывавшее Вологодскому полицмейстеру и уездным исправни-

кам «представить не позже 1-го Февраля сего года самыя точныя сведения, требующияся прилагаемой при сем формой в 2-х экземплярах, один из коих должен быть заполнен сведениями о всех городских поселениях, имеющих либо отдельныя Городския Полицейския Управления, либо вообще чинов городской полиции, т.е. Городских приставов, околоточных и полицейских надзирателей и городских, а другой – со сведениями об уезде. К каждой из упомянутых ведомостей должны быть приложены ответы на 17 вопросов... Означенныя сведения должны быть точны и достоверны ввиду того, что таковыя в сгруппированном виде будут рассмотрены не только в Совете Министров, но и в Комиссиях законодательных учреждений при обсуждении принятой Правительством реформы полиции, одной из важнейших задач которой является улучшение материального положения чинов полиции, как городской, так и уездной, и потому вкравшиеся в означенныя сведения недочеты могут обезценить значение всего этого материала в смысле доказательности...»¹ (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала).

На следующий же день это письмо было доведено до сведения становых приставов Великоустюгского уезда² – местных исполнителей предписаний уездного полицейского управления, занимавшихся исполнительными, следственными, судебно-полицейскими и хозяйственно-распорядительными делами. Количество станов в любом уезде определялось обширностью его территории, численностью населения и другими местными обстоятельствами, а также количеством возникающих дел. Великоустюгский уезд был разделён на три стана, и в состав 3-го стана входило село Котлас Удимской волости.

29 января пристав 3-го стана рапортовал Великоустюгскому уездному исправнику: «Требуемая поручением от 22 сего января за № 36 сведения представляю Вашему Высокоблагородию и докладываю, что помещенныя в них данныя о станции Котлас сообщены мне официально начальником этой станции...»³. К рапорту прилагались ответы на предложенные вопросы, которые приводятся ниже без нарушений анкетной формы⁴:

«Вопросы

Ответы

1. В отношении портовых городов, каково торговое значение их...

Село Котлас расположено на правом, по течению берегу реки “Малой Двины”, в 60 верстах от города Великого Устюга; в 2-х верстах ниже Котласа, в “Малую Двину” впадает река “Вычегда”, от слияния этих рек образуется “Северная Двина”. Все указанные реки – судоходныя, в низовьях Северной Двины находится порт Архангельский.

2. Нет ли в данной местности значительных пристаней...

В Котласе имеются 4 пароходных пристани. Грузооборот на них за 1909 год был до 10.000.000 пудов (де-

сять миллионов). Рабочих на пристанях было 3000 человек, которые живут в деревнях, близ Котласа.

3. Не имеет ли данная местность значения курорта или как дачная местность...

Котлас не имеет значения курорта и не представляет дачной местности.

4. Нет ли в данной местности святынь, привлекающих богомольцев, и если да, то сколько, приблизительно паломников ежегодно туда стекается

В местной Котласской Стефановской церкви есть явленная икона Божией Матери "Троеручицы", для поклонения которой ежегодно стекается до 500 человек.

5. Нет ли условий, затрудняющих полицейскую службу...

Нет

6. Не расположена ли местность при железной дороге, не образуют ли эти дороги железнодорожный узел, не пересекается ли узел железнодорожными линиями и сколько железнодорожных станций имеется в нем; каково значение этих станций в смысле пассажирского и товарного движений

Котлас – конечная станция Пермской железной дороги и имеет значение для грузового движения, преимущественно для перевозки и перевалки на суда Сибирского хлеба и Уральского леса, идущаго за границу; здесь хлебные торговые фирмы имеют свою агентуру и склады: Русский для внешней торговли банк, международный банк, Русско-Китайское Товарищество, фирма "Дрейфус и К⁰", Соединенное Товарищество и несколько промышленников мелких. Лес отправляет за границу главным образом Богословский горный округ, Кыркалов и "Русанов Сын". Товарных вагонов с грузом прибыло на станцию Котлас в 1909 году 18.000, из этого числа 2400 вагонов с лесом, который весь отправляется за границу. Хлеб же четвертая часть остается для местного населения, а остальной идет за границу. За 1910 год отправлено со станции Котлас пассажиров всех классов 16500, из этого числа третья часть на прямое сообщение в разные места России, прибытие пассажиров равняется отправлению. Станция Котлас отправляет новобранцев и нижних чинов запаса.

7. Имеются ли железнодорожные мастерские и где живут рабочие их, т.е. в полосе отчуждения или вне оной

8. Имеются ли в уезде значительные поселки, слободы и т.п. поселения (а в городах – пригороды), не имеющие чинов городской полиции (приставов, надзирателей и городских)

9. Расположены ли в местности войсковые части...

10. Не имеет ли данная местность особенно стратегического значения...

11. Каково торговое значение местности (желательны данные о размерах торгового оборота, в рублях за 1909 г.)

Железнодорожных мастерских нет, есть депо, рабочие живут вне полосы отчуждения.

Котлас состоит из трех деревень: Петрухинской, Жерноково и Мартемьяновской. Постоянное население этой местности 800 человек, в летнее же время с Апреля по Октябрь месяц число жителей бывает до 3500 человек. Городской полиции в Котласе нет. Здесь находится квартира Становаго Пристава и 12 человек стражи. Так как Пристав, в виду разъездов по стану не всегда бывает на месте в Котласе, то здесь не остается особаго Полицейскаго Чиновника, который руководил-бы нижними Полицейскими Чинами, да и эти последние часто находятся в командировках и разъездах по стану; громадное же скопление рабочих – пришлого элемента, требует особенной наблюдательности Полиции. Это обстоятельство вызывает необходимость учреждения в Котласе особой должности Чиновника Городской Полиции.

Нет

Нет

Предметами продовольствия и первой необходимости в хозяйстве население удовлетворяют местные торговцы; здесь есть бакалейная, галантерейная и мануфактурная торговля, и также имеются булочная, пекарня и колбасная. Торговля в Котласе распространяется и на ближайшия деревни. Есть оптовая торговля хлебом. Оборот всех Котласских торговцев за 1909 год был до 600.700 рублей (шестьсот тысяч семьсот рублей).

12. Нет ли значительных ярмарок...

Ярмарок нет.

13. Не разрезается ли местность реками...

Местность 3 стана разрезается реками Двиной и Вычегдой, при чем переправа на лодках весной и осенью во время ледохода прекращается на 14 дней.

14. Каковы грунтовые дороги, имеются ли шоссе

Дороги грунтовые не удовлетворительны местами по причине глинистой и болотистой почвы.

15. Существуют ли телефоны...

Существует местное и с Устюгом телефонное сообщение. В Котласе имеется 13 телефонных аппаратов, принадлежащие Северному Пароходному Обществу "Котлас-Архангельск-Мурман", годовое пользование телефоном обходится в 100 рублей. Телефоны имеются в банках, на пристанях и в частных квартирах...

16. Нет ли таких местных условий, которые побуждали бы нижних чинов полиции менять полицейскую службу на частную...

Стражники получают жалованья 25 рублей в месяц, между тем служащим на железной дороге и в частных фирмах хлебных торговцев платят по 40 руб. и более; стражники поэтому не прочь бы перейти на другую должность, но остаются в страже по привычке к этой службе и потому, что достойные из них пользуются поощрением.

17. Нет ли таких резких неблагоприятных климатических особенностей, которые затрудняли бы проживание в данной местности (суровость климата, местные болезни и проч.)

Резких неблагоприятных климатических особенностей нет».

В статистических сведениях о состоянии 3-го стана, которые прилагались к этому вопроснику, отложилась цифровая информация, имеющая отношение к Котласу. Приведем и её для наглядности. Например, в запрашиваемых сведениях о наличии в стане увеселительных заведений, трактиров и постоянных домов указано, что в Котласе имеются две сцены (в общественном собрании и народном доме), 1 второразрядный трактир и 1 постоянный дом. Не меньший интерес вызывает графа «Стоимость главнейших жизненных припасов». Данные также приводятся по Котласу: стоимость 1 фунта (примерно 400 г) печёного ржаного

хлеба составляет 3 коп., белого – 5 коп., мяса – 8–12 коп., коровьего масла – 37 коп., соли – 1 коп., одной бутылки молока – 5 коп., одного десятка яиц – 15 коп., одной меры картофеля – 45 коп.⁵ (мера – ёмкость для измерения жидких и сыпучих тел, обычно равна четверику – 26,24 л).

Вернёмся к вопроснику. В 12-м вопросе, где спрашивалось о наличии ярмарок и был дан отрицательный ответ, важно учесть, что эти сведения датируются 1911-м годом. Ярмарки же в Котласе появились, но двумя годами позже. В архивном фонде Великоустюгской земской управы отложилось дело об открытии ярмарок и базарных дней в селе Котласе Удимской волости за 1912–1914 годы. Начинается оно с полученного в июле 1912 года заявления торговцев и жителей станции Котлас Пермской железной дороги в Великоустюгское уездное очередное земское собрание:

«15 лет тому назад в Котласе В.-Устюгскаго уезда была проведена железная дорога.

Доселе пустынное место с первым же свистком паровоза пробудилось от своей многовековой спячки, и ст. Котлас кроме своей специальной задачи – дать выход Сибирскому хлебу на заграничный выход – стала соединительным звеном культурной России с пустынным Северным краем по рекам Двине и Вычегде.

До проведения железной дороги село Котлас было только бедным сельским приходом, окруженным столь же нищенскими деревнями крестьян, еле-еле пропитывавших себя и свои семейства землепашеством с приемами, унаследованными еще от предков-зырян.

Совершенно другую картину представляет Котлас в настоящее время: здесь имеются громадные зернохранилища, два коммерческих Банка, три паровых мукомольных мельницы, несколько пекарен и сушечных, магазины с оборотами до полумиллиона и масса меньших лавок, почтово-телеграфная контора, телефон, казенная винная лавка, считающаяся одной из “лучших” в уезде по выручке.

Для порядка, на ст. Котлас имеется несколько жандармов, а в деревне квартира пристава и при ней казармы стражников числом более десятка. При самой станции образовался целый поселок железнодорожных служащих.

Все это живет, трудится, платит налоги, кормится и в свою очередь кормит других неимущих.

Так глухое, никому неизвестное, полуголодное село стало давать людям, желающим трудиться, работу и благосостояние, а Государству и Земству значительные доходы, непрерывно растущие.

Случай оживил Котлас, удобное положение обогатило его. Теперь очередь за людьми. Необходимо развить дело, имеющее для этого все нужное. Центром значительнаго торговаго района Котлас уже сделался, но обслуживал он только одну нужду в привозных товарах. Мы же знаем, что Котлас может сам выпустить на рынок значительное количество товаров местного производства и добычи.

И теперь местные товары проходят через Котлас, но мы в праве сказать, что движение это не приносит тех выгод какия могло бы дать, ни производи-

телям ценностей – крестьянству, ни Котласу, ни общественным учреждениям, ни Государству. Чтобы достигнуть этой цели, по нашему мнению, необходимо учредить в Котласе периодические съезды торговцев и покупателей местных продуктов, т.е. организовать ярмарки и базары. Польза их очевидна не только для Котласских торговцев, но и для всех, имеющих тяготение к Котласу, селений и деревень.

В настоящее время, когда в Котласе нет ни базаров, ни ярмарок, жители окрестных селений и даже сами Котлашане вынуждены вывозить свои товары на ярмарки в Красноборск и Сольвычегодск. После эти же товары, но уже на других подводах возвращаются в Котлас для отправки по железной дороге. Получается совершенно непроизводительная трата сил, времени и денег, и в конечном итоге эти расходы несет производитель и добытчик – крестьянин.

При учреждении же ярмарок в Котласе, ненормальность эта исчезнет. Кроме того, на ярмарки приедут покупатели и со стороны, что опять таки послужит в пользу крестьянина, так как появится лишний скупщик и при том с наличными деньгами, а не местный кулак с его системой “перетопки” товара на товар.

С учреждением в Котласе ярмарок необходимо увеличится приток сюда денег и сырья, и не надо быть пророком, чтобы утвердительно заявить, что здесь возникнут новые предприятия, которые увеличат заработок окрестного населения и конечно послужат источником дохода как для земства, так и казны.

Наконец простая справедливость, по нашему мнению, должна побудить Земство разрешить ярмарки в Котласе, так как этим правом пользуются многие деревушки, не делающия и сотой доли оборотов Котласа, таковы: Приводино, Васильевское, Городок, Туровец и Вондокурское.

Столь же, если не более, нужны Котласу и базарные дни. Большинство Котласского населения народ пришлый, живет городским обычаем – с базара; сильная скученность построек и полнейшее отсутствие сколь нибудь сносных квартир не позволяет делать запасы надолго. Этим и создается крайне тяжелое положение, – негде купить самых необходимых и самых скромных предметов потребления, или же приходится переплачивать местным скупщикам и торговцам. Это отсутствие базаров ставит в затруднительное положение и поставщиков продуктов, так как вместо определенного времени и одного места – на базаре – крестьянам приходится ходить по дворам, навязывая свои товары, что необходимо сопряжено с потерей времени и бывает причиной прямо убыточной продажи, только бы развязаться с товаром и поспешить домой.

Удобнейшими числами для ярмарок в Котласе мы считаем

3 декабря	САВВИНСКАЯ
24 февраля	ИВАНОВСКАЯ
6 мая	НИКОЛЬСКАЯ

с продолжительностью от 3 до 5 дней каждый съезд.

Базарным же днем просим назначить четверг.

На основании изложенного мы, нижеподписавшиеся, имеем честь просить Земское Собрание войти в обсуждение настоящего заявления и исходатайст-

вовать пред надлежащей властью утверждение намеченных ярмарок и базаров в Котласе»⁶. Далее следует 19 подписей.

Встав на сторону заявителей, земская управа в докладе уездному земскому собранию сессии 1912 года констатировала: «Признавая изложенные в настоящем заявлении доводы о необходимости открытия в Котласе трех пятидневных ярмарок и установления базарных дней по четвергам вполне правильным, так как Котлас служит не только конечной станцией Пермской железной дороги, но и паровой пристанью на реке Двине, при чем в торговом отношении к нему непосредственно тяготеют Удимская, Приводинская, Вотложемская и Забелинская волости Устюгского уезда, а также и Метлинская волость Сольвычегодского уезда. Кроме того, по мнению Управы, открытие ярмарок в Котласе, благодаря удобной доставке товаров по железной дороге и водным путем привлечет на ярмарки не только торговцев и покупателей из окрестных местностей Вологодской губернии с городами Устюгом, Сольвычегодском и Красноборском, но и из ближайших к нему губерний Архангельской, Вятской и Пермской, что еще более должно оживить и поднять торговое значение Котласа, а чрез него и экономическое благосостояние населения Устюгского уезда, дав ему возможность приобретать товары и сбывать продукты своих хозяйств по более выгодным ценам.

Угодно ли Земскому Собранию согласиться с мнением Управы... и возбудить пред Губернским Земским Собранием ходатайство об установлении в селе Котласе трех пятидневных ярмарок... и еженедельных базаров по четвергам»⁷.

Заручившись согласием Вологодской губернской земской управы, уведомление о котором поступило 13 августа 1913 года, Великоустюгская уездная земская управа в объявлении «во всеобщее сведение» от 19 августа 1913 года, «распубликованного путем расклейки на городских витринах», сообщила, что «в селе Котласе Удимской волости Велико-Устюгского уезда, открыты, с надлежащего разрешения, при железнодорожной станции и паровой пристани того же названия (на реке Северной Двине), три новые ярмарки:

1. САВИНСКАЯ с 3 по 7-е декабря.
2. ИВАНОВСКАЯ с 24 по 28-е февраля.
3. НИКОЛЬСКАЯ с 6 по 10 мая.

Кроме того, в том же селе Котласе открыты еженедельные базарные дни по четвергам...»⁸.

И последнее, о чём хотелось бы рассказать, делая наброски к «портрету» Котласа, – это о существовании в нём двух собраний: общественного и семейного, документы об открытии которых отложились в архивном фонде Великоустюгского уездного исправника. Оба эти собрания были зарегистрированы Вологодским губернским по делам об обществах присутствием в один день – 5 декабря 1911 года⁹. Однако сразу следует оговориться в отношении Котласского общественного собрания: можно с уверенностью предположить, что первоначально оно было открыто значительно раньше, о чём может свидетельствовать его Устав 1908 года, сохранившийся в деле, и письмо совета старшин общественного собрания приставу 3-го стана Великоустюгского уезда от 15 янва-

ря 1912 года с сообщением о планируемом проведении 18 января общего собрания членов общественного собрания по вопросам *«о передаче ликвидационной комиссией имущества, принадлежащего закрытому Общ. Собр. вновь открытому Общ. Собр., об отдаче напрокат пианино, выборе новых членов и улучшении постановки хозяйст. части Обществ. Собрания и о ведении дел в буфете»*¹⁰.

Руководство и общественным, и семейным собраниями осуществлялось советами старшин во главе с председателями, численный же состав членов собрания был неодинаков: в состав общественного собрания входило 34 члена, семейного – 49, причём один и тот же человек мог членствовать в обоих собраниях одновременно¹¹. Собрания состояли из почётных, действительных членов и учредителей¹². Учредителями общественного собрания стали 5 человек: В. Козак, А. Родзевич, М. Чевыкалов, К. Горин и Н. Колобов; семейного собрания – 4 человека: дворянин В.А. Попов, мещане В.И. Швец и Н.П. Серебренников, крестьянин А.А. Филиппов¹³.

Примечательно и то, что уставы этих собраний абсолютно совпадают по содержанию, полностью идентичны: и общественное, и семейное собрания *«имели целью доставить своим членам и их семьям возможность проводить свободное от занятий время с удобством, приятностью и пользой»*, поэтому устраивали как для своих членов, так и для гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, драматические представления, различные игры (в карты, домино, шашки, шахматы, бильярд, бакс и т.д.); выписывали книги, газеты, журналы, организовывали лекции на разные темы¹⁴. В уставах собраний прописывались не только общие положения, но и состав, управление делами, сохранение порядка в собраниях; отдельная глава посвящена играм, в том числе и расчётам по карточным долгам.

В деле о Котласском общественном собрании отложился ещё один любопытный документ: письмо председателя совета старшин А.В. Родзевич, начальника станции Котлас, на имя Великоустюгского уездного исправника от 26 декабря 1911 года с просьбой разрешить организовать 3 января 1912 года маскарад с призами, *«сборы от которого поступят на усиление средств Общественного Собрания»*, а тремя днями позже – спектакль в помещении общественного собрания по пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» и оригинальный водевиль в одном действии соч. И.К. Лисенко-Конюч «Голодный Дон-Жуан». Участниками спектакля были заявлены сам председатель совета старшин, его жена О.С. Родзевич; инженер В.А. Сазанов, начальник 16-го участка службы пути; Г.Д. Чичерин, фельдшер Котласского железнодорожного приёмного покоя; А.П. Петерс, кладовщик продовольственного склада общества потребителей; М.А. Вольхина, конторщик товарной конторы; М.К. Горина и А.М. Лаптева, учителя Антоновского земского и Котласского железнодорожного училищ¹⁵.

Время, как бы раньше сказали, «упразднения» этих собраний неизвестно, но факт остаётся фактом: подобные общества в Котласе имели место быть. Немало иной важной информации о славном городе Котласе и его истории содержится в документах Великоустюгского центрального архива. В данной статье приведены лишь наброски к его облику 110-летней давности.

¹ Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). Ф. 14. Оп. 2. Д. 537. Л. 2–2 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21–22 об.

⁵ Там же. Л. 23–24.

⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1541. Л. 1–2 об.

⁷ Там же. Л. 3–4.

⁸ Там же. Л. 8–9, 12.

⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 547. Л. 2; Д. 549. Л. 12.

¹⁰ Там же. Д. 549. Л. 27.

¹¹ Там же. Д. 547. Л. 3, Д. 549. Л. 10.

¹² Там же. Д. 547. Л. 7, Д. 549. Л. 13 об.

¹³ Там же. Д. 547. Л. 1, Д. 549. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 547. Л. 5, Д. 549. Л. 12.

¹⁵ Там же. Д. 549, Л. 9–9 об.

В.И. Щипин

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ... (ПРЕДСЕДАТЕЛИ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА В 1918 ГОДУ)

События и факты революционных лет более чем столетней давности вспоминаются и сегодня. Причём иногда искажённо, часто одно событие заслоняет другое, вместо одних фамилий появляются другие, нередко забываются или вольно трактуются отдельные детали. Так произошло с именем первого председателя Совета крестьянских и солдатских депутатов Сольвычегодского уезда.

Например, в своём докладе на третьих историко-краеведческих Стефановских чтениях, посвящённом газете «Сталинский путь», Д.Л. Горынцев говорил: «На заре советской власти первый председатель Сольвычегодского исполкома... Андрей Алексеевич Горбунов убедил Северо-Двинский губисполком в том, что уездный город должен иметь свою прессу...»¹

Ошибался и сам Андрей Алексеевич Горбунов. В статье «Боевой 18-й...», опубликованной в газете «Двинская правда» в 1967 г., он писал: «Передо мной встают: Клавдий Александрович Иванов, первый председатель уездного исполкома и ЧК...»²

Через 11 лет такую же ошибку допустил П. Зотов в статье «Ветеран партии» о Василии Пименовиче Давыдове: «В Сольвычегодске на здании на улице Ленина – мемориальная доска: “В этом доме с 23 февраля по 1 марта 1918 года проходил первый уездный съезд Советов”. На съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов тогда была провозглашена в Сольвычегодском уезде Советская власть. Председательствовал недавно вернувшийся из армии солдат большевик Василий Пименович Давыдов. Съезд избрал его первым председателем уездного исполнительного комитета»³.

Так кто же был первым председателем Сольвычегодского Совета – Горбунов, Иванов или Давыдов?

В протоколе I уездного съезда Советов⁴ отсутствует последний лист, который и содержал информацию о выборах Сольвычегодского исполкома, поэтому нужные сведения можно получить из протокола II съезда. По общепринятой практике, очередной съезд открывает действующий председатель, избранный на предыдущем съезде. II съезд был открыт Василием Николаевичем Скорняковым⁵.

Таким образом, первым председателем Сольвычегодского уездного исполнительного комитета, избранным I уездным съездом Советов 1 марта 1918 г., был В.Н. Скорняков. Это подтверждают строки автобиографии И.В. Лукинско-го, который в 1918 г. был заведующим Сольвычегодским отделом народного образования: «В Красноборске я организовал нелегальный кружок, куда входили: учитель Скорняков, впоследствии первый председатель уездного исполкома в Сольвычегодске...»⁶.

Возвращаясь к I съезду Советов Сольвычегодского уезда, следует заметить, что на этом съезде Скорняков играл заметную роль. Он входил в состав комиссии по организационному устройству уездного исполнительного комитета и выступал с докладом по этому вопросу, являлся членом сельскохозяйственной комиссии, а также был избран делегатом IV Всероссийского съезда Советов от Сольвычегодского уезда.

Василий Николаевич Скорняков в начале 1900-х гг. работал учителем одного из городских училищ Великого Устюга. В годы первой русской революции принимал активное участие в революционной работе. Входил в состав великоустюгской нелегальной группы «Всероссийского союза учителей»⁷. В 1907 г. список членов группы попал в руки жандармерии, и Скорняков был отстранён от работы в школе. Но позже он вновь работал в сфере народного просвещения, заняв в 1910–1911 гг. место преподавателя Красноборского высшего начального училища. Как говорилось выше, и в Красноборске он продолжал революционную деятельность.

В 1918 г. избирался делегатом I, II и III Сольвычегодских уездных съездов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, был членом уездного исполнительного комитета с 1 марта по 18 сентября 1918 г. На III съезде его кандидатура в члены исполкома была отклонена. Дальнейшая судьба В.Н. Скорнякова, к сожалению, неизвестна.

В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 года выборы в Советы проводились один раз в три месяца (с 1922 г. – один раз в год). С такой же частотой избирался и исполнительный орган Советов – Исполнительный Комитет. Соответственно менялся (частично или полностью) личный состав Исполкома – руководители Исполнительного Комитета и его отделов.

II съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Сольвычегодского уезда состоялся 23 мая – 2 июня 1918 г. На нём председателем Сольвычегодского уездного исполнительного комитета был избран Николай Павлович Ворохов⁸.

Н.П. Ворохов родился 10 мая 1887 г. в семье крестьянина Березонаволоцкой волости Сольвычегодского уезда. В 1907 г. закончил двухгодичные Вологодские педагогические курсы, а в 1909 г. занял должность второго учителя Черев-

ковского земского начального училища. Спустя два года был назначен на должность первого учителя. Здесь, в Черевкове, он познакомился с местной фельдшерницей Текусой Александровной Голубцовой, которая стала его женой. Вскоре у них родилась дочь Наталья, в 1913 г. – сын Глеб.

В 1914 г. Николай Павлович был призван в армию, 11 февраля 1917 г. закончил 5-ю Московскую школу прапорщиков, затем проходил службу в Ярославле, в 211-м запасном пехотном полку. После Февральской революции он был избран в полковой комитет, а 27 октября 1917 г. на заседании Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями заводских и полковых комитетов по вопросу о переходе власти Советам вошёл в состав Временного исполнительного комитета Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов. 2 ноября его подпись, как заместителя председателя Ярославского Совета, стоит под резолюцией о сосредоточении всей полноты власти в руках Совета⁹.

С 20 по 23 февраля 1918 г. в Ярославле прошёл объединённый съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Ярославской губернии. На съезде избран исполнительный комитет Ярославского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Председателем губисполкома стал большевик Н.Ф. Доброхотов, а беспартийный Н.П. Ворохов – его заместителем. Кроме того, Ворохов был избран комиссаром просвещения Ярославской губернии¹⁰. Ворохов и Доброхотов хорошо знали друг друга по совместной службе в 211-м запасном полку. Их сближало также и то обстоятельство, что оба до войны были учителями.

И сейчас, спустя более чем 100 лет, деятельность Н.Ф. Доброхотова на посту председателя губисполкома нельзя оценить однозначно. Отрицательно сказывались серьёзные разногласия между Доброхотовым и его вторым заместителем Д.С. Закгеймом. Доброхотов также вступил в острый конфликт с военным комиссаром Ярославля Д.И. Гарновским: дело едва не дошло до вооружённой стычки. В Москве посчитали, что личные мотивы в этих конфликтах играли основную роль, и в конце мая 1918 г. Доброхотов был освобождён от должности председателя губисполкома. Чуть раньше по состоянию здоровья оставил свою должность и Н.П. Ворохов.

Все эти события произошли всего за несколько недель до Ярославского мятежа, который вспыхнул 6 июля 1918 г. Пожалуй, снятие с должностей Доброхотова и Ворохова спасло обоим жизни, так как новый председатель губисполкома Семён Михайлович Нахимсон был арестован и убит восставшими в самом начале мятежа.

В мае 1918 г. Н.П. Ворохов вернулся в Черевково, где возглавил отдел народного просвещения Черевковского волисполкома. Был избран делегатом II съезда Советов крестьянских и рабочих депутатов Сольвычегодского уезда, где его избрали председателем уездного исполкома¹¹. На III съезде Советов (14–18 сентября 1918 г.) кандидатура Ворохова для избрания в члены Совета была снята. В 1927 г. Ворохов работал в Северо-Двинской губернской плановой комиссии в Великом Устюге¹², а в 1941 г. был учителем физики средней школы № 1 г. Архангельска.

III уездный съезд Советов проходил в Сольвычегодске с 14 по 18 сентября 1918 г. На нём председателем уездного исполкома был избран Клавдий Александрович Иванов¹³.

К.А. Иванов родился в д. Гусиха Метлинской волости Сольвычегодского уезда в 1893 г. Член ВКП(б) с 1918 г. В том же году был избран председателем Сольвычегодского Укома ВКП(б), 18 ноября 1918 г. включён во вновь образованный Сольвычегодский Реввоенсовет. В 1919 г. – председатель Северо-Двинского губернского Ревтрибунала. С 27 сентября 1919 г. по 19 апреля 1920 г. являлся председателем Северо-Двинской губернской ЧК.

В декабре 1920 – августе 1921 гг. К.А. Иванов – председатель Ставропольской губернской ЧК¹⁴. Работал в органах госбезопасности Северного Кавказа до 1938 г., когда был арестован в г. Орджоникидзе и расстрелян по так называемым «Сталинским спискам»¹⁵.

Таким образом, удалось установить имена первых трёх председателей Сольвычегодского уездного исполкома Совета крестьянских и рабочих депутатов, возглавлявших Совет в 1918 году, а также их, к сожалению, далеко не полные биографические данные.

¹ Горынцев Д.Л. Газета Сольвычегодского района «Сталинский путь» // Двинская земля. Вып. 3. Вельск: Вельти, 2004. С. 163.

² Горбунов А.А. Боевой 18-й... // Двинская правда. 1967. 10 января.

³ Зотов П. Ветеран партии. Рассказы о коммунистах // Двинская правда. 1978. 27 февраля.

⁴ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1084. Оп. 1. Д. 38.

⁵ Там же. Д. 18а. Л. 1.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9425. Оп. 4. Д. 1153. Л. 44 об.

⁷ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 1026 (Переписка по дознанию о членах «Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию» в г. Великом Устюге); Паршинский А.А. Учителство за годы первой революции и реакции / Отражение первой русской революции в Северо-Двинской губернии. Сб. статей. Великий Устюг: Изд-во Северо-Двинского губкома, 1926. С. 76–77.

⁸ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 18а. Л. 14.

⁹ Ярославль социалистический. Очерки по истории города. Октябрь 1917–1959. / Под ред. Л.Б. Генкина. Ярославль: Ярославское кн. изд-во, 1960. С. 8.

¹⁰ Власть Труда (Ярославль). 1918. 28 (15) февраля. № 34.

¹¹ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 18а. Л. 14.

¹² Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 394. Оп. 5. Д. 76. Л. 37–39 об.

¹³ ГААО. Ф. 1084. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.

¹⁴ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. [Электронный ресурс.] Режим доступа: knowbysight.info/III/11379.asp

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 171. Д. 415. Л. 147.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА МАКАРИХЕ В 30–50-е ГОДЫ XX ВЕКА

Микрорайон Макариха находится в северной части города Котласа. Принято считать, что это территория от переезда в районе автопарка до Васильевского озера. Западная часть микрорайона – мемориальное кладбище Макариха, с юга и востока границей является железнодорожная ветка «Котлас Южный – Вычегда». В наши дни на данной территории насчитывается 11 улиц и 4 переулка. В застройке микрорайона преобладает частный сектор.

О Макарихе написано много, но почти вся опубликованная информация освещает историю мемориального кладбища Макариха и лагеря раскулаченных крестьян-спецпереселенцев в начале 30-х годов XX века. Историю Макарихи в годы Великой Отечественной войны исследовала Юлия Мишко, ученица 17-й школы г. Котласа. Она доказала, что, несмотря на все трудности, совхоз «Макариха» был самым передовым подсобным хозяйством города и района. Однако история развития поселений на Макарихе довоенного и послевоенного периодов исследована мало.

Многие учащиеся школы № 17 проживают в микрорайоне Макариха. У других здесь проживают бабушки и дедушки, на Макарихе их родовые корни. Школьный музей «Макариха» стремится сохранить историю микрорайона. Использование в музейной работе местных, краеведческих материалов развивает у школьников гражданские чувства. В данном исследовании ставится задача описать историю развития Макарихи в 1930–50-е годы.

Базой для написания работы служат документы из муниципального архива Котласа. Большой интерес представляет фонд № 47 – «Исполнительный комитет Котласского городского совета депутатов трудящихся», где хранятся, в частности, протоколы заседаний исполкома. Информацию документов дополняют рассказы очевидцев: Анатолия Васильевича Паламодова, Александра Петровича, Михаила Петровича и Георгия Николаевича Елсаковых и др. Их воспоминания хранятся в архиве школьного музея «Макариха».

Предыстория Макарихи такова. 300 лет единственным поселением на территории современного микрорайона была деревня Устье (Тупачеловская), впервые упомянутая в 1616 году¹. На месте современных улиц Чехова и Гончарова ещё в начале XX века было поле, на котором семьям из деревни Устье выделялись полосы под пшеницу или рожь. На месте улицы Гвардейской было поле, которое использовалось под посадки капусты. И далее – сенокосы.

Никаких существенных изменений на территории Макарихи не происходило до XX века. В 1914–1915 годах, в связи с закрытием кладбища у Котласского Стефановского храма, новое кладбище было организовано на Макарихе. В начале 1930-х годов рядом с кладбищем организован крупнейший пересыльный лагерь раскулаченных крестьян. Всё пространство от нынешнего переезда до высокого берега Васильевского озера было занято бараками шалашного типа, их насчитывалось примерно 250. С середины 30-х годов они начнут исчезать,

но на Макарихе останется часть крестьян-спецпереселенцев. Они станут работниками совхоза «Макариха», и возникнет посёлок Макариха.

В 1922–1923 годах по решению Котласского городского Совета был составлен первый проект планировки города. В основу проекта была заложена идея «города-сада» по системе Э. Говарда². Началось интенсивное строительство преимущественно одноэтажных деревянных частновладельческих жилых домов. Во второй половине 1930-х годов активное жилищное строительство начинается и на Макарихе.

Местная власть признавала наличие «квартирного кризиса в городе Котласе, который на сегодняшний день является самым большим вопросом... исключительно трудное положение в городе с квартирами, квартир не имеют даже врачи, учителя и другие ответственные работники»³. Поэтому в этот период было положено начало первым улицам Макарихи. В документах фонда № 47 часто встречаются заявления граждан с просьбой выделить земельный участок под строительство индивидуального дома. Молодые семьи с Устья строили дома рядом с родной деревней, так появился переулок Устье. Дома с номера 1 по номер 8 построены в период с 1933 по 1935 годы⁴.

Поселение Устье (Тупачеловская) Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 января 1939 года включено в городскую черту Котласа⁵. В предвоенные годы здесь появляются две новые улицы: Свердлова и Молокова (современная Гвардейская). В.П. Оленев пишет: «Улица Свердлова застроена в основном до 1940 г.». Семья Оленевых переехала из Лименды в свой дом в 1937 году. Отец работал на Лимендском заводе. Их соседями были семьи речников и работников завода. Большая часть территории Макарихи всё ещё оставалась угодьями совхоза «Макариха». В.П. Оленев вспоминает: «Между улицей Свердлова (Новым Устьем, так называли улицу в народе) и Устьем было поле. Совхоз “Макариха” выращивал на этом поле овощи для завода, на лугу заготавливал сено...»⁶.

Накануне Великой Отечественной войны было принято решение: «Вести индивидуальное жилищное строительство... на Макарихе»⁷. В начале войны, 8 августа 1941 года, решался вопрос об отводе квартала для индивидуальной застройки в районе Макарихи. Планировалось построить четыре улицы: параллельно ул. Молокова – Красную и Совхозную, перпендикулярно – Восточную, и по шоссе на Лименду – Краснофлотскую⁸. Но война помешала этим планам.

Кроме улиц, с 30-х годов XX века существовал посёлок Макариха. К 1940 году бараки шалашного типа снесли. Совхоз построил для своих работников два больших рубленых дома-барака. Был выстроен дом под контору совхоза, рядом с ней открыли столовую, которая по вечерам превращалась в клуб. С началом Великой Отечественной войны здесь был открыт маленький магазин, в котором отоваривали карточки на хлеб. Помимо жилых строений, на Макарихе были конюшни, скотный двор, свинарник, птичник, парники, поля⁹.

Решения Котласского исполкома показывают, что в годы войны жилищного строительства на Макарихе не велось, новых улиц не появлялось. Но вопросы планировки города рассматривались. Так, 31 августа 1943 года на исполкоме был заслушан доклад представителя Академии Коммунального Хозяйства о

схематическом проекте планировки Котласа. Предполагалось в основном деревянное 1–2-этажное жилищное строительство¹⁰. В местной газете «Социалистический Север» за 1946 год перечислялись поселения, вошедшие в избирательный участок № 10. Центром избирательного участка была определена контора совхоза завода Лименда – «Макариха». К данному участку относились улица Свердлова, дома посёлков Макариха и Раскорчёвка, железнодорожная станция Котлас-Северный, улица Устье, улица Молокова, вновь построенные железнодорожные дома и индивидуальные дома по левую сторону от линии железной дороги¹¹. Таким образом, в 1946 году перечислялись те же поселения, что существовали накануне войны.

Бурное строительство на Макарихе начинается в 1950-е годы. Появляются целые улицы – в основном это частный сектор. Многие семьи бывших спецпереселенцев строят свои дома: Меньшиковы и Кононовы на улице Чехова, Пётр Брусенцов на улице Глинки. В 1947 году закончилось спецпоселение семей работников совхоза «Макариха», оказавшихся здесь в 1930-е годы. Но большинство их осталось в Котласе. Здесь у них был дом, какое-то хозяйство; начальство ценило их труд. Совхоз строит для своих работников новые дома. Но они не довольствуются тем, что предлагают бесплатно: квартирой в новом доме. Они хотят свой дом. Например, рабочий совхоза «Макариха» Пётр Иванович Брусенцов получил разрешение на строительство дома по ул. Молокова, № 62, фл.7, площадь участка – 420 кв. метров¹². В 1950 году свои дома на улице Молокова (Гвардейской) строят молодые семьи с Устья: А.В. Паламодов, А.П. Елсаков, В.А. Витущенко (Елсакова) и др.¹³

В 1950-е годы идёт перепланировка микрорайона Макариха. В 1956 году впервые появляется требование строить индивидуальные дома по типовому проекту, и во всех разрешениях прописано: строительство допускается только из нового лесоматериала¹⁴. В предвоенные годы этого требования не было, дома по сносной цене покупались в деревнях и перевозились в Котлас. Поэтому они отличались большими размерами и разнообразием. Если же в 1950-е годы кто-то осмеливался нарушить эту установку, власть принимала жёсткие меры. Например, в решении исполкома от 29 июня 1957 года записано: «Обязать гражданина Добрынина И.П. разобрать дом из старых лесоматериалов в 10-дневный срок. Иначе дом будет разобран силами Горкомхоза, а земельный участок изъят»¹⁵.

Маленькие одинаковые домики строились на маленьких земельных участках площадью от 420 до 500 кв. метров. Было запрещено строить щитовые дома: «надо строить шлакоблочные дома»¹⁶. В разрешениях на индивидуальное строительство третьим пунктом шло требование: «обязать застройщика выполнить благоустройство и озеленение». Домовладельцы полностью отвечали за порядок на прилегающей к их участку территории, ремонтировали мостки, очищали канавки для отвода воды. За неисполнение их ожидало административное наказание. В решении исполкома от 10 февраля 1956 года записано: «В виду того, что тротуары были отремонтированы на второй день, решение административной комиссии отменить, штраф с гражданина Мусонова П.Е. снять, ограничиться предупреждением». Подобное решение принято и насчёт «гражданина Клепикова»: «В виду того, что гражданин Клепиков очистил канаву по-

сле предупреждения, решение административной комиссии отменить...»¹⁷ В 1957 году в типовой план внесено изменение: «обязать размещение уборных в домах вместо дворовых»¹⁸.

Строительство даже небольшого дома из нового лесоматериала требовало больших финансовых вложений, которых у населения не было. Поэтому в 1950-е годы на заседаниях исполкома нередко рассматривались заявления граждан о выдаче ссуды на строительство индивидуального жилого дома. Отказов в документах не зафиксировано. Например, 24 февраля 1956 года исполком принял решение: «Разрешить гражданину Ермилову Павлу Александровичу, демобилизованному офицеру Советской Армии, ссуду на строительство жилого дома в сумме 5 тыс. рублей сроком на семь лет»¹⁹.

На Макарихе появляются новые улицы. В 1956 году ул. Менделеева была переименована в переулок Свердлова²⁰. Ещё не существовало современных названий улиц: Котовского, Глинки, Чайковского. Это были: ул. Молокова, флигель 1, флигель 2 и флигель 3. В 1956 году начинается строительство домов на втором переулке к улице Устье. Исполком дал разрешение фронтовику-танкисту Петру Чирочкину на строительство дома по адресу: переулок Устье, 8, фл. 1 (сейчас – переулок Народный)²¹. В 1956 году принято решение ещё об одной улице микрорайона: «Проложить улицу вдоль железной дороги у станции Котлас-Северный от ул. Ленина к переезду у ул. Чехова»²². Речь идёт о современной ул. Воровского.

В книге А.Парфёнова и А.Старцева «Котлас» есть информация, что в 1950-е годы на Макарихе город построил несколько улиц с деревянными двухэтажными домами²³. Это уже названная ул. Воровского, а также ул. Ленина и ул. Чайковского. Но дома по этим улицам строил не только город. В документах встречаются разрешения, данные на строительство жилья для своих работников организациям: совхоз «Лименда», Речной порт, Котласский техучасток, общество слепых. В решении исполкома от 31 мая 1957 года записано: отвести участки «под строительство двенадцати квартирного дома Горпищеккомбината на ул. Ленина напротив старого кладбища» и «под строительство восьми квартирного жилого дома Котласторга на ул. Ленина напротив старого кладбища»²⁴.

В таких случаях требования по благоустройству территории предъявлялись организациям. Например, в решении исполкома от 22 июня 1956 года записано: «Обязать начальника порта тов. Писарюка к 1 сентября закончить строительство дороги к четырём квартирным домам по ул. Молокова, где проживает 80 семей речников... На осенний посадочный сезон провести озеленение палисадников и около зданий в посёлке Макариха, Устье... В течение июля месяца отремонтировать неисправные тротуары около жилых зданий»²⁵.

После войны на Макарихе появилось новое производство. На улице Стаханова (Портовиков) «около кладбища существует так называемое учебно-производственные мастерские ВОС, там работают более 50 человек, совершенно слепых. Они вырабатывают валенки, ватные одеяла и другие работы и если у них достаточно сырья, они всегда перевыполняют план и зарабатывают от 400 до 700 рублей в месяц»²⁶. Обществом слепых для своих работников на улице Чайковского был построен двухэтажный деревянный дом на два подъезда.

В 1957 году на территории Макарихи отмечены следующие поселения: посёлок Макариха, улицы Устье, Свердлова, Молокова (до 7 флигелей), Чехова, Гончарова, Ленина, переулки Свердлова, Молокова, Устье и станция Котлас-Северный²⁷.

Население Макарихи значительно выросло, но из социальных объектов здесь были только магазин и столовая. Когда в городе построили новое здание драматического театра, старое деревянное здание разобрали и большую часть перевезли на Макариху. Так на Макарихе был возведён кинотеатр «Радуга». На четыре десятилетия этот объект стал культурным и общественным центром микрорайона. В день шло по 5 сеансов: первый начинался в 13 часов, последний – в 21 час. Билеты были очень дешёвые: детские – 10 копеек, взрослые – 25–30 копеек. Кинотеатр был небольшой, но по тем временам довольно комфортный. При нём был буфет, где жители микрорайона любили проводить свой досуг. В выходные и праздничные дни приходили на киносеансы всей семьёй. В здании располагалась библиотека, которую активно посещало взрослое население и детвора. В «Радуге» проводились и политические мероприятия – выборы²⁸.

1956 году на Макарихе был сдан в эксплуатацию детский сад²⁹. В феврале 1958 года поблизости принята в эксплуатацию школа № 8. Директору совхоза «Макариха» Жукову исполком запрещает восстанавливать сгоревший свинарник, так как на этом месте планируется создание школьной спортивной площадки³⁰. Условия жизни в микрорайоне явно улучшаются.

Таким образом, из документов видно, что в XX веке на Макарихе происходят заметные изменения. Все современные улицы микрорайона возникли на землях бывшего сельского общества деревни Устье. Активное строительство на Макарихе началось во второй половине 30-х годов XX века. В предвоенные годы на территории микрорайона возникли улицы Свердлова и Гвардейская (Молокова), началось строительство переулка Устье. В послевоенные годы велось строительство небольших индивидуальных домов; появились улицы Чехова, Гончарова, Воровского, Котовского, Глинки, переулки Свердлова и Народный. В 1950-е годы Горкомхоз и предприятия города строят многоквартирные дома на улицах Ленина, Чайковского, Воровского. Бурное жилищное строительство происходило в первые 15 лет после войны, и в итоге к 1960 году в основном сформировался современный микрорайон Макариха.

¹ Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов Московских приказов XVI – начала XVII веков (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 2. М., 1994. С. 210.

² Потапов В.А. История Котласа. / Архив Котласского краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 84.

³ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

⁴ Домовая книга дома № 7 по переулку Устье города Котласа.

⁵ Горынцев Д.[Л.] Провинция, глубинка, глубина // Котлас. Очерки истории. Архангельск, 2001. С. 11.

⁶ Оленев В.П. Три поколения с улицы Свердлова // Улица моего детства. Котлас, 2006. С. 50–51.

⁷ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 7. Л. 145.

⁸ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 7. Л. 200.

⁹ Архив музея «Макариха». Мишко Ю.С. Макариха в 1940–1945 годах. 2015 г.

¹⁰ Шептяков Н.В. Котлас тыловой: изыскания в городском муниципальном архиве // Двинская земля. Вып. 10. Котлас, 2017. С. 66.

¹¹ Об образовании избирательных участков по выборам в Верховный Совет РСФСР по г. Котласу. Избирательный участок № 10 // Социалистический Север. 1946. 20 декабря.

¹² Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 145. Л. 144.

¹³ Архив музея «Макариха». Воспоминания Елсакова А.П., Елсакова Г.Н., Паламодова А.В., Слотина Б.В.

¹⁴ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 145. Л. 157.

¹⁵ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 148. Л. 299.

¹⁶ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 144. Л. 3.

¹⁷ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 145. Л. 35.

¹⁸ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 148. Л. 93.

¹⁹ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 145. Л. 47.

²⁰ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 146. Л. 43.

²¹ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 146. Л. 68.

²² Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 146. Л. 116.

²³ Парфёнов А.Г., Старцев А.М. Котлас. Архангельск, 1959. С. 36.

²⁴ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 148. Л. 239–240.

²⁵ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 145. Л. 160.

²⁶ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 144. Л. 250.

²⁷ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 148. Л. 175.

²⁸ Архив музея «Макариха». Воспоминания Большаковой Л.В. от 18.01.2002 г.

²⁹ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 144. Л. 6.

³⁰ Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 149. Л. 438.

Е.О. Студенцова

ЦЕРКОВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОТЛАСЕ В 1951–1960 гг.¹

15 августа 1947 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Архангельской области В.А. Панин (далее – уполномоченный Совета) на основании решения Совета от 6 августа того же года зарегистрировал в Котласе религиозную приходскую общину, а 21 сентября в городе прошла первая за 11 лет церковная служба. 23 сентября Котласский горсовет передал в пользование общины двухэтажное каменное здание Стефановской церкви, колокольню и четыре флигеля. По причине плохого состояния большого Стефановского храма, нижний этаж которого Маслопром с 1936 г. использовал в качестве ледника, вследствие чего от постоянной сырости стены потеряли техническую прочность и грозили обвалом, службы велись в малом холодном Стефановском храме под колокольней. За короткий период усилиями прибывшего священника Владимира Жохова и прихожан он был отремонтирован и приведён в порядок. Община собирала деньги и вела небольшой посильный ремонт в главном храме, который приспособила под склад и сторожку для сторожа. Кон-

тора храма располагалась в одном из флигелей. На колокольне имелось четыре колокола: самый большой весил 400 кг, остальные – 45, 3 и 2,5 кг².

На 1 января 1951 г. при Стефановской церкви состояли: настоятель храма протоирей Николай Петрович Образцов (1881 г.р., он же являлся благочинным 2-го округа и председателем церковного совета), 2-й священник Фёдор Ануфриевич Юданов (1890 г.р.) и диакон Григорий Акимович Лобанов (1880 г.р.)³.

В июле 1951 г. произошли изменения в составе ревизионной комиссии общины. С.И. Дорошкевич – один из её организаторов – в 1950 г. был осуждён на 10 лет лагерей «за разбазаривания продукции и присвоения средств горпромкомбината» (работал там кузнецом), второй член – И.В. Пушкин – выбыл из Котласа по собственному желанию. Вместо них были избраны Анатолий Павлович Ильин и Иван Иванович Рябов⁴. 24 сентября ревизионная комиссия была зарегистрирована в составе Ивана Ильича Сабурова (председатель комиссии, до этого её член), А.П. Ильина и И.И. Рябова. Вскоре И.И. Сабуров покинул Котлас, и председателем стал А.П. Ильин, а 17 декабря третьим членом ревизионной комиссии была зарегистрирована Наталья Дмитриевна Кудряшова⁵.

9 декабря 1951 г. произошли изменения и в составе церковного совета. Староста Григорий Васильевич Кононов сложил с себя обязанности, и новым старостой был избран Евгений Иванович Ильин⁶. Препровождая уполномоченному Совету А.И. Окольничикову протокол собрания церковной двадцатки с анкетами на избранных членов, Н.П. Образцов писал: «Хотелось переизбрать весь прежний актив церковного совета, но этого не удалось сделать за отсутствием кандидатов. Кто по болезни отказывается служить, кто мотивирует свой отказ от службы при церкви работой в другой организации, а потому совершенно не из кого было выбирать новых членов, пришлось оставить двух старых членов. В должности церковного старосты Ильина Евгения (ранее был помощником), а в должности помощника Трубина Палладия Павловича (ранее был казначеем), а казначеем избран Пономарев Александр Петрович, как более грамотный»⁷. 17 декабря церковный совет был зарегистрирован в новом составе.

Стефановский храм под колокольней был мал, низок и тёмн. По большим праздникам не вмещал в себя всех желающих (например, в 1953 г. на Троицу в церкви было более 500 человек, и часть верующих из-за тесноты стояла на улице⁸), нередко молящиеся от духоты падали в обморок. В зимнее время церковь посещали преимущественно верующие Котласа и деревень бывших Котласского Стефановского, Удимского Васильевского, Вондокурского Троицкого и Приводинского Николаевского церковных приходов. Летом, с открытием навигации, приезжали верующие из ближайших районов, где не было церквей, что увеличивало посещаемость церкви и совершение религиозных треб. Увеличивали число молящихся освобождённые из северных лагерей граждане, а также жители соседних Коми АССР, Кировской и Вологодской областей. До 1952 г. церковь работала каждый день, с 1952 г. три дня в неделю⁹. Посещали церковь преимущественно женщины преклонного и среднего возраста. Молодёжь в небольшом количестве присутствовала лишь в большие религиозные праздники. Приходили не помолиться, а ради интереса: посмотреть, что делается в церкви. В посещении церкви были замечены и руководящие работники города.

В 1952 г. церковная община св. первомученика архидиакона Стефана (именно так она называлась по главному храму) состояла из 190 человек, из них регулярно посещали церковь не более 60 человек. По наблюдениям А.И. Окольничникова, число граждан, посещавших церковь, после отъезда о. Владимира Жохова значительно уменьшилось. Это подтвердил и председатель Котласского горсовета И.В. Парамонов. Уменьшение количества верующих в храмах наблюдалось по всей Архангельской епархии, и котласский храм не был исключением. Больше молящихся было в воскресные и праздничные дни: так, в субботу 14 июня на вечерней службе присутствовало 40 человек (молодёжи не было); в воскресенье 15 июня – более 200 человек (из них 6 молодого возраста), а в четверг 19 июня – около 15 человек. По воскресеньям в Котласе проходили крупные сельскохозяйственные базары, которые собирали до тысячи человек покупателей. Свою продукцию предлагали колхозники из районов Архангельской, Кировской и Вологодской областей. Рынок располагался в 150 м от церкви, и это создавало благоприятные условия для посещения храма. Так, 15 июня для торговли в город приехало до 600 человек из ближайших деревень, часть из них после торговли зашла в церковь¹⁰.

И.В. Парамонов отзывался о настоятеле храма Н.П. Образцове так: «Образцов не то что Жохов, ведёт себя тихо, церковную службу совершает только в церкви, по домам верующих по их просьбе для требоисправления ходит очень редко. Если при Жохове в церковь ходили девушки и молодые женщины, теперь они в церкви встречаются единицами, и то из числа приезжающих в г. Котлас. Ведь когда был Жохов, он организовал встречу епископа Леонтия, проезжающего через Котлас в г. Сыктывкар, при скоплении народа до 1000 человек. При Образцове никакой торжественной встречи епископа Леонтия нет»¹¹. По наблюдениям А.И. Окольничникова, Н.П. Образцов был «очень грубый и настойчивый»¹².

В 1953 г. проведено обрядов крещения – 1617, отпевания – 1022, венчания – 21¹³. По количеству крещений и отпеваний Котлас уступал архангельским церквям, а по венчанию это был самый высокий показатель по епархии. В 1957 г. проведено отпеваний – 1335, венчаний – 27, исповедано 4250 человек¹⁴. В 1958 и в 1959 гг., соответственно, крещений – 1990 и 1905, венчаний – 6 и 11, а отпеваний в 1958 г. было всего 69¹⁵. Крестили детей преимущественно в будние дни, в летний период чаще, чем зимой: например, в четверг 19 июня 1952 г. окрестили 12 детей, тогда как в зимнее время крестили в среднем не более трёх детей в день¹⁶.

Котласский приход являлся одним из самых богатых в епархии. В 1950 г. его доход составил 290 тыс. руб., в 1953 г. – 458880 руб.¹⁷ Часть этой суммы направлялась в епархиальное управление, часть шла на заработную плату служащим и работникам церкви: например, зарплата одного священника составляла от 2000 до 2500 руб. в месяц, просфорня получала по 500 руб. в месяц. Со служащих культа взимали подоходный налог: так, в 1951 г. настоятель храма заплатил 11190 руб., 2-й священник – 4882 руб., в 1952 и 1953 гг. – по 11358 и 6536 руб. соответственно¹⁸. Доходы поступали от продажи свеч, нательных крестиков и церковных обрядов. Тарелочный сбор приносил небольшую сумму,

так как клали обычно мелкие разменные монеты, редко когда попадались один или три рубля. В 1953 г. казначей церкви А.П. Пономарев предлагал уполномоченному деньги на канцелярские расходы со словами: «Денег у нас на текущем счёте в Госбанке 280 т.р., девать некуда, правда, покупаем дом для квартир служителей культа церкви за 50 т.р., а ещё остается много»¹⁹.

В июне 1953 г. община купила небольшой деревянный дом за 50 тыс. руб. по адресу: ул. Кирова, д. 17, для проживания настоятеля храма; в декабре того же года приобрела второй деревянный дом за 60 тыс. руб. по адресу: ул. Орд-жоникидзе, д. 38, для проживания 2-го священника; в июне 1957 г. приобрела третий дом за 60 тыс. руб. по адресу: ул. Ленина, д. 114, для 3-го священника²⁰.

В сентябре 1951 г. церковный совет поднял вопрос о продолжении ремонта большого Стефановского храма. Получив отказ, решили ходатайствовать о возведении пристройки (крыльца) с южной стороны малого Стефановского храма размером 5 на 5 метров: «нам очень необходимо сделать, чтобы был свободный вход и выход из храма, особенно с гробом, когда бывает занос его в храм, и вход на колокольню был бы в том же крыльце, а не с улицы»²¹. О возведении пристройки ходатайствовали ещё в октябре 1948 г., но безрезультатно.

Для получения разрешения на строительство нужен был проект. Составить его члены церковного совета своими силами не могли и обратились за помощью в отдел коммунального хозяйства Котласского горисполкома, который в октябре 1951 г. им в этом отказал, объяснив, что частными заказами они не занимаются²². В декабре 1951 г. о. Николай со старостой Е.И. Ильиным ездили в Архангельск на приём к уполномоченному, который, по словам Образцова, дал им устное разрешение построить пристройку и заявил, что этот вопрос окончательно согласован с председателем Котласского горсовета И.В. Парамоновым. По словам уполномоченного, он лишь рекомендовал обратиться к местным властям, так как прерогатива в этом вопросе принадлежала им²³.

С 1 января 1952 г. Котласский городской финотдел прекратил взимать с главного Стефановского храма налог²⁴, а 28 января члены двадцатки подали заявление в горсовет с просьбой разрешить им официально возвести пристройку к малому храму. Не возражал против временной пристройки и начальник отдела по делам архитектуры при облисполкоме М.Ф. Кибирев, но при двух условиях: технический проект на неё должен быть согласован с горисполкомом и по первому требованию она должна быть немедленно снесена общиной верующих²⁵. Дело затянулось. Точку в этом вопросе поставила специальная комиссия, созданная при горсовете в мае 1952 г. 12 мая члены комиссии с настоятелем Н.П. Образцовым и старостой Е.И. Ильиным осмотрели обе церкви. Было установлено, что большой храм по техническому состоянию не подлежал ремонту и дальнейшей эксплуатации, и его следовало немедленно снести. Возводить пристройку к малому храму не имело смысла, так как участок, на котором располагались церкви, согласно генеральному плану города подлежал реконструкции со сносом всех зданий и сооружений²⁶. Ознакомившись с заключением комиссии, Котласский горсовет 23 мая принял решение: главную Стефановскую церковь разобрать, в пристройке к малому Стефановскому храму отказать; но решил заменить у малого храма каркасное крыльцо на рубленое. До 15 июня

Стефановский храм необходимо освободить и передать отделу коммунального хозяйства горисполкома, которому поручалось в течение года его разобрать²⁷.

Узнав о принятом решении, Н.П. Образцов 23 мая напомнил А.И. Окольничникову ещё раз, что церковный совет был не против сноса большого храма при условии, что им разрешат построить склад, сторожку и пристройку к малому храму. Коснулся он и вопроса планировки этого района, отметив, что ещё в 1949 г., когда речь шла о ремонте большого храма, стало известно, что все постройки в этом районе будут снесены. Прошло три года, «но о постройках со стороны СУРПа и речи пока нет, да и вряд ли Котласский порт будет расширяться, т.к. есть предположение перевести порт в Шипицыно, а если убрать наши оба храма, то на этой площади можно построить небольшой один дом, а основная окружающая территория, как вам известно, застроена складами: межрайонных баз, Маслопромом, райсоюзом, Архторгом»²⁸.

17 июня А.И. Окольничников заверил настоятеля, что оба храма остаются за общиной, а 29 сентября каким-то образом о. Николай узнал, что горсовет 1 октября приступит к слому большого храма. Две тревожные телеграммы полетели из Котласа в Архангельск – одна уполномоченному, вторая епископу Леонтию: «Склада не имеем строить не разрешают, ценностей шестьдесят тысяч рублей ложить некуда». Но 1 октября по телефону председатель горсовета И.В. Парамонов заверил обоих, что «никто церковь ломать не думает»²⁹.

Вопрос о судьбе большого Стефановского храма был решён окончательно в октябре 1952 г. Дело в том, что для сноса аварийных церковных зданий одних решений исполнительных органов власти было недостаточно. Необходимо было получить заключение уполномоченного Совета о признании здания аварийным, угрожавшим обвалом и подлежащим сносу. Такое заключение уполномоченный выдавал после изучения всех документов и актов технического осмотра зданий с участием специалистов и личного осмотра его на месте. А.И. Окольничников такого заключения в отношении Котласского Стефановского храма не дал и заставил горсовет отменить решение о его сносе, за что 27 октября церковный совет от лица всех членов общины выразил ему свою «большую благодарность»³⁰.

В феврале 1954 г., воспользовавшись приездом в Архангельск в конце 1953 г. нового епископа Феодосия, члены церковного совета вновь подняли вопрос о ремонте главного Стефановского храма. На этот раз община просила сохранить его как «историческую давность (древность) деревень этого района Петрухинской, Жерноковой, Слободка, Мартимьяновская, из которых возник город Котлас»³¹. 31 марта от имени общины в Архангельск приехал И.Д. Шишманов. Он посетил облкомхоз и отдел по делам архитектуры при облисполкоме, где сообщил, что котласские городские организации против ремонта церкви не возражали, но необходимо было получить согласие областных организаций. Получив ответ, что этот вопрос решается на месте, ходатай уехал обратно, заявив, что если им в ремонте откажут, то они будут строить новый храм³². Против ремонта не возражал и М.Ф. Кибирев, но выделять денежные средства отказался, так как храм не являлся памятником архитектуры³³. В конце мая, находясь в Котласе по делам службы, уполномоченный Совета П.Я. Сазонов установил, что настоя-

тель Н.В. Пулькин по вопросу ремонта или строительства нового храма никуда не обращался, а активность в этом деле проявлял местный житель – нигде не работающий И.Д. Шишманов. Настоятель был уверен, что он пытался заработать денег на церковных делах³⁴. П.Я. Сазонов договорился с секретарём Котласского горкома партии о запрете ремонта или строительства нового храма, за что получил одобрение от своего начальства: «В отношении ремонта бездействующего здания церкви в г. Котлас Вы правильно поступили»³⁵.

Сложно складывались отношения настоятеля храма Н.П. Образцова с председателем ревизионной комиссии А.П. Ильиным³⁶. В марте 1950 г. патриарху Алексею I была отправлена коллективная жалоба на Образцова, не прослужившего в Котласе и года. Начиналась она словами: «В настоящее время поступил в наш храм человек, который не заслуживает ничего кроме презрения. Отъявленный пьяница, отбывший 10 лет лагеря за свои хулиганские выходки, сидел дважды...». И далее в таком же духе. Досталось даже его жене: «ужаснейшая из женщин». «И как только успели прибыть к нам в Котлас, она уже успела обежать город и рассказать всем своё происхождение и предупреждала, если мой муж будет здесь кому заходить без меня, выбью все рамы, как делала и в Устюге...». Заканчивалась жалоба словами: «Мы не только просим, но требуем от Вас, как блюстителя Веры Христовой, немедленно освободить храм от этих развратников»³⁷. Подписали жалобу шесть человек. До адресата она не дошла, попав в руки А.И. Окольникову, и была возвращена обратно в Котлас, о ней даже не знал епископ Леонтий. Н.П. Образцову было поручено расследовать это дело. Вскоре выяснилось, что написал и отправил жалобу А.П. Ильин, тогда ещё простой член церковной общины. Подписи были подделаны им же, а содержание являлось полной клеветой. Жалоба была оставлена без последствий³⁸.

В январе 1952 г. А.П. Ильин, будучи председателем ревизионной комиссии, дерзнул обратиться к председателю горсовета И.В. Парамонову, чтобы тот просил уполномоченного убрать Н.П. Образцова из города без разрешения церковной двадцатки за самовластие и самовольное расходование денег. Было приведено два примера: выплата просвирне Михиной дополнительного, без разрешения двадцатки, ежемесячного жалования в размере 170 руб.; и отсутствие документов об израсходовании 146 кг белой муки для просфор. Когда А.П. Ильин подал Н.П. Образцову на подпись акт ревизионной комиссии, тот его зачеркнул со словами: «Я хозяин дела, надо мною нет хозяев, церковь отделена от государства. Я полный хозяин распоряжаться денежными средствами»³⁹.

В апреле 1953 г. конфликт между Образцовым и Ильиным разгорелся с новой силой. На собрании двадцатки 8 апреля А.П. Ильина избрали помощником церковного старосты (он же заведовал складом) вместо выбывшего по болезни П.П. Трубина. На следующий день настоятель спрашивал у уполномоченного Совета, как при таких взаимоотношениях ему работать с Ильиным дальше; просил признать выборы недействительными и назначить повторное собрание, а также предупредить Ильина, что если он не изменит своего отношения, то будет уволен от должности⁴⁰. 9 апреля А.П. Ильин принял склад, но в 16 часов того же дня подал заявление об отказе от должности и сдал ключи от склада старосте Е.И. Ильину⁴¹. Обрадованный таким решением, Н.П. Образцов распоря-

дился немедленно принять склад Илье Ивановичу Рубцову и просил уполномоченного зарегистрировать его на службе при храме: «очень хороший и честный человек этот Рубцов, его желает весь приход»; «все хвалят, трезвый, невыпивающий, не курящий и пр.»⁴². Но Рубцову в регистрации поначалу отказали.

А.П. Ильин выдвинул свою версию случившегося: когда он принял склад и пришёл к Образцову с докладом, тот обвинил его, что он «насильно влез. Собрание ты подговорил, и за тебя голосовали и ты прошёл, и ты не должен там быть»⁴³. После таких слов оскорблённый Анатолий Павлович отказался в письменном виде от должности, но члены общины отговорили его от этого шага. Когда он одумался, было уже поздно: настоятель поставил на его место И.И. Рубцова. Ильин просил уполномоченного 12 апреля, несмотря на свой письменный отказ, оставить его в должности помощника старосты⁴⁴.

Н.П. Образцов вновь жалуется на него уполномоченному 7 мая 1953 г.: «Недавно я Вам посылал телеграфом и просил убрать грубого недоброжелателя нашего Ильина Анатолия Павловича. Много о себе думает сей гражданин, без всякого разрешения назначает собрания, думает на меня жаловаться нашему начальству». Далее он сообщает, что службы в церкви проводит один, без помощников: «вот уже целую неделю служу, а Ильин угрожает меня снять с работы. Ещё раз прошу, Анатолий Иванович, освободить нас от такого товарища»⁴⁵. Второй священник Фёдор Юданов часто болел и был временно отстранён от службы по причине подозрения на туберкулёз. В апреле–июле 1953 г. службы за него временно отправлял священник архангельского Ильинского кафедрального собора И.К. Субботин⁴⁶. 22 мая Юданова отправили на медицинское обследование, в ходе которого врачи исключили у него наличие туберкулёза, и все опасения, что он мог служить источником инфекции, отпали⁴⁷.

Длительное время «болел сердцем» и сам Н.П. Образцов, «но церковной службы не покидал. Ходит очень плохо, в зимнее время в церковь с квартиры возили на санках»⁴⁸. В мае 1953 г. по состоянию здоровья он был переведён в заштат, а 18 декабря того же года в возрасте 73-х лет скончался⁴⁹. С 20 мая (по другим данным 31 мая) настоятелем Стефановской церкви был назначен 69-летний протоирей, настоятель Мурманской Николаевской церкви Николай Васильевич Пулькин⁵⁰. Он же стал и благочинным церковью 2-го округа. Роль благочинных с середины 1950-х гг. сводилась лишь к сбору отчётов от настоятелей округа, так как прибывший в декабре 1953 г. на архангельскую кафедру епископ Архангельский и Холмогорский Феодосий самостоятельно, без учёта мнений благочинных, перемещал и снимал с должностей не только священников и псаломщиков, но даже членов церковных советов.

8 июня 1953 г. церковный совет был зарегистрирован в составе Николая Васильевича Пулькина (председатель), Евгения Ивановича Ильина (староста), Анатолия Павловича Ильина (помощник старосты), Александра Петровича Пономарева (казначей)⁵¹. Вскоре А.П. Ильин вновь занял место председателя ревизионной комиссии, а помощником старосты с июля стал И.И. Рубцов⁵². 12 сентября Н.В. Пулькин представил уполномоченному для утверждения список новой церковной двадцатки, состоящей из 24-х человек⁵³.

В 1955 г. в Котласе сменилось три вторых священника. 24 января священник Фёдор Юданов был переведён к Введенской церкви в г. Сольвычегодск, а на его место 25 января назначен священник Николаевской церкви с. Нёнокса Василий Павлович Алышев. 23-летний священник, посвящённый в сан 29 сентября (по другим данным 29 ноября) 1954 г., через два дня сбежал из Котласа. Четыре месяца, с 1 марта до перевода в заштат 14 июля, вторым священником служил Афиноген Павлович Образцов, переведённый из Сольвычегодской Введенской церкви (1886 г.р., священник с 1932 г., был судим). С 15 июля на его место назначен протоирей Фёдор Фёдорович Козминский (1898 г.р., окончил духовную семинарию, священник с 1920 г., судим не был). 13 февраля 1956 г. он был переведён священником к Воскресенской церкви Ямского сельсовета Котласского района. С 13 февраля 1956 г. на должность 2-го священника назначен Фёдор Васильевич Мокрецов⁵⁴.

9 июля 1956 г. скончался диакон церкви Григорий Акимович Лобанов⁵⁵. На должность диакона-псаломщика епископ Никандр 8 августа 1957 г. назначил Николая Георгиевича Барбазу⁵⁶. «С первых дней моего служения в Стефановской церкви, – писал он 5 июня 1958 г. уполномоченному, – я вижу несправедливость. Алтарник (А.П. Ильин. – Е.С.) ходит перед престолом, облакачивается на жертвенник. Я ему делал замечание, а он меня обозвал». Н.В. Пулькин вместо того, чтобы принять меры к А.П. Ильину, написал на Н.Г. Барбазу жалобу епископу, обвинив его в халатном отношении к своим обязанностям. «Но я наоборот служу каждый день у престола и с приготовлением, и отдыха нет. Протоирей сделал с алтарщика хозяина, что теперь сам в его подчинении и делает то, что он скажет». По словам Н.Г. Барбазы, А.П. Ильин обзывал священнослужителей нецензурными словами, грозил закрыть церковь, плохо исполнял своих обязанности. Настоятель не предпринимал никаких мер к А.П. Ильину, потому что тот сказал: «если протоирей уволит алтарщика, то алтарщик затопчет протоирея и оставит его в одной рубашке. Протоирей только и знает, что жаловаться на священство епархиальному начальству, а не то чтобы защитить, а наоборот повышает тех, кого не нужно»⁵⁷. Здесь интересен тот факт, что не обнаружено ни одной жалобы А.П. Ильина на Н.В. Пулькина.

В мае 1957 г. при Стефановской церкви была учреждена должность 3-го священника. 16 августа в ней был утвержден настоятель Богоявленской церкви с. Вилегодского Вилегодского района Иван Васильевич Руденко⁵⁸. Это была не лучшая кандидатура. Приехав в самом конце 1947 г. священником в Архангельскую епархию и прослужив в течение 10 лет в четырёх приходах, Руденко не смог зарекомендовать себя «добрым пастырем»: его везде обвиняли в неподобающем поведении и присвоении церковных денег. В скандалах, связанных с его именем, нередко приходилось разбираться епископам. Такого А.П. Ильин точно не мог стерпеть, и 4 апреля 1958 г. подал уполномоченному П.Я. Сазонову жалобу, обвиняя И.В. Руденко в расходовании и сокрытии церковных денег и предлагая уполномоченному убрать его из Котласа: «У нас теперь 2 священника, кроме его имеется диакон»⁵⁹.

5 июня о. Иоанн оправдывался перед уполномоченным «ввиду того, что у нас идут большие неприятности с алтарщиком Ильиным Анатолием Павлови-

чем и этим наводим большую неприятность настоятелю. Приходится ругаться вынужденно за неоднократное указание на грязь и беспорядок в алтаре, Ильин выражается нецензурными словами в алтаре, но в присутствии настоятеля воздерживается и грозит пальцем, если мне будете указывать я снял троих попов и меня с диаконом снимет... Он же записывает годовые и сорокоусты и т.д. и сам себе делает ревизию»⁶⁰. Указал И.В. Руденко и на инициатора всех ссор в храме: 2-го священника Фёдора Мокрецова. Дело закончилось освобождением И.В. Руденко в декабре 1958 г. по собственному желанию от занимаемой должности. На его место был назначен священник Минской епархии Николай Матвеевич Гуринович⁶¹.

18 сентября 1959 г. распоряжением архиепископа Никандра А.П. Ильин был снят с должности алтарника за халатное отношение к своим обязанностям и за грубое отношение к священнослужителям и членам церковного совета. Об этом ему и членам церковного совета после окончания обедни 23 сентября сообщил Н.В. Пулькин. Он предложил Ильину на вечернюю службу не приходить, сдать всё церковное имущество кладовщику П.П. Трубину, а бухгалтеру произвести с ним окончательный расчёт с начислением 2-недельного выходного пособия. Но Ильин имущество не передал, расчёта не получил, «а зашёл в алтарь, одел пальто, вышел из церкви и вновь вернулся, зашёл в алтарь и что-то вроде передвигал, а потом вышел из церкви по направлению к дому». Сразу же за ним покинула церковь уборщица, закрыв двери на замок и передав ключи сторожу.

В 16 часов священник Ф.В. Мокрецов пришёл на службу к вечерне. Открыв со сторожем дверь, они увидели дым и почувствовали неприятный запах. В алтаре обнаружили: «на столе тумбочки, стоящей у стены на левой стороне, стоит железная коробочка (форма по выпечке хлеба пекарни), [она] была наполнена кадильным углём и зажжена, уголь уже превратился в золу, а от банки сгорела кромка верхней части стола и зауглилось место под коробкой, лежащая около коробки шёлковая тряпка полностью сгорела... у накинутой на стол салфетке отгорел небольшой в квадрате угол... и на этом заглохло, но коробочка была еще чересчур горяча... Надо считать за счастье, что салфетка по какой-то причине затухла, если бы она горела и дальше, то свалилась бы на деревянный пол, на половики, которые касаются престола и иконостаса, произошёл бы полный пожар»⁶². Всё указывало на то, что А.П. Ильин пытался поджечь церковь.

29 сентября при проверке сданного А.П. Ильиным имущества выяснилось, что среди вещей имелись и неучтённые на общую сумму 1087 руб.⁶³ В итоге он лишился и должности председателя ревизионной комиссии, 6 декабря 1959 г. на его место был избран Николай Прокопьевич Нерадовский⁶⁴.

Приведённые выше сведения указывают на сложный клубок взаимоотношений между исполнительными органами церковных общин (церковный совет и ревизионная комиссия) и служителями культа. Постоянные жалобы, тяжбы, доносы друг на друга настоятелю храма, уполномоченному Совету, епископу были характерны не только для Стефановского храма, но и для всех действующих церквей епархии. Очень часто церковные советы и ревизионные комиссии не занимались делами общины, а всей финансово-хозяйственной деятельностью ведал единолично или совместно со старостой настоятель церкви. Это создава-

ло благоприятную почву для воровства и расхищения общинных денежных средств служителями культа, что имело место во многих церквях. Так случилось и в Котласе: Н.П. Образцов с двадцаткой и другими церковными органами не считался, в церковный совет и ревизионную комиссию, по мнению уполномоченного Совета, подбирал угодных ему мирян. Вероятно, такую же политику проводил и Н.В. Пулькин. А.П. Ильин же не позволял расходовать бесконтрольно денежные средства общины, «часто критиковал действия Образцова», и это приводило к конфликтам⁶⁵.

Среди прочих документов о деятельности церкви обнаружен акт от 15 сентября 1958 г. с результатами ревизии кассы и склада. В этот день оказалось: в кассе наличными 29919 руб. 90 коп., ценных бумаг облигаций выпусков Госзаймов на сумму 16663 руб., свечей – 162 кг, муки белой для просфор – 15,5 мешков, парафиновых свечей – 550 шт., свечей архиерейских старого образца – 11 шт., пасхальных – 10 шт., воску пчелиного – 8,4 кг, кагора – 101 бутылка, портвейна – 5,5 л, ладана – 3,5 кг, икон 4х5 см – 180 шт., 6х9 см – 80 шт., цветов для венчания – 2 шт., колец венчальных – 10 пар, крестиков позолоченных – 1800 шт., алюминиевых – 1000 шт. Имелись и строительные материалы: дерматин, листовое железо, листы фанеры, обои, сукно, краска, гвозди, толь, пакля, стекло, олифа, керосин, цемент, мел и др.⁶⁶

В декабре 1958 г. Н.В. Пулькин получил разрешение от уполномоченного Совета вывезти из Васильевской церкви с. Васильевского Удимского сельсовета пригодные для церковного служения вещи и книги, за исключением икон⁶⁷. 9 марта 1959 г. в отчёте П.Я. Сазонову о поездке с членами церковного совета он пишет: «Полный развал. Облачения священнические и диаконские сгнили и пришли в полную негодность. Церковная утварь более частью измятая, к употреблению не годится. Два напрестольных Евангелия большого размера испорчены, середина их вырвана. Оба Евангелия я привёз и привёз и листы, намерен их восстановить. Церковные книги почти все растрёпаны и необходимых для церкви книг мало. Висят 5 паникадил (люстр), висят высоко. Иконы в иконостасах сохранились, но их трудно взять. Да и хранить их в нашем малом храме негде, складов при церкви нет»⁶⁸.

В Стефановскую церковь были привезены колхозниками Удимского сельсовета 34 предмета: пять икон (Божией Матери Иверской без киота, Божией Матери Казанской в киоте малого размера, Божией Матери Владимирской малого размера, Божией Матери запрестольная на древке, священномученика Антипы без киота), четыре хоругви (две матерчатые изношенные с древками, две металлические с древками, в том числе одна без кисточек), три напрестольных Евангелия в оправе «негодные середина вырвана» (предполагалось исправить), три Евангелия малого размера «от сырости негодны», псалтырь большого размера, 13 месячных миней старых потрёпанных, подсвечник выносной металлический поломанный, три диаконских стихаря «негодных к употреблению», плащаница матерчатая «рваная, изношенная, негодная»⁶⁹.

В мае 1960 г. Стефановский храм пополнился вещами из закрытой в феврале того же года Чакульской Спасо-Преображенской церкви Рябовского сельсовета. Были переданы три Евангелия, семь церковных книг, три антиминса, два

напрестольных креста, три ризы, один подризник, один воздух, один крестильный ящик, одно копие, 1784 шт. восковых свечей⁷⁰. Церковные вещи поступали в дар и от частных лиц. В 1960 г. Фёкла Степановна Горынцова из Бабаевского сельсовета завещала Стефановской церкви после своей смерти икону Божией Матери Смоленской Одигитрии. Икона была почитаема в народе: Фёкла Степановна писала, что людей к ней ходит много, «а за всеми дверь закрывать я не могу, ввиду того, что я человек инвалид»⁷¹.

На 1 января 1960 г. при Стефановской церкви состояли: настоятель храма протоирей Николай Васильевич Пулькин (он же благочинный 2-го округа, 1884 г.р.), 2-й священник Фёдор Васильевич Мокрецов (1885 г.р.), 3-й священник Николай Матвеевич Гуринович (1907 г.р.)⁷². 18 января 1960 г. архиепископ Никандр, в связи с газетной статьёй от 17 января в газете «Социалистический север», рассказывающей читателям об отвратительном поведении священника Н.М. Гуриновича, уволил последнего от занимаемой должности⁷³.

18 июля на должность 3-го священника был назначен, согласно прошению, заштатный священник Воронежской епархии Владимир Михайлович Устинов⁷⁴. Но уже 22 июля члены церковного совета составили на него акт о неподобающем поведении: службы вёл невнимательно, посещал рестораны и Дом культуры, распевал светские песни, требовал выдачи подъёмных от 3 до 5 тыс. руб. Просили снять его с работы⁷⁵. В.М. Устинова уволили в заштат без предупреждения и без выплаты положенного по закону 2-недельного жалованья. Устинов же потребовал выдать ему это жалованье в размере 1750 руб., в противном случае грозя подать в Верховный суд, написать жалобу патриарху и даже обратиться в газету «Советская Россия»⁷⁶. Н.В. Пулькин выдать деньги категорически отказался, ссылаясь на то, что за 10 дней работы Устинов получил приличную сумму – 2600 руб. (из них 1000 руб. подъёмных). К тому же епископ Никандр телеграммой от 29 июля просил Пулькина «воздержаться от всяких денежных выдач»⁷⁷. Покинув Котлас, В.М. Устинов продолжал требовать денег: «Не советую доводить до большого скандала, мало того, что нагло оскорбляли и кляузничали на меня, так вы решили затаить, что положено мне. И не пускай легенду, что вы выписали мне 3000 руб. Таких денег я не получал»⁷⁸.

Трудно сейчас, по прошествии стольких лет, разобраться, кто из двоих лукавил. Были ли действительно выплачены Устинову 2600 руб., как утверждал Пулькин; выплатили ли ему 1700 руб. за увольнение без предупреждения, неизвестно. Известно только, что на адрес, по которому проживал В.М. Устинов (ул. Ленина, д. 114), после его отъезда пришло письмо от его жены. Поступило оно без обратного адреса, в порванном конверте. В нём она в полной уверенности, что письмо не попадёт в чужие руки, просила мужа спиртное не пить, с женщинами не общаться, с коллегами не ругаться, свой характер не показывать, а добиваться перевода в Архангельск⁷⁹. Письмо сыграло ключевую роль в признании В.М. Устинова неблагонадёжным. 3 октября 1960 г. на вакантную должность 3-го священника был назначен Василий Георгиевич Щербелев⁸⁰.

Подводя итоги, необходимо отметить, что открытая с 1947 г. в Котласе Стефановская церковь в целом благополучно работала, её посещали не только жи-

тели города и ближайшей округи, но и жители соседних регионов. Несмотря на многие межличностные конфликты внутри церкви, прихожане любили свой храм и бережно к нему относились.

¹ Данная статья является продолжением работы: Студенцова Е.О. Восстановление церковной деятельности в г. Котлас в 1947–1950 гг. // Двинская земля. Вып. 10. Котлас, 2017. С. 374–386.

² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 5620. Оп. 3. Д. 14. Л. 58 об.

³ Биографические сведения о Ф.А. Юданове и Г.А. Лобанове см.: Студенцова Е.О. Указ. соч. С. 380–381, 385. Про Н.П. Образцова по вновь выявленным документам удалось установить следующее: родился 29 мая 1881 г. в г. Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар) Вологодской губернии, в священнической семье. Окончил в 1903 г. Вологодскую духовную семинарию. С 1903 по 1906 гг. преподавал в Гамской образцовой школе Яренского уезда Вологодской губернии. С 1906 по 1931 гг. священник Чучерской Покровской церкви Великоустюгского уезда/района Вологодской епархии, с 1934 г. управлял церковным хором при Ивановской церкви в г. Великий Устюг до её закрытия. Осуждён на 3 года, по другим данным на 5 лет, отбывал срок в ИТЛ (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 18. Л. 47).

⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 117, 142.

⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 109, 111.

⁶ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 121–121 об.

⁷ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 120–120 об.

⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.

⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 104, 142.

¹⁰ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 23. Л. 54; Оп. 3. Д. 40. Л. 142–142 об.

¹¹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 23. Л. 56.

¹² ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.

¹³ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 61. Л. 45.

¹⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 87. Л. 29.

¹⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 94. Л. 82–83.

¹⁶ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 23. Л. 55.

¹⁷ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 20. Л. 13; Оп. 3. Д. 61. Л. 45.

¹⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

¹⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 25. Л. 59.

²⁰ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 26. Л. 33; Оп. 3. Д. 40. Л. 177; Д. 84. Л. 7; Д. 95. Л. 35.

²¹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 107.

²² ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 108.

²³ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 23. Л. 24; Оп. 3. Д. 40. Л. 132, 135.

²⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 64. Л. 14.

²⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 137.

²⁶ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 135–136, 142.

²⁷ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 131, 134.

²⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 132 об.–133.

²⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 148.

³⁰ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 151.

³¹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 69. Л. 30.

³² ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 26. Л. 53.

³³ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 69. Л. 27.

³⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 26. Л. 53.

³⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 26. Л. 59.

³⁶ Родился 19 ноября 1892 г. в д. Власовской Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, в крестьянской семье. Окончил местную церковно-приходскую школу. С 1925 по 1930 гг. занимался сельским хозяйством на родине в Вилегодском районе, с 1925 по 1929 гг. служил старостой в Богородице-Пречистенской церкви. С 1930 по 1935 гг. – столяр строительной конторы на Лимендском заводе, с 1935 г. жил и работал в Архангельске: сначала на судоремонтном заводе, затем на канатной фабрике; с 1951 г. – столяр Котласского горпищкомбината. Судим не был (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 112; Д. 89. Л. 17).

³⁷ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 152–154.

³⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 161–161 об.

³⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 145–146.

⁴⁰ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 161–162, 181.

⁴¹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 181.

⁴² ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 162, 181 об.

⁴³ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 156.

⁴⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 156–156 об.

⁴⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 174.

⁴⁶ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 163; Д. 61. Л. 38, 46.

⁴⁷ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 194.

⁴⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.

⁴⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 63. Л. 38; Д. 70. Л. 1.

⁵⁰ Родился 11 марта 1884 г. в с. Благовещенском Великоустюгского уезда Вологодской губернии, в священнической семье. В 1906 г. окончил Вологодскую духовную семинарию. С 1906 по 1908 гг. служил диаконом в Уцецкой церкви Великоустюгского уезда, с 1908 по 1921 гг. – священником в разных приходах Вятской епархии, с 1921 по 1930 гг. – настоятель Ягрышской Николаевской церкви Федьковского сельского совета Черевковского района. С 1936 по 1939 гг. жил и работал в Архангельске, с 1939 по 1946 гг. проживал в Ягрыше. С 1946 г. продолжил служение православной церкви: сначала священником в Коле Мурманской области, с 1947 г. священником Николаевской церкви в Мурманске. Судим не был (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 14. Л. 58 об.–59; Д. 18. Л. 15; Д. 40. Л. 168–171).

⁵¹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 155.

⁵² ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 180. На общем собрании церковной двадцатки 21 февраля 1954 г. единогласно решили оставить в должности помощника старосты И.И. Рубцова «как относящегося к работе честно и добросовестно». 2 марта 1954 г. церковный совет был вновь зарегистрирован в составе: Е.И. Ильин (староста), И.И. Рубцов (помощник старосты), А.П. Пономарев (казначей). 2 февраля 1955 г. церковный совет зарегистрирован в составе: Е.И. Ильин (староста), И.И. Рубцов (помощник старосты), Н.Д. Кудряшова (казначей). В ревизионную комиссию вошли А.П. Ильин (председатель, исполнял обязанности алтарника), И.И. Рябов и С.Д. Ширяев (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 199, 202, 217–218).

⁵³ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 40. Л. 192.

⁵⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 14. Л. 41, 58 об.–59. Родился в 1885 г. в Яренском уезде Вологодской губернии, в крестьянской семье. Образование среднее. С 1921 по 1928 гг. псаломщик при Урдомской Воскресенской церкви Ленского района, с 1929 по 1930 гг. – диакон, с 1930 г. священник при церкви в д. Козминской того же района. В 1933 г. осуждён на 3 года, заключение отбывал в Ухтпечлаге Коми АССР. С 1948 г. служил священником в Воскресенской церкви Ямского сельсовета Котласского района (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 18. Л. 32; За веру христову. Биографический справочник. Архангельск, 2006. С. 339).

⁵⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 14. Л. 58 об.–59.

⁵⁶ Родился 20 июня 1933 г. в с. Михайловка Черновицкой области (Украина). По национальности румын. В 1950 г. окончил ветеринарную школу, в 1951–1952 гг. обучался в сель-

скохозяйственном техникуме, затем служил в армии. С 1955 по 1957 гг. обучался в духовной семинарии в Ленинграде. Рукоположен в сан диакона 4 августа 1957 г. (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 84. Л. 10–11).

⁵⁷ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 89. Л. 22–23.

⁵⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 84. Л. 20. Родился 13 июня 1898 г. в г. Тотьма. Образование среднее. С 1921 г. жил в Вологде, в 1928 г. посвящён в сан священника. С декабря 1947 г. в Архангельской епархии, 19 декабря того же года переведён в г. Онегу к Лазаревской церкви, с 1952 г. – священник Сретенской церкви с. Заостровья, с 1953 г. – в архангельском Ильинском кафедральном соборе, с 1954 г. – в Богоявленской церкви с. Вилегодского. Судим не был (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 18. Л. 35).

⁵⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 89. Л. 17.

⁶⁰ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 89. Л. 21–21 об.

⁶¹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 87. Л. 49.

⁶² ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 91. Л. 108.

⁶³ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 91. Л. 109.

⁶⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 91. Л. 120.

⁶⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 1. Д. 25. Л. 54–55.

⁶⁶ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 87. Л. 30–30 об.

⁶⁷ Васильевская церковь в с. Васильевском Удимского сельского совета была открыта 10 августа 1948 г., а в начале января 1949 г. по решению Котласского райисполкома без объяснения причин закрыта и в мае снята с регистрации. В ней устроили зерновой склад, но в храме оставались иконостас и церковные вещи. С 1949 г. верующие боролись за открытие храма, с 1953 г. их активно поддерживали епископ Феодосий и благочинный Н. Пулькин. Власти в открытии храма отказывали, ссылаясь на то, что в Котласском районе имелось три действующих церкви: Стефановская в Котласе, Богоявленская в Туровце и Воскресенская в Ямском (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 14. Л. 67 об.; Д. 76. Л. 113, 114; Д. 76. Л. 70).

⁶⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 91. Л. 21.

⁶⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 91. Л. 22.

⁷⁰ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 94. Л. 28, 58–58 об.

⁷¹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 91. Л. 69.

⁷² ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 90. Л. 101.

⁷³ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 95. Л. 5; Социалистический север. 1960. 17 января. С. 4.

⁷⁴ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 95. Л. 68. Родился 14 ноября 1935 г. в г. Оренбурге. Окончил 3 класса Саратовской духовной семинарии (1955), заочно Ленинградскую духовную семинарию (1957). Посвящён в сан в 1956 г. Служил священником в церквях Рязанской и Воронежской областей, в г. Соликамске Пермской области. 4 мая 1960 г., согласно прошению, уволен в заштат с правом перехода в другую епархию, «для устройства в райцентр для врачебных консультаций» (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 95. Л. 80–81 об.).

⁷⁵ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 95. Л. 71–71 об.

⁷⁶ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 97. Л. 47.

⁷⁷ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 97. Л. 46.

⁷⁸ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 97. Л. 44.

⁷⁹ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 97. Л. 49–53.

⁸⁰ ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 95. Л. 84. Родился 8 октября 1935 г. в Могилёвской области. В 1960 г. окончил Минскую духовную семинарию, 2 октября того же года рукоположен в сан священника. Командирован в Архангельскую епархию учебным комитетом при Священном Синоде. Котлас стал его первым местом служения (ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 95. Л. 85).

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ СОВХОЗА «ШИПИЦЫНСКИЙ»

Задачи данной публикации – история совхоза «Шипицынский» в первую половину существования, до 1975 года (иногда будет упомянут и несколько больший период); характеристика хозяйства (направление производства, закрепленные площади, выращиваемые культуры); техническая оснащённость (тракторная техника, электрификация, сельскохозяйственные машины и механизмы, транспорт); динамика экономических показателей (валовое производство по отраслям растениеводства и животноводства, показатели урожайности, надоя молока, удоя от одной фуражной коровы, доход в денежном выражении, себестоимость продукции, прибыль, рентабельность).

В феврале 1958 года Пленум ЦК КПСС рассматривал вопрос «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». 31 марта того же года сессия Верховного Совета СССР на основе постановления Пленума приняла соответствующий закон. Суть новых решений сводилась к реорганизации машинно-тракторных станций (МТС) в ремонтно-технические станции (РТС) с продажей тракторов, комбайнов и другой техники колхозам, которые ранее обслуживались этими МТС. Вся новая техника, которая должна была поступать с промышленных предприятий, через РТС продавалась непосредственно колхозам. На ремонтно-технические станции возлагались ремонт и техническое обслуживание тракторов, комбайнов и других машин, продажа колхозам запасных частей, удобрений и ядохимикатов, прокат машин, а также другие виды технической помощи колхозам. Реорганизация МТС и выкуп техники колхозами были проведены быстро, в течение 1958–1959 гг.¹ Следующим шагом, усиливавшим в аграрной экономике государственное начало, стало массовое создание совхозов, пик которого пришелся на 1960–70-е годы. В Котласском районе первыми совхозами, сформированными на основе объединения колхозов, стали созданные в 1959 году совхоз «Шипицынский», о котором и пойдет далее речь, и совхоз «Пачеозерский».

Совхоз «Шипицынский» был образован 21 марта 1959 года на базе колхоза «Ленинский путь», в который ранее решениями исполкома Котласского районного Совета депутатов трудящихся от 23.03.1958 и 10.03.1959 были включены пять колхозов на обширной территории от деревни Куимиха Удимского сельсовета до деревни Кузнецово Кузнецовского сельсовета. Также в состав совхоза с 1 апреля 1959 года вошла территория на части землепользования Архангельской государственной сельскохозяйственной опытной станции Курцево, а именно – участок «Губино», контора которого находилась в одноименном микрорайоне рабочего посёлка Шипицыно².

При организации совхоза основным направлением его деятельности являлось молочно-овощное, в дальнейшей перспективе – молочно-овощное с реализацией племенного молодняка. Совхоз располагался на левом берегу реки Северной Двины и занимал в основном коренной берег, а также прилегающие к

нему участки поймы. Центральная усадьба находилась в деревне Куимиха, расположенной в 12 км от города Котласа и в двух километрах от ближайшей железнодорожной станции Ядриха. Всего на территории совхоза насчитывалось 53 населенных пункта, из которых наиболее крупными были п. Шипицыно (в нём к совхозу относился микрорайон Губино), деревни Куимиха, Прислон, Ядриха, Вондокурье, Уртомаж. Мелкие населенные пункты численностью менее 10 человек в перспективе подлежали переселению и сносу³.

На момент образования совхоз имел общую площадь сельскохозяйственных угодий 23878 га и численность рабочих и служащих 1240 человек. После отработки 6 месяцев женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет (всего порядка 500 человек) были выведены на пенсию⁴.

Первым директором совхоза стал Владимир Дмитриевич Трубин, ранее руководивший Удимской МТС, а после её расформирования Удимской РТС. В должности директора совхоза В.Д. Трубин проработал до 14 июня 1960 года, после чего по состоянию здоровья вынужден был этот пост оставить; в дальнейшем в совхозе работал старшим экономистом, в 1963 году был избран освобождённым секретарём партийной организации совхоза, а в конце 1965 года возглавил планово-экономический отдел райсельхозуправления и вместе с семьёй переехал в Котлас.

Трубина на посту директора совхоза сменил ранее работавший управляющим отделением «Губино – Прислон – Вондокурье» Василий Иванович Старков. Он работал директором совхоза до 15 ноября 1963 года, затем вышел на пенсию. После Старкова директором совхоза был назначен Дмитрий Яковлевич Нифанин, прежде работавший инструктором-организатором Котласского райкома КПСС, а ещё ранее – председателем колхоза имени Карла Маркса Приводинского поссовета. Д.Я. Нифанин руководил совхозом по 6 апреля 1967 года, после чего перешел на работу директором Котласской государственной станции по искусственному осеменению сельскохозяйственных животных⁵.

У Нифанина пост руководителя совхоза принял Александр Иванович Лахтионов (ранее возглавлявший «Сельхозтехнику»), а в феврале 1981 года директором был назначен работавший главным ветеринарным врачом этого же хозяйства Юрий Алексеевич Чаплинский. В декабре 1987 года Ю.А. Чаплинского, который перешёл работать директором среднего профессионального технического училища № 43 в пос. Шипицыно, на посту директора совхоза сменил Анатолий Викторович Гинтов, проработавший в этой должности до реорганизации совхоза в товарищество с ограниченной ответственностью (ТОО) «Двинское» в ноябре 1992 года (дата регистрации 20.11.1992). Он же, уже в должности председателя ТОО «Двинское», возглавлял эту организацию до октября 1994 года⁶.

При организации совхоза в его состав входило три больших отделения, в свою очередь состоявшие из трёх – четырёх бригад каждое. Центральное отделение возглавил бывший партийный работник, направленный в своё время председателем в один из отстающих колхозов, Семён Павлович Плюснин. Руководителем второго отделения (Губино – Прислон – Вондокурье) стал работавший ранее секретарём Черевковского райкома КПСС, затем заместителем директора Удимской МТС по политчасти Василий Иванович Старков. Третье

отделение (Горка – Уртомаж – Кузнецово) возглавил бывший председатель колхоза «Ленинский путь» Иван Иванович Дьяков⁷.

Назначенный первым директором совхоза «Шипицынский» В.Д. Трубин позднее вспоминал, что вновь образованным совхозам были открыты кредиты и предоставлена возможность самостоятельного планирования развития. Удалось отойти от малоэффективной травопольной системы благодаря широкому применению минеральных удобрений и извести, которые стали производиться отечественной промышленностью в больших количествах. Для внесения их на поля поставлялись специальные туковые сеялки. При этом не забывались и местные органические удобрения: торф, навоз, компосты. В совхозе появились специальные тракторные прицепы для разбрасывания органики и фронтальные погрузчики, которые навешивались на трактора ДТ-54.

Одним из главных направлений совхоза первоначально стало картофелеводство. Здесь на смену ручному труду пришла комплексная механизация по всему циклу выращивания этой культуры: для посадки – картофелесажалки, для окучивания – плужные культиваторы, для уборки – сначала картофелекопалки, а потом и картофелеуборочные комбайны. Вывозку с полей, перевалку, сортировку, закладку на хранение во вновь построенные картофелехранилища тоже удалось в значительной степени механизировать. Но для подборки картофеля после картофелекопалок и комбайнов всё же приходилось применять труд школьников и работников промышленных предприятий, направляемых в совхоз по разрядке советских органов.

Благодаря внедрению специальных механизмов – рассадопосадочных комбайнов, поливальных машин, культиваторов овощеводство с небольших участков вышло на широкие поля. Капусту и корнеплоды стали выращивать в больших количествах и «завалили», по выражению В.Д. Трубина, этой продукцией рынки Котласа и Коряжмы.

В животноводстве на фермах всё шире внедрялись машинная дойка, автопоилки, транспортеры для уборки навоза. Но в рационе крупного рогатого скота в зимнее время традиционно преобладало сено лишь с незначительной добавкой отрубей или других кормов, что сдерживало наращивание производства молока и мяса.

В совхозе стали делать силос, при этом применять более прогрессивную и простую технологию приготовления силоса в силосных траншеях, а не в силосных башнях, как практиковалось ранее. Для выращивания зелёной массы на силос с привлечением Сольвычегодской лесомелиоративной станции провели мелиорацию поймы на площади 4 тыс. га между деревнями Куимиха и Курцево. Участок назывался «Подгорье». К тому времени появились и новые, более питательные культуры для силосования: вико-овсяные смеси, бобовые, подсолнечник, клевер, люцерна, недозревшие зерновые. Уборка механизировалась, в совхоз поступали прицепные роторные кормоуборочные косилки «КИР», которые сразу косили кормовые травы, измельчали их и транспортёром грузили в прицепленную сзади тракторную телегу.

В первые же годы после образования совхоза началось строительство. Были построены зернотоки в д. Пускино и на центральной усадьбе в Куимихе. Они

оснащались механизмами для сушки и очистки зерна. Строились картофелехранилища, мастерские в отделениях, гаражи, конторы. На центральной усадьбе были возведены просторная столовая, новая контора совхоза. Как вспоминал В.Д. Трубин, труднее давалось жилищное строительство, но всё же до его отъезда из Куимихи в 1966 году были построены два 4-квартирных дома, заложены два 2-этажных дома, совхоз активно помогал индивидуальным застройщикам стройматериалами и ссудами⁸.

На 1964 год отделений в структуре совхоза уже не было, весь совхоз состоял из восьми бригад. 12 апреля 1964 года восьмая бригада совхоза «Шипицынский» со всеми землями и рабочими в количестве 98 человек была передана образованному в 1961 году на землях Забелинского и Песчанского сельсоветов совхозу «Зебелинский». В эту бригаду входили деревни, расположенные севернее речки Туровец⁹.

Земельный фонд совхоза после отделения восьмой бригады составил по состоянию на 1965 год 13196 га, из них сельхозугодий 7392 га, пашни 2218 га, сенокосов 2296 га, пастбищ 2562 га. До 1975 года основные цифры по землепользованию существенно не менялись¹⁰.

Для характеристики севооборотов и почвенно-климатических условий совхоза в период его становления приведём выдержки из «Объяснительной записки к плану организационно-хозяйственного устройства совхоза...», составленному Архангельской изыскательской экспедицией «Росгипрозема» в 1971 году:

«...Севообороты были введены в 1959 году, позднее они пересматривались и утверждались в 1962 и в 1966 годах, но полностью не освоены. Правильное чередование культур по полям и годам по принятой схеме практически не выдерживалось. Выращивание картофеля и овощей производилось на постоянных массивах преимущественно вблизи дорог и пунктов сдачи. Это объяснялось также отсутствием подходящих участков под картофель и овощи... Состояние внутрихозяйственных дорог удовлетворительное лишь в сухое время, во время дождей дороги размокают, покрываются толстым слоем грязи и становятся труднопроходимыми... наибольший удельный вес в структуре посевов занимают кормовые культуры, зернобобовые, а затем уже картофель и овощи...»¹¹.

Из овощей в 1960-х годах выращивали капусту, морковь, свеклу, редьку, огурцы, лук на перо. Для выращивания ранних огурцов, лука и рассады капусты использовались парники и теплицы. В 1966 году в парниках (на 2912 рам) и теплицах (площадь 1800 кв. м) выращено, помимо рассады, 379 ц огурцов. Но их себестоимость значительно превысила плановую и в парниках составила 47,26 руб. за 1 ц (по плану 38,86), а в теплицах 68,05 руб. за 1 ц (по плану 33,00)¹².

В 1967 году в совхозе было 7 электростанций, на которых выработано 262 тыс. кВт-ч электроэнергии. Электроснабжение было автономное, электростанции запускались только в утренние и вечерние часы в основном на время доек на фермах. Если позволяла мощность, от этих электростанций проводилось электрическое освещение в соседние с фермами деревни. Проводились работы по подключению к централизованному энергоснабжению, в связи с чем число регулярно работавших совхозных электростанций к 1970 году уменьшилось до одной (остальные тоже оставались в совхозе, но в качестве резервных). На ко-

нец 1970 года в совхозе имелось 11 понижающих трансформаторов и 70 км электролиний низкого напряжения (40 км было введено в эксплуатацию непосредственно в 1970 году), присоединённых к государственным электролиниям. За год было получено от государственных энергосистем 741 тыс. кВт-ч электроэнергии¹³.

В феврале 1968 года в совхозе были вновь созданы три отделения с центрами в д. Куимиха, п. Шипицыно (Губино) и д. Вондокурье, в состав которых входили тракторно-полеводческие бригады и фермы¹⁴. В 1971 году была произведена очередная реорганизация структуры управления совхозом, созданы вместо трех семь отделений¹⁵.

В марте 1965 года состоялся Пленум ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Он осудил практику мелочного администрирования и командования, признал необходимым снизить объёмы заготовок, повысить закупочные цены, установить стабильные на пятилетку объёмы закупок; были намечены меры по увеличению инвестиций в совхозные строительство и мелиорацию. Намеченные Пленумом меры получили свое развитие в решениях состоявшегося в 1966 году XXIII съезда КПСС и дали заметный рост производства сельского хозяйства в целом по стране. Как отметил в своей работе А.А. Никонов¹⁶, «...вторая половина 60-х гг. дала самый высокий абсолютный (27,3 млрд руб.) и относительный прирост (21,3%) сельскохозяйственной продукции. Дальше он начал из пятилетия в пятилетие стремительно падать. Среднегодовой прирост в первой половине 80-х гг. едва достигал 1 %. Снижение темпов роста будет еще нагляднее, если сопоставить объёмы производства с инвестициями». Как увидим ниже, описываемый нами совхоз к концу 1960-х – началу 1970-х годов по итогам года также будет иметь положительный баланс и рентабельность.

Выступая на совещании передовиков производства совхоза «Шипицынский» 11 марта 1972 года после подведения итогов 1971 года, секретарь райкома КПСС Н.И. Логачев отметил: «Ваше хозяйство идёт впереди других. Районный комитет партии доволен вашей работой». По итогам работы в 1971 году совхозу «Шипицынский» было вручено переходящее Красное знамя райкома КПСС и Котласского райисполкома. Выступивший на этом же совещании директор соседнего совхоза «Забелинский» И.С. Козак, не стесняясь, похвалил «шипицынцев»: «На всех совещаниях ставим в пример ваше хозяйство»¹⁷.

В 1971 году при подготовке плана организационно-хозяйственного устройства совхоза «Шипицынский» был сделан сравнительный анализ размеров землепользования и степени использования земли в трёх соседних совхозах Котласского района (см. таблицу 1). Цитата из объяснительной записки к плану: «Итоговые данные показывают, что более продуктивно земля используется в совхозе “Шипицынский”...»¹⁸.

Чтобы заинтересовать работников в увеличении выпуска продукции, в 1972 году было организовано звено с безрядной системой оплаты труда, то есть по конечной продукции. Это было звено по возделыванию капусты З.А. Нерадовской. Ему установили аккордную расценку 2,5 руб. за 1 ц выращенной капусты. В зависимости от качества выполнения работ, производительного или нет ис-

пользования рабочего времени, трудовой дисциплины работникам звена согласно приказу было решено выплачивать премию до 30 % их заработка¹⁹.

Таблица 1

Размеры землепользования и денежные доходы совхоза «Шипицынский» и соседних с ними совхозов (средние данные за последние три года)

Совхозы	Сельхозугодий на одно хозяйство (га)		Денежных доходов на 100 га сельхозугодий (тыс. руб.)	Стоимость валовой продукции на 100 га сельхозугодий (тыс. руб.)
	Всего	В том числе пашни		
«Шипицынский»	7266	2166	12,0	15,7
«Забелинский»	9729	3339	7,3	10,3
«Песчанский»	8873	2275	10,6	15,2
В среднем по совхозам района	39322	10839	9,4	12,6

Таблица 2

Валовое производство основных видов продукции в совхозе «Шипицынский», ц²⁰.

Годы	молоко	привес КРС	зерновые и зернобобовые	овощи отк. грунта	картофель
1961	25498	2026	3169	11585	31381
1962	24981	нет данных	нет данных	12102	11338
1963	28456	нет данных	нет данных	12575	15598
1964	23335	1735	5662	14675	25137
1965	24544	1831	7046	11160	24122
1966	24807	1954	7408	5752	14910
1967	26258	1945	11502	20000	17593
1968	26909	2079	7850	9111	13745
1969	26651	2104	7376	9561	11312
1970	27393	2120	12150	16615	19291
1971	30277	2195	10738	12976	13520
1972	30690	2268	5093	8042	9951
1973	31251	2431	13154	23903	18440
1974	32659	2143	8640	25438	14559
1975	35168	2732	13792	31771	10562

Примечание к таблице № 2 и последующим: за 1962–1963 гг. некоторые данные отсутствуют ввиду утраты документов при пожаре конторы совхоза в октябре 1964 года; валовое производство зерновых и зернобобовых, а также их урожайность даны в первоначально оприходованном весе (до очистки и высушивания зерна), как было принято в те годы.

Шло обновление сельскохозяйственной техники. В 1973–1975 гг. в совхоз поступило 39 новых тракторов, списано 27 старых; поступило 29 новых тракторных прицепов, списано 28 старых; поступило 4 новых автомобиля, списано 2 старых; поступило 2 новых силосоуборочных комбайна, списано 2 старых; поступило 2 новых зерноуборочных комбайна, списан 1 старый. И это не считая поступления новых сеялок, косилок, доильных агрегатов, транспортёров для уборки навоза. Для общего представления о том, каким был в совхозе трак-

торный парк, достаточно привести цифры, что на начало 1974 года в совхозе было 72 трактора всех марок и 34 тракторных прицепа²¹. На 1 января 1973 года в совхозе были грузовые автомобили следующих марок: пять ГАЗ-93, три ГАЗ-51, два ГАЗ-53, три ЗИЛ-ММЗ-555-самосвал. Легковых – два ГАЗ-69, два «Москвича». Также имелся автобус на 20 сидячих мест, пожарная автомашина, два автомобиля-мастерские («техпомощь»)²².

На 10 декабря 1974 года из общего количества работающих в совхозе 498 человек числилось: доярок – 54, телятниц – 31, скотников-пастухов – 33, техников по искусственному осеменению – 3, птичниц – 2, конюхов – 7, трактористов – 74 (в т.ч. мастеров-наладчиков – 3), шоферов – 15, электросварщиков – 1, электромонтеров – 2, токарей – 1, слесарей по ремонту техники – 2, кузнецов – 3²³.

С 1969 года, в связи с вводимой специализацией, началась плановая продажа молодняка КРС в другие хозяйства, специализировавшиеся на откорме крупного рогатого скота: в частности, в колхоз имени Калинина Реважского сельсовета, часть бычков сдавалась на мясокомбинат. поголовье КРС с годами постепенно наращивалось: если на конец 1965 года оно составляло 1996 голов (из них коров 1015), то на конец 1975 года – уже 2401 (из них 1166 коров)²⁴.

Таблица 3

Показатели урожайности основных культур (ц/га), годовых удоев молока в среднем на 1 фуражную корову (кг), среднесуточных привесов молодняка КРС (г)²⁵.

Годы	Урожайность								удой	привес
	рожь оз.	пшен. яр.	ячм. яр.	овес	горох	картоф.	овощи	корм. корн.		
1961	4,7	4,5	–	6,4	6,8	61,3	118,6	428,0	2297	н/д
1962	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2261	475
1963	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2439	421
1964	8,7	12,1	5,7	5,6	7,4	100,0	152,8	531,0	2340	500
1965	10,3	14,0	16,8	12,2	6,1	120,0	110,0	374,0	2450	467
1966	12,8	12,8	10,2	7,2	6,0	82,8	59,9	794,5	2523	442
1967	12,1	12,4	18,0	17,1	15,3	95,6	200,0	385,0	2673	492
1968	11,8	14,8	15,5	14,2	13,0	76,3	90,0	272,0	2794	500
1969	13,6	12,7	15,6	13,1	5,4	64,6	97,5	317,0	2764	502
1970	15,1	14,8	18,5	15,2	16,0	110,0	184,6	276,0	2833	498
1971	12,8	–	19,3	18,7	16,1	167,0	111,8	103,0	3089	482
1972	9,4	–	9,3	6,9	3,5	115,0	69,9	130,0	3045	485
1973	15,4	–	21,3	15,7	13,0	217,0	199,2	260,2	2937	522
1974	12,3	–	13,8	14,3	–	182,0	212,0	336,7	3021	466
1975	17,2	–	19,3	15,8	–	132,0	235,3	214,1	3104	549

Примечание: с 1971 года чистый горох не выращивали, поэтому в графе «горох» имеется в виду урожайность смеси «горох с овсом»; прочерк в строке означает, что культура в этом году не выращивалась.

Зерновые и зернобобовые культуры выращивались исключительно в фуражных целях для кормления собственного скота и птицы. Для их переработки в корма в совхозе имелись установки ДКУ, часть зерна обменивалась на Котласском элеваторе (вступил в строй в декабре 1971 года) или у других по-

ставщиков на комбикорма. План поставок зерна и зернобобовых государству отсутствовал²⁶.

От выращивания картофеля совхоз постепенно ушёл. Большинство лет для совхоза «Шипицынский» эта культура была убыточной ввиду высокой себестоимости работ по её выращиванию. Несмотря на относительно высокую (и недешёвую) механизацию производственного цикла его выращивания, ручная выборка и погрузка для вывозки с поля, судя по отчётам за 1964 год, составляла от общего количества 57 %²⁷. Для уборки картофеля ежегодно привлекались порой до двух сотен сторонних помощников: студентов вузов, учащихся школ и училищ, работников шефствующих организаций. Но даже при такой помощи из-за погодных условий (затяжные осенние дожди, вязкие почвы), а, возможно, и организационных просчётов, уборка порой затягивалась до второй половины октября (в 1964 году убрали даже после 22 октября, из-за чего расценки по оплате труда на его уборке были увеличены приказом по совхозу на 20 %²⁸), в итоге часть урожая оставалась на полях необранной, а собранные клубни ввиду высокой влажности при сборе давали значительный отход при хранении. Площади под картофель с каждым годом сокращались²⁹, в 1978 году картофель совсем не сажали, а в 1979 году выращивали последний раз.

Несмотря на совершенствование агротехники и семенного дела, как видно из таблиц, результаты выращивания сельскохозяйственных культур в зоне рискованного земледелия давали большой разброс из года в год по урожайности и валовому сбору. Имели место следующие факторы риска: вымораживание или вымокание озимых культур, весенние возвратные заморозки, поздняя влажная весна, затягивавшая сроки сева яровых (техника порой просто не могла заехать на поля); холодное лето с затяжными дождями, создававшее трудности с заготовками сена, уборкой зерновых, вспашкой зяби; дождливая осень, становившаяся причиной затягивания уборки овощных культур, картофеля, кормовых корнеплодов; и другие отрицательные стороны северного климата. Практически ежегодно активировались убытки от стихийных бедствий: 1964 год – 23763 руб., страхового возмещения нет; 1965 год – 756 руб.; 1966 год – 4020 руб., возмещения нет; 1967 год – убытков от стихийных бедствий не зафиксировано; 1968 год – 51578 руб., возмещены полностью; 1969 год – 3000 руб., возмещены полностью; 1970 год – убытков от стихийных бедствий не зафиксировано; 1971 год – 25876 руб., данных о страховом возмещении нет; 1972 год – 22838 руб., данных о страховом возмещении нет; 1973 год – убытков от стихийных бедствий не зафиксировано; 1974 год – 76552 руб., возмещено 49500 руб.; 1975 год – убытков от стихийных бедствий не зафиксировано³⁰.

В 1964 году совхоз являлся планово убыточным. Из годового бухгалтерского отчёта следовало, что убыток от реализации продукции в 1964 году (сдача государству и прочая реализация) должен был составить по плану 59500 руб., а фактически составил в пересчете на планируемые цены 29798 руб., то есть оказался ниже планируемого – получилась как бы экономия. Но расходы хозяйства составляли и другие виды деятельности, поэтому общий убыток оказался намного выше (-182434 руб.). В плане было заложено покрытие из государственного бюджета плановых убытков от реализации сельскохозяйственной продук-

ции на сумму 67000 руб., кроме того – покрытие плановых убытков от эксплуатации жилищно-коммунального хозяйства на сумму 5800 руб.³¹ Представить данные по покрытию убытков позднее 1964 года невозможно, так как в дальнейших годовых отчётах графы покрытия плановых убытков по каким-то причинам не заполнялись.

Обращает на себя внимание вопрос рентабельности производства продукции животноводства. Первоначально, как видим из таблицы № 4, это производство было убыточным, главным образом из-за высокой себестоимости единицы продукции и низкой продуктивности стада. Так, в 1964 году себестоимость 1 центнера мяса КРС в живом весе составляла 97,42 руб. при плане 87,26 руб.³²

Таблица 4

Прибыль, убыток (-) совхоза «Шипицынский» по основным видам деятельности (выборочно) и общий результат, руб.³³

Годы	зерновые и з/бобовые	картоф.	овощи	итого по раст-ву	молоко	мясо КРС	итого по жив-ву	чистый результат
1961	н/д	6202	17261	11059	-121630	-3897	-150876	-178674
1962	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1963	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
1964	н/д	3137	4616	8233	-136806	-6318	-146707	-182434
1965	н/д	445	-11912	-11323	-54315	30477	-10404	-102317
1966	н/д	-12466	-53120	-65586	-100587	76186	н/д	-181438
1967	н/д	-12322	40283	27961	-3307	90401	111954	82408
1968	н/д	-18438	-22028	40466	10320	81140	102711	5241
1969	561	-45644	-56029	-101125	33721	48572	106389	-114077
1970	847	-1568	58311	н/д	82038	105045	н/д	192243
1971	-148	13258	30010	40945	156903	111998	320225	254440
1972	150	-793	-27012	н/д	143044	101513	н/д	168932
1973	-19	4622	88154	н/д	46112	56667	н/д	157528
1974	-184	-1567	119266	н/д	78028	36967	н/д	172020
1975	-174	-4797	141239	н/д	160602	115335	н/д	429657

Примечание: в годовых бухгалтерских отчётах с 1972 по 1975 годы отсутствовали графы, обобщающие прибыльность или убыточность в целом по растениеводству или животноводству.

Динамика себестоимости единицы продукции совхоза «Шипицынский» в 1960-х годах выборочно была проанализирована в 1971 году при планировании организационно-хозяйственного устройства хозяйства на последующий период. Как сказано в пояснении к анализу, «основной причиной высокой себестоимости продукции животноводства являются непомерно высокие затраты на производство кормов и недостаточный уровень механизации на животноводческих фермах. Подсчитано, что в среднем за три года (1966–1968 гг.) в структуре себестоимости молока и мяса на долю оплаты труда и кормов приходится 75,2 %. Затраты только на одни корма составили 53,1 %... До 1968 года растениеводство в совхозе зачастую было малорентабельным из-за больших затрат и низкой урожайности»³⁴.

Для примера также можно привести данные по себестоимости кормовых культур из годового отчёта за 1966 год. В том году себестоимость одного центнера кормовых корнеплодов составила 3,41 руб. против плановой 2,13 руб.; силоса – 2,19 руб. при плане 1,52 руб.; многолетних трав на сено 2,78 руб. при плане 2,57 руб.; сена естественных сенокосов 2,79 руб. при плановой 1,92 руб. Себестоимость картофеля и овощей также значительно превышала плановую: себестоимость 1 ц картофеля в 1966 году составила 9,38 руб. при плане 7,05 руб.; овощей 15,01 руб. при плане 7,06 руб.³⁵ Отсюда и убытки, которые, естественно, покрывались из бюджета государства.

Таблица 5
Динамика и уровень себестоимости единицы продукции за 1965–1968 гг.³⁶

Вид продукции	Себестоимость центнера продукции по годам и периодам, руб.					
	1965	1966	1967	Среднее за 3 года	1968	В 1968 г. в % к среднему уровню за три предш. года
Зерно	13-68	15-26	10-58	13-18	13-00	98,6
Картофель	6-70	9-38	8-18	8-08	10-41	128,8
Овощи	8-13	15-01	5-32	9-49	8-46	89,1
Силос	1-52	2-19	1-44	1-72	1-80	104,6
Сено ест. сенокосов	2-54	2-79	3-22	2-85	2-61	91,6
Молоко	18-31	20-89	17-44	18-88	18-61	98,5
Привес КРС	97-17	113-97	105-90	105-68	120-75	114,2

В дальнейшем, видимо, путём налаживания племенной и ветеринарной работы, механизации заготовки сена и уборки его в оптимальные сроки, увеличения кормовой базы за счет силоса, кормовых корнеплодов, комбикормов, отходов овощей, продуктов переработки зерновых культур, в результате строительства новых, удобных, механизированных и теплых ферм, заявленного еще в 1965 году на Пленуме ЦК КПСС повышения закупочных цен на продукцию совхоз пришел к тому, что производство молока и мяса с 1968 стало приносить прибыль, и сам совхоз стал рентабельным. Хотя, по мнению некоторых экономистов, «вопрос о прибыльности или убыточности сельскохозяйственного производства в СССР – очень непростой, в первую очередь из-за того, что в централизованно регулируемой экономике с ее планово и достаточно произвольно устанавливаемыми ценами практически невозможно адекватно оценить затраты и результаты деятельности хозяйств»³⁷.

Тем не менее, в отсутствие рынка упомянутые выше решения 1965 года повысить закупочные цены, увеличить инвестиции в совхозные строительство и мелиорацию благоприятно сказались на экономике сельскохозяйственных предприятий. Но при государственном регулировании розничных цен, когда они порой в разы оказывались ниже закупочных, это влекло постоянное бюджетное покрытие разницы цен на различные товары, включая продовольствие, что являлось одной из причин товарного дефицита. С ним государство пыталось бороться. После принятия в мае 1982 года известной «Продовольственной

программы» и 7 июля 1983 года – совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 607 «О совершенствовании экономических взаимоотношений сельского хозяйства с другими отраслями народного хозяйства»³⁸, стали устанавливаться «дифференцированные надбавки к ценам» для отдельных хозяйств по зонам и внутри зон, а также введены надбавки для низкорентабельных и убыточных хозяйств, а фактически – «индивидуальное ценообразование для каждого хозяйства на уровне фактических издержек»³⁹.

Начиная с 1983 года, должно было осуществляться «исчисление индексов закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, оптовых цен на промышленную продукцию, реализуемую сельскому хозяйству, расценок и тарифов на услуги, оказываемые колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям»⁴⁰. В итоге на каждую пятилетку должен был вырабатываться норматив «совокупной рентабельности сельскохозяйственного производства»⁴¹. Такая искусственная зарегулированность ценообразования в стране вела только к путанице, диспропорциям в экономике, к не отражающей реальность отчётности и отсутствию стимулов трудиться действительно эффективно. Продуктов и промышленных товаров на полках магазинов не прибавлялось. Средства в сельское хозяйство вкладывались, но отдача от них всё уменьшалась.

Тем не менее, в 1960-70-е годы нужно рассматривать как положительный момент вложение в сельское хозяйство государственных средств и рост в течение всего рассматриваемого периода стоимости основных фондов совхоза «Шипицынский». Так, в 1965 году стоимость основных фондов хозяйства выросла с 1655754 руб. в начале года до 1891634 руб. в конце года; за 1970 год стоимость основных фондов выросла с 2329037 до 2626900 руб.; за 1975 год – с 3430269 руб. до 3969328 руб.⁴². Таким образом, за десять лет с конца 1965 по конец 1975 года стоимость основных фондов совхоза увеличилась в 2,1 раза.

На 31 декабря 1971 года в совхозе имелось из построек и сооружений девять зернохранилищ на 600 т, пять зерноочистительных и зерносушильных пунктов производительностью 4 т/час, два картофелехранилища на 300 т, четыре склада минеральных удобрений площадью 500 кв. м, десять теплиц общей площадью 4500 кв. м и парники на 3532 рамы. Помимо приспособленных помещений для содержания КРС, лошадей, птицы, имелись капитальные, построенные по типовым проектам 4 коровника на 720 голов, 6 телятников на 725 голов, 4 конюшни на 120 голов⁴³.

На 31 декабря 1975 года в хозяйстве имелось уже десять зернохранилищ общей вместимостью 1600 т, а пять зерноочистительных и зерносушильных пунктов были объединены в один зерноочистительно-сушильный пункт производительностью 20 т/час⁴⁴.

Необходимо отметить рост производительности труда. Если в 1966 году, когда в бухгалтерских отчётах совхоза появился этот показатель, производство валовой продукции в сопоставимых ценах 1965 года на 1 работника, занятого в сельскохозяйственном производстве, составляло 98 копеек в час (чел.-час), то в 1975 году этот показатель составлял уже 1 руб. 78 коп.⁴⁵ В то же время снижалось и количество работников, занятых непосредственно в производстве сель-

скохозяйственной продукции: с 614 чел. в 1966 году до 454 в 1975 году⁴⁶, что объясняется прежде всего сокращением общего числа работающих в совхозе (за тот же период – с 655 до 500 человек), а также повышением механизации и снижением доли ручного труда в производстве продукции.

Труд передовиков производства отмечался как на уровне хозяйства, района, области (грамоты, почётные профессиональные звания «Лучшая доярка», «Лучший механизатор» и т.д.; денежные премии, подарки, знаки ударников пятилеток, победителей социалистического соревнования; занесение в Книгу почёта, размещение фотографий передовиков на Доске почёта, предоставление бесплатных туристических путевок), так и высокими правительственными наградами. В 1971 году был награжден Орденом Трудового Красного Знамени механизатор совхоза Леонид Иванович Горынцев⁴⁷, в 1973 году правительство наградило орденами Трудового Красного Знамени Галину Дмитриевну Безносикову – телятницу совхоза, Капитолину Александровну Докшину – доярку, и Фаину Александровну Зинину – главного агронома совхоза. Тогда же орденом «Знак Почёта» была награждена Ираида Александровна Сидельникова – управляющая пятым отделением совхоза⁴⁸. Директор совхоза А.И. Лахтионов награждён в 1971 году орденом Октябрьской революции, а в 1976 году орденом Трудового Красного Знамени⁴⁹. В 1978 году орденом Трудовой Славы III степени был награждён механизатор Василий Прокопьевич Голдин⁵⁰. И это только часть награждённых.

Росла и заработная плата. Так, среднегодовая зарплата тракториста-машиниста в 1966 году составляла 924 рубля, а в 1975 году уже 2433 рубля, у доярки соответственно 1038 рублей и 2627 рублей. Конечно, существенно ниже была зарплата у разнорабочих, но и она за 10 лет выросла почти на 80 %: с 808 до 1438 рублей⁵¹.

Таким образом, несмотря на трудности становления, совхоз «Шипицынский» в рассматриваемый период наращивал производство сельскохозяйственной продукции, в целом повышал урожайность культур, удои молока, привесы животных; наращивал техническую оснащённость в растениеводстве и животноводстве. Росла производительность труда, увеличивались капитальные вложения. Из-за необходимости постоянного обновления техники, низкой продуктивности почв, неустойчивости погодных условий, короткого вегетационного периода эти вложения не всегда бывали экономически эффективны, а высокая себестоимость продукции делала её в целом убыточной. Эти убытки закладывались в плане и должны были покрываться за счёт бюджета государства. С целью повышения эффективности сельского хозяйства руководством страны периодически проводились масштабные организационные мероприятия, бюджетные перераспределения, которые на время стабилизировали финансовое состояние аграрного сектора страны и даже придавали ему (и исследуемому совхозу в том числе) поступательное движение. Тем не менее, в силу разных причин к концу 1980-х – началу 1990-х годов страна и её экономика (аграрный сектор в частности) оказались на грани краха. Реорганизации и последующая ликвидация постигли и совхоз «Шипицынский», но это уже предмет другого исследования.

¹ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 316–317.

² Муниципальное казенное учреждение Котласского муниципального района «Архивно-административная часть» (далее: МКУ КМР ААЧ). Ф. 17. Д. фонда. Л. 23, 6–7, 9–10; Ф. 26. Оп. 1. Д. 303. Л. 190, 197; Д. 315. Л. 105, 116–117, 143, 158; Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 178. Л. 15; Ченцова Н.М. Истор. справка по совхозу «Шипицынский». Рукопись. Д. Куимиха, ок. 2010. С. 1–10. Место хранения: Центральная районная библиотека п. Шипицыно; Барсуков А.В. По шипицынской стороне (очерки истории). Котлас: [б. и.], 2018. С. 80–81, 430–431.

³ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 94. Л. 7–12.

⁴ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17. Д. фонда. Л. 2–3; Ченцова Н.М. Указ. соч. С. 3.

⁵ МКУ КМР ААЧ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 315. Л. 143, 158; Свидание с дедом. Воспоминания старого агронома В.Д. Трубина о работе, о доме и о семье почти за весь XX век, и судьбы его потомков до наших дней. / Лит. запись Д.В. Трубина. Ярославль, 2018. С. 52–80; Трудовая книжка В.Д. Трубина. / Личный архив Д.В. Трубина; Ченцова Н.М. Указ. соч. С. 10; Светлой памяти Нифанина Д.Я. // Двинская правда. 2014. 21 февраля.

⁶ Ченцова Н.М. Указ. соч. С. 10; МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–3; Д. 18. Л. 1–22; Оп. 1. Д. 219. Л. 78 об.

⁷ Подробно см.: Ченцова Н.М. Указ. соч.; Свидание с дедом...

⁸ Подробно см.: Свидание с дедом...

⁹ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17. Д. фонда. Л. 2–3.

¹⁰ Там же. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 3. С. 14–15.

¹¹ Там же. Д. 94. Л. 7–12.

¹² Там же. Д. 17. Л. 34 об.–35, 81 об.–82; Д. 86. Л. 17–17 об.; Д. 37. Л. 18 об.

¹³ Там же. Д. 63. Л. 18, 19; Д. 85. Л. 17–18, 31, 36.

¹⁴ Там же. Д. 55. Л. 37–39.

¹⁵ Там же. Д. 88. Л. 5.

¹⁶ Никонов А.А. Указ. соч. С. 332–333.

¹⁷ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 103. Л. 6–7.

¹⁸ Там же. Д. 94. Л. 7–12.

¹⁹ Там же. Д. 102. Л. 77.

²⁰ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17. Д. фонда. Л. 6–7; Дела год. бухг. отчётов совхоза «Шипицынский» с 1964 по 1975 гг. – МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 19, 25, 37, 52, 63, 74, 85, 99, 120, 132, 142, 155 (Далее – Дела год. бухг. отчётов...); Экономический паспорт совхоза «Шипицынский» за 1961–1980 гг. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 3. (далее – Экон. паспорт...) С. 36–37, 48–49.

²¹ Там же. Д. 132. Л. 39 об.; Д. 142. Л. 41 об.; Д. 155. Л. 38.

²² Там же. Д. 121. Л. 26–26 об.

²³ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 144. Л. 16, 18.

²⁴ Дела год. бухг. отчётов...; Запись беседы с В.Е. Мильковой от 19.02.2020. / Личный архив А.В. Барсукова.

²⁵ Дела год. бухг. отчётов...; Экон. паспорт... С. 32–35, 46–47.

²⁶ Дела год. бухг. отчётов...

²⁷ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 19. Л. 25 об.

²⁸ Там же. Д. 15. Л. 4 об.

²⁹ Там же. Д. 178. Л. 73–77.

³⁰ Там же. Д. 19. Л. 4–5; Д. 25. Л. 6; Д. 37. Л. 5 об.; Д. 52. Л. 6 об.; Д. 63. Л. 6 об.; Д. 74. Л. 7; Д. 85. Л. 7; Д. 99. Л. 7; Д. 120. Л. 7; Д. 132. Л. 7; Д. 142. Л. 7; Д. 155. Л. 7.

³¹ Там же. Д. 19. Л. 5 об.

³² Там же. Д. 19. Л. 21 об.

³³ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17. Д. фонда. Л. 6–7; Дела год. бухг. отчётов...; Экон. паспорт... С. 94–95.

³⁴ Там же. Л. 25–26.

³⁵ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 37. Л. 17 об.–18.

³⁶ Там же. Д. 94. Л. 25.

³⁷ Ниткин Д.Г. «Антиколхозный миф» с последующим разоблачением. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://antisgkm.narod.ru/agric4.htm>

³⁸ Текст документа см.: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/765705100>

³⁹ Ниткин Д.Г. Указ. соч.

⁴⁰ Постановление «О совершенствовании экономических взаимоотношений сельского хозяйства с другими отраслями народного хозяйства». П. 3. Абз. 1. Цит. по: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/765705100>

⁴¹ Там же. П. 2. Абз. 3.

⁴² МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 25. Л. 2 об.; Д. 85. Л. 2 об.; Д. 155. Л. 2 об.

⁴³ Там же. Д. 99. Л. 39 об.–40.

⁴⁴ Там же. Д. 155. Л. 36 об.

⁴⁵ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 52. Л. 13; Д. 63. Л. 13 об.; Д. 74. Л. 14; Д. 85. Л. 13; Д. 99. Л. 13; Д. 120. Л. 13; Д. 132. Л. 13; Д. 142. Л. 13; Д. 155. Л. 13 об.

⁴⁶ Экон. паспорт... С. 8–11.

⁴⁷ Орденская книжка № 686258. Личный архив С.Л. Филипповой (урожд. Горынцевой).

⁴⁸ МКУ КМР ААЧ. Ф. 17/241. Оп. 1. Д. 144. Л. 6, 6 об.

⁴⁹ Там же. Д. 219. Л. 78 об.

⁵⁰ Орденская книжка № 045742. Личный архив Т.В. Голдиной.

⁵¹ Экон. паспорт... С. 92–93.

В.И. Плотников

КОТЛАССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (1968–1972 гг.)

Предлагаемый историко-краеведческий очерк не претендует на всеобъемлющее отражение начальных лет работы обозначенной заголовком общественной организации. Он ограничен материалами Котласского городского и районного архивов, публикациями местной газеты «Двинская правда» за указанный период и воспоминаниями автора, который работал в Котласском отделении общества с июня 1968 по март 1972 года¹.

Котласское отделение общества охраны памятников истории и культуры являлось структурным подразделением Архангельского областного отделения, в связи с этим отчёты и другие материалы отправлялись в головное подразделение организации, где и формировались папки с документами для сдачи в областной архив. К сожалению, областной архив по ряду причин, в том числе материальных, мною не исследован.

В архивах муниципальных образований «Котлас» и «Котласский район» искомые материалы обнаружены в документах городского и районного отделов культуры, которые сосредоточены в папках: «Квартальные планы, отчёты, доклады, справки» (городской и районный отделы культуры), «Планы и отчёты о

работе историко-революционного музея» (городской отдел культуры), «Справки, отчёты и другие документы по вопросам охраны памятников истории и культуры» (районный отдел культуры)².

В 1968 году я был избран ответственным секретарём (на платной основе) Котласского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК)³. Общественная организация в Котласе организовывалась вновь, а в Архангельской области делала свои первые шаги. Архангельское областное отделение возглавлял на общественных началах учёный-историк, ректор Архангельского государственного педагогического института Георгий Георгиевич Фруменков⁴, ответственным секретарём на платной основе в областном отделении начинала работать Галина Ивановна Гнедовец. Она и принимала меня на работу. Её сменила Лидия Андреевна Бострем⁵. Впоследствии Лидия Андреевна успешно возглавляла музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы».

Территория моей ответственности – Котласский район, города Котлас и Сольвычегодск, посёлки городского типа Коряжма и Вычегодский. Место мне определили в кабинете заведующего городским отделом культуры. Он находился по адресу: Котлас, ул. Карла Маркса, д. 10, каб. 32⁶. Возглавляла отдел в ту пору Анна Арсеньевна Кочкина. На моё рабочее место поставили бывший в употреблении двухтумбовый стол и телефон, спаренный с номером отдела культуры: сиди и работай, обзаводись активом, бумагами, решай уставные задачи общества. Объём работы предстоял большой – непаханое поле по сохранению и защите памятников истории и культуры, привлечение к этому делу активных жителей города и района, организация на предприятиях и в учреждениях первичных организаций.

К моему приходу учредительная конференция была уже проведена (март 1968 года), избраны Совет (20 чел.) и Президиум (7 чел.), куда меня кооптировали⁷. Председателем отделения избран Алексей Николаевич Михайлов – завуч 14-й школы, учитель истории, инвалид Великой Отечественной войны. С апреля 1970 года Котласское отделение общества возглавил Валерий Михайлович Жигарев – секретарь райкома комсомола⁸. До этого он входил в состав Совета общества и успешно руководил молодёжной секцией.

Работа общества проходила под недремлющим оком городской и районной организаций КПСС. Ежеквартально областное отделение высылало в их адрес сводки состояния дел по городам и весям Архангельской области. Наше отделение занимало верхние строчки, как правило, третьи и четвёртые позиции после Архангельска и Северодвинска. В горкоме КПСС мне ежеквартально приходилось комментировать сводку заведующему отделом пропаганды и агитации Владимиру Михайловичу Сергиенко, а в райкоме КПСС отчитываться перед Валентиной Григорьевной Кисляковской, занимавшей аналогичную должность.

В городском и районном исполкомах советов депутатов трудящихся плотно сотрудничал с отделами культуры. Районным отделом культуры заведовал Николай Григорьевич Елохин, а в городском отделе за три года и десять месяцев моей работы пришлось наводить контакты со сменявшимися друг друга заве-

дующими – Анной Арсеньевной Кочкиной, Геннадием Петровичем Казаковым и Ниной Ивановной Коршуновой.

Существенную денежную помощь обществу оказывали предприятия и организации, которые привлекались в качестве коллективных членов. Из крупных предприятий отмечу Котласский целлюлозно-бумажный комбинат. Он ежегодно вносил в казну общества 500 рублей. Скромнее, в пределах 200–300 рублей, пополняли наш бюджет трест «Котласбумстрой», строительно-монтажное управление № 2, строительно-монтажный поезд № 353, вагонные депо Котлас и Сольвычегодск, тепловозные депо, 26-я дистанция пути, Лимендский судостроительно-судоремонтный завод. По 100–150 рублей уплачивали взносы мясокомбинат, горпромкомбинат, деревообрабатывающий комбинат, 46-й лесозавод, Котласское ремонтно-строительное управление, Лимендская и Болтинская лесобазы, Химлеспром, хлебная база № 2, нефтебаза, совхозы и колхозы, Приводинская ремонтно-эксплуатационная база речного флота, лесозаготовительные предприятия района⁹.

Проводилась постоянная просветительская работа по краеведческой тематике, патриотическому воспитанию детей и молодёжи. За короткий период при организаторской напористости В.М. Жигарева было создано 5 детско-юношеских коллективов общества: в посёлках Шипицыно, Приводино, городе Сольвычегодске и Забелинском сельском совете. В эти организации вступило 110 человек. Часть из них вошла в молодёжные лекторские группы по разъяснению населению важности сохранения наследия прошлого, часть в туристско-краеведческие объединения по изучению родного края, большинство занималось шефской работой по благоустройству территорий, прилегающих к памятникам старины, изучением истории своего края, подготовкой рефератов по краеведческой тематике. Лучшие среди них – «История нашего края», «Памятные места», «Север наш заповедный»¹⁰.

Работы котласских школьников выставлялись на Всероссийской выставке детского изобразительного творчества «Отечество» (1968–1969). Большую работу проводила с ребятами городская детская библиотека. Заведующая библиотекой Ираида Васильевна Шульгина входила в состав совета и президиума нашего общества. Она много работала с краеведческой литературой среди школьников, готовила рекомендательные указатели, проводила конкурсы, викторины, обзоры, беседы. По школьным библиотекам был запущен альбом-эстафета «Люблю тебя, мой край родной». В нём все школы отражали свою работу с учащимися по краеведению¹¹.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов наше отделение регулярно получало брошюры из цикла «Памятники русской культуры», издаваемые совместными усилиями ВООПИиК и Всесоюзного общества «Знание». Они поступали к нам десятками экземпляров, и мы распространяли их бесплатно среди любителей старины. У меня сохранились некоторые из них: Иванов В.Н. Архитектура – летопись мира: некоторые проблемы сохранения памятников архитектуры (1969 г.); Филатов В.В. Древнерусская живопись, проблемы её сохранения и реставрации (1969 г.); Косточкин В.В. Древнерусские крепости (1970 г.); Авду-

син А.А. Курганы, городища, клады... (1970 г.); Балашов Д.М. Как собирать фольклор (1971 г.).

Первая первичная организация общества в городе Котласе появилась в школе № 3, её возглавила Людмила Георгиевна Привалова. Она избиралась в состав совета общества. Вторая «первичка» появилась в коллективе лимендской фабрики-кухни под руководством Дины Александровны Кокориной, впоследствии писателя-краеведа. К концу 1968 года в городе и районе функционировало более двадцати первичных организаций, с общим охватом около пятисот любителей старины, а в 1970 году наше общество насчитывало в своих рядах уже более тысячи человек¹². Не все были активными, но хотя бы поддерживали благое дело материально.

В Коряжме с первых дней активной работой по изучению истории Николаевского Коряжемского монастыря и судьбы преподобного Лонгина Коряжемского зарекомендовала себя первичная организация Котласского ЦБК. Помню, направлял их представителей на семинар по обмену опытом работы в Архангельск, где они сумели показать себя с лучшей стороны. В этом деле неоценима была помощь и поддержка заместителя секретаря парткома ЦБК Николая Васильевича Трубачева. Успешно работала первичная организация и при Коряжемском поселковом совете. Она объединяла равнодушных работников школ, библиотек и других поселковых организаций.

В 1970 году мы участвовали во Всероссийском смотре школьных первичных организаций. Свои отчёты о проделанной работе представили школы: № 3 (Котлас), Приводинская, Песчанская и Шипицынская (Котласский район). Наиболее удачным оказалось участие «первички» Приводинской средней школы. Она заняла первое место в области, школа получила соответствующую грамоту. В этом же году и Котласское отделение получило Почётную грамоту за активное участие в охране и пропаганде памятников истории и культуры¹³.

Совместно с государственными органами была проделана масштабная работа по первичному выявлению и постановке на учёт памятников истории и культуры в Котласе и Котласском районе. Заполнялись специальные карточки учёта, к которым прилагались фотографии объекта культурного и исторического наследия; делалось описание технического состояния, предлагались неотложные меры по его сохранности и эксплуатации. Всё это проводилось в рамках реализации всероссийского проекта по созданию общероссийского Свода памятников истории и культуры. Карточки составлялись в трёх экземплярах, причём два из них отправлялись в областное отделение общества, а один сдавался в отделы культуры города или района по территориальной принадлежности. Готовя этот материал, я работал в муниципальных архивах города и района, но не нашёл, к своему удивлению, ни одной карточки.

Под государственной охраной республиканского уровня тогда находилось четыре памятника архитектуры в Сольвычегодске. Первый – Благовещенский собор XVI века. Это комплекс различных по времени объектов – колокольня со шпилем, летний храм с боковыми приделами, усыпальница рода Строгановых с надгробными плитами. В этом историко-архитектурном комплексе с 1919 года располагался историко-художественный музей.

В те годы серьёзные опасения вызывали осыпающиеся наружные фрески, трещина в стене летнего храма, протечка крыши в боковом приделе, где располагались коллекции золотошвейных экспонатов, старинных икон строгановской школы живописи, золотой и серебряной церковной утвари. Я, будучи членом областного совета общества, на одном из заседаний поднял этот вопрос как крайне неотложный, упирая на то, что деньги в областном отделении аккумулируются немалые, но все уходит на реставрацию соловецких объектов и создание музея деревянного зодчества «Малые Корелы».

Председатель областного общества Г.Г. Фруменков попросил меня остаться после заседания и доложить подробнее о сольвычегодских проблемах. Оказалось, что всё это озвучивалось мной не впустую. Через небольшой промежуток времени к нам пожаловали заместитель начальника управления культуры облисполкома Валентина Васильевна Филипьева и начальник областной научно-реставрационной производственной мастерской Валентин Алексеевич Лапин¹⁴. Взяв с собой заведующего отделом культуры Котласского райисполкома, мы выехали в Сольвычегодск.

Запомнился подъём на свод Благовещенского собора по внутрискладной каменной лестнице. Подъём оказался не так лёгок, как казалось первоначально. В отдельных местах ступеньки находились на большом расстоянии друг от друга, имели сколы, а проход оказался тесным, лестница круто тянулась вверх. Первым отстал и спустился вниз Николай Григорьевич Елохин. Ему было тяжело – у него фронтальное ранение в ногу, и он хромал. Потом сдалась Валентина Васильевна Филипьева. Вперёд отважно продвигался Валентин Алексеевич Лапин, я старательно карабкался за ним. Мы осмотрели купол. Он, выложенный из кирпича, был монолитен, в центре прочно скреплял свод клиновым замком.

В результате обследований был составлен акт с перечнем первоочередных восстановительных работ. Позднее стали появляться небольшие деньги на производство работ. В частности, была устранена течь крыши придела, трещина на стене храма схвачена стяжкой, продолжена работа по укреплению специальным раствором наружных фресок по законам.

Вторым объектом, находящимся под государственной охраной, была Спасо-обиденная церковь (1697 г.). Нижнее помещение в то время занимал совхоз «Пачеозерский» под гараж. Третий объект – памятник гражданской архитектуры, бывший дом Пьянковых 1-й половины XIX века. Его помещения использовал бальнеологический санаторий. В четвёртом объекте, соборе Введенского монастыря (1688–1693), вела службы православная церковь.

На районном уровне под охраной находились два исторических памятника. В Сольвычегодске – памятник жертвам интервенции, над которым шефствовала школа-интернат, в посёлке Шипицыно – обелиск в память погибших в годы Великой Отечественной войны, над которым шефствовала средняя школа. В местечке Вонгода на народные деньги был построен обелиск в память земляков – воинов Великой Отечественной войны¹⁵, шефство взяла на себя Забелинская средняя школа и её первичная организация общества. На учёт обелиск был поставлен в Забелинском сельском совете¹⁶. К 25-летию Победы был открыт обелиск в память о погибших в годы войны земляках в Песчанице. Инициатором и

последовательным реализатором идеи установки памятника был Зосима Фёдорович Шмаков – наш активнейший член общества¹⁷.

Нам было известно о средневековом укрепленном городке XV века, именуемом «Вотложемский городок», знали мы и о местах палеонтологических раскопок профессора В.П. Амалицкого. Составили на них карточки учёта с приложением фотографий. Помню, что делали запрос в Палеонтологический музей РАН, где выставлена коллекция ископаемых скелетов животных позднепермского времени, найденных В.П. Амалицким на берегу Малой Северной Двины в местечке «Соколки». Нам выслали несколько фотографий, которые мы в последующем демонстрировали при проведении лекций и бесед, позднее они были переданы в районный народный краеведческий музей.

Одновременно решались вопросы сохранности памятников путём привлечения шефствующих организаций на обслуживаемой территории сельского, поселкового, районного и городского Совета и их исполнительных органов. В период моей работы в обществе были оформлены на памятники первичные документы:

1. Список памятников истории и культуры подведомственной территории;
2. Учётные паспорта с приложением фотографий;
3. Акты технического состояния памятников;
4. Справки об эксплуатации памятников;
5. Решения советских органов о закреплении за памятниками шефствующих организаций.

Эти документы были завершены в III – IV квартале 1971 года и направлены в областное отделение общества, в исполнительные органы местных советов депутатов трудящихся. К ним прилагалась справка с предложениями о первоочередных мерах по сохранению памятников истории и культуры и их консервации¹⁸.

Существенную организационную и правовую помощь в этом нам оказало решение исполнительного комитета Котласского районного совета депутатов трудящихся от 27 января 1971 года «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры Котласского района». Подготовка проекта решения была поручена мне, поскольку я инициировал этот документ. Под реализацию его решений выделялись небольшие деньги; сельские и поселковые советы, предприятия, учреждения и организации обязывались оказывать обществу всемерную помощь в деле сохранения на их территориях памятников истории и культуры, участвовать в шефских мероприятиях по ремонту и восстановлению наследия прошлого. Запрещалось использование памятников без заключения охранно-арендных договоров или охранных обязательств. При райисполкоме создавалась комиссия содействия охране памятников истории и культуры из шести человек во главе с Николаем Петровичем Воронцовым. В ту пору он занимал должность заместителя председателя исполкома районного совета депутатов трудящихся. В состав комиссии также вошли: заведующий отделом культуры райисполкома Н.Г. Елохин, директор Сольвычегодского историко-художественного музея А.П. Башарина, учитель истории Приводинской средней школы Т.А. Никонова, председатель Сольвычегодского городского совета

А.Д. Лухнёв, ответственный секретарь Котласского отделения общества охраны памятников истории и культуры В.И. Плотников¹⁹.

В организационно-пропагандистском блоке исполнения задач общества мы проводили конференции, совещания, семинары, выступали с лекциями и беседами в трудовых коллективах, наши материалы появлялись на страницах газет, звучали на радио. Наиболее охватывающим мероприятием стали беседы в коллективах предприятий, учреждений культуры и образования. В 1968 году наши активисты рассказывали о целях и задачах общества, историко-культурном наследии нашего региона. Привлекались материалы городского историко-революционного музея, работавшего на общественных началах. Музей вошел в состав общества как коллективный член без уплаты членских взносов. Запомнились выступления активистов музея по темам «Роль В.И. Ленина в защите Котласа в годы Гражданской войны и интервенции на Севере», «Котлас за 50 лет Советской власти». При подготовке бесед использовали бумажно-документальную и вещественно-коллекционную базу историко-революционного музея.

На 1 января 1971 года в музее числилось 646 экспонатов основного фонда и 1290 фотографий вспомогательного²⁰. В определённые дни и часы работы музея приходилось дежурить и мне. Помню, что большого наплыва посетителей не было, экскурсии проводились по предварительным заявкам учреждений и организаций, учебных заведений. В 1971–1972 годах совет музея неоднократно поднимал вопрос о расширении экспозиционных площадей и вспомогательных помещений музея. Он располагался в те годы в Доме культуры железнодорожников на втором этаже. Предполагалось создание отдела природы и преобразование музея из историко-революционного в краеведческий²¹. На президиуме общества охраны памятников мы рассматривали эти предложения совета музея и поддержали единогласным решением. Документы были отправлены в горисполком.

Объектами общества охраны памятников истории и культуры являлись не только памятники архитектуры (гражданские, культовые сооружения) или скульптуры на площадях и улицах, но и памятники археологии, предметы культуры и быта и пр. В составе совета нашего общества работал ветеран речного флота Николай Павлович Низовцев²². Он мастерил модели пароходов и теплоходов, ходивших по Северной Двине и Вычегде. Мы сумели организовать ему две выставки в Домах культуры Котласа и Лименды. В поле наших интересов входили также комнаты боевой и трудовой славы предприятий. На некоторых предприятиях создавались и музеи истории. Особенно богатым на фотодокументы оказался музей, созданный на Лимендском судостроительно-судоремонтном заводе. Его основателем был Николай Михайлович Ядрихинский – в то время начальник технического отдела завода²³.

Широкая работа была развёрнута к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. В 1969–1970 годах были взяты на учёт все памятники и бюсты вождю мирового пролетариата, закреплено шефство по их надлежащему содержанию, облагораживанию к юбилейной дате. Правда, под государственную охрану они не попадали, так как являлись массовыми копиями. Совместно с историко-

революционным музеем мы дополнили ленинскую тематику разработкой лекции «В.И. Ленин о сохранении культурного наследия». Активно включилась в это дело Сольвычегодская первичная организация общества (насчитывала 50 членов) под руководством экскурсовода историко-художественного музея З.П. Никифоровой. Они выступали не только в Сольвычегодске, но и выезжали в пос. Шипицыно, Забелинский сельсовет, совхоз «Пачеозерский» с лекциями «Соратники В.И. Ленина в Сольвычегодской ссылке», «Ленин и Север», «Ленин в изобразительном искусстве»²⁴.

Наши члены активно сотрудничали с газетой «Двинская правда». Например, член городского совета общества И. Шабанов писал о работе историко-революционного музея²⁵, активный представитель Сольвычегодской городской организации А. Башарина в материале «Из глубины веков»²⁶ рассказала о памятниках старины Котласского района. Она же провела радиобеседу «Архитектурные памятники города Сольвычегодска». Я поднял тему сохранности памятников нашего края: «Памятникам истории – всенародную заботу»; председатель первичной детской организации общества Т. Лухнёва из Сольвычегодской средней школы рассказала о становлении советской власти в Сольвычегодском уезде, и др.²⁷

В 1970 году мы договорились с редактором газеты «Двинская правда» Николаем Фёдоровичем Шарповым²⁸ выпускать время от времени под рубрикой «Люби и знай свой край» краеведческие материалы. 10 июля того же года мы организовали подбор материалов для страницы. По поручению редактора, в этом нам помогал корреспондент газеты Валентин Красавцев. Центральным материалом выпуска стал краеведческий обзор «В памяти столетия, как живые», в октябре – «Памятники старины – наше богатство».

Особо отмечу, что нас всегда радушно принимали в редакциях районного и городского радиовещания и в местных общественных радиостудиях в посёлках Шипицыно, Приводино, городе Сольвычегодске. В 1970 году мы совместными усилиями журналистов радиовещания и членами нашего общества оформили рубрику «По родному краю»²⁹.

В 1969–1971 годах работал городской лекторий «Известно ли вам (Из истории родного края)». Член президиума, а затем и председатель нашей общественной организации В.М. Жигарев выступал с разработанной им лекцией «История земли Сольвычегодской», ответственный секретарь В.И. Плотников работал по темам «Для чего нужно изучать и беречь памятники старины», «Памятники истории и культуры Котласского района». Анастасия Алексеевна Аввакумова выступала по теме «Котлашане – Герои Советского Союза». Среди предлагаемых тем также были: «Первооткрыватели новых земель», «Северодвинская речная военная флотилия», «Котлас – ровесник Октября». В организации лектория, а он был составной частью Котласского городского университета культуры, оказывали содействие городской отдел культуры и городская организация общества «Знание». Лекторий работал в течение двух лет, ежемесячно с октября по апрель. Лекции, беседы читались в Домах культуры Котласа, посёлков Вычегодский и Коряжма, клубах Болтинской лесобазы, СМП-222, деревообрабатывающего комбината, совхоза «Родина»³⁰.

Чуть позднее мне удалось создать краеведческий кинолекторий с привлечением киносетей (городской – Резниченко Евгений Григорьевич, и районной – Хабаров Иннокентий Михайлович) и кинопроката (Булыгин Василий Васильевич, фильмобаза находилась тогда в микрорайоне «Макариха»). В кинолектории участвовали лекторы городского (Поломодова Римма Алексеевна) и районного (Митягин Савватий Федорович) отделений общества «Знание». На семнадцати точках города и района в клубах и кинотеатрах показывали документальный фильм, а затем проводилась беседа. Для проведения кинолектория использовали малые залы Домов культуры железнодорожников в Котласе и Вычегодском, речников в Лименде, холл кинотеатра «Спутник», фойе кинотеатра «Радуга», клубы ДОКа, совхоза «Родина», 46-го лесозавода, «Котласбумстроя» в Коряжме. В Котласском районе кинолекторий работал в Домах культуры Шипицыно и Сольвычегодска, в деревенских клубах Федотовской, Уртомажа, Курцево, Куимихи, в клубе Приводинской ремонтно-эксплуатационной базы, затона Тулубьево, в посёлке Удима. Типографским способом была отпечатана красочная афиша с указателем документальных фильмов, тем бесед, времени их проведения³¹.

Члены общества активно включились в объявленный местным отделением КПСС и Советами города и района фотоконкурс, посвященный XXIV съезду КПСС. Конкурс проходил с 1 октября 1970 года по 31 января 1971 года под девизом «Время, события, люди». Меня включили в состав комиссии по его проведению, и на заключительном этапе вместе с известным кино-фотомастером Виктором Викторовичем Бухштаб я занимался отбором для итоговой выставки фоторабот, которые затем были выставлены в Домах культуры Котласа, Коряжмы и Сольвычегодска³². Виктор Викторович оказался интересным собеседником, человеком энциклопедических знаний. Он пригласил меня рассказать о памятниках истории и культуры Котласа и его окружи на Коряжемской телестудии. В январе 1971 года я впервые выступил на телевидении с рассказом «Для чего нужно изучать и беречь памятники старины»³³. В этом же году, 5 февраля, я участвовал в редакционном огоньке «Работники культуры навстречу XXIV съезду КПСС», который провела газета «Двинская правда». Я рассказал о делах и планах Котласского отделения общества³⁴.

В 1971 году принято Постановление Котласского райкома КПСС «Об организации районного историко-краеведческого музея на общественных началах». Председателем инициативной группы назначили члена совета нашего общества Владимира Дмитриевича Трубина. Музей открылся 2 ноября 1977 года. Председателем Совета музея избрали В.Д. Трубина, идейного вдохновителя и великого энтузиаста-труженика. Все годы подготовки музея к открытию он и его товарищ Иван Иванович Дьяков с опорой на актив, созданный на территориях сельских и поселковых советов, провели огромную работу на общественных началах по сбору экспонатов, материалов по истории советской власти, созданию коммун, товариществ по обработке земли, артелей, колхозов и совхозов. Были показаны люди – руководители хозяйств и рядовые работники, передовые труженики. В работе президиума совета музея работали также Семён Павлович

Плюснин, Валентина Петровна Бирюкова, автор этих строк³⁵ и ещё два человека, которые почему-то не запомнились. Всего семь человек.

В марте 1972 года прошла очередная отчётно-выборная конференция Котласского отделения общества, которая отметила, что за отчётный период организация выросла до 40 первичных организаций; 32 памятника обследованы, на них подготовлены документы, они поставлены на местный и региональный учёт. В обследовании и особенно фотографировании памятников существенную помощь оказал молодёжный туристический историко-краеведческий клуб «Искатель»³⁶. Целенаправленно по указанной теме в турклубе работали В.М. Жигарев, В.П. Афанасьев и автор этих строк. По предложению члена общества, председателя Сольвычегодского исполкома горсовета депутатов трудящихся А.Д. Лухнёва конференция приняла отдельное решение о подготовке празднования 480-летия города Сольвычегодска и участия в нём.

1 апреля 1972 года я завершил свои дела в Котласском отделении общества охраны памятников истории и культуры. На этом посту меня сменил Николай Дмитриевич Вёдров. Я с огромной признательностью хочу отметить бескорыстных активистов Котласского отделения общества охраны памятников истории и культуры периода 1968–1972 годов, сказать им огромное спасибо за проделанную работу. Вот их имена: Аввакумова Анастасия Алексеевна, Башарина Антонина Павловна, Дьяков Иван Иванович, Елохин Николай Григорьевич, Жигарев Валерий Михайлович, Збарский Давид Вениаминович, Кокорина Дина Александровна, Красавцев Валентин Николаевич, Лухнёв Алексей Дмитриевич, Лухнёва Тамара Алексеевна, Масленников Сергей Семёнович, Михайлов Алексей Николаевич, Мокеева Любовь Афанасьевна, Необердина Зинаида Николаевна, Низовцев Николай Павлович, Никифорова Зоя Павловна, Никоновская Татьяна Александровна, Новосельцев Савватий Сергеевич, Привалова Людмила Георгиевна, Ракитин Василий Федотович, Трубин Владимир Дмитриевич, Удальцова Мария Фёдоровна, Шабанов Иван Яковлевич, Шмаков Зосима Фёдорович, Шульгина Ираида Васильевна и многие другие, без участия которых не состоялась бы Котласская общественная организация охраны памятников истории и культуры.

¹ Личный архив автора. Трудовая книжка В.И. Плотникова. С. 6–7: Приказ Архангельского областного Совета ВООПИК № 11 от 31 мая 1968 г. о принятии на работу; Приказ Архангельского областного Совета ВООПИК № 31 от 28 марта 1972 года об увольнении.

² Архив муниципального образования «Котлас» (далее – архив МО «Котлас»). Ф. 173. Оп. 1. Д. 113; Ф. 178. Оп. 1. Д. 35, 46; Архивно-административная часть Котласского муниципального района (далее – Котласский районный архив). Ф. 204. Оп. 1. Д. 28, 31.

³ 8–9 июня 1966 года в Москве состоялся учредительный съезд ВООПИИК. Инициаторами создания общественной организации выступили заместитель председателя Совета министров РСФСР В.И. Кочемасов, ставший первым председателем ВООПИИК, писатель Л.М. Леонов, художники И.С. Глазунов, П.Д. Корин и Н.А. Пластов, композитор Г.В. Свиридов, директор Эрмитажа Б.Б. Пиотровский, академики АН СССР И.В. Петрянов-Соколов и Б.А. Рыбаков. Учредительная конференция по созданию Архангельского областного отделения Общества состоялась 21 декабря 1965 года в Архангельске.

⁴ Фруменков Георгий Георгиевич (19.12.1919 – 18.08.1989) – ректор Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова (1962–1980), профессор, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РСФСР, Почётный гражданин города Архангельска.

⁵ Бострем Лидия Андреевна (13.12.1933) – ответственный секретарь Областного совета общества охраны памятников истории и культуры (1970–1975), директор Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (1975–2005), Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

⁶ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Конференция отделения общества охраны памятников // Двинская правда. 1970. 29 апреля.

⁹ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.

¹⁰ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 20.

¹¹ Бестужев В. Знай край родной // Двинская правда. 1969. 28 марта.

¹² Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 28.

¹³ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 30.

¹⁴ Лапин Валентин Алексеевич – архитектор, автор программы строительства музея под открытым небом «Малые Корелы».

¹⁵ Первушин В. Бессмертие. Открытие обелиска в Вонгоде // Двинская правда. 1969. 14 мая.

¹⁶ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 19.

¹⁷ Львова О. Памяти павших // Двинская правда. 1970. 12 мая.

¹⁸ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 45.

¹⁹ Там же. Л. 47–50.

²⁰ Архив МО «Котлас». Ф. 178. Оп. 1. Д. 46. Л. 7.

²¹ Власов М. Музей нуждается в помощи // Двинская правда. 1972. 12 января.

²² Сафиулин Г. Сорок лет на реках Севера // Двинская правда. 1970. 1 апреля.

²³ Светлова Л. Музей трудовой славы завода // Двинская правда. 1968. 24 августа.

²⁴ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 19, 22, 93.

²⁵ Шабанов И. Растёт интерес к музею // Двинская правда. 1968. 16 июля.

²⁶ Башарина А. Из глубины веков // Двинская правда. 1968. 11 декабря.

²⁷ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 19.

²⁸ Шарاپов Николай Фёдорович (1926–1995) – редактор котласской городской газеты «Двинская правда» (1969–1986), Заслуженный работник культуры РСФСР (1981).

²⁹ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 32.

³⁰ Архив МО «Котлас». Ф. 178. Оп. 1. Д. 35. Л. 33; Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 36. Л. 106.

³¹ Котласский районный архив. Ф. 204. Оп. 1. Д. 31. Л. 31.

³² Там же. Л. 54–55.

³³ Там же. Л. 22.

³⁴ Красавцев В. Работники культуры навстречу XXIV съезду КПСС. Редакционный огонёк // Двинская правда. 1971. 5 февраля.

³⁵ С апреля 1972 года я работал в отделе пропаганды и агитации Котласского райкома КПСС, курируя в том числе вопросы краеведения и музейного дела.

³⁶ Памятники старины – наше богатство. Материал с отчетно-выборной конференции Котласского отделения общества охраны памятников истории и культуры // Двинская правда. 1972. 17 марта.

КОТЛАС В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ И КРАЕВЕДОВ

Об истории Котласа написано много, даже избыточно много вследствие многократных повторов одной и той же информации в разных сочинениях. Писалось уже и о котласских краеведах, и об основных изучаемых ими темах¹. Однако общего историографического анализа в отношении истории города доныне не предпринималось, что не позволяло выявить ни достижения и ошибки, ни магистральные направления исследований, ни смысловые лакуны, ни перспективы развития темы. Как следствие, это приводило к бессистемности и хаотичности осуществлявшихся исследований. Поэтому назрела самая настоятельная необходимость дать представленный ниже историографический обзор.

Несмотря на достаточно давнее существование Котласа, вследствие незначительности размеров и малого значения этого населённого пункта на заре его истории, в сферу исследовательского внимания он попал сравнительно поздно. В летописных источниках, несмотря на утверждения некоторых местных краеведов², упоминания Котласа отсутствуют. В таких случаях или происходит произвольное отождествление Котласа с загадочным Пырасом (Пыросом), упоминаемым в Вычегодско-Вымской летописи как место крещения зырян Стефаном Пермским³, или же подразумеваются многочисленные сочинения XIX века, где это отождествление подаётся уже как непреложный факт.

Весьма интересно неоднократное указание Котласа на картах XVII века иностранного происхождения⁴, хотя в отечественной «Книге Большому Чертежу» 1626 года и российских картографических источниках XVII века Котлас не фиксируется. Из этого следует, что иностранцы по коммерческим, научным и, возможно, военным соображениям досконально изучили важнейший торговый путь из Архангельска в Москву, проходивший мимо Котласа, тогда как для нужд российского государства данный населённый пункт в то время особого интереса не представлял.

Первое упоминание Котласа в историческом труде относится лишь к 1789 году – дате появления рукописного сочинения А.И. Соскина «История города Соли Вычегодской». Именно там впервые зафиксировано устное предание о кратком пребывании в «Кодласе» Стефана Пермского, «который оное место благословил»⁵. Впоследствии эта легенда послужила причиной идентификации Пыраса как Котласа, что доныне является самой острой проблемой местной историографии.

Для XIX – начала XX века, когда Котлас входил в состав Вологодской губернии, характерны эпизодические упоминания города в различных путевых заметках⁶, трудах вологодских и архангельских краеведов⁷, на страницах губернской прессы⁸ и в церковно-просветительской литературе о Стефане Пермском⁹: фактически, в дореволюционное время освещался только этот, с большой степенью вероятности мифический эпизод местной истории. Часто говорилось также о значительных перспективах Котласа благодаря его выгодному географическому положению.

В раннее советское время, несмотря на обретение Котласом статуса города, историографическая ситуация принципиально не меняется. По-прежнему появляются редкие публикации об истории Котласа в региональной, позже местной прессе¹⁰. Однако главенствующим эпизодом местной истории отныне становится совершенно иной, далеко не церковный – роль города в годы Гражданской войны. Котлас, серьёзно отмечившийся на карте военных действий, многократно упоминается в специальных работах по истории Гражданской войны, особенно в связи с деятельностью Северо-Двинской речной военной флотилии¹¹.

В ходе дискуссий по актуальной проблеме районирования в 1929 году появляется первая посвящённая городу книга – «Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края». В первую очередь это сочинение по экономике, ориентированное не на прошлое, а на будущее, и предвещавшее Котласу знаковую роль административного центра обширного Северного края. Помещённый в книгу краткий исторический обзор по сути сводится к фразе «История г. Котласа, собственно говоря, начинается постройкой в 1897 году железной дороги», а также к упоминанию, что в Гражданской войне город «сыграл громадную роль стратегического пункта»¹².

Однако, поскольку Котласу не довелось стать региональной столицей, и в 1937 году он в статусе райцентра был передан в состав Архангельской области, сложилась крайне негативная для дальнейшего изучения истории города ситуация. Научное освоение региональной истории сконцентрировалось в областных центрах, где для этого существовали необходимые информационные (архивы, библиотеки) и кадровые (вузовская профессура) ресурсы, но Котлас в значительной мере «выпал» из сферы внимания как вологодских историков, изучавших преимущественно территорию своей области, так и архангельских историков, в основном изучавших территорию своей губернии. Столь неудачное положение на периферии научных интересов Котлас занимает до сих пор.

В тяжёлые для города 1930-е годы и ещё более страшные годы Великой Отечественной войны в Котласе было не до исторических «штудий». Но с восстановлением народного хозяйства и обретением экономической стабильности стало возможным осмысление пройденного городом исторического пути. В это время появляется идеологический заказ на историческую литературу, демонстрирующую успехи советского строя на противопоставлении досоветской эпохе. Тем самым населению разъяснялось «единственно верное» магистральное направление развития страны на перспективу. Слияние истории с пропагандой привело и к появлению первого обобщающего труда по истории Котласа.

Этапной, своего рода «водораздельной» книгой в местной историографии стала изданная в 1959 году работа А.Г. Парфёнова и А.М. Старцева с говорящим названием «Котлас»¹³. Очевидно, реальным автором книги являлся талантливый журналист, впоследствии писатель, а тогда собственный корреспондент областной газеты «Правда Севера» А.М. Старцев; в то время как председатель котласского горисполкома А.Г. Парфёнов, скорее всего, мобилизовал руководителей городских предприятий и организаций на предоставление необходимых материалов и осуществлял общий «идеологический контроль».

По сути, новая книга стала фундаментом местного краеведения. У города впервые появилась своя письменная история. Многие фрагменты этой работы по сей день без цитирования переходят из одного краеведческого сочинения в другое, и нынешние «авторы» порой даже не знают о первоисточнике. О влиянии книги на локальное историческое сознание свидетельствует тот факт, что впервые упомянутое на её страницах наименование местного региона «Северное трёхречье» стало названием созданного в 1999 году Котласского историко-просветительского общественного движения краеведов.

Пусть с идеологической окраской, но в книге рассмотрены все основные сюжеты местной истории, за исключением темы репрессий. Пропагандистское же значение наиболее ярко проявилось во внимании авторов к рационализаторскому движению. Поскольку страх как стимул к труду в послесталинское время вышел из употребления, ставка была сделана на воспитание и развитие трудового энтузиазма. Эту задачу в значительной мере и решала книга «Котлас». Несмотря на публицистичность, отсутствие научно-справочного аппарата и многие фактические неточности, она оказалась настолько хороша для своего времени, что вплоть до 1990-х годов не было надобности в создании нового обобщающего труда аналогичной тематики: с учётом неизменности идеологических постулатов в лучшем случае можно было написать продолжение.

Поэтому на протяжении последующих тридцати лет в местной историографии шло лишь пополнение имеющейся информации с более подробным исследованием отдельных сюжетов. Существенно увеличивается число краеведческих публикаций в местной газете «Двинская правда»¹⁴, среди которых количественно и качественно выделяются труды В.Ф. Ракитина¹⁵. В большинстве своём они посвящены событиям советского периода, с обязательным упоминанием указывающей роли коммунистической партии во всех славных делах, происшедших в Котласе. Важную организующую роль в изучении местной истории начинает играть и созданное в 1968 году Котласское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, с 1970 года открывшее в «Двинской правде» нерегулярную краеведческую страницу «Люби и знай свой край». С 1981 года её преемницей стала тематическая полоса «Отчий край»¹⁶.

Группой ветеранов войны и труда во главе с В.Ф. Ракитиным при поддержке органов местной власти в 1960–70-е годы ведётся также активная деятельность по созданию сначала общественного, а затем и официального городского музея, формирование комплекса документов и воспоминаний о городе в его фондах¹⁷. Начинаются систематические запросы в разнообразные архивы для выявления новых фактов и документов по истории Котласа. Принятый подход следует оценить как совершенно правильный: прежде, чем писать историю, нужно собрать источники.

В целом же в изучении истории города в это время сохраняется «крен» в историю Гражданской войны, хотя рассматриваются и другие темы, особенно участие земляков в Великой Отечественной войне и в социалистическом строительстве. В развитие книги «Котлас» проживавшим в Москве котлашанином В.А. Потаповым в 1971 году создаётся рукописная «История Котласа», сохраняемая в фондах Котласского краеведческого музея¹⁸. Этот донныне не опубли-

кованный труд по местной истории содержит ряд важных дополнений и уточнений к прежним данным. Котлас и котлашане иногда упоминаются в работах по истории Севера¹⁹. К сожалению, город Котлас не затронули многочисленные археологические экспедиции, проводившиеся в 1960–80-х годах на территории Котласского района²⁰.

С началом перестройки и особенно в 1990-е годы, с падением идеологических барьеров, происходит всплеск газетных публикаций по разным сюжетам местной истории. Явно обозначился выход на краеведческую авансцену ранее замалчиваемой темы политических репрессий. Основной вклад в её изучение вносят правозащитник И.А. Дубровина, писатель М.Д. Пузырев, учителя истории А.И. Смолина и М.В. Клапиюк²¹. В 1987 году в городе появляется первый профессиональный историк, работающий по своей специальности – научный сотрудник Котласского краеведческого музея Н.И. Николаева²², что активизирует исследовательскую работу музея. К 80-летию города музей публикует добротную, но краткую иллюстрированную брошюру по истории Котласа²³ – явный признак растущего интереса горожан, обозначивший потребность в более масштабном издании.

Пересмотр идеологием и необходимость обобщения массива накопленных данных вызывают появление в 2001 году второго этапного труда местной историографии – «Котлас: Очерки истории»²⁴. Название книги свидетельствует, что редколлегия во главе с В.В. Титовым избрала оптимальный исследовательский подход, ибо полноценную историю города тогда написать было невозможно из-за нехватки как архивных материалов, так и специалистов. Тем не менее удалось собрать коллектив из лучших местных авторов, обеспечить взвешенность оценок и изложить собранный материал без свойственных тому времени крайностей. Вплоть до наших дней, несмотря на многочисленные недостатки в аналитическом и фактографическом плане, «Очерки» остаются лучшей книгой по истории города.

На рубеже тысячелетий происходит событие, в корне изменившее сложившуюся в городе практику исследовательской работы: по инициативе журналиста Н.В. Шептякова создаётся Котласское историко-просветительское общественное движение краеведов «Северное трёхречье», объединившее подавляющее большинство авторов, работающих в этой сфере. Удачно найденная организационная форма оказалась чрезвычайно живучей и эффективной. Независимые авторы, официальные организации и даже городская администрация как главный заказчик краеведческой литературы отошли на второй план. «Северное трёхречье» в короткие сроки завоевало всероссийский авторитет, и его господство в сфере местного краеведения заслуженно длится по сей день²⁵.

Своего рода соратниками «Трёхречья» являлись и являются общественные организации «Совесть», «Котласская полония», Котласская национально-культурная автономия российских немцев, но они разрабатывают узкие темы по своим интересам, в основном связанные с темой политических репрессий и депортаций²⁶. В этом плане особо ценны составленные И.А. Дубровиной сборники воспоминаний репрессированных²⁷. Активно действует в направлении сбора и издания воспоминаний земляков Котласский городской совет ветеранов

войны и труда²⁸. К сожалению, пока не принесла видимого эффекта деятельность существующего при музее с 2009 года клуба «Моя родословная» и созданного Б.А. Дробышевским в 2011 году котласского землячества в Москве.

Попытка вывести «Северное трёхречье» на научный уровень с помощью Союза краеведов России и профессиональных учёных-историков не удалась, хотя имела положительные последствия: организацию межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений, с 2017 года действующих в формате всероссийской конференции; издание по итогам этих мероприятий сборников «Двинская земля», внедрение практики научного и литературного редактирования, повышение уровня исследовательской культуры части краеведов, способных учиться на представленных высоких образцах. В подражание Стефановским чтениям состоялись полонийные чтения «Котлас в судьбах поляков» с выпуском итогового сборника²⁹, но они оказались единственным мероприятием.

Благодаря Стефановским чтениям произошло привлечение к изучению истории Котласа и Котласского района авторитетных деятелей региональной исторической науки (доктора исторических наук И.Л. Жеребцов, Н.В. Упадышев, М.С. Черкасова и другие)³⁰. Появились иногородние историки, систематически пишущие о Котласе исключительно на основе архивных документов: архангелогородка Е.О. Студенцова, вологжанин Д.А. Пшеницын³¹. Как правило, короткие статьи профессиональных историков оказываются более содержательными, чем объёмные книжные издания местных краеведов, задавая тем самым высокую планку качества исследований.

Кроме того, в конце XX века в Котласе появился новый весомый фактор, влияющий на историографическую ситуацию: попытка становления в городе высшего образования³². Возникшие здесь филиалы высших учебных заведений развернули не только образовательную, но и научно-исследовательскую работу, составной частью которой стали вопросы региональной истории. Начали проводиться научные конференции и издаваться научные сборники, в которых отдельной частью нередко представлена историческая тематика³³. Но, главное, в городе появились собственные научные кадры. Из них наибольший вклад в изучение местной истории внесли учёные-гуманитарии: кандидат исторических наук С.А. Гладких, кандидат философских наук А.Э. Гарвардт, кандидат филологических наук С.Г. Вирячева, кандидат педагогических наук В.В. Антоновская³⁴. Ныне, с постепенной ликвидацией филиалов, исследовательская активность заметно снизилась, но ключевые научные кадры остались в городе и продолжают работу по изучению истории Котласа.

Благодаря специализированным научным конференциям Котласского филиала Государственного университета морского и речного флота состоялся серьёзный рывок в изучении важной для города темы истории транспорта³⁵. «Транспортная» секция формировалась и на некоторых Стефановских чтениях. Из краеведов данную тему в отношении железнодорожного и трубопроводного транспорта активно разрабатывал Н.В. Шептяков, в отношении водного и авиационного – В.П. Михин³⁶. В результате к настоящему времени транспортная тематика является одним из наиболее исследованных аспектов местной истории.

С 2009 года в Котласе функционирует Школа юного историка – общегородской элективный курс для учащихся, возникший благодаря содружеству учителей, учёных, краеведов и муниципальной администрации. Этот проект, ориентированный в том числе на сохранение преемственности в изучении местной истории, наглядно демонстрирует пользу подобной кооперации. В процессе обучения дети получают углублённые знания как по истории, так и по краеведению, представляют результаты своих изысканий на ежегодных Малых Стефановских чтениях. Некоторое время издавались итоговые сборники чтений – к сожалению, без редактирования, что привело к публикации откровенно слабых школьных работ³⁷. Ныне эта практика по финансовым причинам прекращена, и возобновлять её нет необходимости, так как лучшие работы учащихся публикуются в ведущем местном краеведческом издании – сборнике «Двинская земля»³⁸. Но самое главное, что несколько выпускников Школы юного историка стали студентами исторических факультетов.

Постепенно наращивал исследовательский потенциал и Котласский краеведческий музей. Так, осязаемые результаты принёс научный проект Н.И. Николаевой «Древний Пырас», реализованный в содружестве с архангельским археологом А.Г. Едовиным³⁹. С обновлением кадрового состава в 2018 году, в деятельности музея начинается быстрый рост научно-исторической составляющей, нашедший отражение в ежегодном научно-просветительском издании – «Вестнике Котласского краеведческого музея». Музей осуществляет также издание учебно-методической литературы в рамках тематической серии брошюр «В помощь краеведу». Положительный эффект произвёл и перевод на базу музея движения «Северное трёхречье». Таким образом, Котласский краеведческий музей постепенно превращается в организующий центр краеведения, каким ему и положено быть, исходя из названия.

По указанным выше причинам с конца XX века резко активизировалась исследовательская и издательская деятельность по истории Котласа. При этом «пальму первенства» по количеству выпускаемой литературы держат многочисленные котласские краеведы, в основном работающие под эгидой «Северного трёхречья». Для краеведческой литературы характерны либо проблемный, либо хронологический подход (совмещать их обычно не получается): это история города в целом, история того или иного периода или события, история отдельного предприятия, биография известного земляка. В опубликованных краеведами книгах (а ведь есть ещё множество статей) рассмотрен широчайший спектр тем.

Котласскими краеведами исследована история самых разнообразных городских учреждений и организаций⁴⁰, отдельных промышленных предприятий⁴¹. Представлено прошлое учебных заведений разного профиля: школ, профтехучилищ, филиалов ВУЗов⁴². Изучена история некоторых городских районов⁴³ и улиц⁴⁴. Подробно рассмотрены некоторые периоды местной истории⁴⁵. Активно освещается общественная жизнь: история общественных объединений⁴⁶, история спорта⁴⁷. Широко представлена тема Великой Отечественной войны⁴⁸, появляются исследования и об участии котлашан в других войнах XX века⁴⁹. Вышли биографические справочники о местных писателях и учёных⁵⁰. Оригина-

лен трёхтомник В.И. Плотникова «Через Котлас и далее», представляющий собой нечто среднее между сборником биографий и антологией творчества российских писателей и поэтов, бывавших в Котласе⁵¹. Чрезвычайно важны статистические издания, к сожалению, публикуемые нерегулярно⁵². Следует отметить и появление детской краеведческой литературы: на этом поприще подвизается Г.Ф. Сергеева⁵³. Н.В. Шептяков редкими отдельными выпусками издаёт частную краеведческую газету «Двинской летописец»⁵⁴.

Но даже при таком тематическом богатстве, из которого можно почерпнуть немало ценного, в научных работах по истории Русского Севера и Архангельской области Котласу, как и ранее, серьёзного внимания обычно не уделяется, за исключением тематики Гражданской войны, политических репрессий и административно-территориального деления⁵⁵. Тем не менее Котлас и некоторые предприятия и организации города, опять же стараниями местных краеведов, были кратко представлены в областной «Поморской энциклопедии»⁵⁶. Важно указать и на то, что при столь масштабном изучении истории Котласа исследователи всё же отдают предпочтение изучению более богатой истории Котласского района.

Отдельная линия развития местной краеведческой литературы – выходившие по заказу городской администрации (обычно к юбилеям) большеформатные иллюстрированные издания, выполнявшие прежде всего представительскую и рекламную функции⁵⁷. Всего их издано пять, причём каждое последующее по оформлению роскошнее предыдущего. При этом важно отметить, что иллюстративная часть с каждым новым выпуском всё более сокращалась, уступая место описательной. Особо выделяется последнее из этих изданий, выпущенное к 100-летию города⁵⁸: здесь была предпринята неудачная попытка исключительно силами краеведов написать полную историю Котласа. Однако задача была поставлена властью скоропалительно и преждевременно, на реализацию отпущены заведомо невыполнимые сроки, привлечённые интеллектуальные ресурсы недостаточны, поэтому удивляться неудаче не приходится. В результате появилось лишь нечто вроде расплывчатой хроники местной истории с массой ошибок и неточностей.

Если же говорить о персональном составе пишущих о Котласе краеведов начала XXI века, то в основном это проживающие в городе уроженцы других регионов, в меньшем количестве коренные котлашане (Д.Л. Горынцев, Т.А. Ширшова), а также сторонние исследователи: либо местного происхождения (А.Е. Мосеев, В.Г. Ядрихинский), либо просто интересующиеся местной историей (С.А. Красавцева, К.Г. Тараканов). При этом для котласского краеведческого сообщества характерен чрезвычайно пёстрый профессиональный состав. Традиционно преобладают журналисты (В.А. Кисляков, В.В. Ноговицын, Н.В. Шептяков) и школьные учителя (М.В. Клапиюк, В.Н. Кончевский, Г.Ф. Сергеева), но присутствуют также врач (А.Н. Хрусталёв), лётчик (В.З. Онохов), инженер (Б.А. Дробышевский), повар (Д.А. Кокорина) и представители других далёких от истории специальностей. Разумеется, это серьёзно сказывается на качестве исследований.

Уровень образования, эрудиции, познаний в местной и российской истории у котласских краеведов очень разный. Среди них отмечаются как поднявшиеся с годами на более высокий исследовательский уровень (Н.В. Шептяков), так и проделавшие обратную эволюцию (Д.А. Кокорина). Наиболее квалифицированный автор – А.В. Барсуков, но он в основном работает по истории района. Самой одиозной фигурой является В.Г. Ядрихинский – подлинный графоман и абсолютный лидер по объёмам плагиата⁵⁹.

Близкую к оптимальной схему создания краеведческого труда применяет Н.В. Шептяков. Используя в качестве источников подшивки городских газет, воспоминания котлашан, делопроизводственные материалы из служебных и муниципальных архивов, он в хронологическом порядке излагает историю той или иной организации или периода в истории города без претензий на широкие обобщения. Такая практика позволила фактически «поставить на поток» достаточно объёмные, в том числе заказные издания. И хотя они страдают излишней многословностью, но содержат множество полезной информации. При этом к ним по возможности даются именной и предметный указатели.

К числу типичных недостатков краеведческой литературы относятся бесконечное переливание из пустого в порожнее, то есть переписывание друг у друга одной и той же информации; отсутствие критического подхода к источникам, незнание исследовательских методик, склонность к преувеличениям, неумение оформить научно-справочный аппарат, некорректное цитирование, плагиат и попросту безграмотность. Публицистический стиль изложения подрывает доверие к теоретическим построениям авторов. В результате многие достижения местного краеведения в значительной мере заслоняются допущенными ошибками.

В настоящее время в местном краеведении отмечается обусловленный идеологическим заказом пропагандистский «крен» в историю Великой Отечественной войны. В целом же ясно обозначились две конкурирующие линии перспективного развития местной историографии: краеведческая, представленная группой во главе с В.В. Поповым и ориентированная на немедленное создание энциклопедического словаря-справочника по истории города; и научно-историческая, отстаиваемая музеем и предусматривающая поэтапную работу сначала по сбору и изданию материалов к истории города, затем по написанию обобщающей истории Котласа и лишь затем по созданию справочно-энциклопедической литературы.

Основные проблемы котласской историографии определяются состоянием источниковой базы и являются типичными для истории многих населённых пунктов. Спорными остаются происхождение названия города, дата основания или даже первого упоминания Котласа, этническое происхождение первопоселенцев, локализация ранее существовавших объектов, оценка числа прошедших через Котлас и погибших здесь репрессированных. Существенными преувеличениями страдает оценка роли города в Великой Отечественной войне, что привело в 2020 году к изначально обречённой на провал попытке местной власти добиться присвоения Котласу почётного звания «Город трудовой доблести». Не разработана научная периодизация истории Котласа. Единой концепции городской истории также не существует.

Вместе с тем можно считать в целом решёнными такие важные вопросы, как оценка роли транспортной составляющей в развитии города, оценка стратегической роли Котласа в Гражданской войне. Подробно изучены история местного речного, железнодорожного и авиационного транспорта, в забвении пока находятся гужевой и автомобильный. Достаточно полно освещены такие моменты, как участие котлашан в Великой Отечественной войне, история молодёжного движения.

Однако наряду с хорошо исследованными сюжетами остаются крупные «белые пятна»: демографическая история, эволюция форм местного землевладения, подъём и крах промышленности, анализ нереализованных возможностей и вариантов развития Котласа. Необходимо провести археологические раскопки на территории города, шире осветить ранний период истории котласских храмов, составить связную историю сельского («догородского») Котласа, создать законченную историю градостроительной деятельности, продолжить выявление котлашан – участников и героев многочисленных войн российской истории. Краеоведам предстоит завершить масштабную работу по написанию истории котласских улиц и микрорайонов, наиболее крупных предприятий и организаций.

Резюмируя, следует отметить огромное, подчас ведущее значение в организации изучения местной истории различных общественных объединений. Местная власть лишь иногда пыталась перехватить инициативу, что, впрочем, редко шло на пользу делу. В силу отсутствия историков «первую скрипку» в котласском краеведении всегда играли журналисты: А.М. Старцев, В.Ф. Ракитин, В.В. Титов, Н.В. Шептяков. К сожалению, профессионалы к изучению истории Котласа до начала XXI века фактически не привлекались. Тем не менее, в настоящее время основной вклад в изучение городского прошлого благодаря выявлению неизвестных ранее фактов вносят имеющие постоянный доступ к архивам сторонние историки. В целом же, к сожалению, исследования учёных и краеведов по-прежнему носят мозаичный характер, а их тематика определяется личной инициативой исследователей. Системного и планового изучения котласской истории наладить не удалось.

Показательна также постоянная и сильная зависимость изучения местной истории от идеологических установок, обусловивших последовательную смену «ключевых» тем (деятельность Стефана Пермского, события Гражданской войны, политические репрессии 1930–50-х годов, Великая Отечественная война). Ныне фиксируются сложные, порой конфликтные отношения представителей научного и краеведческого сообщества, огромный количественный перевес краеведческих исследований над научно-историческими, низкое качество большинства краеведческих трудов. Основными причинами такого положения дел являются оторванность Котласа от научных центров и череда административно-территориальных преобразований, превративших его в «чужой» город для всех региональных столиц. Поэтому для изживания отмеченных недостатков необходимо делать ставку на целенаправленное воспитание местных кадров профессиональных историков, налаживание постоянной совместной работы с иногородними исследователями, систематическую работу по повышению уровня знаний и умений котласских краеведов.

Не следует пытаться «подтянуть» краеведов до одного уровня с историками: без получения профессионального образования эта задача невыполнима. При подготовке и реализации масштабных исследовательских проектов нужно лишь грамотно очертить сферу деятельности тех и других, чтобы они вместе делали общее дело. Для планомерного же изучения городской истории необходимо объединить усилия историков, краеведов, чиновников, бизнесменов-спонсоров через единый организующий центр, на роль которого оптимально подходит Котласский краеведческий музей. Однако общий разброд в краеведческой среде, некомпетентность власти и бизнеса в гуманитарной сфере и хаос существующих исследовательских направлений не позволяют в обозримом будущем надеяться на формирование дееспособной системы изучения местной истории.

¹ Горынцев Д.[Л.] Котласские краеведы // Котлас: Очерки истории. Архангельск: Правда Севера, 2001. С. 279–293; Шептяков Н.В. Рыцари котласского краеведения: 10 лет служения малой родине // Двинская земля. Вып. 6. Котлас: [б.и.], 2010. С. 273–276.

² Парфёнов А.Г., Старцев А.М. Котлас. Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1959. С. 5; Хрусталёв А.Н. Историческое прошлое котласского края // Двинская земля. Вып. 6. Котлас: [б.и.], 2010. С. 11.

³ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники Пармы. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. С. 23.

⁴ Горынцев Д.[Л.] Провинция, глубинка, глубина // Котлас: Очерки истории. Архангельск: Правда Севера, 2001. С. 6; Котлас – наша история. Архангельск: Издательские проекты, 2017. С. 14–15; Хрусталёв А.Н. Котлас с древнейших времён. Котлас: [б.и.], 2014. С. 6–7.

⁵ Соскин А.[И.] История города Соли Вычегодской. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997. С. 147.

⁶ См. например: Бессонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1909. С. 6–8, 232; Лейкин Н.А. По Северу дикому. Изд. 2-е. СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1899. С. 93–96; Львов (Кочетов) Е.Л. По студёному морю: Поездка на Север. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895. С. 22–28.

⁷ См. например: Селение Котлас // Вологодская старина: историко-археологический сборник. / Сост. И.К. Степановский. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1890. С. 362; Железнодорожные пути. Мероприятия к развитию торгово-промышленной деятельности в Котласе // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 5. С. 155–156.

⁸ См. например: У.Н. Освящение нового здания для церковно-приходской школы в селе Котлас // Вологодские епархиальные ведомости. 1903. 15 мая (№ 10). С. 291–295; В.Л. Прошлое Котласа по народному преданию // Архангельск. 1914. 26 апреля (№ 92). С. 4; Станция Котлас пермь-котласской железной дороги // Архангельские губернские ведомости. 1899. 29 сентября (№ 142). С. 3–4.

⁹ См. например: Попов Е.[А.] Святитель Стефан Великопермский. Пермь: Типография губернского правления, 1885. С. 26; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1862. С. 223.

¹⁰ См. например: Евдокимов А. Заметки краеведа. Поездка в Котлас и Усть-Сысольск // Северное хозяйство. 1924. № 11. С. 5–11; Николаев В. Из прошлого города Котласа // Социалистический Север. 1949. 27 июля, 7, 14 августа.

¹¹ См. например: Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II (Северо-Запад). Ч. 2. Озёрные и речные флотилии. Л.: Редакционно-издательский отдел Морских сил РККФ, 1926. С. 61–98, 125–129.

¹² Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края: Материалы специальных экономических обследований. Ленинград: Издание Северо-Двинской губернской плановой комиссии, 1929. С. 19.

¹³ Парфенов А.Г., Старцев А.М. Котлас. Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1959. 96 с.

¹⁴ См. например: Кириллов С. Котлас и его роль в освоении Севера // Двинская правда. 1962. 2 декабря. С. 2; Красавцев В. Первые коммунистические субботники в Котласе // Двинская правда. 1967. 12 мая. С. 2–3; Первушин В. У истоков Котласской партийной организации // Двинская правда. 1967. 21 февраля. С. 2.

¹⁵ См. например: Ракитин В.[Ф.] Забастовка железнодорожников Котласа // Двинская правда. 1975. 1 февраля. С. 2; Ракитин В.[Ф.] Первый в губернии: К юбилею Котласского Совета // Двинская правда. 1977. 29 марта. С. 2; Ракитин В.[Ф.] Рождение станции Котлас // Двинская правда. 1979. 18 декабря. С. 3.

¹⁶ Шептяков Н.В. Краеведческая тема в «Двинской правде» (тематическая страница «Отчий край») // Двинская земля. [Вып.1]. Котлас: Правда Севера, 2002. С. 194–196.

¹⁷ Серёдкина Т.А. Котласскому краеведческому музею – 35 лет // Двинская земля. Вып. 8. Котлас: [б.и.], 2015. С. 181–185.

¹⁸ Клапиюк М.В. История Котласа в трудах краеведа Василия Андреевича Потапова // Двинская земля. Вып. 10. Котлас: [б.и.], 2017. С. 218.

¹⁹ Гарф А.Л., Покшишевский В.В. Север. М.: Молодая Гвардия, 1948. С. 121–124; Золотые звёзды северян. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1967. С. 39–40, 62–63, 70–72 и др.; Тарасов В.В. Борьба с интервентами на севере России (1918–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1958. С. 152–153, 160–183, 209–210 и др.

²⁰ Едовин А.Г. Археологические памятники Котласского района: итоги и перспективы изучения // Двинская земля. Вып. 8. Котлас: [б.и.], 2015. С. 61–66.

²¹ См. например: Дубровина И.[А.] Трудные дороги в лесах: История одной семьи // Двинская правда. 1991. 10 декабря. С. 3; Клапиюк М.В. История сопротивления крестьян-спецпереселенцев на Макарихе в начале 30-х годов XX в. // Котласский курьер. 2011. 18 августа. С. 14; 25 августа. С. 14; 1 сентября. С. 14; Пузырев М.Д. Строительство и освоение Печорской железной дороги // Пузырев М.Д. Мысли в смутное время. Архангельск: Правда Севера, 2000. С. 125–134; Смолина А.[И.] Котласлаг // Котлас: Очерки истории. Архангельск: Правда Севера, 2001. С. 49–59.

²² Серёдкина Т.А. Наталия Ивановна Николаева // Вестник Котласского краеведческого музея. Вып. 1. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2018. С. 25.

²³ Котлас. / Сост. А.[В.] Денисова, Н.[Ф.] Мельникова, Н.[И.] Николаева. Котлас: ООО «Пилот», 1997. 24 с.

²⁴ Котлас: Очерки истории. / Отв. ред. В.В. Титов. Архангельск: Правда Севера, 2001. 304 с.

²⁵ Подробно см.: «Северное трёхречье»: летопись десяти лет. / Сост. Н.В. Шептяков. Котлас: [б.и.], 2009. 48 с.; «Северное трёхречье»: летопись второго десятилетия. / Сост. Н.В. Шептяков. Котлас: [б.и.], 2019. 58 с.

²⁶ Дубровина И., Клапиюк М., Дембовска А. Всегда помним... Книга о жертвах политических репрессий в Котласе. [Котлас: б.и., 2009.] 28 с.; Невыбранное время, нежданная судьба... (Из истории российских немцев в г. Котласе и Котласском районе). [Ч. 1.] Котлас: [б.и.], 2010. 168 с.; Ч.2. Котлас: [б.и.], 2013. 176 с.

²⁷ Свидетельства из прошлого, собранные Ириной Дубровиной. Из архива Котласской общественной организации «Совесть». Вып. I. М.: Возвращение, 2014. 168 с.; Вып. II. Котлас: Юг Севера, 2015. 144 с.; Вып. III. Котлас: Юг Севера, 2016. 144 с.; Вып. IV. Котлас: Юг Севера, 2018. 160 с.

²⁸ См. например: Улица моего детства. / Сост. В.А. Нюхина. Котлас: [б.и.], 2006. 148 с.; Фронтовые дороги котлашан. / Сост. Н.М. Любов, В.А. Нюхина, Н.В. Шептяков. Котлас: [б.и.], 2012. 84 с.

²⁹ Котлас в судьбах поляков: Материалы первых межрегиональных краеведческих полонийных чтений 28 октября 2005 года. Вып. 1. Котлас: [б.и.], 2006. 92 с.

³⁰ См. например: Документы о Котласской церкви в актовых источниках Устюжской десятины Ростовской митрополии. / Подг. к публ. и предисл. М.С. Черкасовой // Вестник Котласского краеведческого музея. 2019 год. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2019. С. 6–7; Жеребцов И.Л. Древнее коми население Котласского района // Двинская земля. [Вып. 1]. Котлас: Правда Севера, 2002. С. 67–72; Упадышев Н.В. ГУЛАГ в истории Котласа // Двинская земля. Вып. 7. Котлас: [б.и.], 2013. С. 173–181.

³¹ См. например: Пшеницын Д.А. Котлас в документах XVII века (по материалам писцовых и переписных книг Устюжского уезда) // Известия Русского Севера. 2017. № 3-4. С. 53–57; Пшеницын Д.А. Ранние поземельные акты из архива Котласской церкви второй половины XVI века // Вестник Котласского краеведческого музея. Вып. 1. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2018. С. 6–10; Студенцова Е.О. Котласский эвакуационный пункт в 1941–1942 гг. // Двинская земля. Вып. 9. Котлас: [б.и.], 2016. С. 22–29; Студенцова Е.О. Социально-экономическое развитие города Котласа в начале 30-х гг. XX века // Двинская земля. Вып. 7. Котлас: [б.и.] 2013. С. 160–173.

³² Подробно см.: Гладких С.А. История котласской науки // Котлашане в мире науки: Биографический справочник. Котлас: [б.и.], 2012. С. 4–10.

³³ См. например: Малый город: экология, образование, наука, культура. Материалы межвузовской научной конференции 15–16 мая 2003 г. Архангельск: Изд-во АГТУ, 2003. С. 256–381 (Ч. III. История края); Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 20–21 марта 2003 года. Котлас: СПГУВК, 2003. С. 38–71 (Ч. II. История транспорта и транспортных коммуникаций).

³⁴ См. например: Антоновская В.В. Взаимодействие краеведческого музея с общественными организациями на примере проекта «Василёк майора Петракова» // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 9-10. Вельск: Вельский краеведческий музей, 2019. С. 276–280; Вирячева С.Г. История скоростного пассажирского флота города Котласа // Двинская земля. Вып. 10. Котлас: [б.и.], 2017. С. 140–152; Гарвардт А.Э. Применение труда заключённых и «трудоармейцев» в строительстве Северной железной дороги // Двинская земля. Вып. 4. Вельск: Вельти, 2005. С. 89–97; Гладких С.А. К вопросу о переименовании улиц города Котласа // Наука. Север. Регион. Архангельск: Изд-во АГТУ, 2005. С. 200–207.

³⁵ См. например: Вязовикова А.В., Стрельцова В.И. Из истории развития Котласского порта // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 5. СПб.: ФБОУ ВПО «СПГУВК», 2012. С. 171–175; Онохов В.З. География полётов Котласского объединённого авиаотряда // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. [Вып. 1.] СПб.: ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова», 2015. С. 243–245; Шептяков Н.В. 111 лет станции Котлас-Южный // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 4. Котлас: ФГОУ ВПО «СПГУВК», 2010. С. 138–151.

³⁶ Михин В.П. Речные магистрали Севера. Котлас: [б.и.], 2018. 428 с.; Михин В.П., Романов В.Б. Воздушная гавань Котласа: Очерки развития авиации на юге Архангельской области. Котлас: [б.и.], 2008. 276 с.; Шептяков Н.В. Трасса нашей жизни (Приводинское ускорение). Котлас: [б.и.], 2009. 384 с.; Шептяков Н.В. Восемьдесят лет под стук колес: Очерки истории предприятий пассажирского хозяйства Котласского железнодорожного узла. Котлас: [б.и.], 2016. 432 с.

³⁷ Двинские горизонты (исследования молодых летописцев Севера). Вып. 1–7. Котлас: [б.и.], 2008–2014; Малые Стефановские чтения. Котлас: [б.и.], 2007. 108 с.

³⁸ См. например: Балакшин Д.О. Политическая жизнь Котласа в 1917 году // Двинская земля. Вып. 10. Котлас: [б.и.], 2017. С. 40–46; Заборская А.Е. История часовни деревни Устье в XX веке // Двинская земля. Вып. 7. Котлас: [б.и.], 2013. С. 190–196.

³⁹ Едовин А.Г. Археологический поиск следов деятельности Стефана Пермского на Нижней Вычегде // Двинская земля. Вып. 8. Котлас: [б.и.], 2015. С. 56–60.

⁴⁰ Вехи истории Котласской центральной городской больницы. / Сост. И.В. Слободской. Котлас: [б.и.], 2007. 296 с.; Горынцев Д.Л., Шептяков Н.В. Котласская типография: годы и люди. Котлас: [б.и.], 2013. 284 с.; Мосеев А.Е. Служба под грифом «секретно»: История Котласского отдела госбезопасности от ВЧК до ФСБ. Архангельск: Лоция, 2019. 304 с.; Шибалова Н.С. Котласский драматический театр: история и современность. Котлас: Котласский драматический театр, 2015. 288 с.

⁴¹ Говоров В.А. Маршрут длиной в 120 лет: К 120-летию локомотивного депо Котлас и 75-летию локомотивного депо Сольвычегодск. Котлас: [б.и.], 2017. 368 с.; Софронов В.П. Записки директора. Котлас: [б.и.], 2010. 204 с.; Фотолетопись Лимендского судостроительно-судоремонтного завода. / Сост. Т.А. Ширшова, З.А. Шастина. Котлас: [б.и.], 2012. 80 с.

⁴² См. например: 25 – это только начало...: иллюстрированный сборник воспоминаний и очерков о жизни профессионального училища № 20. / Ред. Л.Н. Малышева. Котлас: [б.и.], 2008. 104 с.; Детская школа искусств № 7 «Гамма»: 50 лет. / Ред. Е.В. Шитова. Котлас: [б.и.], 2007. 24 с.; История Котласского филиала АГТУ газетной строкой (1999–2004 гг.). / Сост. В.А. Кисляков. Архангельск, Котлас: [б.и.], 2004. 88 с.; На гагаринской орбите: к 55-летию школы № 4 им. Ю.А. Гагарина. / Сост. Н.Н. Бачина и др. Котлас: [б.и.], 2016. 320 с.

⁴³ См. например: Вычегодский: Очерки истории. / Сост. Г.Я. Потапова, Л.И. Старковская, Н.В. Шептяков. Котлас: [б.и.], 2009. 244 с.; Жизнь на реке. История Приречного микрорайона Котласа: люди, события, факты. / Сост. Н.В. Шептяков, Т.А. Ширшова. Котлас: [б.и.], 2013. 312 с.; Кокорина Д.А. Михейков остров. История освоения острова. Котлас: [б.и.], 2006. 262 с.

⁴⁴ Михин В.П. Улицы нашего детства: Улица Володарского в Котласе // Двинская земля. Вып. 6. Котлас: [б.и.], 2010. С. 34–42; Улица моего детства: Сборник воспоминаний котлашан. / Сост. В.А. Ньюхина. Котлас: [б.и.], 2006. 148 с.

⁴⁵ Шептяков Н.В. Котлас: десятилетие предрика Георгия Елсакова. Очерки истории города в 1961–1971 годах. Котлас: [б.и.], 2010. 328 с.; Котлас – накануне перестройки: Очерки истории и воспоминания по истории города в 1972–1988 годах. / Сост. В.В. Попов и др. Т. 1. Котлас: [б.и.], 2012. 384 с.; Т. 2. Котлас: [б.и.], 2015. 488 с.

⁴⁶ Главное, ребята, сердцем не стареть!: Комсомол Котласа в истории края. 1918–2018 годы. / Сост. А.Н. Барышев, Т.А. Ширшова. Котлас: [б.и.], 2018. 244 с.; Сергеева Г.Ф. «Котласская Полония»: страницы жизни (к 20-летию деятельности). Сыктывкар: [б.и.], 2014. 52 с.; Служить Отечеству: 15 лет комитету ветеранов и военной службы г. Котласа. / Сост. В.И. Плотников. Котлас: [б.и.], 2013. 216 с.; Шептяков Н.В. Призвание – служить людям: Очерки истории профсоюза железнодорожников. Вельск: Вельти, 2005. 336 с.

⁴⁷ Бровкин А.А. Теннис через всю жизнь. Изд. 2-е. Котлас: [б.и.], 2011. 216 с.; Стрекаловская Н.П. История котласского спорта, век XX – начало XXI. Кн. 1. Котлас: [б.и.], 2008. 264 с.

⁴⁸ См. например: На пути к победе. Рассказывают фронтовики 1941–1945. / Сост. В.И. Плотников. Котлас: [б.и.], 2015. 492 с.; Ради жизни на земле. / Сост. Н.М. Любов, В.А. Ньюхина, Н.В. Шептяков. Котлас: [б.и.], 2010. 112 с.; Солдатская слава. Котлашане – кавалеры ордена Славы I, II, III степени. / Сост. В.И. Плотников. Котлас: [б.и.], 2017. 204 с.

⁴⁹ Гладких С.А. Котлашане – участники русско-японской войны 1904–1905 годов // Защитники Отечества. Вып. 13. Архангельск: Центр патриотического воспитания и допризывной подготовки молодёжи, 2014. С. 158–177; Незнаменитая война 1939–1940: Участие котлашан в Зимней войне с Финляндией. / Сост. В.И. Плотников. Котлас: [б.и.], 2012. 208 с.;

Николаева Н.И. «За веру, Царя и Отечество!» (Котлас и котлашане в годы Первой мировой войны). Двинская земля. Вып. 5. Котлас: ЭЛПА, 2007. С. 111–117.

⁵⁰ Котлашане – члены писательских союзов. / Сост. Н.В. Шептяков. Котлас: [б.и.], 2015. 40 с.; Котлашане в мире науки: Биографический справочник. / Сост. С.А. Гладких. Котлас: [б.и.], 2012. 76 с.; Котлашане в мире науки. / Авт.-сост. А.Н. Быстров, В.П. Михин, С.А. Суханов. Котлас: [б.и.], 2016. 164 с.

⁵¹ Через Котлас и далее. / Сост. В.И. Плотников. [Кн. 1.] Котлас: [б.и.], 2012. 464 с.; Кн. 2. Котлас: [б.и.], 2013. 456 с.; Кн. 3. Котлас: [б.и.], 2014. 468 с.

⁵² Город Котлас и Котласский район в цифрах. Архангельск: [б.и.], 1999. 92 с.; Дорога в будущее...: портрет в цифрах. Коряжма: [б.и.], 2007. 34 с.

⁵³ Сергеева Г.Ф. Наш Котлас: Книга для чтения по краеведению. Котлас: [б.и.], 2005. 128 с.; Сергеева Г.Ф. Едем в Котлас: Книга для маленьких котлашан и их родителей. Котлас: [б.и.], 2009. 44 с.; Сергеева Г.Ф. О Котласе для маленьких котлашан. М.: Сказочная дорога, 2016. 48 с.

⁵⁴ Шептяков Н.В. «Двинской летописец»: судьба бесхозной газеты // Вестник Котласского краеведческого музея. 2019 год. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2019. С. 41–44.

⁵⁵ См. например: Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 88–89, 139, 144–145 и др.; Упадышев Н.В. ГУ-ЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск: Поморский университет, 2004. С. 40–41; 98–107, 114–115 и др.; Шубин С.И. Северный край в истории России: Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. С. 141–146; 267–268; 375–378 и др.

⁵⁶ Поморская энциклопедия. Т. V. Города, районы, люди Архангельского Севера. Архангельск: С(А)ФУ им. М.В. Ломоносова, 2016. С. 41–47, 484–496.

⁵⁷ Котлас. / Сост. Т.[В.] Филиппева. Архангельск: [б.и., 2001]. 56 с.; Котлас. / Сост. Т.[В.] Филиппева и др. Архангельск: [б.и., 2003]. 76 с.; Котлас – история, события, люди... / Отв. ред. И.[В.] Папылева. Сыктывкар: [б.и.], 2007. 144 с.; Котлас: город нашей судьбы. / Отв. ред. Н.[В.] Шептяков. Сыктывкар: [б.и.], 2012. 208 с.

⁵⁸ Котлас – наша история. / Сост. И.С. Амосов и др. Архангельск: Издательские проекты, 2017. 208 с.

⁵⁹ Рецензии см.: Гладких С.А. Осторожно: плагиат! // Вестник Котласского краеведческого музея. Вып. 1. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2018. С. 43–44; Гладких С.А. Книжная полка // Вестник Котласского краеведческого музея. 2019 год. Котлас: Котласский краеведческий музей, 2019. С. 45.

А.В. Коноплёв

МЕХАНИЗМ КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЫ В СРЕДЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ ЛОЦМАНОВ XVII ВЕКА

Изучение истории архангельских лоцманов показывает, что в подавляющем большинстве работ, посвящённых этой теме, исследователи выделяют период с хронологическими рамками с 1671 по 1685 год. Считается, что в этот промежуток времени, в результате конкуренции в лоцманской среде, право на проводку судов к архангельскому порту отдавалось на откуп с торгов.

В силу ограничений по объёму предоставляемого материала, настоящая статья будет посвящена только одной стороне процесса конкуренции – механизму её реализации. Для начала рассмотрим более подробно возникновение и развитие взглядов на данную проблему в деятельности архангельских корабельных вожей, как назывались в ту пору лоцманы.

В 1846 году в газете «Кронштадтский вестник» П.Ф. Кузмищев публикует исторические документы, касающиеся архангельских лоцманов. В публикацию входят выписка из поданной в 1711 году челобитной горожанина Ивана Прокопьева Мамаева, представляющая собой текст «Списка с памяти, данной в 1674 году корабельным вожем Проньке Игумнову, Ермилке Дятькину, Ермолке Рокитину с товарищи» и текст «Памяти корабельным вожам... 1690 года», опубликованный ранее. В примечаниях П.Ф. Кузмищев считает необходимым выделить, что «Право проводить в устье Сев. Двины иностранные купеческие корабли было сначала без оброка, а потом, с 1671 года, отдаваемо на откуп с торгов до 1685, а с этого времени оставлено опять без откупа»¹.

Не проходит мимо интересующего нас периода и первый историк архангельских лоцманов С.Н. Петухов, опубликовавший в 1864 году в той же газете «Кронштадтский вестник» цикл очерков об архангельских лоцманах. Опираясь на документы, опубликованные П.Ф. Кузмищевым, С.Н. Петухов пишет, что «...предки наших лоцманов... тягались и торговались из-за прав на эти обязанности, отбивая их друг у друга, и притом обязывались еще платить в казну государеву известный немалый оброк»².

Гораздо более известны, чем очерки С.Н. Петухова, труды С.Ф. Огородникова. Он рассматривает этот период более подробно, а также вводит в оборот новый документ. Это «Царская грамота Архангельскому воеводе Афанасью Нестерову, о дозволении торговым иноземцам в Архангельске нанимать лоцманов для провода кораблей, по своему желанию и выбору», данная 19 июня 1671 года³. В результате С.Ф. Огородников отмечает, что «...двинские вожи предложили получать с них ежегодный оброк, сперва 10, а потом (в 1672 г.) уже 30 руб., так что с этого времени лоцманский промысел явился на откупу у

правительства...»⁴. Однако в 1685 году откуп был отменён «для пользы самого дела»⁵.

Не обошёл вниманием этот период и И.К. Сабо, который в своём очерке писал: «Однако, с увеличением судоходства, занятие лоцманским промыслом сделалось очень выгодным, вследствие чего явилось много желающих, и правительство с 1671 года принуждено было сдавать это право с торгов на откуп»⁶. Однако, как считает И.К. Сабо: «Подобная система, преследовавшая более фискальные, нежели общегосударственные цели, не могла давать мореплавателям должных гарантий от произвола и эксплуатации откупщиков». В результате жалоб иностранных купцов в 1685 году откуп был отменён.

С наступлением советской власти исследование истории корабельных вожей Архангельска прерывается, и возобновляется только в 90-х годах XX века. Так, в 1992 году выходит книга Г.П. Попова, в которой автор, описывая историю архангельских лоцманов, полагает, что до 1670 года корабельные вожи находились на государственном жаловании, а с 1671 года промысел был передан на откуп. К 1685 году плата за откуп, по мнению Г.П. Попова, составила 45 рублей, а в 1686 году откуп был отменён⁷.

Авторы опубликованных в 1992 году тезисов В.В. Брызгалов и А.М. Ильющенко считают, что всем желающим было разрешено свободно наниматься в корабельные вожи и создавать соответствующие артели. Расходы на наём корабельных вожей возлагались на иностранных купцов и капитанов судов. На корабельных же вожей возлагалась обязанность уплачивать в казну оброк. «С 1672 г. вожевой промысел государством стал отдаваться на оброк с торгов, что продолжалось до 1685 г.»⁸. Кроме того, авторами высказывается мнение, что в результате введения откупа цены на лоцманскую проводку поднялись, купцы стали нести большие убытки, и жалобы иностранных купцов способствовали отмене торгов на вожевой промысел.

В 1998 году появляется совместная книга О.В. Овсянникова и М.Э. Ясински⁹. В ней интересующий нас период рассмотрен наиболее обстоятельно, по сравнению с другими исследователями. Этому способствует выявление авторами в архиве Санкт-Петербургского филиала Института Истории РАН и публикация в качестве приложения полного текста челобитной Ивана Мамаева, из которой у П.Ф. Кузмищева и С.Ф. Огородникова дан только список одной из грамот. Авторы рассматривают тексты документов в хронологической последовательности событий. Это позволяет им отметить, что первые оброчные торги были проведены 30 июля 1672 года, и «...с торгу отдано то карабленое воженье Ермолке Рокитину с товарищы». Но в 1674 году право на проводку судов к Архангельску отдаётся указом «карабленным вожам Пронке Ефимову, да Ермолке Дятину, да Ермолке Рокитину с товарищы в нынешнем во 182-м году с моря к Архангелскому городу и от города на море карабли водить против прежнего...»¹⁰. Кроме того, авторы полагают, что «...указ 1685 г. отменил откуп и оброк и выделил только ту группу лоцманов, которая работала с иноземцами». Однако подробно рассматривается только промежуток между 1671 и 1674 годами, при этом грамоту 1671 года, упоминаемую С.Ф. Огородниковым, в качестве источника авторы не используют.

В последние годы существенный вклад в историю архангельских лоцманов вносит И.М. Гостев. В докладе, озвученном в 2013 году на мероприятиях по поводу 400-летнего юбилея Общества Архангельских лоцманов¹¹, он вводит в оборот документ, датированный 14 июля 1685 года¹², который ранее привлекался к истории лоцманов О.В. Овсянниковым и М.Э. Ясински по копии XVIII века¹³. Этим документом отменяется откуп.

На основании рассмотрения всего вышесказанного, можно сделать два основных вывода. Первый состоит в том, что события в среде корабельных вожей Архангельска изучены относительно обстоятельно только в начальный период 1671–1674 годов и завершающий период 1685–1690 годов. Всё происходившее в период с 1675 по 1684 годы осталось не исследованным. Второй вывод состоит в том, что вопрос механизма конкуренции никогда не подвергался анализу просто в силу отсутствия информации за весь период.

Однако существует документ, который имеет непосредственное отношение к указанной теме, и в поле зрения исследователей до сегодняшнего дня не попадавший. Речь идёт о «Деле по челобитью торгующих в Архангельске иностранцев о притеснениях, делаемых им воеводами в торговле». Документ датирован 14 июля 1684 года¹⁴. Рассмотрим кратко его содержание.

В июне 1684 года английскими, голландскими, гамбургскими и прочими иноземными торговыми людьми, прибывающими в Архангельск для торговли, на имя самодержцев Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича подаётся челобитная. В ней челобитчики утверждают, что со стороны воевод им следуют притеснения, которые в первую очередь заключаются в отсутствии возможности самим иноземцам нанимать корабельных вожей. При этом цену найма произвольно устанавливают воеводы. Для прикрытия же этого произвола интересами государства с корабельных вожей берут откуп.

Далее челобитчики напоминают, что это не первое обращение к царствующим особам. В 1674 году они уже обращались к Алексею Михайловичу. В 1678 году царём Фёдором Алексеевичем им было пожаловано право нанимать корабельных вожей по собственному усмотрению и в данном вопросе иметь дело с таможней, а не с приказом. Однако по царским грамотам в Архангельске ничего не было выполнено. В 1682 году по этому же вопросу к царю Фёдору Алексеевичу обращался английский король Карл II Стюарт, и просил иноземцев от притеснений в Архангельске избавить. Затем следуют, как это принято, просьбы о решении проблем иноземного купечества.

Челобитная, в соответствии с правилами делопроизводства того времени, попадает на рассмотрение к князю В.В. Голицину. Князь накладывает резолюцию с распоряжением подготовить выписку из прежних материалов, связанных с корабельными жожами Архангельска – «приказал выписать из прежняго о том иноземского челобитья, и из отпуска грамоты, и из грамоты ж Аглинского короля и из новаго торговаго устава». Такая выписка была подготовлена в Новгородском приказе. Выписка охватывает период с 1671 по 1682 годы, то есть приводит документы, которые проливают свет на события, до настоящего времени не изученные.

Таким образом, вновь выявленный документ 1684 года, совместно с введёнными в оборот ранее документами 1671, 1674, 1685 и 1690 годов, позволяет не только восстановить хронологию событий практически за весь период конкуренции, но и существенно дополнить знания о начальном периоде.

Но прежде, чем начать рассматривать механизм конкуренции, необходимо кратко коснуться такого вопроса, как причина её возникновения. Все вышеперечисленные авторы придерживаются точки зрения С.Н. Петухова, который ещё в 1864 году высказал мысль о том, что раз лоцманский промысел был выгоден государству, получающему доход от сдачи промысла на откуп, то «...без сомнения он был весьма выгоден и для занимающихся им»¹⁵. Заключение это имеет умозрительный характер и никаких доказательств, подтверждающих сделанный вывод, в работе не приводится. Также эта гипотеза никак не объясняет дату начала конкуренции. Однако, если обратиться к работе С.Ф. Огородникова, то мы видим, что в 1670 году резко падает приход иностранных кораблей в порт Архангельска¹⁶. Это и есть основная объективная причина возникновения конкуренции. Соответственно, становится понятно, почему конкуренция начинается именно в 1671 году.

Весной этого года, то есть до начала навигации в Белом море, в Москву приезжает из Архангельска корабельный вож Пронка Ефимов и от имени артели из семи человек («Архангельского города посадские люди»), которых он представлял, подаёт челобитную. В ней челобитчики жалуются на своих коллег Ивашку Хабарова и Ермолку Рокитина, которые «кораблей водить мимо своей артели никому не дают», и «от них... посадским людям в корабельном вожении бывает теснота»¹⁷. Просят же они отстранить Хабарова и Рокитина от вожевого промысла и, в свою очередь, предлагают платить оброк с промысла по десять рублей в год. На основании челобитной право водить корабли к Архангельску грамотой от 15 апреля предоставляется Пронке Ефимову и Ермолке Дятькину с их артелью («охочим посадским и уездным людям»). При этом водить корабли они должны «по прежнему», то есть без «Великого Государя жалования и без мирской подмоги, из одного Немецкого найма». Ивашке же Хабарову и Ермолке Рокитину в жожах быть не велено.

В 1672 году в Москву приезжает Ермолка Рокитин и предлагает платить оброк 30 рублей, чтобы право на проводку кораблей было передано ему. Московские власти навстречу не идут, и он уезжает. Однако 10 мая 1672 года из Новгородского приказа на Двину, по указу Алексея Михайловича, следует предписание дать Пронке Ефимову и Ермолке Рокитину с товарищами торг «о карабленом вожевом промысле» и взять с выигравшего поручную запись. Торги выигрывает Ермолка Рокитин с результатом в сорок рублей двадцать пять алтын, которые поступают в казну¹⁸. По результатам торгов даётся грамота.

На следующий, 1673 год, снова на арене борьбы появляется Ивашка Хабаров. 29 мая в съезжей избе он подаёт воеводе Дмитрию Алексеевичу Долгорукому и дьяку Афанасию Зыкову челобитную и предлагает оброк на рубль больше. Однако все прежние конкуренты – Пронка Ефимов, Ермилко Даткин и Рокитин с товарищами – объединяются перед угрозой со стороны Ивашки Хабарова и подают 7 июня 1673 года, также в съезжей избе, челобитную великому

государю. Они просят отдать им промысел на пять лет без права перекупки и предлагают откуп на полтину больше, чем Ивашка Хабаров. На основании челобитных воевода князь Д.А. Долгоруков принимает решение, что проводку кораблей будут осуществлять Пронка Ефимов и Ермолка Рокитин с товарищами, и даёт им об этом память¹⁹.

В 1674 году по царскому указу от 20 марта даётся память «карабленным вожам Пронке Игумнову, Ермилку Дяткину, Ермолке Рокитину с товарищы». Оброк им назначается в 42 рубля²⁰. 11 мая 1675 года Алексей Михайлович даёт на Двину указание, что в корабельных вожах должны быть те, кого наймут иностранные купцы, и кто удовлетворяет требованиям иноземцев. Остальным же вожам, которых иностранцы не наймут, следует в праве проводки отказать. Оброк в сумме 45 рублей в год должны платить нанятые иностранцами вожи. На основании этой грамоты иноземцы в октябре 1675 года договариваются с артелью из 12 человек. Помимо цены на проводку кораблей стороны решили, что условия договора будут действовать три года – со 183 по 186 (1674–1677). Откуп же будут платить Ивашка Олтуфьев с товарищами все эти три года по 40 рублей. Прежним вожам, откупщикам Ермолке Рокитину с товарищами, в корабельном вожении отказано²¹. После этого в делах, связанных с корабельными вожами, наступает тишина.

Процесс возобновляется зимой 1678 года. На этот раз челобитную подают 18 декабря 1677 (186) года архангельские посадские люди Пронка Ефимов и Ивашко Кучков, и просят дать им государеву грамоту на проводку кораблей, но не в приказную избу, а в таможенную: «...а от приказной де избы платежа оброчных денег чинятца им великие убытки и побои, и от того де в конец и с домишками вовсе розлучились»²². Действительно, Пронка Ефимов в это время находится в Москве. Однако судьба прошения складывается не в пользу Пронки Ефимова и Ивашки Кучкова. В деле помечено, что принято решение корабельным вожам быть прежним. Ефимов и Кучков грамоту с отрицательным решением взять отказались.

В январе 1678 года они просят снова пожаловать их и утверждают, что на это есть иноземское челобитье. Соответственно Ефимов и Кучков просят отказать «сельским крестьянам» Ермолке Рокитину с товарищами. Оброк же они обещают платить на пять рублей больше прежнего, то есть 45 рублей. Это прошение в Москве принимается. В феврале 1678 года на Двину воеводе князю Петру Хованскому следует грамота о том, что если иноземское челобитье подтверждается, то право на проводку следует отдать Пронке Ефимову и Ивашке Кучкову, оброку им платить 45 рублей и взять с них поручную запись с «добрыми поруками»²³.

Куда пропадает Ивашка Олтуфьев с товарищи и почему на сцене снова появляются Ермолка Рокитин и Пронка Ефимов, становится понятно из очередной челобитной иноземных купцов, поданной на имя царя Фёдора Алексеевича в 1678 году. Купцы в очередной раз просят нанимать нужных им корабельных вожей и иметь в этом дело с таможней, а не приказом. При этом сообщают, что данные им ранее грамоты по этому вопросу задержаны в Архангельском приказе, и по тем грамотам ничего не сделано²⁴.

В 1681 году в документах появляется новое имя – Куземка Колцов (Котцов) с товарищами. Как следует из Двинского сметного списка, в этом году с них взято 51 рубль с полтиной на корабельном вожевом промысле²⁵. А в 1682 году вопрос об архангельских корабельных жожах выходит на новый иерархический уровень. В грамоте английского короля Карла II среди прочих вопросов, связанных с притеснениями английских купцов в Архангельске, поднимается и вопрос о свободном для купцов найме корабельных вожей. При этом отмечается, что хотя такое разрешение было дано, но оно не выполняется²⁶.

Наконец, в июне 1684 года «Архангелского города Кегостровской волости» корабельные вожи Ермолка Рокитин да Якушко Шваков с товарищи бьют челом государям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, и предлагают платить оброк в 90 рублей в год, если им предоставят право на проводку кораблей. Такое предложение увеличения оброка почти в два раза, видимо, вызывает у иностранных купцов сильнейшее раздражение. Они подают государям челобитную, где прямым текстом говорят, что прежние воеводы предложили брать с вожей оброк, исходя из собственных корыстных интересов, прикрываясь при этом пользой для государства: «...потому что прежние воеводы вымыслом своим устави, для своей корысти, со всякого корабля, по чему они цену положат, а для прикрасы устави они ж с тех вожей имать оброку в вашу великих государей казну по 45 и по 50 рублев на год»²⁷.

Учитывая, что это восьмое, если считать с 1671 года, обращение иностранцев по вопросу свободного найма корабельных вожей, и учитывая резкий тон челобитной, её рассмотрение было произведено на самом высоком уровне с привлечением более ранних документов, посвящённых этой теме.

В результате рассмотрения 14 июля 1684 года «Дела по челобитью торгующих в Архангельске иностранцев о притеснениях, делаемых им воеводами в торговле», была наложена резолюция, в которой часть требований иностранцев была признана справедливой и удовлетворена. Корабельными жожами указано быть Ивашке Олтуфьеву, Куземке Катчеву (Котцову) и Петрушке Дряхлицину с товарищами двенадцати человекам. В свою очередь, Ермолке Рокитину в очередной раз в жожах быть не велено, за компанию с Якушкой Шваковым.

Однако в вопросе платежа откупа никаких послаблений жохам не было сделано. Подчиняться они по-прежнему должны были съезжей избе, и туда же платить откуп. При этом сумма оброка была увеличена до 90 рублей – очевидно, из предположения, что раз один из представителей корабельных вожей (Ермолка Рокитин) эту сумму назвал, то она является реально обоснованной. Следует отметить, что, по-видимому, поток жалоб иностранных купцов из Архангельска вызвал определённое раздражение в московских верхах, поскольку челобитная заканчивается следующим образом: «А жохам у платежа оброка убытков и утеснения и обид никаких не чинить и чинить никому не велеть, чтоб впредь в том им государем челобитья от иноземцев и от вожей не было»²⁸.

Поскольку основные требования, сформулированные в челобитной 1684 года, остались неудовлетворёнными, то вполне естественно, что в 1685 году на имя государей поступает новое совместное обращение от Голландских штатов, которое подаёт в Посольском приказе голландский резидент Вилим

Фанкенлер от имени голландцев, гамбургцев и иных городов торговых иноземцев, «...которые обыкли приходить к городу Архангельскому на кораблях с товарами»²⁹.

На этом, видимо, терпение у московских властей заканчивается – они отменяют откуп, который в 1685 году достигает 92 рублей, и исключают его из сметы доходов: «из окладу тот откуп выложить». Корабельных вожей дозволяется нанимать «...добровольно, кого они похотят, повольною ценою, как бывало из стари до откупу»³⁰.

Следовательно, рассмотрение всего комплекса источников, содержащих сведения о конкуренции корабельных вожей Архангельска, позволяет говорить о том, что за весь период конкуренции величина откупа определялась с открытых торгов всего лишь раз – в 1672 году. В остальных случаях величина откупа и его плательщик, получающий монопольное право на проводку кораблей к Архангельскому порту, определялся административным образом.

Причину этого надо искать в сущности открытых торгов, когда его победителем становился претендент, давший лучшие условия, причём открыто в процессе проведения торгов. Проведение открытых торгов, как и проведение конкурсов на поставку товаров и услуг в настоящее время, преследовало цель установления честной и объективной цены. Однако открытые торги, исключаящие возможность принятия решения по иным мотивам, прежде всего коррупционным, не устраивали как архангельские власти, так, видимо, и московских приказных деятелей. Поэтому уже на следующий год решение о праве проводки кораблей принимается не на открытом торге, а воеводой князем Долгоруковым в пользу объединившихся против Ивашки Хабарова лидеров конкурировавших ранее артелей.

Далее право на проводку кораблей предоставляется царскими указами. Это мы видим в 1674, 1675, 1678, 1684 годах. Однако определить, кто на самом деле осуществляет проводку, не всегда возможно. Так, в 1675 году иноземные купцы договариваются согласно царской грамоте с Олтуфьевым, Дядкиным и Петровым в составе артели из 12 человек на вполне выгодных условиях – по 2 рубля за ввод корабля к порту и 6 рублей за вывод. Но в 1678 году в документах фигурируют Рокитин с товарищами и Пронька Ефимов с Ивашкой Кучковым, а купцы жалуются, что царская грамота положена в Архангельской приказной избе под сукно и не выполняется. В 1681 году откуп платит Куземка Котцов – неизвестно, на каком основании. Так же не ясно, приступили ли к исполнению своих обязанностей Пронка Ефимов и Ивашка Кучков, получившие царскую грамоту в 1678 году. Скорее всего, нет.

Следовательно, достоверным фактом можно считать наличие откупа, который платили корабельные вожи в размерах, определяемых в царских указах. Состав руководителей артели определялся в большинстве случаев не на открытых торгах, а царскими указами, которые на месте исполнялись далеко не всегда, на что указывают документы 1678 и 1682 годов.

А в 1684 году иноземцы в своей челобитной прямо говорят о коррупции, в которой погрязли архангельские воеводы, игнорирующие не только законодательство, но и распоряжения главы вертикали власти: «...велите, государи, нам

иноземцам, против своего великих государей указу, как написано в новом торговом уставе, ведомым быть у города Архангелского в таможене у гостей с товарищи, а не в приказе у воевод»³¹.

Требование о переносе всех решений, касающихся торговли с иностранцами, в том числе о корабельном приходе и найме корабельных вожей, из приказной избы в таможеню, начинает звучать в челобитных иностранных купцов в полный голос. Здесь надо отметить, что в рассматриваемый период таможеня находилась в Архангельске, а воевода с приказной избой в Холмогорах, что создавало дополнительные неудобства.

Выявление новых источников, содержащих сведения о стоимости лоцманских услуг в указанное время, позволяет провести анализ экономических условий процесса конкуренции и, в частности, сделать вывод о том, что эти условия содержали существенный, как в настоящее время говорится, коррупционный потенциал. Объём настоящей публикации не позволяет развернуть этот тезис шире. Тем не менее, мы видим, как в челобитной 1684 года о том, что коррупционные интересы местных властей присутствуют, а откуп ими придуман для прикрытия этих интересов («для своей корысти»), говорится в открытую. Кроме того, для игнорирования царских указов архангельские власти должны иметь достаточно веские мотивы. И эти мотивы, судя по всему, у местных властей были.

Именно поэтому фактическое руководство артелей, скорее всего, определялось на месте, исходя из «договороспособности» руководителя артели на выплату взяток руководству приказной избы. Не зря Пронка Ефимов просил перенести руководство корабельными жожами из приказной избы в таможеню, причём делал это, уже проживая в Москве, куда перебрался от притеснений местных властей.

Однако можно понять и мотивы, которыми руководствовались московские власти, не вмешивавшиеся активно в ситуацию в Архангельске. Основным, надо полагать, было то, что движение кораблей – как прибывающих к Архангельскому порту, так и отбывающих обратно – от этого не прекращалось. Вторым мотивом можно считать исправное получение казной откупа за проводку кораблей, которое архангельские власти обеспечивали. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и возможный личный интерес приказного персонала, готовившего документы в столице.

Тем не менее, в 1685 году откупной системе был положен конец – с одной стороны, как следствие многочисленных жалоб иностранного купечества; с другой – видимо, по причине увеличения прихода иностранных кораблей к Архангельску и роста таможенных доходов, позволявших отменить откуп. Впрочем, последний тезис требует отдельного рассмотрения и соответствующих доказательств.

Таким образом, на основании комплексного анализа процессов конкуренции, происходивших в среде корабельных вожей Архангельска в 1671–1686 годах, с учётом вновь выявленных источников, можно сделать следующие выводы:

- основной причиной начала процесса конкуренции послужила не выгода вожевого промысла, как считают практически все исследователи, а рез-

кое снижение в 1670 году количества пришедших в Архангельск иностранных кораблей. В результате в 1671 году был введён откуп на право проводки кораблей к Архангельску, просуществовавший до 1685 года;

- в части функционирования механизма конкурентной борьбы можно утверждать, что право на проводку отдавалось с открытых торгов за весь период с 1671 по 1685 года всего один раз – в 1672 году. В остальных случаях право на проводку определялось административным образом;

- причиной, послужившей к доминированию административных методов регулирования деятельности корабельных вожей Архангельска, явились коррупционные мотивы в деятельности архангельских властей;

- решающим фактором в отмене откупной системы в вожевом промысле и, в частности, переводе вожей из подчинения приказной избе в таможенную, стали многочисленные жалобы иноземных купцов (9 обращений за 15 лет) против притеснений со стороны местных властей Архангельска.

¹ Кузмишев П.Ф. Исторические сведения об Архангельских лоцманах. / Отдельный оттиск из газеты «Кронштадтский вестник». 1846. № 29. С. 311.

² Петухов С.Н. Краткий исторический очерк общества Архангельских портовых лоцманов. / Перепеч. из газеты «Кронштадтский вестник». 1864. № 61, 62, 64, 66, 68, 100, 131. [Б.г., б.м.]. С. 28–29.

³ Акты исторические (далее – АИ). СПб., 1842. Т. IV. № 222. С. 477.

⁴ Огородников С.Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 84.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ Сабо И.К. Лоцманское дело в России (историко-догматический очерк). СПб., 1908. С. 6–7.

⁷ Попов Г.П. Ногою твердой стать при море...: Штрихи к портрету Архангельского порта. Архангельск, 1992. С. 22.

⁸ Брызгалов В.В., Ильющенков А.М. Корабельные вожи Архангельска в XVI–XVII веках // Международная школа-семинар «Экологические проблемы Европейского Севера» (1992, Архангельск). Тез. докл. Архангельск, 1992. С. 187–189.

⁹ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. Т. 1. СПб., 1998. С. 370–376.

¹⁰ Там же. С. 370.

¹¹ Гостев И.М. Петр I и корабельные вожи Архангельска в годы первой Северной войны 1700–1723 года // Лоцманы России на службе отечеству. Материалы III лоцманских чтений. Архангельск, 2013. С. 42–49.

¹² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее – ПСЗ). Т. II. СПб., 1830. С. 675–677.

¹³ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 376.

¹⁴ Дополнения к Актам историческим (далее – ДАИ). Т. 11. СПб., 1869. С. 177–183.

¹⁵ Петухов С.Н. Указ. соч. С. 5.

¹⁶ Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 94.

¹⁷ АИ. СПб., 1842. Т. IV. № 222. С. 477–478.

¹⁸ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 372–373.

¹⁹ Там же. С. 373.

²⁰ Там же.

²¹ ДАИ. Т.11. СПб., 1869. С. 179.

²² Там же. С. 180.

-
- ²³ Там же.
²⁴ Там же. С. 177.
²⁵ Там же. С. 180.
²⁶ Там же. С. 182.
²⁷ Там же. С. 177.
²⁸ Там же. С. 183.
²⁹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. II. С. 675.
³⁰ Там же.
³¹ ДАИ. Т.11. СПб, 1869. С.178.

М.Ю. Данков

ПОЛГОДА ЖИЗНИ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА В ОЛОНЕЦКОМ УЕЗДЕ

Мы живём в удивительное время, когда стремительно вносится правка не только в сиюминутность, но и в устоявшиеся представления. Интерес к личности русского царя Петра Первого в мировом историко-культурном пространстве всегда был огромен, но особенно возрастает в наши дни, когда российское общество переживает реформенные изменения, во многом созвучные петровским преобразованиям. Повышение уровня знаний о времени и обстоятельствах пребывания государя в русских землях шведского пограничья, где были начаты дерзкие и масштабные начинания, поможет шире осмыслить деятельность просвещённого монарха.

Безусловный интерес вызывают малоизвестные, не всегда проговорённые и понятные исторические события, которые по-прежнему притягивают внимание к одной из самых пассионарных личностей в российской истории. При этом хорошо известное не обязательно является достоверным, поэтому стремление истолковать исторический факт, по нашему мнению, гораздо предпочтительнее самого события. Анализ эпизодов Северной войны (1700–1721) со Шведским королевством, изучение многочисленных парадоксов и мистических недомолвок, исследование деталей биографий царских «героев по марсовым потехам» и судеб европейских волонтёров поможет укрепить представления о петровской Карелии, где государь оставил ярчайший и осязаемый след.

Невозможно спорить с метафорой А.С. Пушкина, что Россия вошла в Европу «как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек»¹. Именно в Карелии, по воле Петра, рубилась «Осударева дорога», возникали мощные государственные железоделательные заводы, была возведена Олонецкая верфь, способная строить морские фрегаты.

Сегодня поступки государя обладают удивительным эффектом: чем дальше мы продвигаемся в будущее, тем внушительней за спиной исследователей встаёт грандиозность монарших решений. Ещё современник царя, англичанин на «государевой службе» Дж. Перри оценивал: Пётр «вполне солдат и знает, что требуется от барабанщика, равно как и от генерала»².

В первое двадцатилетие XVIII века государь «исколесил», как выражался историк В.О. Ключевский, «широкую Русь»³, и, конечно, влюбился в заповедную территорию от Белого моря до Балтики. Принято считать, что Пётр I посещал Карелию минимум пять раз, но это не совсем точно. В действительности визиты монарха в край происходили чаще: исследователи не учитывают ранние рейды царя на Олонецкую (Свирскую или Лодейнопольскую) верфь, а также возможный его приезд «на заводы» осенью 1724 г.

Впервые государь увидел Карелию, когда с 17 по 27 августа 1702 г. преодолел стратегическую «Осудареву дорогу» в «Ынгрию», где «и елень не пройдет беспечно». В результате царского похода армия Петра атаковала шведские цитадели Нотебург и Ниеншанц, были заложены Санкт-Петербург и Петрозаводск. Позже, по данным личной переписки и свидетельств походных «журналов», монарх со свитой четыре раза через петровские заводы приезжал для лечения и отдыха к «колодезю» в Марциальные воды. Российские медики в конце XX столетия диагностировали разрушенное здоровье государя, который к концу жизни страдал «злокачественным заболеванием предстательной железы» и хроническим гепатитом, поэтому нуждался в лечебной практике и минеральной воде.

Начальный курс лечения царь прошёл с 28 января по 17 февраля 1719 г. Вместе с ним, помимо супруги и царицы Прасковьи Фёдоровны, были первый президент Адмиралтейств-коллегии сенатор Ф.А. Апраксин и дипломат А.И. Остерман, только что вернувшийся из Шведского королевства с «Аландского конгресса». После карельского вояжа царь издал в 1719 г. «в Санкт-Петербурге марта в 20 день» «Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце...», получившее название «Дохтурские правила». Через год государь вновь обосновался в своём одноэтажном путевом «зимнем дворце» у источника и настойчиво лечился с 6 по 22 марта 1720 г. Вместе с ним поправлял здоровье глава Преображенского приказа, ближний стольник И.Ф. Ромодановский, после смерти отца наследовавший титул «князя-кесаря».

Самое продолжительное время Пётр, провозглашённый после Ништадтского мира «Великим», «Отцом Отечества» и «Императором Всероссийским», провёл у «петровского колодезя» в 1722 г., когда, выехав из Москвы, лечился марциальной водой с 15 февраля по 26 марта. 8 февраля государь со свитой присутствовал на освящении новостроенной в с. Дворцы и доньне сохранившейся церкви во имя апостола Петра.

Свой последний визит на «олонецкие воды» монарх совершил в 1724 г., где с 23 февраля до 15 марта проходил курс лечения. Помимо питья минеральной воды, прогулок и развлечений, царь занимался делами. «Марта 5-го» он отпраздновал «рождение государыни». Очевидно, «на Олонце» царь Пётр, несмотря на сложные отношения с Екатериной Алексеевной, решился короновать её в Успенском соборе Московского Кремля. Не считая времени следования «к источнику», Пётр Первый с 1719 по 1724 гг. провёл в «Дворцах» 94 дня⁴.

При этом отметим судьбу царского лейб-медика, шотландца Р. Эрскина (Арешкина), который в ноябре 1718 г. прибыл к источнику в надежде найти исцеление, но через неделю, 30 ноября, скончался⁵. Царь, как об этом сообщал со-

временник А. Нартов⁶, никогда в Марциальных водах вместе с Арешкиным не бывал. В то же время выразительная депеша от 2 декабря 1718 г. Петра I «на заводы» В.И. Геннину, полностью не опубликованная, сообщает: «Господин полковник... мы зело сожалеем... что доктор Арескин уже кончается... и ежели... жизнь... прекратилась, то объяви докторе Поликалу, дабы ево распорол и осмотрел... не дано ль ему какой отравы...»⁷. Царь беспокоился за собственную жизнь и подозревал, что медик в Карелии был отравлен, как противник Георга I из Ганноверской династии и одновременно сторонник претендента на английский престол Якова III Стюарта. При этом главным заговорщиком в Лондоне считался Дж. Эрскин, старший брат карельского «пациента». Получается, что Пётр через доверенного человека прекрасно ориентировался в политической ситуации в Англии⁸.

При этом в двухэтажном путевом дворце в заводском Посаде на берегу Онежского озера, на территории Шуйского погоста, царь на протяжении четырёх визитов жил в пределах 27 дней⁹. Часто употребляемый топоним «Петровская слобода» неточен и сегодня имеет «книжный» смысл. В исторических источниках производство и заводское поселение отмечены как «Петровские заводы». В 1719 г. государь находился «на заводах» с 26 по 28 января и с 17 по 28 (? – М.Д.) февраля. Из Онежского дворца он 27 января отправил любопытную корреспонденцию «фундатору» завода А.Д. Меншикову, в которой сообщал светлейшему князю, что «таких заводоф нигде не видал»¹⁰.

Завершая первый визит «на воды», перед выездом в «Санк-Питербурх»¹¹ монарх 28 февраля получил секретную депешу о кончине «своего брата», шведского короля Карла XII. Как известно, «скандинавский бродяга» (так его называл В.О. Ключевский) был убит «шальным» выстрелом 11 декабря 1718 г. по н. ст. при осаде норвежского форта Фредриксхалль (ныне Халден. – М.Д.). Однако Пётр о трагедии узнал в будущем Петрозаводске спустя некоторое время. «Походный журнал 1719 года» сообщал: «28-ого получена ведомость о смерти короля Швецкого на Петровских заводах»¹².

В 1720 г. царь жил в Онежском дворце с 2 по 6 марта и с 22 по 25 марта. Прибыв в заводской Посад, Пётр внимательно осматривал цеха и мастерские, вникал во все тонкости железоделательного производства. Желая установить дневную норму выработки для кузнецов, государь 2 марта собственноручно выковал кусок железа весом в полтора пуда. В этом контексте упомянем, что «Его Величество» в разные годы на Петровском заводе выковал своими стараниями три железных полосы.

Первый железный артефакт, имеющий размеры 3,5 x 200 x 4 см, находится на хранении в Государственном Эрмитаже. На его лицевой грани отбит памятный текст: «Сей кус отсечен от крицы трудами Его Царского Величества собственными руками под большим кричным молотом на Олонецких Петровских железных заводах. Марта 2 1720 года».

В 1722 г. царь в слободе был недолго, сумел переночевать 14–15 февраля. Зато в последний приезд 1724 года в рабочем Посаде жил с 19 по 23 февраля и на обратном пути к Москве 15–16 марта. Память об этом хранит второй кованный железный брус длиной 142 см с кольцом на конце, который также нахо-

дится в фондовом собрании Государственного Эрмитажа. На лицевой грани полосы зубилом выбит текст: «1724 февраля 21 дня, то есть в пяток, Его Величество Петр Первый, император и Самодержец Всероссийский, в бытность свою на Олонецких Петровских заводах в молотовой сей прут собственными своими руками под молотом вытянул».

В загадочном посещении 12 октября 1724 г. Петром I «Олонецких заводов» сохраняется историческая интрига, связанная с мутными известиями о ковке третьего бруса железа¹³. Сообщение об этом появилось в 1745 г. в двухтомном Камеральном каталоге фондов Кунсткамеры¹⁴.

В собрании первого российского музея действительно находится «отбитая» Петром I двухметровая железная полоса квадратного сечения, расплюснутая с одного конца, размерами 0,72 x 0,04 x 0,25 см. Выбитая надпись гласит: «Его Величества работа», а на обороте «1724 DLnovember». В научном описании значится, что предмет поступил с «Олонецких заводов»¹⁵, однако иных документов, подтверждающих присутствие монарха 12 октября или в ноябре 1724 г. на Петровском заводе, не существует.

В то же время считается, что, завершив в середине марта 1724 г. курс лечения марциальной водой, Петр I «сильно занемог», 22 сентября с ним случился «сильный припадок» и государь «пришел в такое раздражение, что прибил медиков», браня их «ослами». Однако, отказавшись от советов придворного медика И.Л. Блюментроста, царь отправился на Ладожский канал, откуда якобы «заехал на Олонецкие заводы» и, как утверждает историк С.М. Соловьёв, «выковал там собственными руками полосу железа весом в три пуда»¹⁶.

Оказывается, в Ладогe, где царь действительно оказался в ноябре 1724 г., проезжая в Старую Руссу «для осмотра солеварень», ещё в апреле 1719 г. решением Адмиралтейской коллегии обосновалась «якорная кузня» Олонецких заводов. Её возглавил английский мастер Р. Фолий, а с ним работало 7 кузнецов, 30 «ландмилицких» солдат и 16 дульшиков из крестьян¹⁷. Петру Великому в 1724 г. незачем было ехать к берегам Онежского озера, поэтому он с лёгкостью «отбил» железную полосу в Ладогe.

В начале XVIII века, до строительства слободы и Шуйского завода, Пётр Алексеевич много внимания уделял заложенной 24 марта 1703 г. Олонецкой верфи, на которой до 1706 г. спустили 11 фрегатов и 12 шняв. За два года на р. Свирь было создано боевое ядро Балтийского флота в составе 20 кораблей с 270 орудиями и 2200 человек экипажей. При государе на верфи кораблестроители возвели до 800 различных судов, включая линейные бомбардирские корабли и шлюпы. «Юрнал Бомбардирской роты» сообщает, что впервые царь Пётр с бомбардирами оказался на Свири 21 июля 1703 г.¹⁸ Здесь он жил и работал «у корабельного пристанища» до 8 сентября, а 22 августа руководил спуском на воду фрегата «Штандарт», возведённого голландским мастером В. Гересом. В сопровождении шести судов, включая буер «Бир Драгер», которым командовал герой «Осударевой дороги» М.И. Щепотев, царь Пётр 8 сентября на «Штандарте» покинул Олонецкую судоверфь и вышел в Балтику.

Через год, в 1704 г., «копитан» с 3 по 16 и 22 марта вновь работает на «Олонецком верфу»¹⁹, ведущем судостроительном центре страны, где «сперва...

флот начался делать»²⁰. В сентябре государь в должности корабельного мастера на Свири помогает возводить шняву «Мункер». Согласно царской инструкции Пётр на Свирском плотбище трудился целый световой день с небольшим перерывом на обед «12 часов во дни», после чего, как все, «отпускался обедать и отдыхать 2 часа». Однако значение Олонецкой верфи постепенно затухает. Осенью 1705 г. на р. Неве, а в реальности «при море», отстраивается Адмиралтейство, и царь прекращает совершать регулярные визиты в «Ладейную пристань», на которой в общей сложности находился почти 70 дней.

Это значит, что суммарное время пребывания Петра Великого в Олонецком уезде, принимая во внимание его тягу к постоянным перемещениям, включая поход в 1702 г. по «Осударевой дороге», работы в 1703–1704 гг. на «Олонецком верфу», лечение марциальной водой в 1719–1724 гг., и инспекцию на «заводах», с трудом вписывается в полугодовой срок²¹.

Важно отметить и влияние визитов Петра Первого на промышленное развитие края. Развитие кузнечного и железоделательного промысла на территории Карелии имеет богатые исторические традиции. До XVII столетия крестьянская металлургия Лопских погостов обеспечивала мощный рост солеварения в Беломорье. На территории Олонецкого уезда ещё при Алексее Михайловиче, отце государя, возникли частные металлургические мануфактуры с узнаваемым датско-голландским лицом. Поиск и разработку месторождений вели выходцы из «анбургской земли» – П.Г. и П.П. Марселис. Однако реальные заводы возникли в 1680–1690 гг., когда датский «фактор» А. Бутенант фон Розенбуш на территории Заонежских погостов, используя кредит правительства, основал индустриальный центр.

«Жалованные грамоты» подтверждали право иноземцев владеть заводами и разрешали «сыскивать серебряные и медные и иные всякие руды и заводы заводить и строить своими проторьми и деньгами и наемными людьми»²². В Фоймогубской и Лижемской волостях было создано пять железоделательных заводов. Это основанный в 1681 г. Устьрецкий доменный и молотовый завод на р. Устрена у Ламбасручья в Кижском погосте, вблизи Онежского озера, давший первое литьё в 1685 г.; Фоймогубская доменная и молотовая мануфактура на Спировском ручье в Толвуйском погосте. В этом же году заработал Устьмацкий доменно-молотовый завод у Верхозера. В Лижемской волости с 1696 г. работали Лижемская доменная и молотовая мануфактура и Кедрозерский молотовый завод. Любопытно, что допетровская концессия датчан использовала исключительно болотную и дерновую железную руду²³.

Ситуация кардинально изменилась с началом Северной войны, когда возросла потребность государства в металле и оружии для армии и флота. Царь Пётр вознамерился создать у линии фронта крупную базу казённой горнообработывающей промышленности. Для этого активизировался поиск месторождений и строительство казённых вододействующих металлургических заводов. По указу Петра I от 9 февраля 1702 г. и решению Рудного приказа, из Москвы через Новгород в Заонежье, где издавна занимались железоделательным промыслом, «для прииску серебряных и медных руд» прибыла поисковая команда рудознатцев «с провиантом и инструментом» под руководством дозорщика И.Ф.(К.?) Патрушева и саксонского пробирного мастера И.Ф. Бли(ю)ера.

В состав экспедиции вошли иноземцы: пробирщик, иначе специалист по анализу качества металла И. Цехариус, плавильный мастер из г. Фрейбург В.М. Циммерман, штейгер или рудный мастер Г. Шмиден, рудокопатели М. и Г. Ланги, Е. Блейхшмид, Г. Шенфельдер, толмачи С. Печ, А. Христофоров. Среди горных «спецов» были и русские мастера: подъячий И. Головачев с учениками С. Абрамовым, С. Щелкуновым, О. Карачаровым и И. Свешниковым²⁴. На помощь поисковикам вскоре был командирован со своими помощниками Я. Влась(о)ев²⁵, первый в России «мастер горного дела».

Исследования подтолкнули строительство в Шуйском погосте Олонецкого уезда, в устье порожистой р. Лососиница²⁶, которая вытекает из озёр Машозеро и Лососиное, казённого железоделательного завода. Для этого московское правительство осуществило немотивированную «отписку» заводского производства А. Бутенанта администрации Олонецкого горного округа. Подтверждение акции находим в депеше А.Д. Меншикова от 14 июля 1703 г. коменданту Олонецкой верфи И.Я. Яковлеву. «Губернатор Шлютенбурха»²⁷ указывал: «Известную тебя, что которые в Олонецком уезде железные заводы за Андреем Бутенантом были, те заводы со всеми к ним принадлежностями и строением и с крестьяны велено ведать к новозавоеванным крепостям к Шлиссельбургу и Шлотбургу и ведать их во всем по прежнему»²⁸.

С конца августа 1703 г. металлургическая мануфактура получила название «Шуйский железоделательный завод», а через год была переименована в оружейный Петровский завод²⁹. Вскоре к предприятию были приписаны Повенецкий завод, запущенный в 1703 г.; Алексеевский, работающий на р. Телекина с 1705 г.³⁰; и Кончезерский медеплавильный завод на р. Викша, вступивший в строй в 1707 г. Все они в 1710-х годах получают единое наименование «Олонецкие заводы».

Постепенно к горноделательным мануфактурам приписывается более 12700 крестьянских дворов. В июне 1712 г. заводской кластер переходит в ведение Военно-Морского и Адмиралтейского приказов, под контроль адмирала Ф.М. Апраксина³¹, и пленённый «финляндский швед» Л.Ю. Эренмалм оценивает Олонецкие заводы «как наилучшие в России»³².

Об основании на западном берегу Онежского озера казённого Шуйского завода «Юрнал Бомбардирской роты», составленный И. Немцовым, сообщает, что августа 29 числа «Александр Данилович отсель (с Олонецкой верфи. – М.Д.) поехал на заводы»³³. Однако источник требует дешифровки: во-первых, речь идёт вовсе не о поездке на Шуйский завод, как традиционно считалось, а о посещении Устьрепской железоделательной мануфактуры А. Бутенанта; а во-вторых, в действительности А. Меншиков уже два дня был в пути. «Не доезжая заводов за пятнадцать верст», он ещё 28 августа отправил царю Петру депешу из онежского с. Горки: «Того же часа поехал в лотке на заводы»³⁴. К месту будущего Петрозаводска, где возник доменный молотовой и оружейный завод, А.Д. Меншиков смог добраться лишь на следующий день, 29 августа 1703 г.

Вскоре под руководством Олонецкого коменданта И.Я. Яковлева и «виц-коменданта» А.С. Чоглокова³⁵, при поддержке Ижорского губернатора и кавалера А.Д. Меншикова³⁶ приступили к строительству «города-завода», сооруже-

нию «молотовой», «заварной, затошной и приборной кузницы», «меховой избы» и других заводских цехов. Мастера предприятия стали производить для фронта артиллерийские орудия малого калибра, ядра, бомбы, чуть позже ручное огнестрельное и холодное оружие, лопаты, полосовое железо, якоря и корабельную фурнитуру. Проба первой пушки состоялась в январе 1704 г., а до конца марта на железоделательном заводе к сверлению подготовили 45 артиллерийских стволов 6-фунтового калибра и 15 пушек 3-фунтового калибра. Корабельные припасы и артиллерийские стволы для судов уже в майские дни 1704 г. были по воде отправлены на Свирскую верфь.

В 1705 г. англичанин Я.И. Валронт, экипажмейстер верфи, а ранее очевидец старта «Осударевой дороги» на Вардегорском мысу, подготовил для Адмиралтейского приказа «Роспись», своего рода перспективный план развития Балтийского флота. Документ обязывал металлургические заводы поставить к строящимся кораблям 1700 орудий, включая сто 24-, 18-, 12-, 8-фунтовых пушек, сто пятьдесят 6-фунтовых стволов, двести 4-фунтовых, двести пятьдесят 3-фунтовых, триста 2-фунтовых пушек и четыреста 1-фунтовых фальконетов. Я.И. Валронт настаивал отлить к каждому орудию по 100 ядер и подготовить 600 пудов картечи, 4000 бомб, 50000 ручных гранат, 795 якорей, а также 2000 фузей, 600 мушкетов, 2000 пистолетов, 5000 багинетов³⁷.

Петровский завод, исходя из «Росписи», в 1706 г. произвёл и доставил на «Олонецкий верф» и Адмиралтейство 19 орудий 6-фунтового калибра, шесть 4-фунтовых и двадцать одну 3-фунтовую пушку. Кроме того, отправил 9000 пушечных ядер, 2100 гранат, 1620 бомб, 204 якоря, 15 чугунных котлов. В 1709 г. на Петровском заводе было отлито 220 пушек, а на следующий год 242 орудия³⁸. Известно, что при Олонецком коменданте В.И. Геннине с 1714 по 1717 гг. мастера завода отлили более 800 орудий для полевой и крепостной артиллерии, а литейщики освоили изготовление скорострельных орудий с клиновым затвором и тонкостенных пушек для Балтийского флота. Монограмма «OLONEZ» превратилась в фирменное клеймо завода.

Для подготовки мастеров в петровском Посаде в 1716 г. открылась школа, где изучались основы инженерного и горного дела, азы арифметики, геометрии, рисования. Здесь же ученики проходили практику в заводских цехах для «пробы твердой руки». В 1715 г. для Адмиралтейства было отлито 42110 ядер, 4598 пудов дроби, 14825 книппелей, 718 якорей, 5500 железных досок на обивку камбузов, 24 наковальни, 72 котла и более 78000 единиц мелких корабельных припасов³⁹.

В эти же годы на заводе у Онежского озера освоили передовую технологию изготовления якорей весом до 200 пудов, а до 1719 г. было отлито 1801 якорей с суммарным весом в 25841 пудов. Оружейный завод ежегодно поставлял на фронт до 7000 фузей, а также пистолеты, офицерские кортики, до 3500 солдатских шпаг с железными эфесами, гвардейские палаши и штыки-багинеты. В собрании Национального музея Республики Карелия сохранился штык-багинет с трубкой⁴⁰, не производившийся в Европе, который позволял вести прицельную стрельбу, не снимая штык со ствола фузеи, что значительно увеличивало мощь русских атак против армии Карла XII.

Представленная в статье попытка воссоздать дух петровского времени позволяет шире ознакомить наших современников с событиями, историческими открытиями, идеями, новыми взглядами и версиями, связанными с пребыванием Петра Великого в Карелии. Данное исследование помогает сохранить память о малоизвестных исторических сюжетах, сформировать чувство истинного патриотизма. Царь Пётр в начале XVIII столетия сшил «Молодую Россию» в единое целое, превратил её в грозную и богатую империю, расширил влияние страны на европейские государства. Благодаря победе в Северной войне Ижория и Карелия заново утвердились в границах Отечества, за которым на столетия закрепился статус культурной державы с мощными армией и флотом, с развитой промышленностью.

Известный историк В.О. Ключевский видел, что государь, хотя и «отлился односторонне», но «как чугунная пушка... петрозаводской отливки» был ежеминутно готов «к шумным взрывам»⁴¹. Авангардный поэт А.А. Вознесенский талантливо дополнил этот образ: «Царь идёт, словно кляча, тощий / Почерневший, как антрацит / По лицу проносятся очи / Как буксующий мотоцикл»⁴²...

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 211.

² Перри Д. Состояние России при нынешнем царе // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). 1871. Кн. 2. С. 179.

³ Ключевский В.О. Курс Русской истории. Лекция LX. Петр Великий. Его наружность, привычки. Образ жизни и мыслей. Характер // Петр Великий в русской литературе. Воспоминания. Оценки. Образ. СПб., 2009. С. 156.

⁴ Современные исследователи считают, что Петр I в общей сложности провел в Марциальных водах «около 80 дней» (Пашков А.М. Резиденции Петра I на Марциальных водах и Олонецких петровских заводах // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы межд. конф. Санкт-Петербург – Царское село – Петергоф. 7–9 октября 2013 года. СПб., 2015. С. 244) или «более 90 дней» (Капуста Л.И. Марциальные воды. Страницы истории первого русского курорта. СПб., 2006. С. 46).

⁵ Рихтер В.М. История медицины в России. Т. III. М., 1820. С. 120–129.

⁶ Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий в русской литературе... С. 69.

⁷ СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88. Л. 323. См. также: Анисимов Е.В. Царь реформатор // Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб., 1993. С. 31.

⁸ Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013. С. 30.

⁹ Историк А.М. Пашков считает, что царь Пётр Алексеевич находился в Петровской слободе «около 24 дней». См.: Пашков А.М. Указ.соч. С. 246.

¹⁰ РГАДА. Ф. 5 (Переписка высочайших особ с частными лицами). Оп. 1. Д. 26. Л. 319–320 об. Подлинник. См. также: Кротов П.А. А.Д. Меншиков – основатель Петрозаводска // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2015. Май. № 3. Т. 1. С. 7–9.

¹¹ Журнал или Поденная записка Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1. С. 69.

¹² Походный журнал 1719 года. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 113, 117.

¹³ Неверов О.Я. Собрание редкостей Петровской Кунсткамеры // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. XII. М., 2001. С. 1–17.

¹⁴ Museum Imperialis Petropolitani. 1745. P. 133. Ср.: ГЭ № Э-3675, Тх-1130.

¹⁵ Радзюн А.Б., Чистов Ю.К.. Ранние естественно-научные коллекции. Залы Кунсткамеры. Путеводитель. / Под ред. К.А. Носовской, Ю.А. Купиной. СПб., 2011. С. 20.

- ¹⁶ Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Т. 18. Гл. 3. // Петр Великий в русской литературе. Воспоминания. Оценки. Образ. СПб., 2009. С. 142.
- ¹⁷ Пашков А.М. Загадка 12 октября 1724 года // Север. 2020. № 11-12. С. 212–214.
- ¹⁸ Андреева Е.А. Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения. 2004. Материалы чтений. СПб., 2004. Табл. 1. С. 17; Половцов А.А. Петр Великий был при основании Петербурга. Историческая справка // Новое время. 1903. 6 (19) апреля. № 9730. С. 5.
- ¹⁹ Извлечения Журнала бомбардирской роты Петра Первого // Морские сражения русского флота. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1994. С. 59.
- ²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПиБ). СПб., 1907. Т. 5. С. 27.
- ²¹ Некоторые исследователи называют «не менее 5 месяцев». См.: Капуста Л.И. Указ. соч. С. 46.
- ²² Крепостная мануфактура в России. Олонецкие медные и железные заводы. Ч. 2. Введение. Л., 1931. С. 140.
- ²³ Мулло И.М. Петровская слобода. Петрозаводск, 1981. С. 12; Беспятовых Ю.Н., Коваленко Г.М. Карелия при Петре I. Петрозаводск, 1988. С. 15; Пашков А.М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVII – начала XX века. Петрозаводск, 2007. С. 266.
- ²⁴ Генделев Д.З. Первые петрозаводчане // Давид Генделев. Жизнь и книги. / Сост. Ю.В. Шлейкин, Ю.Д. Генделева. Петрозаводск, 2020. С. 96.
- ²⁵ Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 10.
- ²⁶ Писцовые книги Обонежской пятины в 1496 и 1563 гг. Л., 1930. Современное название р. Лососинка, известно с конца XVIII столетия. В документах также встречается гидроним «р. Лосена». См.: Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 165. Кн. 4. Л. 195.
- ²⁷ ПиБ. СПб., 1889. Т. II. Примеч. к № 513. С. 527–528.
- ²⁸ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 3. Отд. IV. № 2. С. 493.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель 243. Л. 67. См. также: История Петрозаводска: Власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 39.
- ³⁰ Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. / Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспятовых. СПб., 1999. С. 196.
- ³¹ Доклады и приговоры Сената. СПб., 1883. Т. II. Кн. 2. С. 465.
- ³² Беспятовых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 267, 227.
- ³³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Кн. 27. Ч. I. Л. 93.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 2. Л. 535–535 об. Подлинник. См. также: Кротов П.А., Пашков А.М. К вопросу о дате основания Петрозаводска // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Август. № 5. 2015. С. 7–9.
- ³⁵ Чоглоков Алексей Степанович, с осени 1703 г. вице-комендант Олонецкого уезда. В 1707–1711 гг. – комендант и начальник заводов.
- ³⁶ Есипов Г.В. Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. 1875. Кн. 7. С. 239; См. также: Андреева Е.А. Первый губернатор и строитель Петербурга // Александр Данилович Меншиков, первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 10.
- ³⁷ РГАВМФ. Ф. 177 (Приказ воинского морского флота). Оп. 1. Д. 52. Л. 168 об., 169 об. –171 об. См. также: Кротов П.А. Металлургические заводы Балтийского флота при Петре I // Меншиковские чтения 2015. Научный альманах. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 133.
- ³⁸ Беспятовых Ю.Н. Указ. соч. С. 270.
- ³⁹ Глаголева А.П. Олонецкие петровские заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 101–102.
- ⁴⁰ КГКМ 6010.
- ⁴¹ Ключевский В.О. О Русской истории. / Под ред. В.И. Буганова. М., 1993. С. 427–428.
- ⁴² Вознесенский А.А. 40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». М., 1962.

НА СВЕТЕ НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ, ИЛИ КАК СОЛЬВЫЧЕГОДСКИЙ ЗЕМСКИЙ ИСПРАВНИК МАХНОВСКИМ ГОРОДНИЧИМ СТАЛ (К.С. БЕДАРЕВ И П.М. КАПЦЕВИЧ)¹

Описываемая история произошла в начале 1830-х гг. с сольвычегодским земским исправником майором Бедаревым. Это тот самый майор Бедарев, что ныне известен в Самарском Поволжье как один из победителей Наполеона².

Клеон (Клеоник) Сергеевич Бедарев, или Клеон (Клеоник) Сергеев (сын) Бедарев, по происхождению принадлежал к дворянству Любимского уезда Ярославской губернии³. Но, как видится, к его роду выражение «белая кость» с присущими ему ассоциациями (знатность, богатство и т.п.) малоприменимо⁴. Родился он 1 марта 1790 г.⁵ Во время подготовки к взрослой жизни соприкоснулся с новым для Ярославля начала XIX в. явлением – вышних наук училищем (возникло по инициативе П.Г. Демидова в русле общегосударственной политики)⁶. С 30 января по 27 июня 1807 г. – унтер-офицер Тамбовского мушкетерского полка; с 27 июня 1807 г. по 25 марта 1821 г. обер-офицер Либавского мушкетёрского – Либавского пехотного полка. 25 марта 1821 г. уволен от службы за ранюю майором (награждение чином), с мундиром и пенсионом полного жалованья⁷. Находился в прусских владениях в связи с Русско-пруско-французской войной 1806–1807 гг., участвовал в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. (в занятии главного города Шведской Финляндии Або, битве при Лемо в 1808 г. и в Аландской экспедиции 1809 г.), в Отечественной войне 1812 года (в Смоленском сражении 5 августа, в Бородинской битве 26 августа и в бою у Малоярославца 12 октября) и в последовавших за ней заграничных антинаполеоновских походах. В Малоярославецком сражении ранен, за проявленную в нём храбрость получил орден Святой Анны 3-й степени (с 1815 г. – орден Святой Анны 4-й степени)⁸.

В бытность на военной службе создал семью, женившись на дочери штаб-офицера девице Авдотье Васильевне (Васильевой) Михайловой⁹. Спустя несколько лет после того, как оставил воинское поприще, попал под крыло призванного заботиться о неимущих увечных офицерах Комитета, Высочайше учреждённого в 18-й день августа 1814 года¹⁰. В связи с этим перед ним явственно обозначилась перспектива службы по полицейской части: отставным за ранами офицерам, опекаемым комитетом, предназначались должности полицеймейстеров и городничих, а также земских исправников, но только те, что замещались от правительства. В 1828 г. по назначению комитета К.С. Бедарев поступил на вакансию земского исправника на северо-востоке Вологодской губернии (Сольвычегодский, Яренский и Устьсысольский уезды), а именно в Яренском уезде. Появлению его в рядах вологодского чиновничества предшествовали показательные в ракурсе настоящей статьи перипетии с замещением в конечном счёте доставшейся ему должности.

Место яренского земского исправника освободилось, когда занимавший его подпоручик Баратынский (Алексей Захарович)¹¹ по представлению вологодско-

го гражданского губернатора (действительный статский советник Н.П. Брусилов) управляющим Министерством внутренних дел (действительный тайный советник В.С. Ланской) был переведён к губернатору чиновником для особых поручений. Это свершилось 31 августа 1827 г.¹² Об открывшейся вакансии отнoшением от 12 сентября управляющий министерством уведомил Комитет, Высочайше учреждённый в 18-й день августа 1814 года¹³. Комитет назначил на эту вакансию проживавшего в г. Николаеве (относясь к новороссийской Херсонской губернии, находился в ведении Николаевского и Севастопольского военного губернатора) майора Аничкова (Николай Иванович), с сохранением пенсiона.

К тому времени Н.И. Аничков дважды удостоивался увольнения от службы за раною с мундиром и пенсiоном полного жалованья, причём в последний раз ещё и с награждением чином майора. В первый раз ему дали отставку как капитану Одесского пехотного полка 19 февраля 1821 г. (возвращён на службу 9 мая 1822 г., с состоянием по армии и с назначением смотрителем Феодосийских казарм), во второй – как состоящему по армии капитану в должности смотрителя Феодосийских казарм 23 февраля 1823 г. Когда Н.И. Аничков служил в Олонецком пехотном полку (из этого полка и переведён 10 ноября 1819 г. в выше-названный), он дышал воздухом войны (до 13 декабря 1813 г. аудитор). Здесь речь идёт и о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., и об Отечественной войне 1812 года, и о Войне за освобождение Германии 1813 г. (в весеннюю кампанию ранен при ретираде под Дрезденом), и о Войне во Франции 1814 г. (дошёл до Парижа). Одна из вех на его боевом пути – Лейпцигское сражение 1813 г., или Битва народов.

Отношение комитета управляющему министерством о майоре Аничкове датировано 15 ноября 1827 г.¹⁴ По этому отношению 26 ноября управляющий министерством определил майора Аничкова яренским земским исправником¹⁵. Но майор Аничков к должности не прибыл. Весной 1828 г. из комитета управляющему министерством поступило отношение от 4 апреля 1828 г. следующего содержания: «Отставной из состоящих по армии майор Аничков, об определении коего по назначению Комитета земским исправником в Яренский уезд Ваше Высокопревосходительство изволили уведомить отношением от 26 ноября минувшего года за № 4379, прислал в Комитет просьбу, в коей, изъясняя, что он подал прошение об определении его на службу Черноморского ведомства в один из рабочих экипажей, расположенных в г. Николаеве, просил об увольнении его от означенной должности как по сей причине, так и за болезнь от ран. Вслед за сим Инспекторский департамент Морского министерства сообщил Комитету, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил определить Аничкова на службу в 11^я рабочий экипаж Черноморского флота. Комитет, имея честь сообщить о сем Вашему Высокопревосходительству, покорнейше просит сделать надлежащее распоряжение о увольнении Аничкова от должности яренского земского исправника с тем, что на место его в непродолжительном времени назначен будет из числа кандидатов Комитета другой офицер»¹⁶. Согласно отношению комитета, управляющий министерством 12 апреля уволил майора Аничкова от должности¹⁷.

Новым ставленником комитета стал подполковник Богинский (Иван Маркович) из поветового (уездного) города Новозыбкова Черниговской губернии (Малороссия), что видим из отношения комитета управляющему министерством от 24 апреля 1828 г.¹⁸ Его, как и майора Аничкова, комитет назначил с сохранением пенсионера. В ряды, говоря современным языком, военных пенсионеров И.М. Богинский вошёл 12 ноября 1819 г., когда получил увольнение от службы за раню подполковником (награждение чином), с мундиром и пенсионом полного жалованья. На день отставки он состоял в 33-м егерском полку, куда его определили 30 апреля 1817 г. при производстве в майоры из капитанов Рыльского пехотного полка. Принадлежа к офицерству последнего из названных полков, И.М. Богинский непосредственно участвовал в вооружённой борьбе с Наполеоном, во время Отечественной войны 1812 года (ранен в бою под Островно) и Войны за освобождение Германии 1813 г. (в этот ряд не включаем Поход русской армии во Францию 1815 г.: движение И.М. Богинского в массе войск против вернувшегося Наполеона не имело боевой составляющей). За Лейпциг (Битва народов) пожалован орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом. В саксонском городе Мерзебурге занимал пост коменданта, в память о чём имел шитый шёлковый зелёный крест¹⁹.

Отталкиваясь от отношения комитета о подполковнике Богинском, пришедший на смену управляющему Министерством внутренних дел министр внутренних дел (генерал-лейтенант, генерал-адъютант Закревский 1-й, Арсений Андреевич) 30 апреля 1828 г. закрыл вакансию земского исправника в Яренском уезде²⁰. И снова сбой. На излёте лета комитет обратился к министру: «Отставной из 33 егерского полка подполковник Богинский, об определении коего земским исправником в Яренский уезд Ваше Превосходительство изволили сообщить Комитету от 30 апреля за № 1515, в присланном прошении изъясняет, что по болезни и семейственным обстоятельствам не может принять сей должности. Вследствие сего Комитет покорнейше просит Ваше Превосходительство приказать сделать надлежащее распоряжение о увольнении подполковника Богинского от помянутой должности, к которой в непродолжительном времени назначен будет другой из числющихся в Комитете кандидатами офицер» (отношение от 23 августа)²¹. 29 августа министр, согласно отношению комитета, уволил подполковника Богинского от должности²².

И только на третий раз комитет и, как следствие, министерство сработали не вхолостую, предоставив место яренского земского исправника майору Бедареву, который, в отличие от майора Аничкова и подполковника Богинского, жительствовавший в отставке по сведениям комитета не где-либо в Новороссии или Малороссии, а в г. Любиме граничившей с Вологодской Ярославской губернии. Отношение комитета о назначении майора Бедарева, с сохранением пенсионера, от 27 сентября 1828 г. вошло в министерство в первых числах октября²³. К отношению прилагалась «Копия с формулярного списка, доставленного от 20 декабря 1820 года, о службе Либавского пехотного полка капитана Бедарева, который ВЫСОЧАЙШИМ приказом 25 марта 1821 за раню уволен от оной майором с мундиром и полным пенсионом»²⁴. 11 октября состоялось решение министра – майор Бедарев стал яренским земским исправником²⁵.

К этому времени эпопея с должностью яренского земского исправника длилась уже более года. Продолжительное отсутствие земского исправника в Яренском уезде на её фоне, полагаем, заставляет задуматься, насколько, по крайней мере в ту пору и с формальной стороны, отвечало задачам управления замещение непопулярных должностей, в частности должностей земских исправников на северо-востоке Вологодской губернии, через Комитет, Высочайше учреждённый в 18-й день августа 1814 года.

Земским исправником в Яренском уезде майор Бедарев прослужил недолго. В соседнем с Яренским Сольвычегодском уезде, самом западном из северо-восточных уездов губернии, освободилось место земского исправника вследствие смерти занимавшего его чиновника. Генерал-губернатор Архангельский, Вологодский и Олонецкий (генерал-майор С.И. Минацкий) отношением от 24 января 1829 г. уведомил министра внутренних дел о кончине сольвычегодского земского исправника капитана Болотова (Иван Силич), последовавшей 23 декабря 1828 г. Извещение сопровождалось покорнейшей просьбой не оставить учинить распоряжения о назначении нового земского исправника в Сольвычегодский уезд²⁶. Министр связался с Комитетом, Высочайше учреждённым в 18-й день августа 1814 года²⁷. В начале весны генерал-губернатор Архангельский, Вологодский и Олонецкий адресовался к министру по поводу перевода майора Бедарева на должность сольвычегодского земского исправника: «Яренский земский исправник майор Бедарев просит о перемещении его в Сольвычегодск на открывшуюся там вакансию земского исправника; вологодский гражданский губернатор, признавая перевод сей возможным, представляет ко мне на рассмотрение. Соглашаясь и с своей стороны на перевод Бедарева в Сольвычегодский уезд земским исправником, я имею честь представить о сем на разрешение Вашего Высокопревосходительства» (отношение от 1 марта 1829 г.)²⁸. Об этом министр, отношением от 7 марта, известил комитет²⁹.

В ответ из комитета 2 апреля в министерство поступило отношение от 30 марта за № 1784 с говорящим названием «О согласии на перемещение майора Бедарева исправником в Сольвычегодский уезд»³⁰. 5 апреля министр, согласно отношению комитета, осуществил перевод³¹. 6 апреля в министерстве получили новое отношение комитета – отношение от того же числа, что и упомянутое, то есть от 30 марта, но только уже за № 1838: «...Комитет назначает на открывшуюся после майора Бедарева вакансию земского исправника в Яренском уезде отставного из Тульского мушкетерского, что ныне пехотный, полка поручика Лишина. Имея честь сообщить о сем...»³², Комитет указал, где искать поручика Лишина (Лишин-Дудицкий, Яков Михайлович): Мглинский повет (уезд) Черниговской губернии (Мглинский повет, как и Новозыбковский, в административном центре которого жил подполковник Богинский, являлся одним из северных поветов губернии)³³. 9 апреля министр определил его на должность яренского земского исправника³⁴ и тем самым, как впоследствии выяснилось, надолго снял с повестки дня вопрос о замещении этой должности³⁵.

Пришло время отметить: на первых вехах службы майора Бедарева по полицейской части какой бы то ни было печати сторонней протекции обнаружить не удалось. Более того, в свете изложенного можно подумать, что раз он стал

служить земским исправником на северо-востоке Вологодской губернии, значит, не принадлежал к числу тех, у кого имелся козырь в рукаве.

На месте сольвычегодского земского исправника майор Бедарев не прижился. Испытывая потребность в изменении служебного положения, К.С. Бедарев напомнил о себе Петру Михайловичу Капцевичу, под чьим началом некогда состоял, письмом от 24 августа 1832 г. В это время П.М. Капцевич, носивший с 1823 г. чин генерала от инфантерии, управлял Отдельным корпусом внутренней стражи. Письмо К.С. Бедарева привлекает внимание не только как документ, в некотором роде подменивший официальное прошение о новом назначении, но и как документ, живо отразивший вертикальный характер отношений, где одна из сторон – благодетель. Собственноручное письмо К.С. Бедарева гласит (при передаче текста предпринята попытка орфографию и пунктуацию оригинала оставить без изменений): «ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Милостивый Государь Осмеливаюсь надеяться на не изреченные милости ВАШИ решился еще при бегнуть Подъ Покровительство ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА и покорнѣйше Просить Благосклонно обратить ваше вниманіе на мое положеніе и оказать пособіе Есть ли только сіе будетъ не противно, на щотъ переводу меня изъ сего не сноснаго и жестокаго климату которой имѣеть сильное въ ліяніе какъ нараны такъ и насобственное мое здаровье. – известно мнѣ что по Губерніямъ: Кіевской Волынской и Подольской къ должностямъ опредѣляютъ Г: Генераль Губернаторы и Губернаторы, а потому не лишите во семъ случае оказать милость ВАШУ опредѣленіемъ меня, къ какой либо должностъ: Полицейместера, Городничаго и даже Исправника, я не имѣю не кого кромѣ какъ ОСОБЫ ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА Единственнаго моего благодетеля; – во ожиданіи сихъ милостей вашихъ, и поруча себя въ оныя, счастиемъ поставляю назваться ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА Милостивѣйшаго Государя Покорнѣйшимъ Слугою *Клеонъ Бедаревъ* [Под этим:] Сольвычегодскіи Исправникъ»³⁶.

На полученном 8 сентября письме благодетель начертал: «Какъ въ польскіе губерніи ищеть М: В: Дѣль русскихъ чиновниковъ, сейже штабъ офицеръ служилъ подъ моею командою въ отечественную войну и подъ-покровительствомъ о раненыхъ; былъ ревностной при мнѣ Сотрудникъ, то и препроводить Е.^{r[о]} П:^{ву} Дмитрію Ник: Г. М: В: Д: науваженіе при запискѣ сіе письмо и Г. Бедарева увѣдомить о семъ изъ штабу. /. 8.го с Сентября» (дата написана под основным текстом и подчеркнута)³⁷. Как видим, благодетель, упомянув о «польских губерниях» (губернии, от Польши возвращённые), какими на юго-западе империи считались Киевская, Подольская и Волынская, распорядился переслать «на уважение» письмо при записке тогдашнему министру внутренних дел – тайному советнику, статс-секретарю Дмитрию Николаевичу Блудову.

При записке командира Отдельного корпуса внутренней стражи генерала от инфантерии Капцевича 1-го от 10 сентября 1832 г. под № 1314 письмо К.С. Бедарева попало в министерство. В качестве даты получения на записке значится 12 сентября. Записка предельно лаконична: «Командир Отдельного корпуса

внутренней стражи, генерал от инфантерии Капцевич 1 (текст на типографском бланке, в конце текста в оригинале точка. – В.М.), свидетельствуя свое почтение Его Превосходительству Дмитрию Николаевичу, имеет честь препроводить на благоуважение его письмо сольвычегодского исправника Бедарева»³⁸. Не мешкая, отношением от 13 сентября Департамент полиции исполнительной запросил у вологодского гражданского губернатора формулярный список о службе К.С. Бедарева и сведения о нём. Согласно отпуску упомянутого отношения, то и другое требовалось «для соображения» в связи с просьбой К.С. Бедарева о перемещении его на службу в Киевскую, Волынскую или Подольскую губернию (имя П.М. Капцевича при этом не затрагивалось)³⁹. Во второй декаде октября пришёл ответ губернатора от 12 октября. Констатировав, что майор Бедарев «должность исправлял с довольным усердием», губернатор присовокупил, что «по взысканию токмо недоимок не оказал надлежащей печности», за что в течение года (1832 г.) сделаны ему два строгих выговора с запиской в заведённую для этого в губернском правлении книгу, и подытожил: «впрочем, к перемещению его на службу в другую губернию препятствия нет»⁴⁰.

Не ранее середины ноября 1832 г. по поводу майора Бедарева министр внутренних дел адресовался к киевскому военному губернатору и генерал-губернатору Подольскому и Волынскому. Отношение «О маиоре Бедареве» от 15 ноября (в отпуске до исправления и, судя по всему, без связи с каким-либо числом стоял месяц октябрь) под № 4937 открывалось словами: «Командир Отдельного корпуса внутренней стражи Г. Генерал от Инфантерии Капцевич, зная с хорошей стороны сольвычегодского исправника майора Бедарева, относился ко мне о перемещении сего штаб-офицера на службу в которую-либо из вверенных Вашему Пр[евосходительств]у губерний в должность полицеймейстера, городничего и даже исправника» (здесь и далее цитируется по отпуску, заверенному начальником стола в 1-м отделении Департамента полиции исполнительной К.А. Фаворским). Далее касательно майора Бедарева следовало уведомление о том, что из полученных от вологодского гражданского губернатора сведений видно: «возложенную на него должность исправляет с довольным усердием и к перемещению его препятствия нет» (слово «нет» написано над зачёркнутым «не имеется»). К этому ничего не прибавлено. Затем излагалась суть обращения: «...Я покорнейше прошу Вас, М[илостивый] Г[осударь], сообщить мне сведение: может ли майор Бедарев определен быть по вверенному Вам управлению». Согласно отпуску отношения, к оригиналу прилагался формулярный список о службе майора Бедарева⁴¹.

Ответное отношение было написано, согласно реквизитам, 11 декабря в С.-Петербурге (название столицы внесено в текст типографского бланка над указанием на г. Киев), в связи с чем и поступило уже 13 декабря. Киевский военный губернатор и генерал-губернатор Подольский и Волынский генерал-лейтенант, генерал-адъютант Василий Васильевич Левашов 1-й, отозвался так: «...В настоящее время в управляемых мною губерниях нет вакантных городнических и исправнических мест; но при первой возможности я охотно буду рад употребить на службу Господина майора Бедарева и, чтобы иметь его всегда в виду, я, с сим вместе, приказал внести оного в общий список кандидатов»⁴².

Через несколько месяцев, 15 мая 1833 г., от него пришло новое отношение министру внутренних дел по этому вопросу. Речь идёт об отношении от 6 мая 1833 г., каким он дал знать, что им предложено Киевскому губернскому правлению определить сольвычегодского земского исправника майора Бедарева на открывшуюся вакансию городничего в г. Махновке, в связи с чем покорнейше и просил сделать распоряжение об отпращивании его «по сему назначению»⁴³. Бумаги, в отпусках, министра внутренних дел в Комитет, Высочайше учреждённый в 18-й день августа 1814 года «О назначении чиновника на ваканцию исправника» и Департамента полиции исполнительной вологодскому гражданскому губернатору «О объявлении майору Бедареву» датированы 25 мая 1833 г.⁴⁴

Таким образом, майор Бедарев удостоился желаемого назначения, став, осмелимся выразиться, «предметом» межчиновного взаимодействия, выдвинутым П.М. Капцевичем, а точнее – командиром Отдельного корпуса внутренней стражи генералом от инфантерии Капцевичем 1-м.

В уездном городе Киевской губернии Махновке на месте городничего майор Бедарев не закрепился. Согласно формулярным спискам о его службе от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г., если 3 февраля 1834 г. он только вступил в должность махновского городничего (это при том, что формально занимал её с 10 мая 1833 г.), то уже 15 января 1835 г. был возвращён в ряды земских исправников: его перевели земским исправником в Черкасский (впоследствии утвердился – Черкасский) уезд Киевской губернии⁴⁵.

Черкасским земским исправником майору Бедареву также не довелось долго послужить. По сведениям, содержащимся в формулярных списках от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г., уже 1 декабря 1836 г., по предложению состоящего в должности киевского гражданского губернатора (действительный статский советник Ф.Л. Переверзев), данному, в свою очередь, на основании предложения киевского военного губернатора, подольского и волынского генерал-губернатора (генерал-лейтенант граф А.Д. Гурьев), за прикосновенность к делу о злоупотреблениях при вывозе евреями из черкасских казённых дач сломанного бурею леса он подвергся удалению от должности черкасского земского исправника. Находился под судом. Решением Правительствующего Сената, изъяснённым в указе от 5 октября 1842 г., от суда по извету черкасского мещанина Улицкого и от строгого выговора, который следовало ему сделать, согласно решению Киевской палаты уголовного суда, «за взятие с лесопильного завода книг и возвращения их, а равно за противоречущие по сему предмету действия», освобождён: от суда по невиновности, а от строгого выговора по Всемиловейшему манифесту «О всемиловейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Высочества, Государя Наследника, Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича» от 16 апреля 1841 г. (ст. IV)⁴⁶. Так завершилась служба майора Бедарева в Киевской губернии «по благодаянию командира Отдельного корпуса внутренней стражи генерала от инфантерии Капцевича 1-го».

В завершение необходимо сказать, что в середине 40-х гг. XIX в. при участии Комитета, Высочайше учреждённого в 18-й день августа 1814 года, начался новый этап в жизни К.С. Бедарева. Комитет дал ему возможность занять сво-

бодную полицейскую должность при лечебном месте (курорт) в Бугурусланском уезде Оренбургской губернии – вакансию полицеймейстера при Сергиевских минеральных водах. Отношение комитета министру внутренних дел о назначении майора Бедарева датировано 24 апреля 1846 г.⁴⁷ Оно сопровождалось документами о службе майора Бедарева (аттестат) и поручика Куроедова (Борис Иванович). Последний представлялся на место полицеймейстера Сергиевских минеральных вод оренбургским начальством⁴⁸. Отношением от 30 апреля министр внутренних дел (действительный тайный советник, гофмейстер [гофмейстер второго класса] Л.А. Перовский), уведомив о волеизъявлении комитета, обратился к оренбургскому военному губернатору с просьбой по прибытии майора Бедарева сделать распоряжение о допущении его к должности на шестимесячное испытание⁴⁹.

К месту назначения майор Бедарев выехал из г. Киева⁵⁰. Осенью 1846 г. приступил к службе на Сергиевских минеральных водах⁵¹. Успешно выдержал шестимесячное испытание: 4 июля 1847 г. в министерстве получили представление состоящего в должности оренбургского гражданского губернатора (статский советник Н.В. Балкашин) «Об усердной службе полицмейстера Сергиевских [минеральных] вод майора Бедарева» от 18 июня⁵². Согласно представлению, 14 июля 1847 г. министр внутренних дел утвердил майора Бедарева городничим Сергиевских минеральных вод⁵³: именно городничим, а не полицмейстером, за чем усматривается состоявшееся 19 мая 1847 г. и приведённое в известность по сенатскому указу от 9 июня того же года Высочайшее повеление о том, «чтобы в губернских городах и там где есть градоначальники, начальники полиций именовались полицмейстерами, во всех же прочих городах они назывались городничими»⁵⁴.

В середине XIX в. Сергиевские минеральные воды кратко характеризовались так: «В 10 верстах от него (заштатный город Сергиевск. – В.М.) находятся минеральные воды, носящие свое название Сергиевских, которых устройство и целительность год от году более и более увеличивают число посетителей. Главное свойство их – излечение золотушных болезней и застарелых ревматизмов»⁵⁵. В соответствии с Именным указом, данным Сенату 6 декабря 1850 г. «Об образовании на левом берегу Волги новой Самарской губернии» (предписывалось исполнить по существу с 1 января 1851 г.) Бугурусланский уезд с Сергиевскими минеральными водами, наряду с Бугульминским и Бузулукским, откололся от Оренбургской губернии, став компонентом территориальной структуры Самарской губернии⁵⁶. Благодаря этому майор Бедарев, не меняя места службы, из чиновничества Оренбургской губернии перешёл в чиновничество Самарской. Возвращаясь к самому началу статьи, заметим, что не просто как человек, в 1812 году сражавшийся с посягнувшим на Россию неприятелем, а как человек, при этом ещё и отдавший часть жизни Самарскому Поволжью, К.С. Бедарев в наши дни интегрируется в коллективную память самарцев о героическом прошлом. В середине 1850-х гг. майор Бедарев с должности городничего при Сергиевских минеральных водах попал на место городничего в уездный город Бузулук (Самарская губерния) и, как следует не обосновавшись там, службу оставил. Уволен по прошению за болезнь Высочайшим приказом

по гражданскому ведомству от 14 июня 1855 г.⁵⁷ На момент выхода в отставку ему было полных 65 лет. Оказавшись не у дел, вернулся в родные места⁵⁸.

¹ Статья написана в развитие темы: Мясников В.П. Исправник, которого не было, и его благодетель (А.О. Нарбут и Л.В. Дубельт), или Связи решают всё // Двинская земля. Вып. 11. Котлас, 2019. С. 150–166.

² К.С. Бедарев входит в число тех немногих, чьими именами названы подразделы виртуальной выставки «Герои и их потомки: к 200-летию Отечественной войны 1812 года», подготовленной Центральным государственным архивом Самарской области (далее – ЦГАСО) и размещённой на сайте управления государственной архивной службы Самарской области (режим доступа к выставке: https://archive.samregion.ru/info_act/exhibitions/geroi_potomki/).

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 28 об.; Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. Ярославль, 1913. С. 53–56.

⁴ Так, отец К.С. Бедарева Сергей Якимович Бедарев, или Сергей Якимов (сын) Бедарев, согласно ежегодным «Месяцословам с Росписью чиновных особ в государстве», в первой половине – середине 1780-х гг. служил в Вологодском наместничестве (Вологодская губерния) расправным судьёю в соседнем с Соливычегодским (впоследствии утвердился написание через «ь») Великоустюжском (Устюжском) уезде, а во второй половине 1780-х гг. – в родных местах, в Любимском уезде, земским исправником, то есть первым заседателем в Любимском нижнем земском суде (в 4-е трёхлетие с открытия Ярославского наместничества [Ярославская губерния]), где до того, как стал чиновником в Вологодском наместничестве, занимал одно из мест дворянских заседателей (в 1-е трёхлетие). В это время, в 80-е гг. XVIII в., сменил чин капитана на чин коллежского асессора. Согласно «Копии с формулярного списка, доставленного от 20 декабря 1820 года, о службе Либаковского пехотного полка капитана Бедарева, который ВЫСОЧАЙШИМ приказом 25 марта 1821 за ранюю уволен от оной майором с мундиром и полным пенсионом», за его родителем С.Я. Бедаревым числилось 15 душ крестьян (имения измерялись в душах мужеска пола, охваченных ревизией). При этом непосредственно за ним душ не отмечено (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 28 об.). В отличие от этой копии, К.С. Бедарев собственной персоной проходит душевладельцем в Генеральном алфавите дворянских имений Вологодской губернии, составленном на основе сказок 7-й ревизии (документ атрибутирован нами таким образом). За ним в Генеральном алфавите показано 5 душ по Кадниковской округе (уезд): 2 по д. Лошаково и 3 по д. Денисихе Рождественской (Рождественской) волости (Государственный архив Вологодской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 40). Главное имение К.С. Бедарева, насколько можем судить, было в родном для него Любимском уезде Ярославской губернии. В газете «Ярославские губернские ведомости» за 1840 г. есть объявление Императорского воспитательного дома Московского опекунского совета о продаже с аукционного торга «заложенных и просроченных недвижимых имений», где под литерой «д» речь идёт об имении К.С. Бедарева в Любимском уезде в размере 21 души по 7-й ревизии: «в деревнях: Кантенове 17 и Алексеевке 4». Торг назначался на 29 июля 1840 г. (Ярославские губернские ведомости [далее – ЯрГВ]. 1840. № 15. С. 163). Это же объявление находим и в вологодской губернской газете: Вологодские губернские ведомости. 1840. № 21. С. 157–159. Деревни Кантеново и Алексеевка из объявления отождествляются с селцами Кинтановым и Алексеевка в «Списках населенных мест Российской империи...» (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 50. Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года / изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. ст. ред. А. Артемьевым. СПб., 1865. № 2757, 2758). По формулярным спискам о службе К.С. Бедарева от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г., никакого имения ни за ним, ни за его покойной супругой не имелось (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [197 об., 198]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 17 об., 18). Известно, что после отмены

крепостничества детей К.С. Бедарева – сына губернского секретаря Василия и дочь девицу Марию – Любимский уездный суд вызывал «для выслушания решения сего суда, состоявшегося 25 октября 1861 года, по делу о предоставлении крестьянской вдове Акулине Кузьминой с незаконнорожденными дочерьми из владения майора Клеона Сергеева Бедарева свободы» (ЯрГВ. 1861. № 51. Ч. офиц. С. 576–577; № 52. Ч. офиц. С. 588; 1862. № 1. Ч. офиц. С. 6).

⁵ Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. Ярославль, 1913. С. 55.

⁶ Согласно поздним документам о службе К.С. Бедарева – формулярным спискам от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г., в службу вступил 30 января 1807 г. по окончании курса в Ярославском (в доступной для просмотра электронной копии формулярного списка от 30 сентября 1853 г. начало слова плохо поддается прочтению) Демидовском (вышних наук) училище в 1805 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [197 об.–198]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 17 об.–18). В изданной в 2016 г. справочной книге сводного характера о выпускниках «высшего учебного заведения в Ярославле» К.С. Бедарев не значится (Гущина Е.В., Морозов Д.К. Именной указатель выпускников высшего учебного заведения в Ярославле с 1805 по 1917 гг. Ярославль, 2016). В «Копии с формулярного списка, доставленного от 20 декабря 1820 года, о службе Либавского пехотного полка капитана Бедарева...» касательно образования по форме лаконично констатируется: «Российской грамоте читать и писать и арифметике знает» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 29).

⁷ Согласно «Копии с формулярного списка, доставленного от 20 декабря 1820 года, о службе Либавского пехотного полка капитана Бедарева...», 30 января 1807 г. в службу вступил, как тогда писали, *въ Тамбовской мушкетерской полкъ* унтер-офицером, 25 февраля 1807 г. стал подпрапорщиком, 28 мая 1807 г. произведён в прапорщики, то есть в офицеры, *въ Либавской мушкетерской полкъ* (с 22 февраля 1811 г. – *Либавской пѣхотной полкъ* [ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 31. № 24.526]), 1 апреля 1809 г. присвоен чин подпоручика, 21 июля 1810 г. – поручика, 21 декабря 1812 г. – штабс-капитана, 7 мая 1818 г. – капитана; и 25 марта 1821 г. уволен от службы за раною майором, с мундиром и пенсионом полного жалованья (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 28–28 об.). В ходе проверки этих сведений выявлено, что в собрании всевысочайших приказов за 1807 г. производство Тамбовского мушкетёрского полка подпрапорщика Бедарева в прапорщики в Либавский мушкетёрской полк помещено в приказе от 27 июня ([Всевысочайшие приказы, отданные в присутствии Его Императорскаго Величества Государя Императора, 1807 года. Б. м., б. г.]. С. 114). Есть основания полагать, что К.С. Бедарев перевёлся в Либавский полк к старшему сородичу (брату?). По крайней мере, по вышеозначенному приказу от 27 июня, другой Бедарев – Либавского мушкетёрского полка обер-офицер Бедарев – перешёл «изъ подпорутчиковъ въ порутчики» (Там же). Впоследствии с этим полком свяжет свою жизнь один из младших братьев К.С. Бедарева – Павел Меньшей (Меньшой). С 30 марта 1816 г. он будет Либавского пехотного полка подпрапорщиком (Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. Ярославль, 1913. С. 55). В формулярных списках от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г. присвоение чина прапорщика датировано 28 июля 1807 г., перевод из одного полка в другой показан сопряжённым не с этим событием, а с последующим повышением в чине, производство в поручики отнесено к 10 июля 1810 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [197 об.–198]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 17 об.–18).

⁸ В «Копии с формулярного списка, доставленного от 20 декабря 1820 года, о службе Либавского пехотного полка капитана Бедарева...», в графе об участии в походах и делах против неприятеля, читаем: «В 1807 году в Прусских владениях противу французских войск. 1808 при покорении Шведской Финляндии: 10 марта при занятии г. Або (без боя. – В.М.), 7 и 8 числ июня при оном же городе у мызы Алалемо противу шведских десантных войск в действительных сражениях (битва при Лемо 7–8 июня 1808 г. – В.М.); 1809 февраля с 26 по 16 марта в Аландской экспедиции в корпусе генерала от инфантерии (точнее генерал-лейтенанта. – В.М.) и кавалера князя Багратиона (Аландскую экспедицию принято датировать 26 февра-

ля – 7 марта 1809 г. – В.М.); 1810 августа 17 удостоен Высочайшего благоволения. 1812 против французских войск августа 5 при г. Смоленске, 26 при с. Бородине, 29 в бытность полка в ариергарде, 12 октября при г. Малом Ярославце в действительных сражениях находился, в сем последнем сражении ранен в бок пулею навывлет и за оказанную в оном храбрость награжден орденом Св. Анны 4 степени. 1813 в Герцогстве Варшавском при блокаде кр. Модлина с 17 августа и по 19 ноября (день сдачи крепости. – В.М.) находился. 1815 года за границу во Французских владениях и обратно в Российские пределы» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 29–29 об.). В другом месте, при перечислении наград, сказано, что Высочайшее благоволение дано «за оказанную храбрость при мз. Алалемо», а орденом отмечен 19 декабря 1812 г. (Там же. Л. 28 об.). В формулярных списках от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г. всемиловнейшее пожалование К.С. Бедарева за храбрость «кавалером ордена», как видится, механически, приурочено к 12 октября 1812 г., то есть к дате Малоярославского сражения (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [197 об.–199]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 17 об.–19). Имел также серебряную медаль «В память 1812 года» на голубой ленте (медаль для действовавших против неприятеля в продолжение 1812 г.) (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 28 об.). В формулярных списках от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г., в графе об участии в походах против неприятеля и сражениях, к словам о битве при Лемо присовокуплен факт вынесения Высочайшего благоволения за храбрость (при сохранении в соответствующем месте записи об удостоении Высочайшим благоволением 17 августа 1810 г.); отмечено, что находился против французских войск при с. Тарутине 6 октября 1812 г.; уточнено, что в бою у Малоярославца ранен в бок правый, но при этом опущены слова о награждении орденом; оговорено, что был не только при блокаде, но и при покорении кр. Модлин; а также прописано о причастности к Высочайшему смотру на полях «Шампаний» при г. Вертю в 1815 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [198, 199, 200, 201]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 18, 19, 20, 21). В собственноручном прошении К.С. Бедарева от марта 1857 г. походно-боевая сторона службы преподнесена более монументально, чем в формулярных списках (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 979. Л. [77]).

⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 29; Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Вып. 2. Ярославль, 1913. С. 55. В то время как в «Копии с формулярного списка, доставленного от 20 декабря 1820 года, о службе Либавского пехотного полка капитана Бедарева...» его супруга названа дочерью майора (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 29), у И.Н. Ельчанинова – дочерью подполковника. По приводимым И.Н. Ельчаниновым данным, в браке они состояли с 30 октября 1818 г.

¹⁰ Согласно формулярным спискам от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г., это произошло 30 сентября 1826 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [198 об.–199]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 18 об.–19).

¹¹ Алексей Захарович Баратынский, или Алексей Захаров (сын) Баратынский, относился к тому же роду, что и поэт Евгений Абрамович Боратынский (Баратынский). Согласно включённому в сборник В.В. Руммеля и В.В. Голубцова родословию Боратынских (Баратынские), Алексей Захарович доводился троюродным братом отцу поэта Авраму (Абрам) Андреевичу Баратынскому (Боратынский), генерал-лейтенанту (Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 158–160).

¹² Определение управляющего Министерством внутренних дел от 31 августа 1827 г. за № 1645 гласит: «1827 года, августа 31 дня, управляющий Министерством внутренних дел ПРИКАЗАЛ: согласно представлению вологодского гражданского губернатора яренского земского исправника подпоручика Баратынского и кандидата вологодского предводителя дворянства коллежского ассесора Бестужева Рюмина переместить к нему, губернатору, чиновниками для особых поручений с положенным жалованьем по 1000 рублей в год» (приведено по копии журнала управляющего Министерством внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной) (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 2). Подпоручик Баратынский, наряду с коллежским ассессором Бестужевым-Рюминым (Николай Андреевич), получил новое

назначение на основании сенатского указа (с прописанием Именного повеления, последовавшего на положение Комитета министров) «Об определении к гражданским губернаторам по два чиновника для особых поручений» от 31 мая 1827 г. (Полное собрание законов Российской империи [далее – ПСЗ РИ]. Собр. 2. Т. 2. № 1139).

¹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 3 (отпуск отношения).

¹⁴ Там же. Л. 5–5 об. (отношение комитета от 15 ноября 1827 г.), 6–7 об. (прилагавшаяся к отношению от 15 ноября 1827 г. копия указа об отставке Н.И. Аничкова от 4 июля 1823 г.).

¹⁵ Там же. Л. 8 (журнал управляющего министерством от 26 ноября 1827 г. за № 4375).

¹⁶ Там же. Л. 13–13 об.

¹⁷ Там же. Л. 14 (журнал управляющего министерством от 12 апреля 1828 г. за № 1089).

Для полноты картины отметим, что майор Аничков проходит яренским земским исправником во второй части общероссийского адрес-календаря на 1829 г. (согласно примечанию, состояние чинов Вологодской губернии показано по 4 января 1828 г.) (Месяцослов с Росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1829. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 92).

¹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 17–17 об.

¹⁹ Там же. Л. 18–19 об.; Список кавалерам Российских Императорских и Царских орденов всех наименований за 1838. Ч. 2. СПб., 1839. С. 169; История 113-го пехотного Старорусского полка. (1796–1896 гг.) / Сост. поручик Г. Мокринский. СПб., 1900. С. 36–38, 66–80, 98, 101–104, 341–343, 343–346.

²⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 515. Л. 20 (журнал министра внутренних дел от 30 апреля 1828 г. за № 1511).

²¹ Там же. Л. 23.

²² Там же. Л. 24 (журнал министра внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной от 29 августа 1828 г. за № 108).

²³ Там же. Л. 27–27 об. (отношение комитета).

²⁴ Там же. Л. 28–29 об.

²⁵ Там же. Л. 30 (журнал министра внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной от 11 октября 1828 г. за № 609). Днём принятия решения, то есть 11 октября 1828 г., датированы в отпусках отношения: министра внутренних дел генерал-губернатору Архангельскому, Вологодскому и Олонецкому «Об определении майора Бедарева исправником в Яренский уезд» (№ 610), ответное в Комитет, Высочайше учреждённый в 18-й день августа 1814 года (№ 612) и министру финансов «О выдаче майору Бедареву прогонных денег» (№ 613) и Департамента полиции исполнительной ярославскому гражданскому губернатору «О объявлении майору Бедареву о определении его исправником в Яренский уезд» (№ 611) (Там же. Л. 31–34). Сделанная на журнале министра внутренних дел помета о сообщении сведения Герольдии не снабжена временным маркером. В формулярном списке о службе К.С. Бедарева от 15 февраля 1854 г. определение яренским земским исправником отнесено к 15 октября 1828 г. Эту дату содержит как запись об этом (согласно ей определён самим комитетом), так и, в качестве конечной, запись о времени нахождения в отставке по увольнении от военной службы (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 18, 18 об.–19). 15 октября 1828 г. включает в свой состав, в том же качестве, и запись о периоде пребывания в означенной отставке в формулярном списке о его службе от 30 сентября 1853 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [198]). Но этого нельзя сказать об основной записи в означенном формулярном списке, что обусловлено, как видится, не чем иным, как её сохранностью: в нём она механически слита с записью о переводе на должность сольвычегодского земского исправника и в силу этого не имеет своего окончания с датой (Там же. Л. [198 об.–199]).

²⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1829 г. Д. 444. Л. 1 (отношение генерал-губернатора).

²⁷ Там же. Л. 2 (отпуск отношения министра), 4.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Л. 4–4 об. (отпуск отношения министра).

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ Там же. Л. 6 (журнал министра внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной от 5 апреля 1829 г. за № 1766). В формулярном списке о службе К.С. Бедарева от 15 февраля 1854 г. слова о переводе на должность сольвычегодского земского исправника привязаны к дате 20 мая 1829 г. и вместе с ней образуют единое смысловое целое (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 19 об.–20). Эта же дата входит в уцелевшую часть записи об этом событии в формулярном списке о его службе от 30 сентября 1853 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [198 об.–199]). Возможно, 20 мая 1829 г. – дата вступления в новую должность.

³² РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1829 г. Д. 444. Л. 8.

³³ Там же. С отношением от 30 марта 1829 г. за № 1838 комитет в министерство препроводил копию указа об отставке Я.М. Лишина от 25 сентября 1801 г. (Там же. Л. 9–9 об.).

³⁴ Там же. Л. 10 (журнал министра внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной от 9 апреля 1829 г. за № 1789).

³⁵ Поручик Лишин занимал место яренского земского исправника 10 лет, до тех пор, пока не получил, по представлению правящего должность вологодского гражданского губернатора, 31 августа 1839 г. перевод на ту же должность, что до него майор Бедарев, то есть на должность сольвычегодского земского исправника (РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 193. Л. 163 [журнал управляющего Министерством внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной от 31 августа 1839 г. за № 5210]. В журнале поручик Лишин назван Лишиным-Дубицким). 3 сентября 1842 г. с этой должности перемещён на должность городничего в Сосницу, уездный город родной для него Черниговской губернии. Перевод поручика Лишина на должность сосницкого городничего был сопряжён с увольнением от неё за неявку из отпуска, на основании ст. 639 т. III Свода законов Российской империи (просрочка «в отпуску долее четырех месяцев») и согласно отношению Черниговского, Полтавского и Харьковского генерал-губернатора, подпоручика Баратынского (РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. 1841 г. Д. 149. Л. 24 [журнал министра внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной от 3 сентября 1842 г. за № 3640]. В журнале подпоручик Баратынский назван Баратынским). Это тот самый подпоручик Баратынский, что непосредственно перед майором Бедаревым служил яренским земским исправником.

³⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. 1832 г. Д. 328 (О перемещении сольвычегодского земского исправника майора Бедарева...). Л. 2–3 об.

³⁷ Там же. Л. 2.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 5.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² Там же. Л. 7.

⁴³ Там же. Л. 8. Согласно формулярным спискам от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г., определение майора Бедарева махновским городничим состоялось 10 мая 1833 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [198 об.–199]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 19 об.–20).

⁴⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. 1832 г. Д. 328. Л. 9, 10.

⁴⁵ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [199 об.–200]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 19 об.–20.

⁴⁶ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [198, 199–200]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 18, 19–21. Ссылка на Всемилостивейший манифест от 16 апреля 1841 г. в Полном собрании законов Российской империи: ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 16. Отд-ние 1. № 14460. Согласно прошению майора Бедарева от марта 1857 г., под судом с 7 декабря 1836 г. по 5 октября 1842 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 979. Л. [77 об.]).

⁴⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. 1845 г. Д. 238. Л. 11–11 об. О пенсии в отношении комитета о назначении майора Бедарева на вакансию полицеймейстера Сергиевских минеральных вод не упомянуто. И это не случайно. Желая вернуть утраченное, майор Бедарев пытался добиться пересмотра решения вопроса о пенсии в свою пользу, но, насколько известно, без-

успешно. Комитет отношением от 15 сентября 1851 г. дал знать управляющему Министерством внутренних дел (ввиду отсутствия министра Л.А. Перовского): «Комитет имеет честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, что оный, вследствие отношения Г. Министра Внутренних Дел 29го июля 1850 года за № 2953, истребовал новое медицинское свидетельство о ранах городничего Сергиевских минеральных вод майора Бедарева; а как штаб-офицер сей и ныне оказался легкокораненым, то за сим просьба его о сохранении пенсии сверх жалованья, за силою 900 ст. 2 кн. 2 ч. Св. Воен. Пост., исполнена быть не может» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 12. 1850 г. Д. 432. Л. 3–3 об.). Указанная статья гласит: «При определении к должностям, по назначению Комитета, всем вообще тяжело раненым сохраняются, сверх жалованья по должности, полученные ими при отставке пенсии; а из посредственно раненых могут сим преимуществом пользоваться только те, которые будут особенно удостоены Комитетом, по соображению их ран и заслуг» (Свод военных постановлений. Ч. 2. Устав о службе по Военному ведомству вообще. СПб., 1838. Кн. 2. О наградах во время прохождения службы и при отставке. С. 247). Под статьёй ссылка на Высочайше утверждённые 12 декабря 1829 г. Правила в руководство Комитета, Высочайше учреждённого в 18 день августа 1814 года, для пособия раненым и семействам убитых на сражении и умерших от ран (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 4. № 3333). За ст. 900 скрывается § 25 правил. По § 6 правил, раненые делились на четыре разряда: 1-й – увечные, 2-й – тяжело раненные, 3-й – посредственно раненные и 4-й – легко раненные. По поводу причисленных к последнему разряду, что примечательно в свете того, как в отношении в связи с ранением охарактеризован майор Бедарев, в § 5 правил чётко сказано: «Покровительство Комитета не распространяется на легкокораненых». Это положение не потеряло своей актуальности до начала XX в. (Свод военных постановлений 1869 года. Ч. 2. Войска регулярные. Кн. 8. – Награды, пенсии, пособия и призрение чинов военного ведомства. Изд. 2-е (по 1 янв. 1902 г.). СПб., 1902. С. 164. Ст. 755).

⁴⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. 1845 г. Д. 238. Л. 9–9 об. (отношение оренбургского военного губернатора министру внутренних дел «Об определении поручика Куроедова сергиевским полицеймейстером» от 12 февраля 1846 г.).

⁴⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. 1845 г. Д. 238. Л. 12 (отпуск отношения).

⁵⁰ Там же. Л. 11 об.–22 об., 29–31.

⁵¹ Там же. Л. 20–21 об., 25. В формулярных списках о службе майора Бедарева от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г. только две записи после той, что об удалении от должности черкасского земского исправника. Первая – о назначении к Сергиевским минеральным водам полицеймейстером Комитетом, Высочайше учреждённым в 18-й день августа 1814 года. В качестве даты события в ней стоит 28 апреля 1846 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [199 об.–201]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 20 об.–21). О второй см. примеч. 53.

⁵² РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. 1845 г. Д. 238. Л. 25–25 об.

⁵³ Там же. Л. 26 (журнал министра внутренних дел по Департаменту полиции исполнительной от 14 июля 1847 г. за № 2664). В формулярных списках о службе майора Бедарева от 30 сентября 1853 г. и 15 февраля 1854 г. как таковая запись об утверждении городничим Сергиевских минеральных вод отсутствует. Имеется запись о переименовании городничим с датой 12 июля 1847 г. (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. [200 об.–201]; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4148. Л. 20 об.–21).

⁵⁴ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 22. Отд-ние 1. № 21305.

⁵⁵ Краткий историческо-топографический очерк городов и замечательных мест Оренбургской губернии // Адрес-календарь Оренбургской губернии, с справочными приложениями. 1851 года. Уфа, [б. г.]. С. 27 (прил.). В то время власти выражали заинтересованность в развитии лечебного места. Оренбургский военный губернатор (генерал от инфантерии В.А. Обручев) отношением от конца июля 1849 г. довел до сведения министра внутренних дел, помимо прочих, такие предположения по его устройству: «Вместе с сим, по значительному съезду посетителей на воды, на которые большею частию съезжаются не столько для пользования водами, сколько (*sic!*) для препровождения времени, в особенности из молодых

людей Казанской и Симбирской губерний, признаю необходимым иметь там более деятельного и расторопного полицеймейстера, который бы наблюдая за всеми действиями приезжающих, имел бы вместе с тем и вес в обществе, так как нынешний полицеймейстер уволенный от службы подполковник Бедерев, человек раненый и преклонных лет, не соединяет в себе сих условий, почему и имея в виду, что и Медицинский Совет полагал иметь на означенных водах полицеймейстера с присвоением ему звания военного полицеймейстера и с подчинением ему всех тех воинских чинов, которые присылаются для пользования на воды и число которых во время курса лечения простирается до 500 человек, выбор в полицеймейстеры должен падать на вполне достойного военного штаб-офицера» (цит. по списку с отношения) (РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. 1849 г. Д. 659. Л. 4 об.–5). В Департаменте полиции исполнительное предположение оренбургского военного губернатора не вызвало сочувствия. Министр отношением от 30 сентября 1849 г. ответил ему: «...Я не нахожу с своей стороны нужным присвоивать сергиевскому полицеймейстеру звание военного полицеймейстера, так как в полицейском управлении такой должности еще доселе не существует, а к учреждению оной для Сергиевских минеральных вод едва ли представляется существенная надобность. А как Ваше Высокопр[евосходительств]во изволите признавать, что настоящий сергиевский полицеймейстер подполковник Бедерев не имеет достаточной для своей должности расторопности, то от Вас, М[илостивый] Г[осударь], зависит дать ему другое назначение, а на место его избрать чиновника более деятельного, если нужно, из состоящих по армии или кавалерии штаб-офицеров» (цит. по отпуску отношения) (Там же. Л. 17–17 об.).

⁵⁶ ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 25. Отд-ние 2. № 24708.

⁵⁷ Самарские губернские ведомости. 1855. Отд. 2. Ч. офиц. № 30. С. 331.

⁵⁸ Согласно прошению майора Бедарева об исходатайствовании пенсии за общую выслугу лет от марта 1857 г., местожительство имел в г. Любиме Ярославской губернии (ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 979. Л. [77 об.]).

Е.А. Безменова

ТРАДИЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРЕНСКОГО ДАМСКОГО КОМИТЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Дамский комитет в уездном городе Яренске Вологодской губернии во время Первой мировой войны действовал при Яренском Комитете по сбору пожертвований для раненых и воинов действующей армии, который возглавлял председатель Яренского уездного съезда судей Иван Сергеевич Турбин. Комитет активно откликался на всероссийские акции, что говорит о четкой координации его работы с губернским Комитетом по сбору пожертвований.

Яренским Дамским комитетом руководила жена уездного воинского начальника подполковника Гладкосадчего, прибывшего с семьёй в Яренск накануне войны. По воспоминаниям уроженца д. Сафроновка Окологородней волости, краеведа Николая Александровича Голенева, руководительница Дамского комитета была «пышной, но аккуратной дамой старше 50 лет. Вокруг неё объединялись жёны чиновников и офицеров, нижних военных чинов, учителя и мещане города. В её распоряжении находились ратники и солдаты из местного гарнизона»¹.

Приведём несколько примеров активного участия женщин уезда в благотворительности в годы Первой мировой войны. В заметке от 7 ноября 1914 года газета «Вологодские Губернские Ведомости» (далее – ВГВ) сообщала: «Яренский комитет по сбору пожертвований на больных и раненых воинов изготовил и отправил 14 октября 1914 года в Вологодскую общину сестёр милосердия полный комплект белья и вещей на 10 коек для раненых воинов, а именно: наволочек верхних 40, нижних 40 и тюфячных 20, носков нитяных 30 пар и шерстяных 10 пар, платков носовых 30, подштанников – 20, рубах – 40, полотенец личных – 70, кухонных – 20, простынь – 80, халатов – 10, салфеток – 10, колпаков – 10, набрюшников – 10, фуфаяк – 10, косынок – 10. Главнначальствующий Вологодский губернатор В.А. Лопухин объявил Яренскому Комитету благодарность»².

18 января 1915 года Яренский Комитет по сбору пожертвований для раненых и воинов действующей армии «заготовил 30 тёплых рубашек, 30 тёплых кальсон, 30 тёплых шарфов, 30 тёплых портянок, 30 полотенец, 1 простынь, 1 тюфяк, и пожертвованных частными лицами 227 кисетов с вложенными в каждый четверть фунта табаку, по 2 листа бумаги, и по 2 почтовых открытки»³.

«Венденгская ЦПШ и Яренский Дамский комитет в Вологодскую общину Красного Креста отправили к празднику Святой Пасхи 1915 года подарки: деньгами 71 рубль, 12 тёплых жилетов, 71 штука кальсон, 70 полотенец, 40 пар портянок, 2 пары шерстяных носков, 2 пары тёплых перчаток, 1 пара напульсников, 1 с четвертью кг махорки, 200 кисетов с махоркой и курительной бумагой, 47 мешочков с подарками»⁴.

Яренский Дамский комитет неоднократно организовывал лотереи в пользу больных и раненых воинов. Так, 22 октября 1914 года в Яренске прошла лотерея, в результате которой «было выручено от продажи билетов 450 рублей, от продажи чая, фруктов и конфет – 48 рублей 50 копеек. Всего: 498 рублей 59 копеек. Израсходовано: а) по расчёту купчихе А.З. Ешкилевой от 25 октября 1914 г. – 10 рублей 79 коп. б) уплачено по росписи от 25 октября Михаилу Леушеву (секретарь управления воинского начальника. – Авт.) за услуги при лотерее. Всего израсходовано – 12 рублей 79 копеек. Чистый доход составил 485 рублей 80 копеек»⁵. Эти деньги были переданы в распоряжение Яренского Комитета по сбору пожертвований. Фрукты и сладости заказывались и доставлялись из Усть-Сысольска через купца-армянина.

При активном участии женщин производились сборы средств на войну с вручением жетонов. Так, 24 октября 1914 года Яренский Комитет устроил однедневный кружечный сбор пожертвований на больных и раненых воинов, с выдачей жертвователям знаков Красного креста. «Из кружек было вынуто 100 рублей, каковые поступили в кассу Вологодского местного управления Российского общества Красного Креста». Членам Яренского Комитета 11 ноября 1914 года была объявлена благодарность от Главнначальствующего Вологодского губернатора В.А. Лопухина «за труды в святом деле оказания помощи воинам, пролившим кровь за Веру, Царя и Отечество»⁶.

Кроме участия во всероссийских акциях благотворительности, в деятельности Яренского Дамского комитета сложились собственные инициативы и фор-

мы работы. Например, традиция благотворительных спектаклей, зародившаяся на Русском Севере в XIX веке, успешно прижилась и на Вычегодской земле.

Известно, что в Архангельске первый благотворительный спектакль в новом театре (старый деревянный сгорел в 1851 году) был дан 6 июля 1855 года. Любители сценического искусства поставили в пользу осиротевших семейств сева-стопольских воинов и пострадавших в Крымской войне поморских жителей драму «Россия в 1854 году»⁷.

Вдохновительницей и главой комитета по организации благотворительных массовых гуляний с показом любительских спектаклей была руководительница Яренского Дамского комитета. Краевед Н.А. Голенев вспоминал: «По её инициативе писари управления воинского начальника и унтер-офицеры начали ставить спектакли в помещении ратницкой казармы. В такие дни поднимался весь Яренск, объявлялось народное гуляние в Казарменном саду со спектаклем (теперь остатки этого сада лиственниц и берёз можно увидеть у здания бывшего военкомата на улице Кишерской. – Авт.). В саду собиралось столько народу, что люди заполняли всю казарменную площадь. Прогуливались нарядно одетые чиновники с жёнами и дочерьми, служащие земской управы, купеческие семьи с их приказчиками, учительство с учениками старших классов и прогимназисты в шляпах с широкими полями. Тут же можно было встретить и солдат в начищенных до блеска сапогах.

В зале ратницкой казармы помещалось около двухсот человек, и эти счастливицы смотрели «Комедии из военной жизни». Остальная публика гуляла в саду и смотрела спортивные выступления солдат на плацу. На нескольких скамейках сидели жёны крупных чиновников и в их окружении жена Гладкосадчегго. Все они, как и другая публика, наблюдали за тем, как бегали в мешках солдаты, били с завязанными глазами горшки. В итоге отличившиеся солдаты награждались коробками конфет. В это время за казармой народ смотрел на прикованного к конуре, выкормленного солдатами медведя.

Такие народные гуляния жена воинского начальника проводила раза три-четыре за лето. В 1915–1916 годах они стали проводиться ещё чаще. В эти годы была выстроена большая солдатская столовая для кормления мобилизованных в армию. В ней установили большую сцену, и любители ставили спектакли и концерты в пользу раненых и семей убитых. В зал этой столовой входило до полутора тысяч человек. Все желающие могли посмотреть спектакль. Это было уже крупным достижением в культурной жизни города, который не имел театра»⁸.

Достаточно полное представление о разнообразной и эффективной деятельности Яренского Дамского комитета можно получить из публикаций в ВГВ, где давались подробные отчёты о проведённых мероприятиях. Первый отчёт по устройству 12 октября 1914 года в Яренске спектакля в пользу раненых воинов был опубликован в ВГВ в декабре 1914 года:

«Выручено от продажи билетов 61 руб., от продажи программ, чая, фруктов и цветов – 15 рублей 27 коп. Всего приход – 76 рублей 27 коп.

Израсходовано:

1) Яренскому агенту Общества Русско-драматических писателей и оперных композиторов за квитанции от 12 октября 1914 г. за № 3 и 4 – 6 рублей 5 копеек.

2) на гербовый сбор – 2 рубля.

3) по счёту купца Е.Я. Чупракова от 12 октября 1914 г. – 2 рубля 10 копеек.

4) по росписи от 13 октября 1914 года Андрею Новосёлову за плотницкие работы – 2 рубля.

5) уплачено по расписке от 13 октября 1914 года Михаилу Леушеву за услуги при спектакле – 2 рубля. Всего расходов 19 рублей 71 коп. Чистого дохода осталось 56 рублей 56 копеек»⁹.

26 февраля 1915 года ВГВ сообщили, что на нужды беженцев «в распоряжение Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны переведено 624 рубля 35 копеек от устроенных Дамским кружком при Яренском Комитете по сбору средств в декабре 1914 года и в январе 1915 года спектаклей и концертов»¹⁰.

В августе 1915 года председатель Яренского Комитета С.И. Турбин в двух заметках отчитался, что «в пользу убежища для воинов и инвалидов в г. Вологде было переведено 208 рублей 19 копеек, вырученных от устроенных в г. Яренске 14, 21, 29 июня и 8 июля 1915 года гуляний. В кассу Вологодской Общины сестёр милосердия от Яренского комитета поступило 36 рублей 86 копеек, вырученных от устроенных в Яренске 20 июля 1915 года гуляний»¹¹.

«135 рублей 12 копеек поступило от Яренского Комитета в пользу Убежища для воинов-инвалидов. Из них 62 рубля 75 копеек составляет однодневный кружечный сбор по г. Яренску 6 августа 1915 года с продажей значков. К тому же 72 рубля 37 копеек выручены от устроенного во время сбора гуляния»¹². «7 августа 1915 года состоялся спектакль в помощь воинам, получившим увечья на поле брани»¹³.

16 августа 1915 года в Яренске были устроены гуляния и спектакль для приобретения подарков воинам армий Северо-Западного фронта. «Полученные от этих увеселений чистого дохода 60 рублей отосланы в Вологодскую общину сестёр милосердия»¹⁴. 30 августа 1915 года в Яренске устроен спектакль для приобретения подарков русским воинам, находящимся в плену в Австрии и Германии, выручено «100 рублей, которые были отосланы в Вологодскую Общину сестёр милосердия 11 октября 1915 года»¹⁵.

Таким образом, в годы Первой мировой войны Яренский Дамский комитет разбудил активность жителей уезда и сыграл большую организаторскую роль для объединения населения города и предместий в деле оказания благотворительности в пользу раненых воинов, сиротам убитых, военнопленных и беженцев, а также воинам Северо-Западного фронта.

По неполным сведениям (только из сообщений ВГВ) следует, что Яренским Комитетом по сбору пожертвований, в составе которого активно трудился Дамский комитет, было собрано за период 1914 по 1917 год 2 тысячи 50 рублей 25 копеек в пользу раненых и семей убитых воинов. Из них в пользу Вологодской Общины сестёр милосердия больным и раненым воинам – 642 рубля 30 коп.; в пользу Вологодской Общины Красного Креста на содержание инвалидов войны в убежищах – 382 рубля 17 коп.; на подарки воинам действующей армии – 131 рубль; в Комитет Её Императорского Высочества Вел. Кн. Татьяны Николаевны в пользу беженцев – 624 руб. 35 коп.

Поражения на Западном фронте и затяжная позиционная война, антивоенная агитация большевиков привели к тому, что в народе росло разочарование и понимание империалистического характера «германской войны». По воспоминаниям Н.А. Голенева, в 1917 году семья уездного воинского начальника подполковника Гладкосадчего уехала из Яренска. Этот фактор, вероятно, сыграл главную роль в прекращении благотворительных гуляний и спектаклей: не стало организаторов, которые вели и сплачивали жителей Яренска и уезда. В 1917 году в ВГВ прекратились известия о благотворительной помощи.

Оглядываясь в прошлое, мы должны признать важную роль женщин Яренского уезда во главе с Дамским комитетом в благотворительной деятельности в годы Первой мировой войны. Их труды и добрая воля показывали традиционную крепкую связь армии и народа в военную пору.

¹ Голенев Н.А. Рассказы о былом // Маяк. 1990. 8 декабря. С. 4.

² Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1914. 7 ноября. С. 4.

³ ВГВ. 1915. 29 января. С. 2.

⁴ ВГВ. 1916. 16 апреля. С. 4.

⁵ ВГВ. 1914. 5 декабря. С. 8.

⁶ ВГВ. 1914. 15 ноября. С. 2.

⁷ Попов А.Н. Труды. Творческая биография. Библиография. / Сост. Е.И. Тропичева. Архангельск: ОАО «Правда Севера», 2013. С. 318.

⁸ Голенев Н.А. Указ. соч. С. 3.

⁹ ВГВ. 1914. 5 декабря. С. 8.

¹⁰ ВГВ. 1915. 6 марта. С. 2.

¹¹ ВГВ. 1915. 28 августа. С. 2.

¹² ВГВ. 1915. 4 сентября. С. 4.

¹³ ВГВ. 1915. 7 августа. С. 2.

¹⁴ ВГВ. 1915. 4 сентября. С. 4.

¹⁵ ВГВ. 1915. 16 октября. С. 2–3.

А.С. Бебякина

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО И ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО УЕЗДОВ

С началом Первой мировой войны Вологодская губерния была определена как одно из мест пребывания военнопленных, которые делились на две категории: «гражданские пленные», то есть интернированные граждане стран, с которыми Россия находилась в состоянии войны (Германия, Австро-Венгрия, Турция, первое время – Италия); и собственно военнопленные, то есть лица, пленённые непосредственно во время военных действий¹.

Объявление войны застало многих русских на территории Германии, немцев и австрийцев – в России. С момента объявления войны все подданные Германии и Австро-Венгрии в России были объявлены военнопленными. Неприятельские подданные, проживающие или находящиеся на территории России,

подлежали немедленному аресту. Мужчины призывного возраста от 18 до 45 лет подлежали интернированию – принудительному задержанию и переселению во внутренние губернии России (Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую). Среди интернированных были лица и старше 45 лет, высланные по подозрению в шпионаже². Позже таких пленных стали называть «военнообязанными», местное население называло их просто «немцы».

Аресты германских подданных в западных пограничных районах империи начались ещё в ночь на 18 июля 1914 года³, то есть до объявления войны. Первая партия арестованных прибыла в Вологду 11 августа 1914 года⁴. Из донесения канцелярии вологодского губернатора в губернское правление о положении военнопленных гражданского ведомства в Вологодской губернии: «С прибытием в г. Вологду первых же партий высланных германских и австрийских подданных было замечено недостаточно скромное и корректное поведение некоторых высланных: они появлялись толпами в публичных местах, посещали железнодорожный буфет, предпринимали прогулки за город; наблюдались также случаи приставания на улицах к женщинам; везде слышна была непринужденная немецкая речь».

Чтобы урегулировать поведение высланных и дать им понять, что «они не путешествующие для удовольствия иностранцы и должны вести себя во всем согласно своему положению», главноначальствующим Вологодским губернатором В.А. Лопухиным было издано обязательное постановление, согласно которому неприятельским подданным, находящимся на территории Вологодской губернии, воспрещалось:

- 1) посещать вокзал железной дороги и приближаться к железнодорожным путям ближе, чем на 300 шагов;
- 2) выходить за черту населённой местности;
- 3) собираться на улицах, площадях и в других публичных местах группами более трёх человек;
- 4) посещать театры, концерты, кинематографы и публичные гуляния, а равно принимать участие в публичных играх;
- 5) посещать пивные и те из подобных заведений, где не продаётся горячая или холодная пища;
- 6) непристойное обращение по отношению к женщинам и вообще проявление всякого рода нескромности к населению;
- 7) выходить из занимаемой квартиры и находиться вне её позже 9 часов вечера;
- 8) разговаривать в публичных местах на немецком языке⁵.

Точное количество военнопленных, находившихся в годы войны на территории Вологодской губернии, определить сложно: вопросами содержания и надзора занимались сразу несколько гражданских и военных ведомств. Высланные гражданские числились за Министерством внутренних дел, а пленные с театра военных действий – за Военным министерством. Всего в Вологду к концу августа 1914 года прибыло более 5000 человек. Большая часть из них – около 3000 человек – были размещены в Вологде, остальные партиями распределялись по уездам.

К началу 1915 года в Сольвычегодский уезд было водворено на жительство более 470 человек, а в городе Сольвычегодске размещено 1474 человека. В Великом Устюге – 429, а в уезде 306 человек⁶. В 1916 году в Сольвычегодском уезде проживали уже больше 1600 интернированных, не считая города Сольвычегодска, который также был переполнен⁷.

Германские и австрийские подданные водворялись под надзор полиции, проживали за свой счёт, по возможности размещались группами. МВД рекомендовало местным властям предоставить высланным «пользоваться в смысле жизненных удобств лишь самым необходимым»⁸.

В 1914 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» сообщалось: «в деревне, из которой все лучшие работники ушли на войну, где старики и дети принуждены работать за двоих, содержание пленных является непосильным бременем. Каждая сотня пленных требует соответственного количества хорошо вооруженной стражи, а для такой службы нет ни людей, ни вооружения»⁹.

В феврале 1916 года в Сольвычегодском уезде насчитывалось 3 полицейских надзирателя по наблюдению за военнопленными и 15 конных стражников, в Великоустюгском уезде – 1 надзиратель и 5 конных стражников¹⁰. Малочисленный состав полиции не мог вести постоянное наблюдение за пленными, поэтому хозяева, сдающие им комнаты, были обязаны следить за отлучками своих квартирантов и в случае их отсутствия с 9 вечера до 6 утра сразу же заявлять полиции. Такая же обязанность лежала на самих иностранцах, живущих по соседству¹¹.

Гражданские пленные размещались в домах местных жителей. При этом сами хозяева зачастую оставались в худших условиях, чем квартиранты: в целях получения квартирной платы они отдавали лучшие комнаты, где поселялось по 2–5 человек. В сохранившейся открытке, отправленной в Германию из Сольвычегодска в 1915 году, один из пленных пишет родным, что живёт в комнате, оклеенной обоями, с европейской обстановкой. Читает русские газеты, немецкие книги и даже раздобыл себе гитару, чтобы не скучать без музыки. Погода прекрасная, и он совсем не мёрзнет.

Тем не менее, пленные жаловались на условия пребывания. В 1916 году иностранцы, размещённые в г. Красноборске и деревнях Березонаволоцкой волости – Васево, В. Двор, В. Чаща, Завачевская, Березов Наволок, Чеботаевская – писали в Бюро помощи американского посольства о невыносимых условиях жизни. Местность болотистая, из-за чего весной и летом свирепствует малярия, медицинской помощи нет, комнаты кишат насекомыми, продовольствия недостаточно и оно дорого, местное население враждебно, а налагаемые взыскания делают их жизнь нестерпимой. Однако после проверки условий жизни более 80 человек, размещённых в частных домах, выяснилось, что комнаты, где размещаются иностранцы – большие, просторные и «удовлетворяют в санитарном отношении», так как среди пленных не было ни эпидемических, ни каких-либо ещё заболеваний; если же в комнатах появляются насекомые, то в этом виноваты сами пленные и их «неопрятная жизнь». В селе Верхняя Троица имеется фельдшерский пункт, а в центре Березонаволоцкой волости приёмный пункт с врачом. Цены на продукты ниже, чем в остальных частях уезда. Жалобы плен-

ных связали с их желанием перевестись в Сольвычегодск, куда «стремятся перебраться все 1614 человек», размещённых в уезде, постоянно «заваливая прошениями уездного исправника»¹².

Большая часть пленных на военной службе никогда не состояли или были не годны по состоянию здоровья. Они получали медицинскую помощь на тех же условиях, что и местное население. Некоторые подавали прошения о переводе в Вологду для проведения необходимого лечения. Как правило, такие прошения отклонялись за отсутствием доказательств диагноза¹³.

В Ильинско-Подомскую и Никольскую волости Сольвычегодского уезда первые группы пленных начали прибывать уже в середине августа 1914 года. Они были размещены в сёлах Ильинском и Никольском, а также в деревнях: Мухонская, Воронцово, Дудина Гора, Плешивица, Борзуново, Дьяконово, Остров, Елезово. Прибывшие иностранцы были высланы в основном из Петрограда и прибалтийских городов: Риги, Ревеля, Вильно, Либавы. Среди высланных значились инженеры, конторщики, скульпторы, коммерсанты, люди рабочих профессий¹⁴. К некоторым приезжали семьи: в августе 1915 года в селе Никольском с Генрихом Янке поселились жена Каролина и семь детей, а к Роберту Ристау приехали жена Ольга и двое детей¹⁵.

Ежедневно, утром и вечером, стражник проверял, все ли пленные находятся на своих квартирах. Больших ограничений для передвижения иностранцев в пределах деревни или села, в которых они размещались, а также охраны для ограждения их от местного населения не было. Если пленным требовалось отлучиться от места жительства больше, чем на одну версту, они подавали прошение полицейскому стражнику и получали соответствующее разрешение. В воскресные и праздничные дни разрешения не выдавались во избежание столкновений с местным населением.

Если пленные были замечены в нарушении обязательного постановления губернатора, то после проведения расследования они наказывались тюремным заключением от 1 недели до 3 месяцев. В тюрьму добирались пешим этапом. Например, расстояние от с. Ильинского до г. Сольвычегодска проходили за трое суток: останавливались на отдых, ночлег и смену охраны через 25 вёрст в с. Никольском и на следующий день через 30 вёрст в д. Княжице¹⁶. Если пленные без разрешения полиции уходили от дома дальше, чем на версту – в другую деревню за продуктами, в лес за грибами, к парикмахеру или в гости – такие случаи заканчивались тюремным заключением.

Отсутствие постоянной охраны приводило к попыткам побега. 30 августа 1915 года немец Альфред Карл ушёл из д. Дудина Гора, оставив записку товарищам: «Уже 10 дней мой товарищ Эбергардт блуждает в лесу, я принял решение его разыскать и помочь ему. Я прошу принять к себе оставленные мною вещи. Лампа, балалайка и занавески принадлежат моей хозяйке и должны быть при вашем отъезде ей доставлены, до того же – ваша собственность». Как выяснилось, соотечественник Карла Эбергардт сбежал из-под стражи при переводе в с. Никольское. Карл отправился искать своего товарища и встретил его в лесу в 10 верстах от с. Ильинского. 2 сентября они вышли к деревне в 24 верстах от ст. Луза и попытались уговорить местного крестьянина отвезти их об-

ратно в с. Ильинское, так как «они не могут больше идти». Крестьянин отказался и заявил в полицию¹⁷.

Вильгельм Дейн и Макс Танк заблудились в лесу, начинавшемся в 200 метрах от с. Никольского. Проблуждав до полуночи, пленные вышли к д. Алешевской и остались там переночевать, а в 4 утра вернулись в Никольское. Эта прогулка была воспринята как попытка побега, поэтому иностранцы провели в тюрьме 2 месяца¹⁸. Немцы Павел Прейс, Дитрих Фламме и Антон Тринкс отправились купаться «потому, что вода в реке Виледь хорошая», ушли слишком далеко от с. Никольского и были отправлены в тюрьму на 1 месяц¹⁹. Так же неудачно искупались Герман Эрнст и Павел Шмидт, попав в тюрьму на две недели²⁰.

В июле 1915 года в Никольском произошло небольшое столкновение между крестьянами и пленными. Матрос Карл Шмоль, Генрих Штельман и Ганс Левин приготовили пиво. Распробовав его, они выскочили на улицу и стали с кулаками бросаться на местных жителей, метались по улице, размахивали палками, кричали, что сожгут село и снесут всем головы. После ареста они разбили стекла, разломали рамы, выдернули решётки в здании волостного правления и выбрались на улицу. Задержать их удалось только с помощью их же соотечественников. В дальнейшем они были расселены в наиболее удалённые местности уезда. Местные жители охарактеризовали пленных как людей «очень опасных и способных на все. В страдное время, когда почти все население находится на полевых работах, таких людей нельзя оставлять без охраны»²¹.

В 1916 году сольвычегодский уездный исправник докладывал, что местное население к военнообязанным настроено враждебно, но все недоразумения разбираются полицией немедленно, а виновные привлекаются к ответственности²².

Многие высланные оказались в положении безденежья: денежные источники в условиях войны оказались отрезаны от владельцев, на выдачу средств с банковских счетов наложены ограничения. В августе 1914 года вологодским губернатором был разрешён приём иностранцев на работу при условии, что местное население не будет ущемлено²³. Почти сразу же после появления германских и австрийских подданных ими заинтересовались как квалифицированными специалистами, но чаще власти отвечали отказом на прошения о приёме на работу и пленным, и предпринимателям, которые предлагали рабочие места.

Поскольку иностранцы высылались под надзор полиции, то, согласно Положению о полицейском надзоре, им также не разрешали преподавать: вести уроки иностранного языка среди местных жителей или русского языка для соотечественников, а также работать в типографии или книжном магазине. Отклонялись прошения иностранцев о переводе в Вологду для работы по специальности – на производстве колбас или конфет²⁴.

В сентябре 1914 года в газете «Вечернее Время» вышла заметка «Любитель немецкого труда», в которой говорилось: «Взрыв народного негодования против немецкого засилья, охвативший всю Россию, не достиг только, вероятно, города Великого Устюга. Водяными сообщениями в городе заведует немец, некий Гартван. Этот человек уже лет 10 производит укрепление берегов Сухоны.

Что летом и осенью укрепит, то весной лед почему-то снесет. Работы обходятся очень дорого, но что за дело немцу до русской казны».

Инженера-строителя К.Я. Гартвана обвиняли в том, что он уволил местных рабочих и заменил их высланными иностранцами, которым платит больше. Разлив реки весной 1914 года был большим стихийным бедствием, причинившим огромные разрушения не только в городе, но и во многих прибрежных местностях уезда. Часть укреплений была снесена большим напором льда. В августе Гартван начал принимать на работу германских подданных. В среднем, ежедневно на 360 рабочих приходилось 8 иностранцев. За работу они получали до 80 копеек – меньше, чем русские.

Идея предоставления работы высланным принадлежала губернатору Лопухину. Он считал, что лишение возможности заработать обрекает людей, не имеющих средств к существованию, на голодную смерть. Губернатор просил содействия у местных организаций, считая, что область физического труда в губернии велика и в ней найдется место каждому желающему работать²⁵.

Участие в Первой мировой войне массовых армий привело к появлению огромного количества военнопленных. Всего в России за время войны оказались более 2 млн. военнопленных, примерно 1,5 млн. из них составляли солдаты и офицеры австро-венгерской армии²⁶. На втором году войны военнопленных стали распределять по уездным городам и даже в деревни. Размещение на территории России было организовано по национальному принципу. В привилегированном положении оказались военнопленные славянского происхождения из Австро-Венгрии. Пленных же немцев, австрийцев и венгров отправляли, как правило, подальше от центра²⁷.

Условия содержания военнопленных отвечали требованиям Гаагской конвенции 1907 года, которая предписывала гуманное отношение к пленным. Их предписывалось содержать в бараках и землянках, в крайнем случае в частных домах, но обязательно «казарменным порядком». Военнопленных обеспечивали медицинской помощью, пайковым питанием, одеждой, бельём и обувью. Рекомендовалось соблюдать экономию – вещи не должны быть лучшего качества, чем обычно употребляются местными рабочими. Кожаные сапоги заменялись обувью, непригодной для похода – ичиги, лапти. Предписывался обязательный отдых в воскресенье или ближайший следующий день. Труд военнопленных оплачивался, но около 50 % заработка шло на компенсацию расходов по их содержанию. Офицеры были освобождены от работ – на них лежала обязанность по надзору за нижними чинами²⁸.

В марте 1916 года директивой Главного управления Генерального штаба предписывалось привлекать к работе всех трудоспособных военнопленных. Их начали использовать на общественных, оборонных, сельскохозяйственных работах, на лесозаготовках и строительстве железных дорог.

В октябре 1916 года Великоустюгская земская управа запросила разрешение у штаба Московского военного округа на использование труда военнопленных на земских дорожных работах и в помощь населению при сельскохозяйственных работах. Так, для строительства грунтового подъездного пути от Красавинской льнопрядильной фабрики к станции Савватия Пермской железной дороги

требовалось 200 человек, которые могли бы работать с 15 мая по 1 сентября 1917 года. В 1914 и 1915 годах работой занимались местные подрядчики Елфинов, Гладышев и Делягин; затем одного из них мобилизовали на военную службу, работы стоили очень дорого и продвигались медленно. От Красавино до Северной Двины дорога была проложена фабрикой Грибанова, через полой сделан мост на сваях. Ответственность за продолжение дороги на другом берегу реки лежала на Великоустюгском уездном земстве. Требовалось вырубить и выкорчевать просеку, срезать набережный угор, вывезти песок. Предполагалось или отложить строительство до окончания войны, или привлечь к работе военнопленных, так как выполнить работы своими силами было невозможно из-за нехватки рабочих рук.

В марте 1916 года потомственный почётный гражданин, землевладелец Великоустюгского уезда Николай Тарутин просил у губернатора разрешения взять на работу 8 германских подданных из землевладельцев, высланных в Устюг, в имение Губино Удимской волости. Оно находилось в 60 верстах от Устюга и в 6 верстах от ст. Котлас, в 5–6 верстах от Северной Двины; считалось культурным и образцовым по ведению сельского хозяйства. Выращенное зерно шло на семена крестьянам и «своими хорошими свойствами способствовало урожаю». Владельцы имения, где большие площади были засеяны хлебами и пропадали обширные сенокосы для молочного хозяйства, в условиях войны не могли рассчитывать на местных рабочих и просили о помощи. Однако землевладелец Тарутин, в отличие от других местных хозяйств, получил отказ в приёме на работу высланных в Устюг гражданских и военнопленных.

Из-за незнания местности только что назначенным приехавшим уездным исправником имение Губино, как находящееся на берегу реки, было отнесено в сферу военного положения, которое объявлено по рекам Северной Двине и Сухоне. «В Котласе на р. Северной Двине живущие военнопленные ходят без всякого надзора на всех железнодорожных путях и на пассажирской платформе, а здесь, в имении Губино, отстоящем от реки в 5 верстах, жить и работать германским подданным не позволено!» – писал управляющий имения Аркадий Тарутин губернатору Лопухину. Лишь после того, как А.Н. Тарутин в отчаянии телеграфировал вологодскому губернатору, что положение в имении критическое, он получил разрешение принять на работу 8 военнопленных славянского происхождения²⁹.

Поскольку пленные постоянно перемещались с места на место, переходили в распоряжение разных ведомств в зависимости от занятости, определить точное их количество было сложно. В декабре 1916 года уездным исправникам предписывалось сообщить количество военнопленных, находящихся на территории уездов. В январе 1917 года были получены телеграммы: сольвычегодский исправник Воронцов рапортовал, что «неприятельских военнопленных», то есть тех, кто захвачен на театре военных действий, в Сольвычегодском уезде нет; а великоустюгский исправник Горталов сообщил, что на фабрике Грибанова находятся 97, в Котласе 100 человек. Чуть позже на станцию Котлас из Вятки прибыли ещё 45 человек, которые находились в распоряжении начальника очистки линии пути.

В декабре 1916 года на 16-м участке службы пути Пермской железной дороги в районе станции Котлас находились 55 военнопленных австрийских подданных, которые занимались заготовкой топлива и ремонтом дороги. В марте 1917 года на Пермскую железную дорогу требовалось до 2000 рабочих для ремонта и укрепления пути при таянии снега, а также котельщиков, кузнецов, молотобойцев, чернорабочих³⁰. Видно, что большую часть пленных привлекали к малоквалифицированным и тяжёлым работам. В январе 1916 года пленные, работавшие на станции Котлас, на несколько дней приостановили работы, выставив требование повысить им заработную плату, и железнодорожная администрация пошла им навстречу³¹.

Процесс возвращения пленных, начавшийся после подписания 3 марта 1918 года в Брест-Литовске мирного договора, положившего для России конец Первой мировой войне, проходил сложно, и может стать отдельным предметом для изучения. В целом же тема пребывания военнопленных на территории Вологодской губернии очень широкая и охватывает множество разных сторон жизни³², поэтому не может быть освещена в рамках одной статьи.

¹ Трошина Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы первой мировой войны. Архангельск, 2014. *Здесь и далее в сносках номера страниц и листов архивных дел не приводятся по недосмотру автора. – Прим. ред.*

² Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 5426. Л. 29.

³ Трошина Т.И. Указ. соч.

⁴ Коновалов Ф.Я., Вельямидов К.А. Немецкие и австрийские военнопленные на территории Вологодской губернии в годы Первой мировой войны // 1941–1945: уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 24–25 февраля 2005 г. Вологда, 2006.

⁵ Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.

⁶ Коновалов Ф.Я., Вельямидов К.А. Указ. соч.

⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8783. Л. 15 об.

⁸ Коновалов Ф.Я., Вельямидов К.А. Указ. соч.

⁹ Славнитский Н.Р. Немецкие и австрийские военнопленные в петроградских газетах в 1914 г. // Военная история России XIX–XX вв.: материалы VII международной военно-исторической конференции. СПб., 2014.

¹⁰ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8718. Л. 14.

¹¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5426. Л. 28.

¹² ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8783.

¹³ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8377.

¹⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8381.

¹⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8377.

¹⁶ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8911.

¹⁷ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5981.

¹⁸ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5989.

¹⁹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 6039.

²⁰ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 6647.

²¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 6167.

²² ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8783. Л. 7–7 об.

²³ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5426.

²⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8377.

²⁵ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5426.

²⁶ Новикова И.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные на строительстве Мурманской железной дороги // Военно-исторический журнал. 2006. № 2.

²⁷ Кугуелов А.Г. Проблема военнопленных в годы Первой мировой войны // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. 2008. Вып. 1.

²⁸ ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3043.

²⁹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8786.

³⁰ ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8925.

³¹ Коновалов Ф.Я., Вельямидов К.А. Указ. соч.

³² См. например: Наумов А.Н. Военнопленные немцы в Кемской волости 1915–1918 гг. Петрозаводск, 2006. 216 с.; Уткин А.Н. Иностранцы подданные в Сольвычегодском уезде. 1917–1918 гг. // Двинская земля. Вып. 3. Вельск, 2004. С. 270–276.

Е.В. Зорина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО УЕЗДНОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КОМИТЕТА (7 МАРТА 1917 г. – 1 МАРТА 1918 г.)

В результате победы Февральской революции 1917 года российская монархия была свергнута, и к власти в стране пришло Временное правительство, выполнявшее законодательно-распорядительную и исполнительную функции.

В Великом Устюге известие о свержении самодержавия было получено 28 февраля. Рабочие отреагировали на него, организовав митинг и демонстрацию. 4 марта пришла телеграмма об отречении Николая II от престола. Новость о государственном перевороте устюжане приняли по-разному: кто-то радовался, кто-то в подавленном состоянии ждал тяжёлых последствий. 5 марта в городской управе состоялось собрание, на котором была создана временная комиссия для подготовки избрания состава временного уездного комитета. 7 марта в помещении Всесословного клуба был организован Великоустюгский уездный временный правительственный комитет (далее – УВК), представлявший новую, буржуазно-демократическую власть. В это же время продолжали работать городская дума и уездное земство.

Первоначально в составе УВК насчитывалось 15 человек – представителей различных общественных и политических организаций, в том числе от городской думы и уездного земства. 25 марта был создан Великоустюгский совет рабочих и солдатских депутатов, представлявший революционно-демократическую власть. От него в состав УВК вошли 3 делегата. От временного комитета в исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов были избраны И.Я. Львов и Н.В. Левитский. Должность председателя УВК занял агроном I разряда, социал-демократ Иван Юкумович Дамберг¹. Товарищем председателя стал социалист-революционер (эсер) Иван Яковлевич Львов, редактор газеты «Волна», владелец фанерного завода «Новатор» и типографии в Великом Устюге². Лидирующее положение в комитете занимали эсеры и меньшевики. К июню 1917 года в составе УВК насчитывалось более 50 человек. Это были

представители от всех учреждений, обществ и групп города, в том числе появившихся после февральских событий, от волостей и воинских подразделений. Например, от Партии народной свободы (кадеты) были избраны А.П. Ажисантов и Н.В. Городецкий, от правления союза служащих Великоустюгского уездного земства – Ф.М. Меньшиков, от союза учителей – Ю.А. Постникова, и другие³.

С первых же дней готовность работать «на благо Родины» совместно с УВК выразили воинский начальник, прокурорский состав, мужская и женская гимназии, местное духовенство во главе с епископом Алексием, казначейство, отделение государственного банка, окружной суд и канцелярия, общество приказчиков и другие государственные и общественные организации. В дальнейшем УВК направлял во многие из них своих представителей. Например, Н.Н. Добрецов представлял УВК в уездном воинском присутствии⁴, А.К. Попов и Ф.В. Шитиков – во временном великоустюгском уездном школьном комитете, учреждённом 2 июня 1917 года для заведывания всеми учебными и административными делами, касающимися начальных училищ и внешкольного образования Великого Устюга, Лальска и уезда⁵, и т.д.

Средства на содержание тех органов или отделов комитетов, которые по поручению Временного правительства или его представителей исполняли функции органов правительственной власти на местах, с разрешения МВД должны были поступать от казначейства⁶. Но на деле УВК действовал преимущественно за счёт добровольных пожертвований и займов, которые предоставляло земство. Так, в июне 1917 года через газету «Волна» УВК сообщил населению, что не располагает никакими денежными средствами, и «все свои расходы по организации уезда, содержанию канцелярии, телеграфа и почты производит из 3000 рублей, позаимствованных у уездного земства»⁷. В отчёте о движении средств, находящихся в распоряжении УВК на 1 октября 1917 года, указываются следующие поступления на сумму 3251 руб. 36 коп.: от местной уездной земской управы – 2500 рублей; частные пожертвования; пожертвования от разных мест и лиц в пользу семей павших борцов за свободу, в пользу политических ссыльных, в распоряжение Временного правительства, на нужды армии и в пользу освобождённых из местной тюрьмы арестантов. Расходовались средства, в основном, на содержание служащих комитета и канцелярские принадлежности; пожертвования переводились по назначению. Всего было израсходовано 3052 руб. 56 коп.⁸

УВК выпускал «Известия уездного правительственного временного комитета», где до сведения населения доводились все поступления и расходы денежных средств, там же публиковались новости и постановления. Газета выходила бесплатно, печаталась в типографии Седельниковых, получить её можно было в комитете⁹. Новости и указания Временного правительства на отдельных листках выпускала газета «Волна», печатавшаяся в издательстве И.Я. Львова с мая 1917 года. Культурно-просветительная комиссия при Великоустюгском уездном земельном комитете издавала «Известия по земельному вопросу», которые печатались в типографии «Кооператива свободной печати» и продавались по 8 копеек¹⁰. От Вологодского губернского временного комитета для распростра-

нения УВК получал газету «Губернские ведомости», из которой можно было узнать о событиях, происходивших в стране; и множество других периодических изданий¹¹.

В марте 1917 года согласно утверждённому 9 марта Вологодским губернским временным комитетом «Положению о временных волостных комитетах» УВК начал организацию новых органов власти. Временные волостные комитеты создавались, чтобы предупредить анархию, вызванную упразднением старых учреждений. Действовали они как временные органы до создания новых. Волостные комитеты должны были выполнять все дела бывших волостных правлений; разъяснять и проводить в жизнь постановления нового правительства; проводить мероприятия, направленные на освещение нового политического положения и на подготовку к созыву Учредительного собрания; пропагандировать денежную поддержку нового правительства; заботиться о снабжении населения продовольствием, о его сельскохозяйственной жизни; содействовать проведению экономических мероприятий, вызываемых потребностью военного времени. На волостные комитеты возлагалось также распределение казённого пособия семьям призванных воинских чинов и суточного довольствия эвакуированным чинам, которыми раньше занимались волостные старшины. В состав волостных комитетов входили 3 представителя, избранные всенародным и всеобщим собранием волости¹².

На основании Декрета Временного правительства от 13 марта 1917 года были учреждены должности губернского и уездного комиссаров. Уездный комиссар являлся высшим представителем в уезде власти Временного правительства. Он был посредником между губернским и уездным комитетами, и, действуя как помощник губернского комиссара, осуществлял надзор за соблюдением местными властями законов, постановлений и распоряжений правительства. О наиболее выдающихся событиях, происходивших в уезде, комиссар должен был сообщать по телеграфу в МВД. По постановлению Временного правительства от 19 марта упразднялись должности земских начальников, их обязанности переходили к уездным комиссарам.

Содержание уездного комиссара и канцелярии в месяц составляло: комиссар – 450 руб., его помощник – 300 руб., секретарь – 200 руб., письмоводитель – 150 руб., рассыльный – 75 рублей. В мае 1917 года отдел по делам местного самоуправления прислал циркуляр, содержащий сведения о довольствии губернских и уездных комиссаров и их помощников: суточные при разъездах в пределах губернии – 5 руб., в пределах уезда – 3 руб., за пределами губернии – 10 руб., при поездках в столицу – 15 рублей. Также производилась оплата билетов. Все расходы должны были подтверждаться надлежащими документами, которые представлялись губернскому комиссару для проверки¹³.

Так как комиссары должны были осуществлять надзор за деятельностью всех должностных лиц и учреждений, Министерство внутренних дел не одобряло совмещение должности комиссара с другими постами, однако в Великоустюгском уезде с 15 марта до 28 декабря 1917 года уездным комиссаром являлся председатель УВК И.Ю. Дамберг. Дамберг также был уполномоченным от Вологодского губернского земства по поставке сена для нужд казармы и предста-

вителем Вологодского губернского комитета по поставке скота в армию. На время отъезда Дамберга обязанности уездного комиссара исполняли податной инспектор I участка Болотов¹⁴ или Львов, который брал на себя и обязанности председателя УВК.

Судебные функции до преобразования местных судов переходили к утверждавшимся губернскими комиссарами временным судьям. 20 апреля в Великом Устюге прошли выборы в мировые судьи. По Великоустюгскому уезду избраны Р.М. Дробыш-Дробышевский (бывший земский начальник), А.И. Сатрапов (бывший городской судья) и П.С. Соболев (младший кандидат на судебную должность при Великоустюгском окружном суде)¹⁵.

В марте 1917 года «в целях сохранения общественной безопасности и спокойствия» УВК получил указание создать народную милицию вместо упразднённой полиции. Постановлением Временного правительства от 17 апреля «Об учреждении милиции» деятельность уездной народной милиции была закреплена законодательно. По указанию временного губернского комитета кредиты уездных полицейских управлений по смете МВД на 1917 год должны были состоять в ведении УВК. Начальник милиции подчинялся уездному комиссару и органам местного самоуправления. Первым начальником Великоустюгской уездной народной милиции стал Рафаил Михайлович Дробыш-Дробышевский. Город и уезд находились в ведении начальника милиции, при котором имелся заведующий канцелярией. В городе числились заведующий городским районом милиции, 3 его помощника и 24 милиционера. В уезде насчитывалось 3 уездных милицейских района, во главе которых также стояли заведующие «милиционными» районами. Приём в милицию производился начальником милиции. Служащим выдавались удостоверение личности, оружие и знак. Вооружение милиционеров составляли оставшиеся от прежней полиции револьверы системы «Наган». Форма отсутствовала. Жалование милиционера составляло 75 рублей¹⁶.

21 апреля 1917 года вышло постановление Временного правительства об учреждении земельных комитетов «для подготовки земельной реформы для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». Создавались главный и местные (губернские, уездные, волостные) земельные комитеты, находившиеся в ведении министерства земледелия. Губернские комитеты состояли из представителей уездных земельных комитетов, а последние – из представителей существующих волостных исполнительных комитетов, по одному от каждого. Порядок избрания волостных земельных комитетов определялся уездным земельным комитетом¹⁷. Великоустюгский уездный земельный комитет в июне 1917 года возглавил И.Я. Львов.

Весной-летом 1917 года Временное правительство приняло ряд законов, касающихся земских учреждений. Объём полномочий земств значительно расширился. Общий надзор за земствами осуществлял губернский комиссар. Наблюдение за деятельностью волостных земств возлагалось на уездного комиссара. Исполнительным органом земства стала милиция. Органами власти на местах были уездные земские собрания. Выборы гласных в новое всесословное земство в Великом Устюге состоялись 31 августа.

Большое внимание новое правительство уделяло решению продовольственного и топливного вопросов. На основании распоряжения министра земледелия от 4 марта 1917 года в Вологодской губернии были учреждены уездные продовольственные комитеты для организации продовольственного дела и заготовок продуктов для армии в уездах. В Великоустюгский уездный продовольственный комитет вошли 32 человека, в числе которых были два представителя от УВК. В обязанности комитета входили контроль за деятельностью волостных продовольственных комитетов; учёт продовольственных запасов, семян и фуражных продуктов в уезде; распределение продовольствия среди населения; организация сбора и доставки хлеба, фуража, продовольствия и скота на станции отправления по распоряжениям губернских продовольственных комитетов; производство денежных выплат за продукты, закупаемые уполномоченными; выполнение всех поручений уполномоченных по продовольствию¹⁸.

17 марта продовольственная комиссия (А.К. Попов – председатель, Н.Н. Добрецов – секретарь, А.П. Азов, И.Ю. Дамберг, А.В. Павлушков, Н.П. Пономарёв – члены комиссии) постановила обследовать запасы продуктов первой необходимости. Всем коммерсантам, банкам, землевладельцам, собственникам и арендаторам мельниц, владельцам булочных и крендельных заведений, а также собственникам и арендаторам кладовых, осведомлённым о местонахождении продовольственных продуктов, было предложено предоставить в комитет сведения о количестве хлеба, муки, масла, кормовых, мыла, спичек, махорки. В случае дачи неправильных сведений, скрытые запасы конфисковались, а виновные лица признавались противодействующими Временному правительству, их фамилии оглашались для всеобщего сведения. Вывоз перечисленных продуктов за пределы уезда без разрешения комитета был запрещён. Разрешалась продажа продуктов первой необходимости в пределах уезда из частных запасов мелкими партиями¹⁹.

В апреле Великоустюгский продовольственный комитет внёс предложение о создании самостоятельного продовольственного района из пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии с единым центром в Великом Устюге, Котласе или Сольвычегодске и особым уполномоченным во главе²⁰. 12 июня Вологодский губернский продовольственный комитет отклонил просьбу, посчитав, что это только затруднит снабжение уездов.

Несмотря на предпринятые Временным правительством меры, нормализовать снабжение населения продовольствием в нужном количестве не удалось. Повлияла на это и несогласованность действий уездной и губернской продовольственной управ. Так, в августе 1917 года в документах отмечалось, что губернская продовольственная управа отправляла продукты, не указывая расценки на них. Это привело к тому, что уездный продовольственный комитет продавал их себе в убыток. Случалось, что комитету приходилось «производить дополнительное взыскание с населения денег за купленную ранее и уже съеденную муку»²¹.

В июле 1917 года был создан Великоустюгский уездный комитет по топливу²². В начале августа нехватка керосина привела к отпуску его по карточной системе по 3 фунта на человека в месяц. Не было в городе и достаточного ко-

личества дров. Продажа денатурированного спирта для согревания и приготовления пищи, несмотря на его огромные запасы на местном казённом винном складе, была прекращена. 8 августа жители Великого Устюга обратились в УВК с прошением возобновить продажу спирта. В ответ на прошение УВК принял меры «по обеспечению населения керосином в виду приближающейся зимы»²³.

5 мая 1917 года Временным правительством было учреждено Министерство труда, которое в числе прочих задач брало на себя и регулирование трудовых конфликтов. Создаются разного рода примирительные учреждения. Так, на заседании УВК 21 июля 1917 года было утверждено Положение о примирительных камерах. Камеры служили для ликвидации всех возникающих недоразумений между хозяевами предприятий и их рабочими и служащими. От каждой из сторон избирались по 3 человека, все вопросы решались большинством голосов. Постановления таких камер являлись обязательными. 29 июля представителем в примирительную камеру от УВК был избран Александр Васильевич Барышев²⁴.

После проведения основных преобразований УВК занимался делами, касающимися избирательных прав в Учредительное собрание, взысканием сборов в пользу казны, отсрочками призыва служащих в милиции, санитарно-гигиеническим состоянием Великого Устюга, незаконной вырубкой лесов, направлением на работы военнопленных, проведением кружечных сборов. Рассматривались также дела об отчуждении недвижимости для занятия земель сооружением железнодорожной ветки от станции Котлас до станции Вычегда. 1 июля 1917 года рассматривался вопрос об установлении цен на почтовые конные станции Великоустюгского уезда²⁵. Решались и другие повседневные вопросы.

В начале 1917 года государство нуждалось в деньгах. Временное правительство приняло решение выпустить заём. В марте с этой целью из Вологды УВК получил 1000 экз. возвания «Заём Свободы» для распространения среди местного населения через волостные комитеты, два тюка с печатным материалом по займу свободы поступили в мае²⁶. 12 марта в Великом Устюге прошёл кружечный сбор в пользу семейств «борцов, павших за свободу»²⁷. 13 августа для распространения облигаций среди населения Великого Устюга был устроен День займа свободы. Состоялось шествие по городу, продавались облигации займа и открытки с сюжетами, относящимися к займу. Удалось собрать 427380 рублей²⁸.

Немало проблем было у комитета в связи с имевшимся в городе винным казённым складом, имевшим стратегическое значение. 24 марта 1917 года управление акцизными сборами Вологодской губернии обратилось в УВК с просьбой принять меры по охране имеющихся запасов спирта. В обращении говорилось: «Спирт крайне необходим для военных надобностей, в частности для пороховых заводов, и потому содействие к сохранению его запасов Временное правительство признаёт неременным долгом всех граждан. При таких условиях спирт может подлежать уничтожению лишь в случае крайней необходимости, признанной местными властями»²⁹.

Опасная обстановка сложилась в середине мая 1917 года. 16 мая к Устюгу подошли баржи с водкой, которую следовало отправить на переработку в спирт на Великоустюгском казённом винном складе. В этот же день проезжающие солдаты похитили с баржи 6 или 7 ящиков. Было созвано совещание представителей организаций, уездного временного комитета, совета рабочих и солдатских депутатов с членом губернского комитета Серовым, на котором констатировали факт возникшей угрозы, так как в городе появилось большое количество пьяных, а на берегу против стоянки барж собирались группы и по реке разъезжали лодки с явным намерением приблизиться к баржам. Совещание выработало ряд мер охраны по дальнейшей разгрузке.

Вечером вновь поступило сообщение о скоплении толпы и новом расхищении вина. В толпе были слышны угрозы разгромить винный склад в случае увода барж. Комитет решил немедленно отправить баржи к Вологде. 18 мая к Устюгу подошли баржи с водкой из Тотьмы. Временный комитет отправил баржи в Вологду, отказавшись их принять. Вологодскому губернскому комиссару были направлены пояснения о том, что баржи с 13 тыс. ящиков водки будут находиться на открытом рейде реки Сухоны и привлекут внимание солдат, едущих ежедневно на пароходах с «известным губернскому комиссару настроением, которое создаст для них непреодолимый соблазн к вину». Кроме того, согласно докладу акцизного надзирателя, разгрузка должна продлиться не менее месяца, а часть ящиков оставалась во дворе склада. В связи с тем, что в Устюге в это время предстояли религиозные праздники с большим скоплением народа, УВК не только отказался брать на себя ответственность, но и принял решение при необходимости в критический момент уничтожить водку. Своё постановление комитет готов был пересмотреть только в случае постепенного подвоза водки (по одной барже) и наличии охраны не менее 100 человек³⁰. Благодаря принятым мерам, погрома казённого винного склада удалось избежать.

Важным вопросом для уездного комитета стала борьба с пьянством в городе и уезде. В начале августа 1917 года УВК вынес постановление: «просить начальника милиции привлекать каждого гражданина, появившегося в публичном месте в пьяном виде. Публиковать фамилию в местных газетах, не считаясь с положением упившегося. Запросить акцизный надзор о причинах увеличившегося пьянства». 5 августа надзиратель акцизных сборов доложил, что «появление в г. Устюге и уезде значительного числа лиц в явно нетрезвом состоянии возможно объяснить потреблением денатурата..., изготовлением населением суррогатов вина, самокура, ханжи, бражки, пива разных наименований». Комитет постановил, что с 6 августа 1917 года будет применяться новый закон, карающий за пьянство. Виновные подвергались заключению в тюрьму или денежному взысканию³¹.

25 октября 1917 года в ходе вооружённого восстания Временное правительство было свергнуто. 28 октября состоялось экстренное заседание УВК совместно с председателями комитетов совета солдатских и рабочих депутатов, совета крестьянских депутатов и других организаций по поводу событий, происходящих в Петрограде. Были предложены две резолюции – эсером И.Я. Львовым и большевиком И.М. Шумиловым. Ни та, ни другая собрание не удовлетвори-

ли. Резолюция Шумилова о переходе власти в руки рабочих была отклонена практически единогласно. После поправок приняли резолюцию Львова. По этой резолюции УВК признавал, что «петроградские события смогли разыграться только на почве неудовлетворения требований демократии и неразрешённых задач, поставленных революцией». УВК протестовал против свержения Временного правительства и Совета республики накануне созыва Учредительного собрания, предлагал «напрячь все силы против вовлечения населения в гражданскую войну»³².

19–21 ноября 1917 года в Великоустюгском уезде прошли выборы в Учредительное собрание. В Великом Устюге победу одержали кадеты, в уезде – эсеры. Тем не менее, влияние большевиков на народные массы и органы власти усилилось. 28 декабря 1917 года состоялось собрание членов УВК, на котором И.Ю. Дамберг сложил с себя все полномочия. Свой уход он мотивировал требованием, исходящим от комитета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов³³. 29 декабря на должность уездного комиссара был избран Александр Прокопьевич Батаков, председатель Великоустюгской уездной группы социалистов-революционеров³⁴. Председателем УВК стал И.Я. Львов³⁵.

В начале января 1918 года группа солдат, возвратившихся с фронта, начала погром казённого винного склада. В результате вспыхнувшего пожара было много человеческих жертв. Для наведения порядка в городе прибыл отряд красногвардейцев из Вологды. Возглавлял отряд представитель губисполкома, левый эсер В.Ф. Макеев, который должен был содействовать установлению Советской власти в Великом Устюге и уезде. По его предложению 17–21 января был создан объединённый центральный исполнительный комитет советов (ОЦЕКСОВ). В новый комитет вошли городская дума, земская управа, совет рабочих и солдатских депутатов и совет крестьянских депутатов, а также временный правительственный комитет³⁶. А.П. Батаков стал уездным комиссаром по административным делам ОЦЕКСОВА³⁷.

22 января ОЦЕКСОВ прислал в УВК отношение, предлагающее распустить комитет. Однако ликвидационное заседание, где решался этот вопрос, состоялось только 1 марта. Согласно постановлению от 1 марта 1918 года Великоустюгский уездный временный правительственный комитет прекратил свою деятельность, передав всё делопроизводство местному исполнительному комитету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов³⁸.

Таким образом, Великоустюгский уездный временный правительственный комитет работал почти год. Он стал первой революционной властью в Великом Устюге и уезде.

¹ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 1. Л. 121.

² Там же. Д. 2. Л. 57.

³ Там же. Д. 7. Л. 379–380 об.

⁴ Там же. Д. 2. Л. 61.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 53; Д. 6. Л. 507.

⁶ Там же. Д. 2. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 7. Л. 289.

⁸ Там же. Д. 2. Л. 23.

- ⁹ Там же. Л. 55.
¹⁰ Там же. Д. 5. Л. 23.
¹¹ Там же. Д. 1. Л. 13; Д. 16. Л. 27.
¹² Там же. Д. 1. Л. 5; Д. 2. Л. 52 об.
¹³ Там же. Д. 2. Л. 10, 22, 33.
¹⁴ Там же. Д. 2. Л. 2, 9.
¹⁵ Там же. Д. 2. Л. 63.
¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 35; Д. 6. Л. 553; Д. 8 Л. 32.
¹⁷ Там же. Д. 1. Л. 43; Д. 12. Л. 1.
¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 3–4.
¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 55, 57.
²⁰ Там же. Л. 61.
²¹ Там же. Д. 5. Л. 181.
²² Там же. Д. 6. Л. 658.
²³ Там же. Д. 5. Л. 17, 21.
²⁴ Там же. Д. 1. Л. 133, 139.
²⁵ Там же. Д. 3. Л. 58.
²⁶ Там же. Д. 1. Л. 18.; Д. 16. Л. 32.
²⁷ Там же. Д. 2. Л. 57.
²⁸ Чебыкина Г.Н. Великий Устюг. Летописная книга XII – нач. XXI века. Великий Устюг, 2007. С. 97.
²⁹ ВУЦА. Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–16 об.
³⁰ Там же. Д. 6. Л. 363, 363 об., 366.
³¹ Там же. Д. 5. Л. 15–15 об., 21, 38.
³² Там же. Д. 3. Л. 102, 102 об.
³³ Там же. Л. 106.
³⁴ Там же. Д. 2. Л. 46.
³⁵ Там же. Д. 1. Л. 121.
³⁶ Чебыкина Г.Н. Указ. соч. С. 98.
³⁷ ВУЦА. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 3. Л. 178 об.
³⁸ Там же. Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 5. Л. 335.

Д.А. Проц

**ФИНСКИЙ ПЕТРОЗАВОДСК. О РАРИТЕТНЫХ ДОКУМЕНТАХ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ
ПЕРИОДА ОККУПАЦИИ 1941–1944 гг.**

Национальный музей Республики Карелия (далее – НМ РК) хранит внушительную коллекцию материалов, отражающих события периода Великой Отечественной войны. Это не только документы, связанные с Карельским фронтом, но и блок источников периода оккупации Карело-Финской ССР (далее – КФСР) финскими войсками.

Как известно, наступательная операция финской армии, начатая летом 1941 года, привела к полной оккупации двух третей территории КФСР уже к декабрю того же года. Город Петрозаводск также был занят противником. Тяжёлое время оккупации для столицы КФСР продолжалось два с половиной года и закончилось 28 июня 1944 года, когда город был освобождён от захватчиков.

Коллекция фонда «Письменные источники» в собрании НМ РК, связанная с данным периодом, составляет около трёх сотен документальных письменных и печатных свидетельств, имеющих отношение к трагическим событиям эпохи. В представленной работе предлагается к рассмотрению небольшая выборка из этой коллекции раритетных источников, объединённая общим географическим маркером – близостью к Петрозаводску, ставшему в годы оккупации не только финским административным и военным центром, но и самым густонаселённым городом Восточной Карелии¹ как по количеству свободного гражданского населения, так и по количеству лиц, изолированных в лагерях. В этой связи, рассматриваемые исторические материалы могут раскрыть некоторые, прежде всего социально-экономические особенности оккупационного режима не только в столице, но и на всей захваченной территории.

Финское наступление летом 1941 года развивалось настолько стремительно, что советское руководство приступило к срочной эвакуации предприятий и более 300 000 жителей республики на северо-восток страны, а государственных и партийных органов сначала в Медвежьегорск, а затем в Беломорск².

Немалый блок документальных источников НМ РК, в основном из именных коллекций, связан с перемещением граждан в другие советские республики и области РСФСР. Большинство владельцев этих справок, извещений и удостоверений являлись жителями приграничных зон, эвакуируемых в первую очередь, что нашло отражение в количественном отношении: из шестнадцати подобных документов только три принадлежат жителям Петрозаводска. Это:

- удостоверение № 17 от 25 сентября 1941 года Федоровой Е.Н. в том, что она эвакуируется с семьёй из Петрозаводска в связи с военными действиями в северо-восточные области СССР³;

- справка, выданная Печериной Е.П. в том, что она эвакуирована с семьёй из двух человек из Петрозаводска в Еловский район Молотовской области⁴;

- удостоверение Хурмеваара Анны Сепьевны в том, что она вместе с дочерью Хурмеваара Айне эвакуируется из г. Петрозаводска в качестве сопровождающей семью председателя Президиума Верховного Совета КФССР⁵. Удостоверение отпечатано на бланке Президиума Верховного Совета КФССР, заверено оттиском соответствующей печати и подписью секретаря Президиума ВС КФССР Т. Вакулькина. Датируется документ 23 сентября 1941 года, место эвакуации в нем не указано.

Представленные документы связаны с осенним периодом эвакуации, когда военная ситуация была крайне напряжённой и до захвата столицы оставались считанные дни. Уже 1 октября 1941 года Петрозаводск был оккупирован частями VI армейского корпуса генерал-майора П.-Ю. Талвела и вскоре переименован в Äänislinna (Онежская крепость). Об этом событии свидетельствует другой фондовый документ – приложение в виде листовки к газете «Kauppalehti» («Торговая газета») с заголовком «Петрозаводск взят!», отпечатанное 1 октября 1941 года⁶. Лист содержит текст на финском языке под названием «Об успешном захвате нашими войсками г. Петрозаводска», который заканчивается фразой: «Подробности мы сообщим в течение дня».

Вскоре вся оккупированная территория КФССР, включая Петрозаводск, стала контролироваться Военным управлением Восточной Карелии (далее –

ВУВК). Территория республики, подчинённая управлению, делилась на три округа: Олонецкий, Масельгский и Беломорский, в каждом из которых создавались участки во главе с комендантом⁷. Первоначально штаб управления находился в г. Йоэнсуу (Финляндия), но осенью 1941 года переведён в Петрозаводск и размещён на современной площади Ленина, в годы оккупации переименованной в Административную, в здании, где сегодня располагается НМ РК.

В этой связи бесценна находка, сделанная в историческом месте во время ремонтных работ. В ноябре 2004 года в топочной шахте дымохода на первом этаже центрального подъезда рабочие обнаружили спрятанный свёрток газет, в котором находилось несколько номеров центральной финской информационной газеты «Helsingin Sanomat» за февраль и апрель 1942 года⁸. На каждом экземпляре издания на первой странице в левом верхнем углу была приклеена бумажная этикетка с машинописным указанием адресата: «Äänislinna / T[ai]sto Nuttunen / Sove» (г. Яанислинна, Т[айсто] Хуттунен). Очевидно, получатель газет являлся сотрудником финской администрации и работал в одном из помещений этого здания.

В выпуске «Helsingin Sanomat» от 13 февраля 1942 года⁹ опубликован ряд любопытных материалов, посвященных Карелии и северу России:

- статья о росте цен на продукты сельскохозяйственного производства, которые необходимо сделать равными себестоимости;
- материал о выпуске для Восточной Карелии почтовых марок с изображением президента Р. Рютю и главнокомандующего К. Маннергейма;
- заметка о выступлении в Риме профессора Монтини с докладом об эпосе «Калевала»;
- фотография с этикетажом «К северу от Повенца. Наши мальчики отправились в бой в местечко Воляярви»;
- статья «Бомбим Питер и Кронштадт»;
- фотография финского лётчика в материале о боевых действиях авиации и об одном из лётчиков-асов, прибывших на Восточный фронт из Марокко, с текстом: «Наши лётчики-истребители постоянно сбивают самолеты противника на севере Онеги, лётчик “J” сбил 16 самолётов противника, более, чем любой другой финский лётчик»¹⁰.

В номере 102 «Helsingin Sanomat» от 17 апреля 1942 года¹¹ выделяются статьи, где в контексте событий Второй мировой войны упоминается и оккупированная территория:

- «160 млн. марок необходимо, чтобы восстановить Карельские церкви» (в статье приводятся факты, что в ходе военных действий уничтожено 26 лютеранских церквей, 21 католический костёл, 22 папских дома и 25 молитвенных домов);
- «Завершились трёхдневные переговоры Финляндии и Германии по Балтийскому флоту»;
- «Возобновившиеся нападки врага отбиты на всех направлениях. Две тысячи русских погибли на Олонецком перешейке в среду. Воздушные силы разбили автоколонну на льду Финского залива»;
- «Мы вновь бомбим Мурманский порт!»;

- «Советские тюрьмы и трудовые лагеря. Система издевательств превосходит достижения инквизиции».

Обращает на себя внимание реклама лотереи с заголовком «Средства от розыгрыша денег идут для поддержки родственников военнослужащих, которые потеряли своих кормильцев. Самый крупный выигрыш – 3 билета по 300 000 марок».

Здесь же можно увидеть выделенную цитату из речи К. Маннергейма от 14 марта 1940 года: «Я сражался на разных фронтах, но никогда не видел таких воинов, как Вы... жертвы принесены с радостью и без сомнения в выполнении долга».

В № 112 газеты «Helsingin Sanomat» от 27 апреля 1942 года¹² из обнаруженного в здании музея пакета небезынтересны материалы:

- «Полная власть Гитлера» (приводятся слова благодарности А. Гитлера финскому народу за его героические битвы на Восточном фронте);

- обзор докладов о жизни в Восточной Карелии, прозвучавших на конференции в Хельсинки;

- материал военного корреспондента Илпо Кауковалта, озаглавленный «Мастера окружения на любимой работе. 1650 погибших русских в сражении под Пертиярви. На Олонецком перешейке продолжаются сильные битвы»;

- статьи «Продолжается бомбёжка Мурманска» и «1000 погибших врагов под Лоухи».

Как видим, выпуски ведущей газеты Хельсинки, случайно обнаруженные спустя почти 70 лет в Петрозаводске, способны превратиться в редкий источник военного времени, который позволяет интерпретировать события на Восточном фронте с позиции финского правительства.

Между тем, гражданское население Петрозаводска, оказавшееся в зоне оккупации, было вынуждено привыкать к новым социально-политическим и экономическим реалиям, которые во многом определялись национальным фактором, так как финская власть планомерно внедряла в жизнь принцип этнического разделения местного населения. К национальному населению относились карелы (39,6 % от всего населения), финны (8,5 %), ингерманландцы, вепсы, эстонцы и мордва. Естественно, что в группе «ненационального» населения оказались русские (около 46,7 %) и украинцы (1,3 %). Основанием для определения национальности служили национальность родителей, родной язык, а также язык, на котором велось обучение¹³.

Некоренное население КФССР предполагалось депортировать на российскую территорию, оккупированную Германией. Ещё 8 июля 1941 года главнокомандующий финскими войсками К. Маннергейм отдал приказ о возможном заключении таких людей в лагеря. Первый концентрационный лагерь для «ненационального» населения был создан в Петрозаводске 24 октября 1941 года. Первоначально в городе их было семь, затем два объединили.

Помимо возможного заключения, этническая принадлежность влияла на зарплату, распределение продовольствия, свободу передвижения и другие немаловажные сферы жизни. К примеру, различные категории жителей имели разные нормативы продовольственного снабжения: финно-угорскому населе-

нию полагался продуктовый паек, по питательной ценности превосходящий размер для русских, белорусов и украинцев. Всего к концу 1943 года существовало 11 категорий пайков. При распределении продовольствия дополнительными факторами также служили возраст, пол и тяжесть работы¹⁴.

В собрании НМ РК хранится раритетный документ – продуктовая карточка на имя Петра Гаппоева 1890 года рождения¹⁵, датированная 22 мая 1943 года. Такие карточки выдавались этническим финнам, карелам и вепсам. Карточка заверена печатью, в обрезе которой выделяется маркированная цифра «20». Примечательно, что лицевая сторона документа украшена орнаментом в виде многократного изображения медведя зелёного цвета с высунутым языком и вытянутыми вперёд лапами. В период оккупации Карелии эта символика имела у захватчиков огромную популярность¹⁶.

Другой важный аспект жизни – возможность совершать поездки и перемещаться по территории Восточной Карелии – также была узаконена лишь для национального населения, хотя и для него эта процедура имела свою казуистику и требовала оформления целого ряда бумаг.

В фондах НМ РК сохранилось разрешение на поездку в п. Свирь школьнику Юкка Бутылкину¹⁷. На документе, позволяющем свободное перемещение по территории военной администрации Восточной Карелии, вверху мелким шрифтом приведена надпись: «У обладателя данного документа разрешение на (рукой вписано «длительное». – Авт.) пребывание», рядом проставлены номер «684» и дата «12.02.1943 г.». Кроме того, указано, что податель разрешения родился в Суоярвском районе, в деревне Мяки. Дополнительно в графах отмечены учётные данные владельца. Сокращённое слово «koulu» обозначает, что речь идёт о школьнике (фин. kouluinen), который родился 13 апреля 1929 года. Однако главное заключается в том, что обладателю документа с целью посещения родных разрешается проезд из г. Суоярви в п. Свирь. В графе «в поездке сопровождают» строка «дети младше 15 лет» перечёркнута и вместо неё вписано имя «Пааво Кузьмин», а также дата его рождения – 7 ноября 1929 года.

Любопытно, что удостоверение на право перемещения по оккупированной территории выдано лишь на пять дней: с 20 по 25 апреля 1943 года. Документ заверен подписью выдавшего лица без расшифровки и печатью ВУВКа. Между тем, удалось ли подросткам (возможно, двоюродным братьям) совершить поездку к родственникам, ответить уже невозможно: легенда на интересный музейный документ отсутствует. Однако в фонде «Письменные источники» НМ РК хранится не менее любопытная книжка успеваемости на имя того же Павла Кузьмина 1929 года рождения, ученика народной финской школы, о которой речь пойдет ниже¹⁸.

Важно отметить, что образование в условиях оккупации также подразумевало этническое разделение. Согласно обнародованному 5 января 1942 года «Постановлению об основах народной школы в Восточной Карелии» языком обучения признавался только финский, хотя подавляющая часть учащихся была русскоязычной. Это привело к тому, что русские дети первоначально оказались вне учёбы. Первая русская школа была открыта в Äänislinna лишь в конце 1943 года. Правда, через полгода существовало уже 15 школ для русских детей, но

необходимо заметить, что 7 из них находились на территории лагерей. Что касается национальных школ, то, по данным финского школьного руководства, к декабрю 1941 года в Петрозаводске для детей-националов от 7 до 15 лет работало две народные школы, Восточная и Западная. Считается, что из 300 учеников 90 % было вепсами, 8 % карелами и 2 % ингерманландцами¹⁹.

Теперь вернёмся к таблице успеваемости ученика народной школы Павла Кузьмина из фондов музея – в виде многостраничного сброшюрованного бланка, отпечатанного в 1941 году в типографии г. Хельсинки. На форзаце на финском языке набран текст с выдержкой из правил об обязательном начальном образовании в Финляндии, которые вступили в силу 1 августа 1921 года. В параграфе № 3 указано, что «обучение начинается в осенний период при исполнении ребёнку 7 лет, а заканчивается в весенний период при исполнении 13 лет». Когда возникают паузы в процессе учёбы, обучение продлевается до 14 лет. Если же обучение прерывается, ученик обязан продолжить учёбу в течение двух лет.

На второй странице табеля успеваемости указано имя ученика школы: «Raavo Kusmin», и то, что он родился 7 ноября 1929 года в деревне Горнее Шелтозеро, расположенной недалеко от Петрозаводска. Документ сообщает, что П. Кузьмин начал обучение с третьего класса в ноябре 1941 года, а на 13-й странице отмечается, что ученик в 1942–1943 учебном году был переведён в четвёртый класс. Табель успеваемости заверен подписью школьного учителя Тойво Тарвайнена. Оценки в книжке выставлены с учётом принятой в Финляндии 10-балльной системы: «хорошо» – это 9 или 10 баллов, «удовлетворительно» – 8 и 7 баллов, «посредственно» – 6 и 5 баллов, «слабо» – от 4 до 1 балла. Оценку «удовлетворительно» Кузьмин получил по черчению, религии, физкультуре и пению, а «посредственно» – по чтению и письму на финском языке, истории, краеведению, географии и математике.

Безусловно, оккупационная власть использовала систему образования как один из инструментов пропагандистской политики. При этом в школах насаждалось национальное воспитание и делалась попытка привить идею Великой Финляндии²⁰. Что касается учителей в школах Ita-Karjala, то основной набор производился из числа выпускников специальных подготовительных курсов Хельсинкского университета, которые принадлежали к националистическим обществам «Suojeluskunta» («Шюцкор») и «Lotta Svärd» («Лотта-Свиярд»).

Для усиления своей пропаганды в годы войны финны издавали газеты «Свободная Карелия», «Паданские вести» и, специально для русских военнопленных, – «Северное слово». К современным инструментам идеологического воздействия на умы относились радиовещание и система кинопроката. Уже осенью 1941 года финны приступили к строительству в Петрозаводске собственной радиотрансляционной сети, и через несколько месяцев ВУВК получило первый переносной киноаппарат, с помощью которого любой зрительный зал превращался в стационарный кинотеатр.

В первое время концерты, театральные постановки и киносеансы устраивались в сохранившихся зданиях города. Прежде всего, это касается здания кинотеатра «Триумф», построенного в 1912 году на улице Карла Маркса, которая

была переименована в «Valtakatu» (Главный проспект). Но, видимо, предпочтение отдавалось зданию кинотеатра «Сампо», строительство которого началось в 1939 году по проекту архитектора Ю. Русанова. Именно здесь советская власть планировала организовать торжества 7 ноября 1941 года по случаю годовщины революции. После захвата Петрозаводска финские пропагандисты переименовали кинотеатр «Сампо» в «Ukko», в честь главного бога карело-финской мифологии.

В собрании НМ РК хранится интересное свидетельство тех дней, случайно обнаруженное в развалинах этого кинотеатра перед его сносом в 2013 году. Речь идёт о заключении прокатной конторы от 20–22 февраля 1944 года на получение копии американского фильма «The Great Lie»²¹ компании «Warner Bros. Pictures»²² для демонстрации в кинотеатре «Ukko»²³.

Любопытно, что за несколько месяцев до выхода Финляндии из войны пропагандисты ВУВК разрешали демонстрацию голливудских фильмов в Петрозаводске. Чудом сохранившейся документ с литерой «А» содержит вопросник, составленный на финском и шведском языках, а ответы записаны от руки на финском языке за подписью Уно Хюттинена, который, по всей видимости, являлся киномехаником в «Ukko». Как приёмщик ленты он зарегистрировал время получения киноплёнки и оставил свои впечатления от её испытания.

В графе «Состояние фильма при получении» он высказал замечания к качеству плёнки, которая была неаккуратно намотана на бобины, пересохла, а при разматывании потрескивала и хрустела. На вопрос: «Был ли фильм при получении хорошо упакован?», киномеханик дал отрицательный ответ, а на следующий вопрос: «Возникли ли во время показа какие-то проблемы?», Хюттинен поставил прочерк. Между тем, под подписью принимающей стороны существует помета, что в состоянии плёнки нет изъянов, связанных со временем её производства. Однако оказалось, что к фильму забыли приложить рекламные афиши, а в правом верхнем углу бланка на двух языках была проставлена отметка «этот экземпляр остаётся театру». Скорее всего, при передаче плёнки существовала ещё одна копия документа, а на обороте приложенного прокатного заключения были представлены технические рекомендации по обращению с плёнкой.

Американский фильм «The Great Lie» в кинотеатре «Ukko» в оккупированном Петрозаводске демонстрировался 8 раз, а затем был отправлен в кинотеатр «Таріо»²⁴. Однако для нас важно, что перед показом киноленты, обозначенной как «основной фильм», даже в 1944 году дополнительно прокручивались финские пропагандистские ролики и военная хроника.

К не менее интересным документам из фондов НМ РК относится ещё одно свидетельство культурной жизни тех лет: билет в театр²⁵. Безымянный бланк содержит следующие сведения на финском языке: «Театр города Яанислинна / 5-й ряд справа / партер / место № 9». Также приводится дата «3.XII.1943» и время начала мероприятия «19:00», которые нанесены с помощью штампов. Лаконичность источника и отсутствие подробной музейной легенды не позволяют нам выяснить имя владельца билета. В то же время известно, что театр в Äänislinna был основан в 1942 году, и через год насчитывал в своем репертуаре 17 пьес²⁶.

Можно предположить, что помимо финских военнослужащих и командировочных, театры и кинотеатры в оккупированном городе могло посещать и гражданское население. Тем более, что просмотр кинохроники о хорошей жизни в Финляндии был бесплатным. Об этом свидетельствуют данные отчётов о пропагандистской работе в Петрозаводском районе за 1942–1943 годы, которые приводит финский исследователь, автор монографии «Финская оккупация Петрозаводска» Ю. Куломаа²⁷.

Ещё одной особенностью оккупации оказалось стремление изменить советскую топонимию. Ещё зимой 1941 года лингвистическая комиссия Финляндского литературного общества и разведывательный отдел предлагали сохранять финские топонимы, а русскоязычные наименования либо переводить, либо корректировать в зависимости от идеологических соображений. При замене рекомендовалось использовать собственные имена и названия из эпосов «Калевала» и «Кантелетар». Такая политика требовала подготовительной работы, изучения письменных источников, а также анализа произношения названий местными жителями. В результате согласований в Äänislinna повсеместно стали появляться новые городские топонимы: улица Ленина превратилась в Карельскую, Энгельса в Центральную, Кирова в Калева, Герцена в Олонецкую, Дзержинского в Вяйнемейна, а Пушкинская стала называться улицей Леннрота²⁸.

В музейном фонде хранится редкий вариант финской полиграфической продукции – комплект из 11 открыток с видами городских улиц²⁹, отпечатанный в конце 1942 года, за три месяца до их переименования. На открытках можно увидеть цветные иллюстрации улиц Красноармейской, Ленина, Гористой, Анохина. Две разные открытки посвящены Малой Закаменской улице, ещё по две – улицам Герцена и Анохина. Одна открытка имеет наименование «Город на горе». Названия улиц обозначены на финском языке в дословном переводе, например, Анохина – «Anohininkatu». На обороте каждой открытки присутствует надпись «PALETTI. Sarja / ÄÄNISLINNA», то есть издательство «Палитра», серия «Яанислинна». Вероятно, издательство ранее подготовило цикл почтовых открыток, посвящённых разным финским городам, а в 1942 году решило дополнить комплект ещё одним, новозавоёванным городом на востоке.

Между тем, за период 1942–1943 гг. советское руководство, пользуясь относительным затишьем на Карельском фронте, достигло хороших результатов на других полях брани: развернуло мощную подпольную работу по сбору секретных данных, организовало ряд диверсионных актов, а также начало массированную информационную и агитационную атаку на умы финских солдат. Совокупность этих факторов приближала окончание тяжёлого периода оккупации. В коллекции музея сохранилось свыше 150 листовок на финском языке, наградные документы подпольщиков, а также рукописные картографические схемы, составленные советскими военными инженерами, которые посвящены финскому Олонецкому укрепрайону. Чертежи опорных узлов противника были необходимы Красной Армии для скорого и успешного наступления.

Самые первые итоги понесённого КФСР экономического убытка от финской оккупации были подведены Чрезвычайной республиканской комиссией, которая начала вести подсчёт нанесённого ущерба сразу после завершения бое-

вых действий³⁰. Было разрушено 409 населённых пунктов, выведены из строя Кировская железная дорога и сооружения Беломоро-Балтийского канала, уничтожены 200 промышленных предприятий. Общий размер убытка специалисты оценили в 20 млрд. советских рублей³¹.

В собрании НМ РК сохранилось свидетельство тех дней – заявление преподавателя Государственного Карело-Финского учительского института А.Н. Капусткина. Документ был отправлен в республиканскую комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и учёту ущерба, причинённого ими советским гражданам³². В нём говорится: «Во время эвакуации из гор. Петрозаводска 3 сентября 1941 года мною оставлено в квартире № 1 в доме № 6 по Закаменному переулку имущество. Теперь, вернувшись в Петрозаводск, я не нашел в своей квартире ничего». Далее Капусткин приводит список расхищенного имущества и приблизительно оценивает его: «1) Обстановка кабинета: стол (пис.), шкаф (книжн.), мягкая мебель, этажерка – стоимость около 10 000 р. 2) Обстановка столовой: венская мебель, около 2 500 томов книг, пианино, фисгармония, бельё, посуда – стоимость всего около 35 000 р. 3) Обстановка спальни: кровать и пр. – около 5 000 р.». В конце заявления приписка: «Кроме этого, квартира нелепо перестроена: уничтожены уборные, чулан, парадный вход, вход на чердак, входные двери не утеплены – восстановление всего этого требует значительных расходов».

Завершая обзор, следует отметить, что хотя коллекция фонда «Письменные источники» в собрании НМ РК, связанная с периодом оккупации республики в 1941–1944 годах, комплектовалась не систематично, рассмотренные нами фондовые документы и печатные издания достаточно полно отражают особенности режима, установленного финскими военными властями на захваченной территории КФСР. Подходы к организации продовольственного снабжения, системе передвижения гражданского населения, просвещения; информационная повестка и формы воздействия на общественное сознание подчеркивают определяющую роль национального фактора в оккупационной политике финского руководства. Безусловно, представленные материалы способны помочь воссозданию одновременно трагического и героического времени и послужить основой для глубоких исследований современных историков.

¹ Восточная Карелия (Itä-Karjala) – до 1944 г. финское название территории Советской Карелии (Карело-Финской ССР), расположенной восточнее государственной границы Финляндии. – *Прим. авт.*

² История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. 944 с.

³ КГМ-764/2. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 84/1160 от 26.11.1962 г. Сдатчики Е.Н. Федорова, Г. Гаппоева.

⁴ КГМ-42381. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 98 от 06.01.1999 г. Сдатчик Л.Н. Печерина.

⁵ КГМ-57057. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 46 от 29.05.2007 г. Сдатчик Н.Г. Керт.

⁶ КГМ-76606. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 57 от 31.10.2018 г. Сдатчик Б.К. Иринчеев.

⁷ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 153–175.

⁸ Данков М.Ю. Почему газеты не горят? О сенсационной находке в здании на Круглой площади // Петрозаводск. 2005. 6 января. С. 6; Dankov M. Miksi sanomalehdet eivat pala tulessa? // Carelia. 2005. № 10. Р. 59–66; Данков М.Ю. Helsingin Sanomat 1942 года в Петрозаводске // Искра. 2009. 1 июля. С. 9; Вдовина М. Газеты из печки. 62 года финские газеты пролежали в дымоходе печи // ТВР-Панорама. 2005. 12 января. С. 4.

⁹ КГМ-55051. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 17 от 04.02.2005 г. Сдатчик Н.Г. Вандер.

¹⁰ Здесь и далее частичный перевод с финского языка статей из газеты «Helsingin Sanomat» осуществлён в 2005 г. журналистом ГТРК «Карелия» И. Богдановой.

¹¹ КГМ-55052. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 17 от 04.02.2005 г. Сдатчик Н.Г. Вандер.

¹² КГМ-55053. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 17 от 04.02.2005 г. Сдатчик Н.Г. Вандер.

¹³ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa. 1941–1944. Helsinki, 1982. Р. 105–106.

¹⁴ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. / Пер. с фин. С. Карху и др. Петрозаводск, 2006. С. 106–107.

¹⁵ КГМ-53130. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 129 от 02.12.2003 г. Перевод с литеры «Б».

¹⁶ Изображение в профиль бурого медведя восходит к символам «Независимой Карелии» (Toimikunta). Так, в марте 1920 г. съезд в Ухте утвердил герб и флаг Временного правительства Беломорской (Архангельской) Карелии. Автором эскизов стал финский художник Аксели Галлен-Каллела. Герб представлял собой двухцветный красно-зелёный варяжский щит, увенчанный традиционным головным убором лесорубов, и изображением на щите медведя чёрного цвета с сучкорезом в лапе. – *Прим. авт.*

¹⁷ КГМ-408/3. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 65/970 от 24.08.1960 г. Источник поступления: от разных лиц, из ранее не принятых поступлений.

¹⁸ КГМ-53128. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 129 от 02.12.2003 г. Перевод с литеры «Б».

¹⁹ Макуров В.Г. Военная летопись Карелии, 1941–1945. Петрозаводск, 1999. 84 с.

²⁰ Куломаа Ю. Указ. соч. С. 177.

²¹ «Великая ложь» (англ. The Great Lie) – художественный фильм режиссёра Эдмунда Гулдинга по роману Полана Бэнкса, вышедший на экраны в 1941 г. – *Прим. авт.*

²² Warner Bros. Entertainment, Inc. (ранее Warner Bros. Pictures) – один из крупнейших концернов по производству фильмов и телесериалов в США. – *Прим. авт.*

²³ КГМ-74493. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 52 от 21.09.2015 г. Сдатчик Л.И. Капуста.

²⁴ Вероятно, имеется в виду кинотеатр г. Йоэнсуу (Финляндия). – *Прим. авт.*

²⁵ КГМ-76599. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 57 от 31.10.2018 г. Сдатчик Б.К. Иринчеев.

²⁶ Куломаа Ю. Указ. соч. С. 175.

²⁷ Там же. С. 191.

²⁸ Куломаа Ю. Указ. соч. С. 186–187.

²⁹ КГМ-51279/1-11. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 128 от 18.11.2002 г. Сдатчик Ю.Э. Кархунен.

³⁰ 2 ноября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учрежде-

ниям СССР». 7 ноября 1942 г. руководство Карело-Финской ССР создало республиканскую и районные комиссии (Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 4. Д. 20. Л. 268).

³¹ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. / Сост. Е.К. Жигунов. М., 1990. С. 220.

³² КГМ-26114/36. Акт передачи на ответственное музейное хранение № 113/3494 от 27.10.1988 г. Сдатчик В.Ф. Капусткина.

О.Л. Фокина

КУЛАКИ ФЕДЯЕВЫ

30 января 1930 года Политбюро Центрального Комитета ВКП(б) принимает постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению, у наиболее зажиточных крестьян, которых стали называть кулаками, было конфисковано всё: средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы, а сами кулаки и кулацкие семьи выслались в отдалённые местности Советского Союза.

Вспомним обозначения крестьян в 30-х годах XX столетия. Кулаки – зажиточные крестьяне, использующие наёмный труд; сельская буржуазия, спекулянты. Середняки – крестьяне, занимавшие среднее экономическое положение между бедняками и кулачеством. Зачастую кулаками объявляли и середняков. В данной публикации речь пойдёт о судьбе моих родственников, живших в деревне Коновалиха Павловского сельсовета Вилегодского района Северного края. Семью Федяевых признали кулаками, дали твёрдое задание, но, к счастью, не выселили. Далее будет рассказано, почему это произошло.

С семьёй Федяевых у нас дальние родственные связи, но отношения были очень тёплыми: например, дядю Осипа Федяева и его жену тётю Павлу мы с братом в детстве считали дедушкой и бабушкой. В их доме, находящемся сейчас в деревне Нылога, живёт мой брат, потому как Осип Григорьевич и Павла Викторовна написали завещание в его пользу. Дядя Осип после смерти завещал моему брату Андрею не только дом, но и большой стул, стоящий во главе стола: на нём всегда сидел хозяин дома. Осип Григорьевич умер в 1974 году, а Павла Викторовна пережила мужа на 20 лет.

Осип Григорьевич был очень интересным и удивительным человеком. Так как его семью постигла участь раскулачивания и невзгод, связанных с переменами в государстве, на нём, как на старшем в семье после тяжёлой болезни отца, Григорий Ярофеевича, лежала ответственность за всех членов семьи, за честь и справедливость. Именно поэтому дядя Осип хранил как зеницу ока каждую квитанцию, каждый документ, прошения и жалобы. Из этих документов сложился целый архив, ныне переданный в Вилегодский районный краеведческий музей.

Ещё дед Осипа Григорьевича, Ярофей, имел свою мельницу на речке Ныложка ниже деревни Коновалиха, о чём свидетельствуют сохранившиеся с 1873 года документы деревни Крычева Гора Павловского крестьянского общества Ильинско-Подомской волости Сольвычегодского уезда. Мельница так и называлась «Ярофеевская мельница»¹. После того, как Ярофей состарился, управление мельницей перешло к его старшему сыну – Григорию. Григорий был женат на Марии, от этого брака родилось пятеро детей: три сына (Никита, Осип, Маркиян) и две дочери (Манефа и Антонина). Это была очень трудолюбивая и уважаемая семья.

Выписка от протокола заседания Вилегодской налоговой комиссии Северного края, Павловского сельсовета, от 6 июля 1933 года: *«В хозяйстве Федяева до 1930 г. имелась мельница, построенная чужим трудом. Федяев имел большое количество пахотной земли и сенокоса, которая обрабатывалась наёмной рабочей силой, за нищенскую плату, за хлеб, беря за него проценты, чем самым закобалалял окружающее бедняческое население с 1919 года по 1932 год. Перерабатывалось чужое молоко на сепараторе от 45 коров. Имелись сельхозмашины (молотилка и веялка), которые так же эксплуатировались чужим трудом. Хозяйство Федяевых до настоящего времени живёт на нажитые ранее нетрудовые доходы».*

После раскулачивания Осип Григорьевич старался уменьшить твёрдое задание, которое было поставлено их семье, на протяжении многих лет. Он писал прошения и жалобы. В одной из них, 27 июля 1935 года, написано: *«В центральный исполнительный комитет от гражданина Севкрая Вилегодского района Павловского с/с Федяева Осипа Григорьевича жалоба. По постановлению Павловского с/с от 27 июля 1933 года, моего отца Федяева Григория Ярофеевича обложили индивидуальным налогом. Но я со своей стороны считаю, что это в корне не правильно. По следующим доводам, хозяйство мы обыкновенно средняческое. В настоящее время имею четырёх едоков иждивенцев. Сам 28 лет, мать 53 года, сестра 20 лет, брат 14 лет. Отец помер в 1934 году, у него была потеряна вся трудоспособность на 100 %, на что имеется документ, как был отправлен на курорт, в 1929 году, акт № 137, в котором указано, что он не мог двигаться с места на место, был больной 15 лет и 7 лет не выходил из избы».* Этот акт № 137 при бюро жалоб Северного края в исполкоме был подан 29 июля 1932 года.

«Из-за заболеваний отца мне пришлось остаться совершенно безграмотным. Пришлось работать постоянно, вести своё хозяйство с 13 лет, не покладая рук по 16–18 часов в сутки. Я не мог справиться со своим хозяйством. Старший брат Никита погиб на войне в 1917 году, за рабоче-крестьянскую власть. Этот документ крайпрокурор не возвратил нам. Земли наш отец имеет одну целую, одну вторую на душу надела, земля была худшая на деревне. В 1928 году я, Федяев Осип Григорьевич, первый выходил на крупную полосовку, на что имеется в Павловском с/с приговор по переделу земельных угодий, от 20 мая 1928 года. Скота имел отец в прежние годы не больше других граждан нашей деревни. Имел одну лошадь, 2–3 коровы, что доказывают окладные листы, они поданы с жалобой в крайбюро и нам не возвращены. Сельхозмашин я

имел – $\frac{1}{4}$ часть молотилки, приобретённую в 1929 году, сдал в колхоз в 1931 году. На ней мне работать совершенно не пришлось, так как работали мои участники. Так же я имел сепаратор «Сельвия», приобретённый в 1928 году. Но это не сепаратор, а горе сепаратора какое-то, всего лишь пропускал два ведра в час. Были случаи, когда приходили соседи для испытания обработки молока. Я не отказывал, и вскоре наши соседи осознали и завели у себя более лучший сепаратор, а мой сепаратор совершенно бездействовал и на нём я совершенно не наживался. Но источником индивидуального налога является $\frac{1}{3}$ часть мельницы, она до сих пор однопоставная и прошлые годы выбирались только моменты первого разряда производительности (24 пуда в сутки). На это указывает акт Павловского с/с от 25 июня 1925 года. Акт нам не возвращён, был подан в крайбюро. Мельница наша совершенно не оправдывала расходы, она работала 3 месяца в год и, если считать по 24 пуда в сутки, следовательно, выручал за помол 40–45 пудов в год. Этот хлеб сдавался по твёрдым государственным ценам в Павловский кооператив. Мука ржаная 13 $\frac{1}{2}$ копейки за 1 кг, ячмень 12 $\frac{1}{2}$ копейки, пшеничная 14 $\frac{1}{2}$ копейки за 1 кг, овсяная 9 $\frac{1}{2}$ копейки за 1 кг, сутолока 12 копеек за 1 кг. Если считать весь доход, то это каких-нибудь 120 рублей в год, в том числе отопление, освещение, зарплата, государственные расходы. Страховка за год 18 рублей, кульсбор 20 рублей, уравнительный сбор, аренда 22 рубля, единомышленный 10 рублей, доходно-прогрессивный налог 16 рублей. Источник расхода и мельница обслуживались своим трудом. Кое как мельница покрывала свои расходы, и мы были только арендаторами. Я со своей стороны считаю, что моего отца обложили по наводке. Некоторых граждан нашей деревни, а также Павловского с/с, не осудили, хотя в своё время напирали и в прошлые годы (1931–1932 гг.). И их, всё-таки, вышестоящие органы (райисполком) не утверждал обложить индивидуальным налогом. В конце концов нашлась шайка головоотяпов, подыскивающих нелепые слухи и ложные факты, через которые моего отца, райфо и утвердили кулаком и ликвидировало всё моё хозяйство до последней полушки. Я был в 1931–1932 году твёрдозаданцем и все задания выполнял, не считая никаких трудностей. На это есть справка, которую прилагаю сюда. Моего отца обложили индивидуальным налогом, за который ликвидировали постройку, скот и сельхозинвентарь. Отец был отнесён к группе твёрдозаданцев. 19 июля 1932 году подавал заявление в Севкрай, исполком, в бюро жалоб. Все мои документы и жалобы моего отца, Федяева Григория Ярофеевича и Федяева Григория Михайловича, находятся там. Мельничные документы нам не возвращены. Поданные документы в северное краевое финансовое управление, в 1933 году 29 декабря остались там. Документы, поданные мной 21 августа 1934 года в крайпрокуратуру, получили отказ, мою просьбу отклонили. К этой жалобе я прилагаю документы. Остальные документы нам не возвращены. Но ещё прошу вышестоящие органы разобрать дело по существу и снять с меня грязное позорное пятно, так как я его совершенно не заслуживаю. Был обложен отец, так как он был больной, задания пришлось выполнять мне, Федяеву Осипу Григорьевичу. А сейчас отец помер, и я прошу удовлетворить мою просьбу»².

Таких жалоб, просьб и других документов у Осипа Григорьевича много. По ним можно сделать вывод, что у братьев Федяевых – Ярофея, Михаила и Гри-

горя – была своя мельница на речке Ныложка. Именно по этой причине их и раскулачили. Хотя, как написано в других документах, иная рабочая сила семье Федяевых не использовалась, наёмных рабочих не было. Мельница большого дохода не приносила, но тем не менее из-за лживых слухов и неправильной информации, а может, и зависти, семью Федяевых раскулачили.

Большое хозяйство, нажитое непосильным трудом, растащили по кусочкам, оставив только одну избу. Вот список конфискованных и проданных вещей: изба передовая правая, скотная стая, амбар, изба на отставе (правая), самопрялка, дерево с калачом, решето большое, точило, подскор, стул 3 штуки, дуга высокая, сапоги гармонистые, керосиновая бутылка, лошадь, хомут, шлея, корова, овца, рамы (5 штук), шкаф, сепаратор, поднос медный, стол круглый, зеркало, гармонь трёхрядка, пошавни, крыша (серёдка), четыре моста, подшитая подволока с заборкой, хлев, санник, две клетки, маленькая изба между клетями и новая подволока³. И это только один список, всего их пять.

Семья Федяевых в деревне Коновалиха была на особом счету. Даже когда их признали кулаками, уважение к ним не пропало. Есть документы, которые свидетельствуют о том, насколько равнодушны были соседи семьи Федяевых; как они писали одобрения и прошения, в которых просили снять с этой семьи позорное звание кулака. Приведу выдержку из документа артели «Сигнал»: *«Мы со своей стороны считаем, что Федяев Осип Григорьевич страдает понапрасну. Хозяйство Федяева было обыкновенно средняческое и в настоящее время всё ликвидировано. Но Федяев О.Г. нечуть не был вредным для колхозного строительства»*⁴.

Изучив документы Федяевых и подведя окончательные итоги, понимаешь, что нажитое честным трудом отобрано несправедливо, незаслуженно присвоено и звание «кулаки». Но благодаря хорошим соседям, великодушию и доброму сердцу Осипа Григорьевича, его неустанной борьбе за справедливость, семью раскулачили, но не сослали. Местные старожилы до сих пор вспоминают эту семью добрым словом.

¹ Вилегодский районный краеведческий музей (далее – ВРКМ). КП 9091.

² ВРКМ. НВФ 2251. 4 л.

³ ВРКМ. КП 9097.

⁴ ВРКМ. НВФ 2260.

М.В. Остапенко

НЕЛЁГКИЙ ЖЕНСКИЙ ТРУД СОВХОЗА «КОЗЬМИНСКИЙ»

14 апреля 1961 года делегаты от пяти колхозов Ленского района Архангельской области приняли окончательное решение об образовании нового совхоза с центром в селе Козьмино. В состав совхоза «Козьминский» вошли колхозы «Им. Калинина» (Суходол), «Им. Карла Маркса» (Козьмино), «Дружба» (Урдома, Нянда), «Заветы Ильича» (Слободчиково, Вандыш) и «Заря» (Сойга).

Основным направлением деятельности совхоза стало производство молока, мяса, картофеля и овощей. Совхоз был заготовителем сена, силоса и сенажа. Машинно-тракторный парк состоял из тракторов разных марок, грузовых автомашин, зерновых комбайнов, немецких комплексов по заготовке силоса и сенажа. За годы существования совхоза было построено три животноводческих комплекса. Для проживания работников построены три посёлка, каждый из которых был оснащён жилыми домами, детскими садами, столовыми. В Козьмино построены средняя школа, пекарня, центральная котельная, водозабор, очистные сооружения и дороги, которые используются населением по сей день.

С начала 1990-х годов, ввиду прекращения государством приёма сельскохозяйственной продукции, производство стало падать. В результате отсутствия рынка сбыта продукции животноводства и растениеводства, производство и реализация с каждым годом сокращались. Происходит постоянная реорганизация совхоза: в ЗАО «Козьмино», в СК «Козьмино»; сенокосы и пастбища используются всё реже и реже, зарастают кустарником и лесом. В 2017 году совхоз официально был закрыт¹.

На сегодняшний день совхоза не существует, но память о нём хранится в каждом здании, в каждом поле и деревне; в тех женщинах, которые своим трудолюбием, ответственностью, жизненной энергией, самоотдачей поднимали и развивали не только совхоз, но и сельскую жизнь. В данном исследовании, построенном в основном на принципах устной истории, будут представлены биографии трёх женщин-тружениц, чьи судьбы и жизненные ориентиры являются примером для настоящего и будущего.

Галина Петровна Пинегина родилась 13 июля 1938 года в деревне Суходол, в семье Марии Дмитриевны и Петра Васильевича Мотоховых. В семье было четыре человека: мама, папа, сестра Зинаида и сама Галина. Мама Галины Петровны работала с детьми в яслях, а позже в колхозе Суходола дояркой. Отца Галина не помнит, так как в 1941 году он ушёл на фронт, а в 1943 году пришла страшная весть, что Пётр Васильевич пропал без вести. Галине тогда не было ещё и пяти лет.

Тяжело приходилось семье на одних женских плечах, но рядом были помощники – дети. Семья держала корову, благодаря которой и выжили. Позже стали держать и овец, так как во время войны каждая семья была обязана сдать государству не только мясо, молоко, яйца, но и шерсть.

В 1945 году Галина пошла учиться в школу-семилетку, до которой надо было добираться 3–4 км и по морозу, и по грязи, и по сырости. После окончания школы в 1952 году работала в родном колхозе «разнорабочим»: на заготовке и уборке сена, на чистке полей, на уборке урожая. «Всё делали сами, вручную. Машин было мало...», – вспоминает Галина Петровна. Работали с 8 утра до 8 вечера, получали трудодни, за которые давали не зарплату, а зерно. Зерно мололи на мельнице сами колхозники, а уж потом пекли хлеб.

Через некоторое время Галина Петровна перешла работать на колхозную ферму: сначала с телятами, а затем и с коровами. Там же, в Суходоле, Галина вышла замуж, появились дети: Нина, Валентина и Алексей – её опора и помощь. В 1976 году сестра Зинаида предложила переехать в село Козьмино, что-

бы вместе держать корову-кормилицу. С этого времени Галина Петровна работает в совхозе «Козьминский» дояркой.

Галина Петровна вспоминает: «На лето уезжали в Березник, где паслись коровы. Вставали в 4 утра, а в 5 часов уже всю шла дойка... Вечером так же, в те же часы. Домой возвращались в 9–10 вечера, а там ещё своё хозяйство не обряжено. Помогали дети».

Также коров из Козьмино перегоняли в Заозерье (за р. Прость) на летнюю дойку. Приходилось работать без выходных, но были и подменные работники на крайний случай. Как вспоминает Галина Петровна, у коров на ферме было своё родильное помещение. Дояркам надо было к сроку коров просто тащить за собой. Животные так упирались, что просто руки вытягивали, к каждому нужен был свой подход. Позднее стали водить группами, так было проще.

В совхозе велась и общественная работа. Отмечались праздники, главным из которых был День сельского хозяйства. Каждый год среди доярок проводились соревнования: кто больше надоит молока? За победу давали хорошие премии, медали, грамоты.

Галина Петровна вспоминает: «Было это зимой, 70-е годы. Из-за непогоды на ферме произошло замыкание. Коровы, которые были в цепях, погибли, которые на верёвке – выжили. Приходилось самим дояркам, пастухам снимать цепи под напряжением. Трёх коров пришлось забить. <...>

Были случаи, когда приходилось искать коров: кого-то затащит в трясину, кто-то в яму провалится. Искали в потёмках, порой даже ночью. <...>

В 70-80-е годы в совхозе решили поставить эксперимент “Беспривязное содержание”: коров к кормушке не привязывали, они спокойно передвигались по стойлу и где хотели, там и ели. Одни коровы, постарше да понаглее, наедались, а другие, помоложе, голодали. В итоге удои резко сократились, поэтому нововведение свернули. В общем, эксперимент не удался»².

Общий стаж работы Галины Петровны составил 36 лет. За свой тяжёлый, добросовестный и долголетний труд она награждена медалями «Победитель соцсоревнования 1975 г.» (за 10 месяцев надоила 2527 кг молока при норме 2400 кг), «За преобразование Нечерноземья РСФСР», «Ветеран труда»³. В 1999 году Галина Петровна вышла на пенсию, но ещё десяток лет семья держала своё хозяйство. И ныне Галина Петровна увлекается рыбалкой, где отдыхает душой. Рыбачит на Прости и Вычегде вместе с сыном Алексеем, ловит щук, лещей, плотву: «Не знаю, как дожила бы до своих лет, если бы не рыбалка...»

Алина Ивановна Лиханова (Булатова) родилась 30 сентября 1943 года в деревне Кононовской Козьминского сельсовета. До 1947 года Алина жила вместе с мамой в Козьмино, а затем семья переехала в деревню Суходол. Мать, Анна Васильевна Булатова, работала в колхозе имени Калинина, выполняла различную работу.

1–2 классы Алина училась в Суходоле, а 3–4 классы в Сыктывкаре: мать вышла замуж, появились братья и сёстры, поэтому на учёбу Алину отправили к тётке в Сыктывкар. Учиться в 5–6 классах она вернулась в родной Суходол, а затем снова в Сыктывкар: ещё у одной тёти родилась дочка, нужно было нянчиться, поэтому Алина проходила учёбу в 7-м классе вечерней школы.

Окончив 7 классов, в 1958 году Алина Ивановна поступила в Сыктывкарский сельскохозяйственный техникум на ветеринара. Отучилась и в 1962 году вернулась в Суходол, где начала работу ветеринарным фельдшером. Через два года вышла замуж за Валентина Николаевича Лиханова, и молодая семья переехала в Сыктывкар, так как муж работал в городе спасателем сплавконторы. Там определили на работу ветеринаром в село Палевицы, что в 60 км от Сыктывкара, где Алина Ивановна проработала около года. В 1965 году родилась старшая дочь Елена, и семья вернулась в Суходол, где жила до 1979 года.

До 1976 года Алина Ивановна работала ветеринаром в Суходольском отделении совхоза, в которое входило много деревень. Скота было до 1000 голов: свиньи, коровы, лошади, телята. Летом и зимой на лошадях Алина Ивановна объезжала фермы в целях профилактики животных – каждое утро, в 4–5 часов. Клички лошадей Алина Ивановна помнит до сих пор: Ермак, Задорный, Танкетка. В деревни Шаровицы, Бор, Шонома, Залужье, что были за рекой, добиралась сначала на лодке, а затем пешком 4–8 км. Зимой добирались на лошадях и лыжах, особенно в весеннюю распутицу. Если животное страдало по халатности ветеринара, то работника жестоко наказывали. В совхозе платили хорошо, первая зарплата была 132 рубля. Молодая семья держала корову и поросёнка, а переехав в Козьино, держали и коров, и телят, и поросят – до шести голов.

За годы работы в совхозе каких только случаев не бывало! Алина Ивановна вспоминает: «Осенью коровам давали сырой картофель: кто-то старательно нарезал, а кто-то и целиком бросал. Застрявшую картофелину нужно было доставать шлангом из пищевода, а до пищевода добирались рукой по локоть. Чтобы животное не закрывало рот, вставляли железный клин, да держали несколько человек. Так однажды стала доставать картофелину, мужики не удержали травмированную, и корова закусилась сухожилие у локтя. Пришлось несладко! <...>

Ещё был случай: нужно было делать прививку от туберкулёза (туберкулинизация) коровам в шею. Некоторые коровы были очень бодачие, их держали на прививку. Я подошла к корове, а она вырвалась, зацепила меня под юбку и подняла на рога, хлопнула меня о землю. Хорошо, что юбка была вельветовая, крепкая, не оборвалась! Эта корова меня вспомнила летом: шла я мимо пастбища, а она меня увидела и понеслась в мою сторону. Я успела юркнуть за огород, иначе бы корова задавила. <...>

На Новый год меня вызвали на ферму напоить лекарством корову. Поили из бутылки: одной рукой держишь за нос, а другой поишь. Я за нос схватила корову, а она меня рогом в лоб – синяки по всему лицу были...»⁴

Сейчас рабочие случаи вспоминаются с улыбкой, а в те времена они представляли угрозу для жизни. Но если надо было работать, работали всегда и при любых условиях.

В 1976–1979 годах Алина Ивановна была управляющей Суходольского отделения, а также секретарём комсомольской организации. В Суходоле не было света и дорог, поэтому, чтобы учить детей, семья переехала жить в село Козьино. Уже здесь Алина Ивановна один год работала бригадиром по растениеводству, с 1980 по 1982 годы была председателем сельсовета, а после – главным ветеринаром до 1985 года. С 1985 по 2005 годы Алина Ивановна занимала

должность секретаря исполкома, а затем сельсовета и администрации. За свой долголетний, нелёгкий, добросовестный труд Алина Ивановна награждена грамотами и медалями, ей присвоено звание «Ветеран труда»⁵.

По сей день Алина Ивановна вместе с мужем ведёт домашнее хозяйство: уже в апреле в теплицах цветут помидоры, завязываются огурцы, набирают бутоны петунии. Не забывают хозяева и экспериментировать на участке, внедрять что-то новое, а главное, общаться с сельчанами и делиться богатым опытом.

Галина Григорьевна Образцова (Захарова) родилась в многодетной семье в деревне Суходол 20 сентября 1948 года. У мамы, Марии Степановны Захаровой, было семеро детей. Галина Григорьевна отца не помнит, но как бы ни было тяжело в послевоенные годы, «мать никогда детей не бросала, в детский дом не отдала». Мама, как вспоминает Галина Григорьевна, работала в колхозе: сначала на конюшне (120 голов), потом на ферме дояркой. «Когда были детьми, всегда бегали на конюшню покататься на лошадях». Уже с шести лет Галина помогала матери – возила копны на ферму.

В родном Суходоле Галина Григорьевна окончила восьмилетнюю школу и с 14 лет стала работать в совхозе: подвозила сено, солому и корм на лошадях. Зимой нужно было запрячь лошадей по двое, нагрузить сено или корм и везти на ферму. Летом добирались к семи утра до лодки, которая перевозила работников на сенокос. Через некоторое время Галина Григорьевна стала работать дояркой, а в 1967 году управляющая, Степанида Успасская, предложила Галине Григорьевне поехать на курсы шофёров в Архангельск: «Я сама трактористом работала. Не хочешь попробовать?».

Совхозу шофёры были нужны, да и сама Галина Григорьевна желала освоить машину, поэтому в ноябре 1967 года начала учёбу в Архангельске, а в марте 1968 года получила права шофёра-профессионала, которые позволяли водить и грузовой транспорт. В Суходоле Галина Григорьевна проработала шофёром два года.

В 1971 году сестра Клавдия, которая была секретарём партийной организации совхоза «Козьминский», предложила Галине переехать на работу в Козьмино. Переехав к сестре, Галина Григорьевна стала учиться на вечернем отделении школы, закончила десятилетку. Поначалу работала на самосвале: возила силос, корма, засыпала дороги; а затем на бензовозе. С 1983 года Галина Григорьевна 17 лет трудилась на молоковозе.

Здесь же, в Козьмино, Галина Григорьевна вышла замуж за капитана катера Николая Павловича Образцова. Вместе вырастили и воспитали троих детей: Аркадия, Валентину (назвали в честь В.Н. Терешковой) и Елену. Сейчас у каждого из них тоже имеются водительские права.

У Галины Григорьевны и её семейства всегда было своё хозяйство: коровы, телята, свиньи. С утра работа кипит дома, потом в совхозе, а затем снова домашнее хозяйство... Мимо Галины Григорьевны и её семьи не проходила и общественная жизнь: она сама и её дети постоянно участвовали в спортивных мероприятиях, соревнованиях между совхозными спортивными командами. Кроме того, Галина Григорьевна с 1970 года была членом райкома партии, а в 2000-е годы вела работу в Совете Ветеранов.

Галина Григорьевна вспоминает: «Возила молоко в д. Урдому, с. Лену, Козьмино на маслозавод. Приходилось добираться по страшным дорогам, особенно весной да осенью. Машины ломались, колёса спускались, приходилось ночами ремонтировать. Для этого в машине всегда были лопата и топор. Всё делала сама. <...>

Однажды ехала из д. Урдома, застряла. Буксовала-буксовала – ничего не помогает. Пошла пешком до д. Березник, где был телефон, чтобы вызвать трактор на помощь. Помощь пришла только утром следующего дня. <...>

Были случаи, когда и машина переворачивалась. Зимой, в морозы, сцепление не срабатывало, так как жидкость была некачественной. Начнёшь подниматься в горку – раз, и уже на голове стоишь...»⁶

За свой не женский труд Галина Григорьевна награждена медалями, многочисленными грамотами, а в 2011 году ей присвоено звание «Почётный житель села Козьмино»⁷. Эта женщина-труженица по сей день держит хозяйство: телят, коров; выращивает овощи, ягоды, цветы. Успевает помогать детям. И всё, что находится вокруг неё, пышет жизнью, заботой и теплотой.

И это только три примера нелёгкого женского труда, на котором многие годы держалось российское сельское хозяйство.

¹ Историческая справка совхоза «Козьминский». [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://archives.dvinaland.ru/archive12/funds/43119>

² Воспоминания Г.П.Пинегиной, с. Козьмино.

³ Личный архив Г.П. Пинегиной, с. Козьмино.

⁴ Воспоминания А.И. Лихановой, с. Козьмино.

⁵ Личный архив А.И. Лихановой, с. Козьмино.

⁶ Воспоминания Г.Г. Образцовой, с. Козьмино.

⁷ Личный архив Г.Г.Образцовой, с. Козьмино.

Д.П. Соколова

ИСПЫТАНИЕ СЕНОКОСОМ (ШКОЛЬНОЕ МЕХАНИЗИРОВАННОЕ ЗВЕНО ПО ЗАГОТОВКЕ СЕНА)

История Черевковской средней школы очень богата: ведь она отсчитывает своё существование с 1844 года. Школа старается поддерживать многие традиции. В то же время есть такие страницы истории, о которых современные школьники даже не догадываются. Данная работа посвящена очень интересной странице в истории школы – школьному механизированному звену. Нынешним школьникам трудно представить сегодня, что летом они могут самостоятельно работать на технике, выполнять производственные задания по заготовке сена. И совхоза сегодня нет, нет и уроков трудового обучения в старших классах.

В 1970–80-е годы в школах большое внимание уделялось общественно-полезному труду. Круглогодично были организованы разнообразные виды дея-

тельности учащихся, в том числе и летом. В летнем трудовом лагере «Орлёнок» ребята трудились в звеньях: звено овощеводов, звено животноводов и механизированное звено. Здесь применялись знания, полученные на занятиях по теоретической подготовке в учебном году (юноши изучали трактор, а девушки – основы машинного доения). Так рождалась производственно-ученическая бригада. «Многими успехами бригада в своей успешной деятельности обязана руководителю – Галине Петровне Амосовой, её инициативе и творческому подходу к организации нового дела, высокому чувству ответственности за порученную работу», – читаем в статье «Люди счастливой профессии»¹. Г.П. Амосова, заместитель директора по трудовому обучению, вспоминает, что до создания бригады пришлось решить огромное количество организационных вопросов. Эффект проведённой работы впечатляет: по итогам работы в 1975 и 1976 годах производственно-ученическая бригада школы была признана лучшей не только в районе, но и в области².

В чём же секрет этого успеха? «Между бригадой и совхозом существуют крепкие связи... Руководители совхоза заинтересованы в том, чтобы как можно больше выпускников оставалось работать в сельском хозяйстве»³. Изучая архивную папку ««Производственная подготовка учащихся»⁴, убеждаешься в том, что юноши и девушки старших классов очень серьёзно и ответственно обучались рабочим специальностям. Вместе с аттестатом о среднем образовании получали удостоверения трактористов, шофёров, животноводов-механизаторов. Юноши закрепляли свои знания по механической обработке полей на тракторах и сельскохозяйственных машинах. Это была производственная практика в июне на базе совхоза «Черевковский». Но «...в этот период посевные работы уже закончены, а к сеноуборке ещё не приступают, поэтому обеспечить практику по программе совхоз не может. Ребят распределяли на работу по месту жительства, по отделениям. Контроль за практикой обеспечить было трудно, и нередко она проходила бесцельно. Тогда приняли совместное решение школы и совхоза: создать ученическое механизированное звено по заготовке прессованного сена. Возглавят его Юрий Видрикович Оя, учитель производственного обучения, и Владимир Иванович Малков, мастер производственного обучения школы»⁵.

База для трудового обучения в школе была неплохая: два трактора МТЗ-50, один ДТ-20, гусеничный ДТ-75М, тележка, грузовая машина ГАЗ-51. Совхоз ещё выделил трактор Т-25, две навесные косилки, конную косилку, новый пресс-подборщик, тракторные грабли, тележку. К сожалению, попытки найти документацию на технику в архиве района и в школе не увенчались успехом.

Так в 1978 году в совхозе появился 16-й отряд – механизированное звено по заготовке сена. Это были юноши, закончившие 9-й класс. В звене работали с большим желанием. Руководство совхоза и управляющий второго отделения, где был выделен участок для работы, подготовили всё необходимое. Но ребята и руководители звена волновались, чувствовали себя не очень уверенно. Одно дело ездить на тракторе с инструктором, по дороге, а здесь надо всё делать самому, самостоятельно. В первый же день потребовался гусеничный трактор,

чтобы вытащить застрявший трактор. Поломавшуюся технику приходилось ремонтировать самим.

Ольга Тарабычина в газетной заметке подробно описывает поломку пресс-подборщика. В результате связывать тюки пришлось Михаилу Солоницыну. «Производительность была, конечно, низкой. В первые дни настоговывали сена тонны по две-три. Ребят это огорчало. Но Юрий Видрикович умел подбодрить ребят, поднять им настроение. Человек доброго веселого нрава, он часто говорил им: “А вы подсчитайте: если корове дать по три килограмма, то сколько коров можно накормить нашим сеном?” Ребята высчитывали и заметно веселились, выходит, не так уж и мало».

Учащиеся постепенно освоились, стали увереннее чувствовать себя в обращении с техникой. Были дни, когда подводила погода, и ребята занимались техходом, ремонтом. «Все были так увлечены делом, что вроде и не замечали усталости. Так хотелось заготовить сена побольше. А главное, оправдать доверие старших... Заготовили ребята 104 тонны прессованного сена при плане 100 тонн. О зарплате как-то и не говорили. Только под конец с улыбкой спросили: “Юрий Видрикович, может по десятке-то получим?” А зарплата показалась приличной. Первая, она была пополам с капельками пота с летними дождинками, весело барабанившими по голове. И получали её с чувством гордости за то, что не подкачали в трудную минуту... Два сухих слова “производственная практика” наполнились новым содержанием, стали, как говорит Юрий Видрикович, “школой жизни”... И теперь в школе в корне изменилось отношение к занятиям по труду... Все видели необходимость своего труда, причём напряжённого труда, который приносил им огромную радость»⁶.

На вопрос корреспондента О. Тарабычиной: «Если бы завтра предложили вновь работать в таком звене?», юноши отвечали: «Мы бы, конечно, не отказались. Мы бы попросили выделить нам самые дальние площади, чтобы не уезжать вечером домой. Чтобы пораньше встать, побольше успеть... А сегодняшним девятиклассникам, которых ждёт интересная работа летом, хочется пожелать только одного – хорошей погоды». Об успехах работы звена на Пленуме райкома ВЛКСМ в октябре 1978 года рассказывала секретарь комсомольской организации Черевковской средней школы Надежда Зиновьева⁷.

В 1979 году в звене работало уже 24 человека. План – заготовить 200 тонн прессованного сена. «У тех, кто вошёл нынче в звено, есть явные преимущества перед своими предшественниками: все они могут уверенно водить трактор, самостоятельно, без инструкторов. В звене будут работать ребята, которые уже успели прикипеть душой к технике: Егор Торопов, Николай Щекин, Иван Карпов, Анатолий Поршневу, Юрий Поршневу, Костя Анциферов, Виктор Соколов, Гена Коряковский и другие. Их отцы работают в совхозе трактористами, шофёрами, звеньевыми. Многие из девятиклассников не новички на лугу»⁸.

«В этом году, – вспоминает А.А. Цыбаков, – наше звено заготовляло сено за Шанявой. Воды в то лето было много, машина ГАЗ-51 довозила нас до берега р. Шанява, а дальше мы, раздевшись, шли вброд. А вот как туда завезли технику: пресс-подборщик, косилки, трактора, я не помню. Возможно, на катере с баржей (в совхозе “Черевковский” тогда был)».

Школьное механизированное звено по заготовке сена работало 15 лет. Всего было заготовлено 2386 тонн сена, 204 ученика приобрели практические знания, навыки работы⁹. Выпускник 1992 года Леонид Борисович Панов отмечает, что эта практика ему помогла при сдаче экзаменов на права тракториста, которые сейчас очень важны. Михаил Аркадьевич Залевский, выпускник 1987 года, дополняет: «За время работы был получен хороший опыт владения техникой, а также умения и навыки ремонта в случае поломки. Ребятам опыт работы на тракторах помогал успешно сдавать экзамены по устройству трактора и по окончании 10 класса все получали права тракториста и иногда после окончания школы выбирали для себя эту профессию»¹⁰.

Попытку составить полный пофамильный список участников школьного звена по заготовке сена автору пришлось оставить. Причин было несколько. В книге приказов по Черевковской средней школе нашёлся только один приказ № 121 от 1 июня 1991 года, § 5 о составе звена из 10 человек; но по спискам из тематического альбома в библиотеке, в том году работало 8 человек. Разработанную автором анкету было невозможно отправить всем. Откликнувшиеся респонденты не всегда могли вспомнить тех, кто работал рядом. Только выпуск 1987 года дружно отвечал: «все юноши из класса». Но были и те, кто не захотел ответить. Тем не менее, на вопросы анкеты ответили представители всех лет работы звена, кроме 1989 года – 23 человека.

На вопрос анкеты «Понравилась ли Вам работа в звене?» читаем такие ответы: «Да. Эта была первая долговременная практика работы на технике, а в те годы любая работа, связанная с механизацией, была в радость, и к тому же получали опыт» (П.А. Антропов, год работы – 1991); «...это был первый самостоятельный трудовой жизненный опыт, когда тебе доверяли самостоятельно управлять техникой – трактором, на котором нужно было сначала скосить траву, затем поворошить сено, чтобы оно просохло, а затем спрессовать в тюки и увезти с луга на хранение в сарай» (М.А. Залевский, 1986); «Очень понравилось! Самое запоминающееся: как утопил трактор» (Н.А. Богданов, 1982); «Да очень понравилось. Романтика... Ночлеги на лугу, работа в коллективе, самостоятельная работа на тракторах, заработок в школьные годы» (А.А. Шванёв, 1982); «Конечно, понравилась. Это были годы нехитрой юности, конец Советской эпохи – мои восьмидесятые. Было что-то такое, чего сейчас не хватает. Сплочённый коллектив, дружба... Ну, и первая зарплата, которой хватило на покупку хорошего радиоприёмника, чтобы слушать по ночам Би-би-си и прочие “вражьи голоса”; хотелось знать то, чего ещё не знали...» (В.В. Копытков, 1986).

Василий Копытков вспоминает покупку радиоприёмника на свою первую зарплату, Павел Морозов (1984) – полученную зарплату в 103 рубля, Анатолий Цыбаков (1979) – зарплату в 110 рублей, Василий Зноев (1987) – про запчасти к мотоциклу, купленные на заработанные деньги... Почти все отмечают, что работа в звене – это первая запись в трудовой книжке, оформленная в отделе кадров совхоза «Черевковский». Не только у Алексея Кошелева и Василия Копыткова есть грамоты за хорошую работу, которые хранятся как реликвии. Виктор Бернадюк вспомнил, что за отличную работу и перевыполнение плана звено

было премировано путёвкой в Москву. Поездка состоялась на осенних каникулах 1981 года.

Хорошую работу звена ежегодно отмечали руководители совхоза. Например, в заметках председателя рабочкома В. Шашкова в газете «Знамя» читаем: «...хорошо трудятся в этом отделении по заготовке сена учащиеся Черевковской средней школы под руководством преподавателя Юрия Видриковича Оя. За неделю запрессовано 80 тонн сена, или задание выполнено на 40 %. Звену присуждён переходящий красный вымпел совхоза» (1979)¹¹; «...По-прежнему хорошо работает ученическая бригада Черевковской средней школы во главе с Ю.В. Оя и В.И. Малковым. Коллектив бригады сделал полтора плана, заготовив 150 тонн сена» (1988)¹². «Успешнее, чем у других коллективов, идут дела в комсомольско-молодёжном отряде... Ребята работают старательно... Выполнили свои обязательства – заготовили 200 тонн сена. Ребята решили ещё запрессовать не менее 40 тонн сена», – отмечает В. Спиридонов, секретарь комитета ВЛКСМ совхоза «Черевковский»¹³. А Константин Анцыферов написал в анкете: «сделали два плана», в тот год было заготовлено 370 тонн.

Бюро райкома КПСС, исполком районного Совета народных депутатов и райком профсоюза работников сельского хозяйства неоднократно заносили на Доску почета в районной газете «Знамя» механизированное звено учащихся Черевковской средней школы как передовика производства на заготовке кормов в совхозах района: 23 июля 1979 г., 4 августа 1980 г., 24 июля 1984 г., 21 июля 1986 г. В 1979 и 1980 годах при подведении итогов уборочной страды «Жатва – 79» и «Жатва – 80» звену вручался переходящий красный вымпел ЦК ВЛКСМ «За коммунистическое отношение к труду»¹⁴. В 1983 году в адрес звена направлено благодарственное письмо от руководства совхоза¹⁵.

«Были ли трудности в работе?» На этот вопрос анкеты выпускники отвечали так: «...был очень старый трактор и на нём было сложно работать» (В. Перевозников, 1981); «...техника была старая, а опыта, как понимаете, никакого не было. Ломались трактора, часто выходили из строя косилки» (А. Шванёв, 1982); «Слабое знание техники, все ремонты техники только с помощью руководителя» (П. Морозов, 1984); «...трудности были. Достать трактор» (Н. Богданов, 1982); «Были молодые и о трудностях не думали. Иногда не высыпались» (К. Анцыферов, 1979); «Не хватало времени на сон, надо было всё успеть» (П. Антропов, 1991). Но рядом были хорошие и опытные наставники, которые всегда приходили на помощь, когда возникали трудности.

Вопрос анкеты о руководителях школьного звена: «Чему Вы у них научились? Что Вы можете сказать о своих наставниках?». Выпускники вспомнили не только руководителя Ю.В. Оя, но и мастеров производственного обучения Владимира Ивановича Малкова, Сергея Анатольевича Морозова, Виктора Николаевича Соколова. «Они очень хорошо относились к нам, учили взаимоотношениям в коллективе, умению работать и следить за техникой» (С.Л. Кобылин, 1983); «Научились обращению с техникой. Большое спасибо им за науку» (Г.В. Поршневу, 1980); «О своих наставниках могу сказать только хорошее. За недочёты в работе и в быту получали по справедливости» (К.Н. Анцыферов, 1979); «Специалисты своего дела..., с ними работать было легко» (С.Н. Спи-

ридонов, 1985); «Научились организованно работать не за зарплату, а за интерес к работе...» (П.В. Морозов, 1984); «Они научили нас любить трудиться...» (А.А. Цыбаков, 1979); «Очень грамотные люди. Научился обращению с техникой, и даже варить суп» (С.И. Пиликин, 1985); «Очень хорошие наставники, научили нас всему, что умели сами – любить технику, бережно к ней относиться, ремонтировать её. Что очень пригодилось в дальнейшей жизни и работе» (В.В. Бернадюк, 1981).

Шли годы, менялись мастера производственного обучения, ежегодно в звене работали новые ребята. Неизменным оставался только руководитель звена – Юрий Видрикович Оя (1941–2000). Проблем и трудностей в работе звена хватало: старая техника, на которой не только выполняли план, но и перевыполняли показатели; организация питания – режим работы звена не всегда совпадал с графиком работы столовой трудового лагеря, да и работа звена могла завершиться позднее сроков работы лагеря. Поднимался вопрос и оплаты труда. Практика практикой, а ведь решали производственные задачи. Всё взрослому, без скидок на возраст. Юрию Видриковичу приходилось каждый год решать этот вопрос, чтобы ребята получили то, что они заработали. Наверное, ему было обидно слышать иногда слова, приведённые в заметке О. Николаевой: «...сено-то ваше не нужно, да и на лугу-то вы только играете в работу...» Но «не играют в работу на лугу черевковские мальчишки. Она им нужна именно такая – трудная, важная, интересная, чтобы поверить в себя, в своих друзей, чтобы научиться отдавать себя общему делу, не отступать перед трудностями». А отношение к звену в совхозе менялось, и это чувствовалось всё острее с каждым годом: «...за лето никто из совхозных работников не приехал, не поговорил, не поддержал в трудную минуту (а лето в 1987 году было по погодным условиям очень сложное)»¹⁶. И газета «Знамя» стала редко освещать работу звена: за последние два года его работы не найдено ни одной строчки.

Приятно читать: «Школьное звено будет всегда, потому что оно нам нужно. И завтра, и потом»¹⁷. «Туда за рукав никого не тянут, мы туда приходим сами» – так стали появляться школьные династии работников звена: Вороновы, Кобылины, Шитиковы, Кочуло... А главным в этом звене ежегодно был Ю.В. Оя. В заметке О. Николаевой «Философия школьного звена» есть замечательная фраза: «Хоть и говорит он, что надоело всё, а только благодаря его оптимизму и живы» (то есть живёт звено каждый год). Повезло тем юношам школы, уроки трудового обучения которых проходили под руководством Ю.В. Оя. «Прекрасный специалист своего дела, умный и добрый наставник, он не жалеет времени для своих питомцев», – такую характеристику озвучил руководитель отдела образования В.Н. Терехов в 1978 году¹⁸. Это утверждение оставалось актуальным до последнего дня работы в школе Юрия Видриковича (1995 год).

В заключение хочется отметить, что в ходе работы удалось не только провести анкетирование и пополнить школьный фоторахив, но и составить картотеку статей о работе школьного механизированного звена по заготовке сена и его руководителе Ю.В. Оя. Просматривая подшивки районной газеты «Знамя» с 1978 по 1992 годы, обращаешь внимание на то, что много интересных заметок о жизни звена, его проблемах и трудностях, о позитивных моментах писала Оль-

га Мокеева (её псевдонимы – О. Николаева и О. Тарабычина). У неё позаимствовано и название этого исследования – «Испытание сенокосом». Работа в звене действительно была серьёзным испытанием для каждого. Здесь юноши получали не только настоящие уроки труда, но и уроки нравственности.

¹ Люди счастливой профессии // Знамя (газета Красноборского района Архангельской области). 1976. 2 октября.

² Переписка с Г.П. Амосовой (декабрь 2018 г.).

³ Пономарева Е. Будущее за ученическими бригадами // Знамя. 1976. 21 октября.

⁴ Архив МБОУ «Черевковская средняя школа». Папка «Производственная подготовка учащихся 1962–1963, 1967–1970, 1973–1980».

⁵ Тарабычина О. Романтика сенокосная // Знамя. 1979. 1 мая.

⁶ Там же.

⁷ Диктуют сельские работы // Знамя. 1978. 12 октября.

⁸ Тарабычина О. Указ. соч.

⁹ СП «Черевковская библиотека» МБУ «Межпоселенческая библиотека Красноборского района». Альбом о школьном производственном звене.

¹⁰ Результаты авторского анкетирования выпускников школы 1979–1993 гг.

¹¹ Шашков В. Знамя – четвертому отделению // Знамя. 1979. 19 июля.

¹² Шашков В. Лучшие в совхозе за неделю // Знамя. 1988. 4 августа.

¹³ Спиридонов В. Есть 200 тонн // Знамя. 1979. 28 июля.

¹⁴ Зашихин В. Награда – вымпелы ЦК ВЛКСМ // Знамя. 1979. 19 июля.

¹⁵ Коробов. Передовикам благодарное письмо. // Знамя. 1983. 26 июля.

¹⁶ Николаева О. Зачем ребятам луг // Знамя. 1987. 29 августа.

¹⁷ Николаева О. Философия школьного звена // Знамя. 1990. 7 августа.

¹⁸ Терехов В.Н. Учить и воспитывать // Знамя. 1978. 2 сентября.

О.А. Зубова

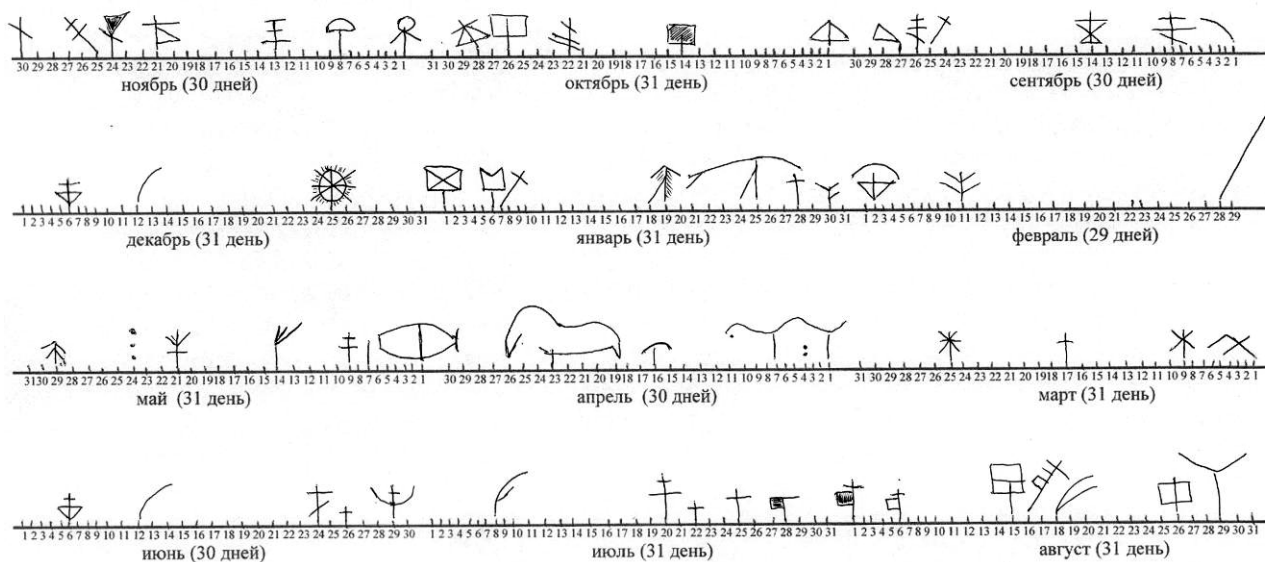
ДЕРЕВЯННЫЕ КАЛЕНДАРИ В СОБРАНИИ ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА¹

Деревянные резные календари использовались во многих губерниях Российской империи вплоть до начала XX века. Сейчас они являются редкими памятниками в этнографических коллекциях музеев нашей страны. Изучению и описанию их посвящён ряд публикаций². Среди них интересны статьи О.Г. Барановой, где она детально описывает и даёт подробную характеристику деревянным резным календарям из фондов Российского этнографического музея и Государственного Русского музея, привезённым из Вологодской губернии³. Однако такие календари из собрания Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника до сих пор не были предметом изучения. Между тем каждый из них представляет определённый исторический и этнографический интерес. Данная статья является первой попыткой описать коллекцию деревянных резных календарей Великоустюгского музея, сделать прорисовку нанесённых на них знаков и провести первоначальную атрибуцию.

В фондах Великоустюгского музея хранятся шесть резных календарей. Каждый из них представляет собой деревянный брусок с четырьмя боковыми гранями, с нанесёнными на них зарубками и знаками. Принцип расположения знаков у большинства календарей одинаков: каждому сезону соответствует одна грань. На каждой из них вырезаны зарубки, соответствующие количеству дней в месяцах. Всего на каждый календарь (кроме ВУМЗ-15450) нанесено 366 насечек: в феврале их сделано 29. В определённые дни около зарубки вырезаны знаки, указывающие на наиболее важные церковные праздники.

Первое описание одного из этих календарей было сделано ещё в 1919 году устюжским историком-краеведом Вениамином Петровичем Шляпиным (1861–1943)⁴. Описанный им **календарь ВУМЗ-12488** представляет собой брусок светло-коричневого цвета с квадратным основанием, размерами 2,2 x 35,7 x 2,7 см. На нём вырезано 66 знаков. Часть их едва намечена, процарапана, ряд других выполнен глубокими резами.

Для последовательного чтения знаков календарь нужно поворачивать на себя. На первой грани дни читаются справа налево, при переходе на следующую грань отсчёт дней начинается слева направо. Месяцы отделяются друг от друга незаполненным пространством. На календаре, как и в православных святцах, за начало года принята дата 1 сентября⁵. Она обозначена небольшой дугой у первой зарубки. От отметки 28 февраля идёт косая линия вправо.

Прорисовка знаков календаря ВУМЗ-12488

В своей работе «Описание деревенского календаря или деревянных святцев»⁶ В.П. Шляпин описывает внешний вид календаря, способ использования, даёт зарисовку каждого значка и указывает название праздника, отмечавшегося в этот день. Это православные праздники, а также дни из народного календаря, пословицы и приметы, им соответствующие. Например, в июне отмечены следующие праздники:

- «6 – Илариона. Пришел Иларион – дурную траву из поля вон;
- 12 – Онуфрия Великого (ему молятся об избавлении от внезапной смерти);
- 24 – Рождество Иоанна Предтечи. Ивана Купала – добывание огня, костры, прыганье через них;
- 26 – Тихвинской ик. Б.М. (молятся ей о здравии младенцев);
- 29 – Ап. Петра и Павла. Ладь косы к Петрову дню»⁷.

Вениамин Петрович, объясняя расположение знаков на календаре, пишет: «...на святцах отмечены главные праздники, чтимые крестьянами и особенно связанные с теми или иными моментами производства сельских работ. Это не только церковный, но и сельскохозяйственный календарь. Кроме того, в нём отмечены ещё и некоторые дни, нарочито важные в данной семье, т.е. отмечающие семейные события этой семьи, даже праздники близлежащих приходских церквей, на которые, очевидно, семья эта путешествовала. В употреблении был он не один десяток лет и только в конце к нему небрежно относились, отдав, как игрушку, маленьким ребятам для шальства»⁸.

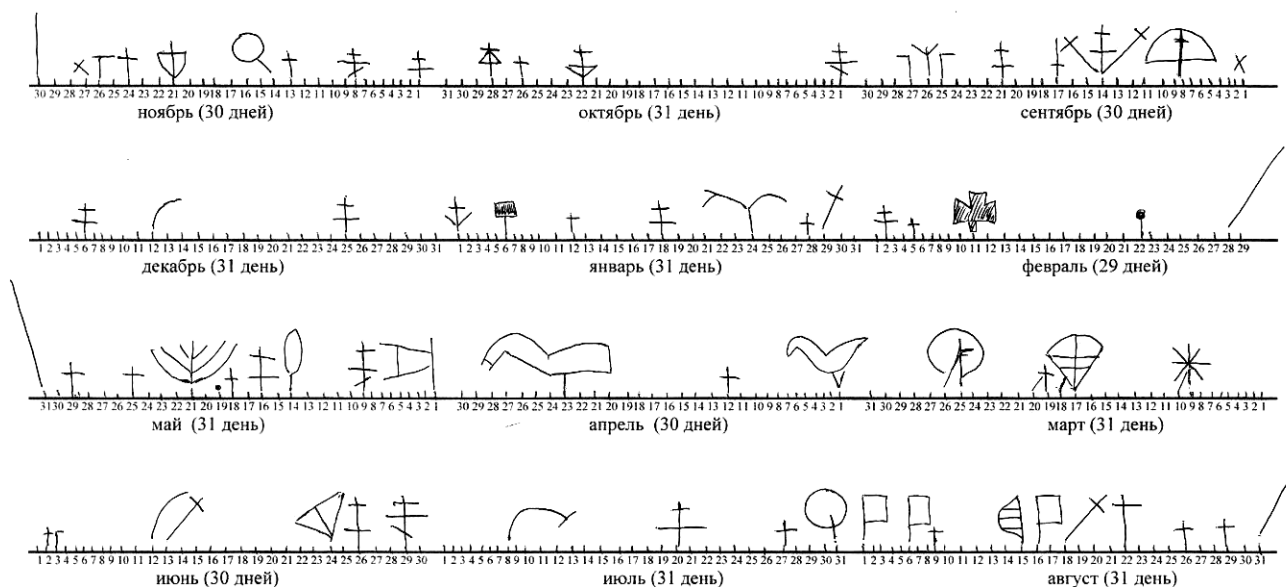
Согласно легенде музейного предмета, этот календарь был приобретён у шестидесятилетнего старика, которому, в свою очередь, он достался от отца. Пользовались календарём только мужчины, хранили его как реликвию и передавали по наследству.

По мнению В.П. Шляпина, он был скопирован с древнего образца: «Календарь этот – памятник тех времён, когда в России не было ещё печатных календарей, и когда год начинался с сентября месяца, т.е. это памятник допетровского времени (ранее Петра Великого), следовательно, относится ко времени двух-

трёх столетий тому назад. Конечно, сама по себе эта палка с нанесёнными на ней фигурами не имеет двухсотлетней или трёхсотлетней давности, но сделана она, как копия, с таких же палок более раннего времени, а потому и может быть считаемая памятником, идущим из стародавних времён. Впрочем, и эта палка насчитывает много десятилетий своего существования»⁹.

По конструкции календаря и выделенным на нём праздникам можно предположить, что он был изготовлен в начале XIX века по более раннему образцу. Календарь экспонируется в Музее этнографии Великого Устюга.

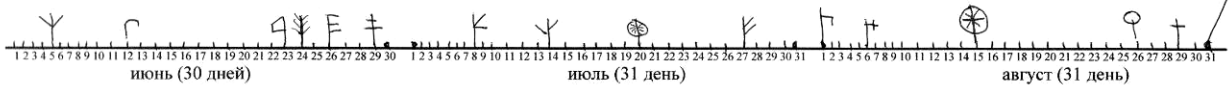
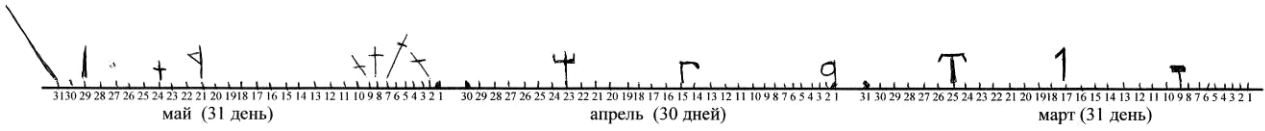
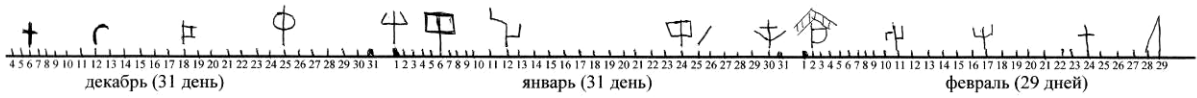
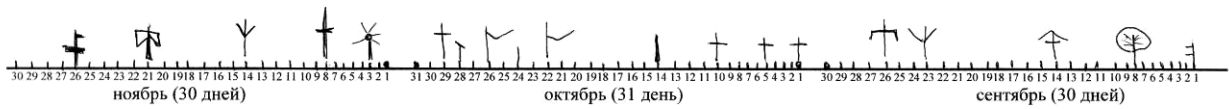
Календарь ВУМЗ-21621 имеет вид узкого бруска светлого цвета с округлой ручкой, размерами 2,8 x 60 x 2,7 см. На нём вырезано 77 знаков. Резьба упрощённая, глубокая. Некоторые грани сколоты, поэтому зарубки не видны, что затрудняет соотнесение значков с днями месяца. Начало года – 1 сентября – выделено маленьким крестиком. Косой линией (в ноябре – прямой) отмечен переход к следующему сезону. По предварительной атрибуции, календарь датируется началом XIX века, изготовлен с более раннего образца.

Прорисовка знаков календаря ВУМЗ-21621

В музей календарь передал фотограф Станислав Анатольевич Хабаров в 1983 году. Календарь был найден в доме его деда – Николая Ефимовича Тотмакова, который проживал в деревне Кременье (недалеко от Великого Устюга) и скончался в 1962 году в возрасте 87 лет.

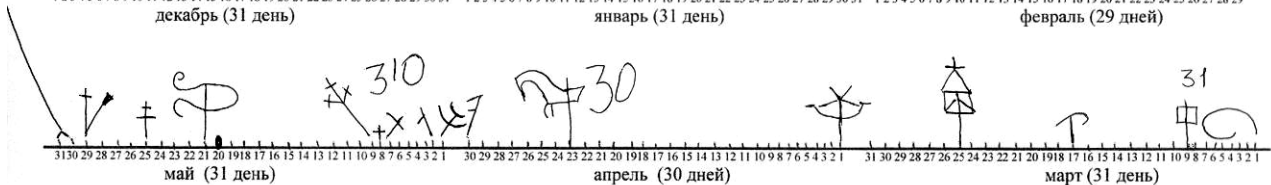
Календарь ВУМЗ-15450 представляет собой узкий длинный брусок размерами 2,6 x 72 x 2,1 см. Он имеет 66 знаков. Резьба упрощённая. Конец февраля, мая и августа отмечен косыми вертикальными линиями (в феврале двойной). Расстояния между зарубками, позволяющими разграничить месяцы, невелики, но в начале и конце месяца одна грань сделана в форме полуовала. В декабре всего 28 зарубок. По предварительной атрибуции, календарь изготовлен не позднее первой половины XIX века.

Прорисовка знаков календаря ВУМЗ-15450

Этот календарь был приобретён в июле 1961 года у 76-летнего Якова Ивановича Осколкова. Согласно легенде, им пользовался его дед, проживавший в деревне Павшино Теплогорского сельсовета Великоустюгского района.

Календарь ВУМЗ-12489 имеет вид широкого бруска тёмно-коричневого цвета размерами 3,2 x 26,7 x 3,4 см. Расположение месяцев такое же, как и на предыдущем календаре, отделяются они друг от друга незаполненным пространством. Над каждым месяцем арабскими цифрами обозначено количество дней. В конце каждой грани идёт косая вертикальная черта, показывающая направление поворота календаря. Начинается календарь с 1 сентября: над этим днём видна полукруглая зарубка. Рисунки (80 знаков) вырезаны аккуратно, художественно, тонкими линиями. Зарубки с 21 по 29 февраля сделаны более крупными, глубокими и широкими.

Прорисовка знаков календаря ВУМЗ-12489

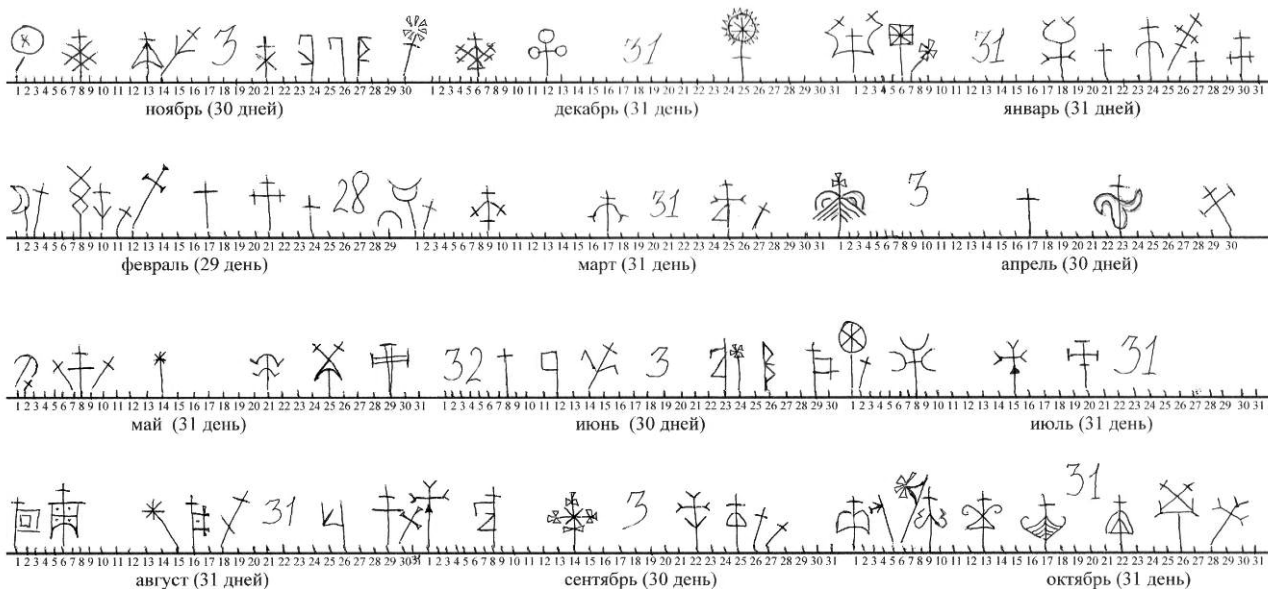
По конструктивным особенностям и отмеченным на календаре праздникам время его изготовления можно отнести к последней трети XVII – первой четверти XVIII века. Календарь был куплен в 1930 году у И.Я. Делягина, проживавшего в деревне Верхнее Бушково Ямженского сельсовета Великоустюгского района.

Календарь ВУМЗ-16448, так же, как и ВУМЗ-12489, выполнен в форме широкого бруска тёмно-коричневого цвета, размерами 4,7 x 42,7 x 4,5 см. Календарь довольно массивный. Всего на нём вырезано 86 знаков. Резьба художественная, зарубки крупные, глубокие, с овальными краями.

Календарь ВУМЗ-16448

Над каждым месяцем, как и на предыдущем календаре, указано количество дней. Интересно, что в июне вырезана цифра «32», а над другими месяцами вместо «30» – цифра 3. Расположение месяцев не соотносится с привычными границами смены времён года. Все грани следует читать слева направо, в отличие от рассмотренных выше календарей.

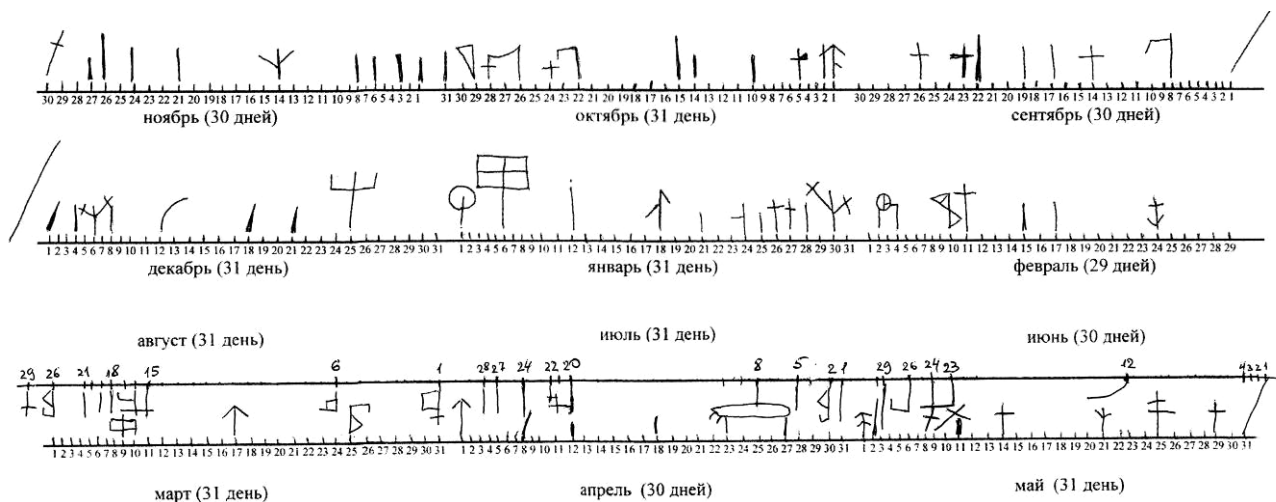

Прорисовка знаков календаря ВУМЗ-16448

Это единственный календарь в коллекции музея, на торце которого указана дата: «1870». Возможно, он был скопирован с более раннего календаря середины – второй половины XVIII века. В музей календарь поступил в 1966 году от Елизаветы Изосимовны Каратаевской из города Красавино Великоустюгского района. Экспонируется в Музее этнографии Великого Устюга.

Календарь ВУМЗ-18665 представляет собой узкий длинный брусок чёрного цвета, размерами 2,8 x 57 x 2,6 см. Зарубки (99 знаков) примитивные, размещены только на трёх гранях. На одном конце сделан глубокий выпил, к нему привязана верёвка. Внешний вид календаря, содержание и столь большое количество знаков¹⁰ позволяют предположить, что он был выполнен в конце XVII века.

Календарь приобретён в 1977 году у Прокопия Евгеньевича Угрюмова из Великого Устюга. Согласно легенде, календарь принадлежал Афанасию Васильевичу Кузнецову, который скончался в 1911 году в возрасте 102 лет. Календарь экспонируется в Музее этнографии Великого Устюга.

Прорисовка знаков календаря ВУМЗ-18665

При анализе деревянных календарей-святцев из собрания Великоустюгского музея-заповедника удалось выяснить следующее:

- количество отмеченных праздничных дней на всех календарях неодинаковое: от 66 до 99. Самое большое количество праздников – на календаре XVII века (ВУМЗ-18665). На нём выделено много дней, не обозначенных в других календарях;

- на каждом календаре выделены непереходящие двенадцатые и великие православные праздники¹¹;

- на всех шести календарях особыми значками выделены православные праздники, связанные с почитаемыми на Руси святыми: Георгием Победоносцем, Николаем Чудотворцем, пророком Илией, Иоанном Богословом, Параскевой Пятницей, Афанасием Великим, Григорием Богословом, Димитрием Прилуцким, Димитрием Солунским, Иоанном Богословом, Алексием, человеком Божиим;

- на четырёх календарях обозначены дни памяти Соловецких святых (17 апреля¹², 9 августа¹³, 27 сентября¹⁴). Частичное объяснение этому находим в работе В.П. Шляпина: «27 сентября – п. Савватия Соловецкого. Это число отмечено на святцах как местный праздник, так как ближайшая церковь к деревне, из которой был владетель святцев – Савватиевская»¹⁵.

- дни памяти особо почитаемых устюжских святых Прокопия Праведного (8 июля) и Иоанна Устюжского (29 мая) обозначены на всех календарях. Па-

мятные дни преподобного Киприана Устюжского (29 сентября) – местночтимого святого, основателя Михайло-Архангельского монастыря¹⁶, и святителя Стефана Пермского (26 апреля), родившегося в Великом Устюге¹⁷, на календарях не отмечены;

- в обозначении праздников можно проследить некоторые закономерности. Дванадцатые и великие праздники отмечены крестами различной формы, иногда вписанными в круг или полукруг, квадрат или прямоугольник¹⁸. В день Крещения Господня значки имеют вид прямоугольника с крестом на древке¹⁹, в праздник Рождества Христова – креста в круге на древке²⁰, Воздвижения Креста Господня – вид украшенного особым образом креста²¹. Часть праздников обозначена двумя или тремя крестами, выходящими из одной точки: Собор трёх святителей (30 января), дни памяти Николая Чудотворца (6 декабря и 9 мая). Средние и малые церковные праздники выделены обычными крестами;

- некоторые праздники отмечены буквенными (кириллическое письмо) обозначениями. Литерой «Б» на большинстве календарей Великоустюгского уезда обозначены праздничные дни, связанные с Богородицей²² (за исключением Успения). Подобным образом в других календарях обозначены праздники: Алексеев день (А), Иванов день (И), день памяти великомученика Димитрия Солунского (Д), преподобного Симеона Столпника (С) и т.д.²³;

- на всех календарях прослеживается связь православных праздников с сельскохозяйственными работами. На это обращает внимание в своей рукописи и В.П. Шляпин: «23 апреля – Георгия Победоносца. Изображено подобие лошади: выгон скота на пастьбу;

1 мая (подобие сохи) – пр. Иеремии. Еремея запрягальника. Овёс сея – моли Еремея;

8 июля (род горбуши) – Прокопий Устюжский чудотворец. Начало сенокоса (в той местности, где приобретены эти святцы, обычно сенокос начинался с Прокопьева дня)²⁴.

Кроме перечисленных выше рисунков, на календарях можно увидеть также изображение хоругвей в праздники Спаса (1, 6 и 16 августа)²⁵; рисунки кустарников или растений в день памяти Равноапостольных Константина и Елены (21 мая) – Олены-льняницы, так как в этот день начинали сеять лён²⁶; дугообразные линии в дни Петра-солнцеворота (12 июня) и Спиридона-солнцеворота (12 декабря)²⁷.

Разное время создания календарей, техника резьбы, характер изображений и наличие копий по ранним образцам позволяют установить достаточно длительный период использования их на территории Великоустюгского уезда. Однако данная статья далеко не исчерпывает богатство содержания календарей. Работа по более подробному изучению резных календарей-святцев из коллекции Великоустюгского музея-заповедника обязательно будет продолжена.

¹ Выражаем благодарность за помощь в написании статьи Людмиле Анатольевне Скупченко – хранителю коллекции «Дерево» Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Огромную благодарность за помощь в атрибуции календарей выражаем Ольге Геннадьевне Барановой – научному сотруднику высшей категории отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея.

К сожалению, ей пришлось работать с фотографиями, не видя самих календарей. По содержанию и начертанию знаков на календарях, их внешнему виду и присланным легендам ею была проведена предварительная датировка.

² См. например: Майстров Л.Е., Просвирина С.К. Народные деревянные календари // Историко-астрономические исследования. Вып. 6. М., 1960; Савваитов П.И. О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке, изобретённой Святым Стефаном. М., 1873; Сивков Н. Зырянские деревянные календари-святцы. К проблеме датировки // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2013. № 4; Срезневский В.И. Северный резной деревянный календарь. СПб., 1874.

³ Баранова О.Г. Русские деревянные календари в собрании РЭМ // Живая Старина. 1998. № 3. С. 25–28; Баранова О.Г. Резные деревянные календари из Устюгского уезда Вологодской губернии // Музей. Традиция. Этничность. № 2. СПб., 2012. С. 37–50.

⁴ О В.П. Шляпине подробно см.: Чебыкина Г.Н. В.П. Шляпин: историк и краевед // Бысть на Устюзе...: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 21–30.

⁵ Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

⁶ ВУМЗ-26700. Шляпин В.П. Описание деревенского календаря или деревянных святцев. 20.03.1919 г. Рукопись. 6 л.

⁷ Там же. Л. 5.1.

⁸ Там же. Л. 6.1.

⁹ Там же. Л. 6.1–7.

¹⁰ Буткевич А.В., Зеликсон М.С. Вечные календари. М., 1984. С. 43.

¹¹ Дванадцатые: Крещение Господне (6 января), Сретение Господне (2 февраля), Преображение Господне (6 августа), Воздвижение Честнаго Креста Господня (14 сентября), Рождество Христово (25 декабря), Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта), Рождество Богородицы (8 сентября), Успение Богородицы (15 августа), Введение Богородицы во храм (21 ноября). Великие: Обрезание Господне (1 января), Рождество Иоанна Предтечи (24 июня), Ап. Петра и Павла (29 июня), Усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа), Покров Пресвятой Богородицы (1 октября).

¹² ВУМЗ-16448.

¹³ ВУМЗ-21621.

¹⁴ ВУМЗ-12488, 12489, 16448, 21621.

¹⁵ ВУМЗ-26700. Л. 2.

¹⁶ Официальной канонизации не было. В Устюге он почитается как местночтимый святой и его имя упоминается в раннем списке XVI века Жития Иоанна Устюжского.

¹⁷ Канонизирован в лике святителя в 1549 году.

¹⁸ Баранова О.Г. Резные деревянные календари из Устюгского уезда Вологодской губернии // Музей. Традиция. Этничность. № 2. СПб., 2012. С. 37–50.

¹⁹ ВУМЗ-12489, 16448, 18665.

²⁰ ВУМЗ-12488, 12489, 15450, 16448.

²¹ ВУМЗ-12489, 15450, 16448, 21621.

²² Благовещение (25 марта); Владимирской иконы Божией Матери (23 июня); Положение риз (2 июля); иконы Одигитрии Смоленской, почитаемой в Устюге (28 июля); Сретение Владимирской иконы Божией Матери (26 августа); Рождество Пресвятой Богородицы (8 сентября); Покров (1 октября); Казанской иконы Божией Матери (22 октября); иконы Знамение Пресвятой Богородицы (27 ноября).

²³ Баранова О.Г. Русские деревянные календари в собрании РЭМ // Живая Старина. 1998. № 3. С. 28.

²⁴ ВУМЗ-26700. Л. 4 об.

²⁵ ВУМЗ-12488, 12489, 16448, 18665, 21621.

²⁶ ВУМЗ-12488, 16448, 18665, 21621.

²⁷ ВУМЗ-12488, 12489, 15450, 18665, 21621.

**КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЦИВИЛЁВ: УЧИТЕЛЬ, КРАЕВЕД,
ВНЕШТАТНЫЙ СОТРУДНИК ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО МУЗЕЯ**

Кирилл Александрович Цивилёв (1862–1939) родился в Великом Устюге. Его отец, по косвенным данным, после окончания уездного училища некоторое время преподавал в приходском училище. Позднее, по-видимому, поступил на военную службу, так как Кирилл в некоторых документах записан как сын обер-офицера. После окончания училища в 1878 году Кирилл поступил в Тотемскую учительскую семинарию.

В фондах Великоустюгского музея-заповедника (ВУГИАХМЗ) хранится его дневник (ВУМЗ-28902/12) за 1878–1879 годы, на страницах которого шестнадцатилетний автор рассказывает о своих впечатлениях и переживаниях в первый год учёбы в семинарии. Дневник состоит из трёх отдельных тетрадей размером 22,3х18 см, в которых листочки сшиты льняными нитками. Бумага нелинованная. В первой тетради 6 листов, записи начинаются 15 июля и заканчиваются 29 августа 1878 года. Во второй тетради – 9 листов, записи с 11 ноября по 22 декабря 1878 года. В третьей тетради – 12 листов, записи начинаются 20 августа и заканчиваются 10 ноября 1879 года. Листы пронумерованы только в третьей тетради. Всего 27 листов рукописного текста тёмно-коричневыми чернилами.

В начале дневника автор пишет, что в Тотьму он приехал с дедушкой 15 июля 1878 года на пароходе «Сухона». Сначала остановились в доме судебного пристава Н.А. Светлосанова, а 17 июля перешли в дом к надворному советнику Василию Ивановичу Коржавину, уроженцу Великого Устюга. 19 июля дедушка подал прошение в семинарию и в тот же день на пароходе «Жаворонок» уехал обратно в Устюг. Для Кирилла началась самостоятельная жизнь. Он знакомился с Тотьмой, посещал храмы, с новыми знакомыми ходил за ягодами. Мальчик тяжело переживал разлуку с семьёй: «23 июля ходил к обедне к Сретению Господню, после обеда тосковал и плакал по родине до 5 часов вечера». В августе Кирилл прошёл медосмотр, успешно сдал вступительные экзамены и был принят в семинарию. 22 августа начались занятия. Он уведомил об этом родных и получил от дедушки поздравление.

Далее записи повествуют о буднях семинариста (о подготовке к урокам и практическим занятиям, об успехах и неудачах, о посещении семинарии и храмов, о занятиях в свободное время, об отношениях с друзьями и одноклассниками). В них также имеются сведения о погоде, настроении Кирилла, о разных переживаниях, о посещении знакомых, среди которых были и девочки. К одной из них он отметил особое отношение. Новые чувства приятно волновали и тревожили его душу. По этому поводу он записал стихи: «Засните все в груди моей невинные желанья. Душа моя, забудь о ней, прерви мои страданья». Иногда Кирилл фиксировал своё отношение к происходящим в стране событиям. Например, 26 ноября он писал: «Начался молебен в соборе и прочитали телеграмму, что было покушение на жизнь государя императора 19 ноября в Москве. Ах,

Господи, до чего дожили мы, что стали подымать руку на помазанника Божия. Господи, видимо, хранит своего избранника. Спаси, Господи, царя и Россию».

В 1881 году Кирилл Александрович окончил семинарию и 13 июня получил свидетельство о присвоении ему звания учителя приходского училища. С 29 декабря того же года началась его учительская служба. Сначала он получил назначение в Губинское сельское начальное училище Удимской волости Великоустюгского уезда. В феврале 1883 года по инициативе городского головы Ф.С. Филиппева и члена городской управы А.Н. Басистова открылось 3-е мужское приходское училище в Великом Устюге, и начинающего учителя перевели в родной город. В этом училище он работал учителем и заведующим со дня открытия и до закрытия его в 1918 году, то есть 35 лет¹.

До августа 1899 года училище располагалось на первом этаже здания женской прогимназии, а затем было переведено в двухэтажный деревянный на каменном фундаменте дом на Ильинской улице. Главным фасадом дом выходил на Воскресенскую площадь. Он достался городу от умершего пробирных дел чиновника Николая Григорьевича Черкасова, у которого не оказалось наследников. Дом был в три окна по фасаду, но в 1907 году его расширили и сделали в четыре окна. На первом этаже жили учителя, на втором этаже размещались классные комнаты.

3-е мужское приходское училище посещали как городские, так и сельские дети: из деревень Петрино, Коробово, Ивашево, Юдино. В среднем в училище обучалось 117 человек. Открывалось учебное заведение как однокомплектное, но уже в 1884 году ввели должность второго учителя. В 1888 году снова открыли Дымковскую церковно-приходскую школу, и нагрузка на учителей немного снизилась. Содержалось учебное заведение на средства, получаемые от земства и городского общества, от частных обществ и лиц. Большую помощь оказывали попечители: купцы Алексей Афанасьевич Попов (с 1883 по 1889 год), Григорий Павлович Жилин (с 1889 по 1895), Алексей Николаевич Кушеверский (с 1895 по 1916). О последнем попечителе в одном из своих отчетов Кирилл Александрович отметил, что это «весьма заботливый и добрый деятель училищного хозяйства»².

В Великом Устюге 3-е мужское приходское училище пользовалось авторитетом. Кирилл Александрович был доброжелательным человеком и хорошим учителем. Он постоянно заботился о приобретении новых наглядных пособий, книг для ученической и учительской библиотеки, выписывал журналы «Русский начальный учитель», «Русская школа», «Русский паломник», «Нива» и другие. Своих подопечных любил, называл их «детками», «малышками». Часто устраивал экскурсии на природу, маленькие праздники (например, в честь 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова), отмечал разные исторические даты, а весной вместе с выпускниками училища высаживал памятные тополя. Инспекторы, посещавшие его уроки, неоднократно отмечали, что учитель – «добросовестный и преданный своему делу преподаватель, опытен, уважаем местным обществом и любим учениками», но «очень мягок для бойких городских мальчиков»³, отчего нередко страдала дисциплина в классе.

3-е приходское училище окончили Владимир Павлович Шипулин (ректор Московской духовной семинарии архимандрит Борис), инспектор Великоустюгской мужской гимназии Иван Михайлович Меньшиков, лесничий А.В. Бушковский и другие известные устюжане⁴.

В своих отчётах, как особо памятную дату, Кирилл Александрович отмечал 10 июня 1885 года, когда училище посетил великий князь Владимир Александрович. Но июнь 1885 года был памятен и в личной жизни Кирилла Александровича. 14 июня он вступил в брак с Верой Евлампиевной Завариной (02.06.1867–13.07.1912). Вместе они прожили 27 лет. У супругов родилось семеро детей: Николай (1888), Александр (1890), Феодосий (1893), Варвара (1894), Мария (1897), Екатерина (1901), Кирилл (1912), из них четверо умерли в детстве⁵. После рождения Кирилла (10 июля) через три дня умерла от воспаления лёгких Вера Евлампиевна. Мальчик умер примерно через месяц. Потеря жены была для Кирилла Александровича тяжёлым ударом. Утешением и отрадой для него стали сын Феодосий, дочери Варвара и Мария. А ещё – любознательные ученики, помогавшие ему забыть о горе своей неуёмной энергией и бесконечными вопросами. В 1916 году Кирилл Александрович был награждён «за усердие в труде» орденом Св. Станислава 3-й степени. Ещё ранее, в 1897 году, он получил медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения»⁶.

После революции в октябре 1917 года старые учебные заведения стали переименовывать, а принадлежавшие духовному ведомству закрывать. 3-е мужское приходское училище наименовали 7-й советской школой 1-й ступени. Советская власть недоверчиво относилась к старым кадрам и принимала меры к подготовке учителей на новой идеологической платформе. В связи с нехваткой учителей Кирилл Александрович некоторое время работал в школе, а потом последовало увольнение. Возраст его насчитывал около 60 лет, были ещё и силы, и энергия. Всё свободное время отныне он стал посвящать своему старому увлечению – краеведению.

Историей родного города и края Кирилл Александрович интересовался с юношеских лет: собирал библиотеку, предметы старины, много читал. Будучи любознательным и общительным человеком, с удовольствием встречался с пожилыми людьми, слушал их воспоминания, разные легенды, обычаи и записывал под рубрикой «Заметки старины». В фондах ВУГИАХМЗ хранятся рукописные «Предания старожилов г. Великого Устюга о кулачных боях, силачах и Преображенской гулянке», собранные К.А. Цивилёвым в 1880-е годы (ВУМЗ-21167). Кроме преданий, рукопись содержит стихи о наводнении в Великом Устюге 27–28 апреля 1873 года, сочинённые и записанные устюжским диаконом в 1880 году (имя сочинителя не отмечено).

Кирилл Александрович писал статьи о городе в популярные тогда журналы «Природа и люди», «Нива» и др. В фондах музея имеется журнал «Природа и люди» (№ 13 за 1913 год) с его статьёй о Великом Устюге (ВУМЗ-25207). К статье приложены три иллюстрации с видами города.

Кирилл Александрович был «чрезвычайно религиозен», как отметил один из инспектирующих его работу. Вероятно, поэтому он уделял особое внимание истории церквей и монастырей города и окрестностей. В 1915 году составил

рукопись из 12 частей под общим названием «Великоустюжские святыни. Церковно-исторический очерк» объёмом 25 листов. Каждая часть имеет своё название. Автор даёт краткие исторические сведения о Троице-Гледенском, Михайло-Архангельском, Иоанно-Предтеченском, Знамено-Филипповском монастырях, об Успенском и Прокопиевском соборах, о церквях Вознесения, Иоанна Праведного, Спасо-Преображенской и Сретенско-Мироносицкой. В отдельные части выделены «Береговые и центральные церкви», «Окраинные храмы и часовни». Он собрал много фотографий и открыток с изображениями устюжских храмов.

Интересны его летописные заметки, свидетельствующие о том, что он пристально следил за жизнью храмов и города при новой власти, фиксировал важные, на его взгляд, события. В музее хранится черновой вариант летописи, составителем которой был К.А. Цивилёв (ВУМЗ-24205). На титульном листе – название «Великоустюжский летописец (дополнение к прежде изданному)». Ниже отмечено: «черновик», а по нижнему краю сделана приписка простым карандашом: «записи учителя К.А. Цивилёва».

Рукописная книга в твёрдом переплете с картонными обложками состоит из 94-х листов. Записи сделаны крупным размашистым почерком, разными чернилами. Летописец начинается с 1869 года и заканчивается 1936 годом. С 1869 по 1914 годы события записывались по порядку, причём для каждого года оставались свободные страницы с целью дополнения. Когда книга закончилась, автор с 1915 по 1936 годы стал делать записи на свободных страницах, поэтому записи XIX века перемежаются с записями XX века. Несмотря на то, что летописец представлен в черновике, он интересен в том плане, что содержит сведения о многих событиях 2-й половины XIX века, не отмеченных в опубликованных летописях А.А. Титова⁷. Кроме того, Кирилл Александрович впервые записал события 1-й трети XX века. Его записки были использованы при составлении летописной книги, вышедшей в 2007 году⁸. Во всех работах К.А. Цивилёва чувствуется знание истории Великого Устюга, привязанность к родному городу, желание поведать о нём другим.

В сентябре 1909 года Кирилл Александрович получил приглашение стать членом комитета по заведованию древлехранилищем. С этого времени его жизнь была тесно связана с созданием и деятельностью музея в Великом Устюге. Он передал в древлехранилище свою небольшую коллекцию монет, более двух десятков книг, благословящую грамоту архиепископа Александра от 1694 года на построение новой церкви в Морозовице и другие предметы. При открытии в городе в ноябре 1918 года Музея северодвинской культуры Кирилл Александрович вошёл в состав музейной коллегии, а позднее – в состав совета музея «как знаток предметов старины и оказывающий ценные услуги». Он работал экскурсоводом по городу, водил экскурсии в Троице-Гледенский монастырь, церковь Вознесения, в Успенский и Прокопиевский соборы, на Городище. Для желающих устраивал поездки на стекольный и фанерный заводы, спичечную фабрику, в гончарную мастерскую Н.А. Кушеверского⁹. При необходимости мог провести экскурсию в музей.

Неоценим его вклад в формирование предметного фонда музея. В отчётах неоднократно упоминалось, что «из частных лиц наибольшую заботливость о пополнении музея экспонатами продолжает проявлять Кирилл Александрович Цивилёв, жертвующий музею свои старинные книги и склоняющий к тому и других граждан города». Примечательно, что на каждое собрание музейной коллегии или совета он приходил с очередным подарком. Кирилл Александрович дарил музею не только книги. Например, в декабре 1920 года он принёс старинную деревянную коробочку, обитую железом, и песочницу. В 1931 году, кроме книг XVIII–XIX веков, от него поступили лубочные картины, статьи художника А.А. Борисова, более трёх десятков подлинных фотографий с видами города и окрестностей, а также портрет устюжанки (ВУМЗ-24226), написанный в 1845 году учителем рисования Великоустюгского уездного училища Андреем Сидоровым.

В 1931 году Кирилл Александрович передал в музей красочный альбом «Российский царственный Дом Романовых» (ВУМЗ-24339/1-41), изданный в 1895–1896 годах К.А. Бороздиным. Альбом содержит 42 портрета русских государей и государынь династии Романовых. Портреты выполнены в технике хромолитографии и сопровождаются хорошо составленными текстами. Помимо художественного, это великолепное издание имеет ещё и большое историческое значение. В том же году от Кирилла Александровича поступило собрание эстампов под названием «Портретная галерея русских деятелей» (ВУМЗ 24330/1-61), изданное известным петербургским литографом Александром Эрнестовичем Мюнстером в 1864–1869 годах. Издание посвящено императору Александру Николаевичу, содержит портреты канцлеров, министров, администраторов, членов Государственного совета, адмиралов, фельдмаршалов и некоторых представителей Дома Романовых. Под каждым из них факсимиле автографа изображённого лица. Всего в первом томе было 100 портретов, в переданной музею коллекции – 61 портрет (39,5x28,5 см). В настоящее время издание А.Э. Мюнстера является антикварной редкостью.

Особо хочется выделить ещё один ценный подарок К.А. Цивилёва музею, сделанный в 1931 году. Это рукописная книга «Летописец Великоустюжский» 1-й четверти XVIII века (ВУМЗ-21025). Книга в цельном переплёте с картонными обложками серого цвета. На форзаце в верхнем правом углу – полустёршийся экслибрис К.А. Цивилёва. Текст написан полууставом чёрными чернилами на бумаге ручного производства с филигранями (герб города Амстердама и литеры «А С»), в заголовках и инициалах использована киноварь. Начальные литеры орнаментированы. Текст летописца содержит известия о событиях в Великом Устюге до 1720 года. Всего же Кириллом Александровичем было передано в музей более 300 разных предметов, имеющих историческое и культурное значение.

В 1923 году при музее было учреждено Северо-Двинское общество изучения местного края. Кирилл Александрович являлся одним из членов-учредителей общества и всеми возможными способами содействовал его работе (денежными взносами, поисками авторов для написания статей и т.д.). С музеем он сотрудничал до конца своих дней.

Последние два года жизни К.А. Цивилёва были страшными. 2 августа 1937 года районным отделом НКВД был арестован 45-летний сын Феодосий, его опора и надежда. Феодосий Кириллович (17.06.1893–25.02.1938) окончил Великоустюгскую мужскую гимназию и два курса историко-филологического факультета Московского университета. 29 мая 1916 года был взят на военную службу, окончил 1-ю Одесскую студенческую школу прапорщиков, 10 октября 1916 года произведён в чин прапорщика и направлен в действующую армию. Служил в 414-м Торопецком пехотном полку, 18-м Заамурском пограничном полку. Участвовал в боях в Галиции с 17 июля 1917 года. С 15 сентября по 2 декабря 1917 года лечился от дизентерии и тифа в подвижном полевом лазарете и госпитале Красного Креста. После лечения вернулся в Великий Устюг, где с 11 апреля до 2 июля 1918 года исполнял обязанности секретаря при Великоустюгском районном комитете труда и промышленности. Затем – командир первого взвода (помощник ротного) в Сольвычегодской местной караульной роте (до октября 1918 года), инструктор-организатор. С января 1921 года работал в учреждениях политпросвета¹⁰, в 1926 году преподавал общеобразовательные дисциплины в Великоустюгской школе милиции¹¹. В 1930-е годы работал преподавателем немецкого языка в Великоустюгском педучилище. В 1937 году Феодосия Кирилловича обвинили в участии в контрреволюционной террористической организации. 21 декабря 1937 года тройкой УНКВД он был осуждён и 25 февраля 1938 года расстрелян¹². Реабилитирован 3 ноября 1956 года «за отсутствием состава преступления». Кирилл Александрович Цивилёв скончался 23 августа 1939 года.

¹ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. 246. Оп. 1. Д. 36. Л. 34–51.

² Там же.

³ ВУЦА. Ф. 262. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

⁴ ВУЦА. Ф. 246. Оп. 1. Д. 36. Л. 34–51.

⁵ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 8251 (Метрические книги Никольской церкви).

⁶ ВУЦА. Ф. 246. Оп. 1. Д. 35.

⁷ Титов А.А. *Летопись Великоустюжская*. М.: Изд. А.К. Трапезникова, 1889; Титов А.А. *Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. XIII–XX вв.* М.: Изд. К.Н. Брагина, 1903.

⁸ Чебыкина Г.Н. *Великий Устюг. Летописная книга XII – начала XXI века*. Великий Устюг: ВУГИАХМЗ, 2007.

⁹ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 6. Л. 194–196 об.

¹⁰ ВУЦА. Ф. Р-574. Оп. 3. Д. 23. Л. 14.

¹¹ ВУЦА. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 121. Л. 222.

¹² Жертвы политического террора в СССР. [Электронный ресурс.] Режим доступа: base.memo.ru/person/show/1262660

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ВИЛЕГОДСКОГО ПАРНЯ «ОЛИ ФИЛИМОНКОВА», ИЗЛОЖЕННЫЕ В ЕГО ВОСПОМИНАНИЯХ

Исполняя волю отца, выраженную в его завещании, написанном 22 июня 1983 года в возрасте 72 лет, я приложила все силы и возможности для сохранения родительского дома в д. Шевелёвы (Вилегодский район Архангельской области, 30 км от с. Ильинско-Подомского по дороге на Сыктывкар).

Во время проведения ремонтных работ в родительском доме я обнаружила корзину. В ней были письма, квитанции, справки, заявления, накладные, записи, датированные с 1930 года. Эти документы были обёрнуты в плотную бумагу и туго перевязаны старым шпагатом. Надпись гласила: «*Это очень важный архив или все борьба за существование*». Перебирая старые, пожелтевшие, потрёпанные листочки и вчитываясь в строки, написанные рукой моего отца, изучая информацию какого-либо официального документа, я ощущала жгучий трепет души, доводящий до слёз.

У меня в руках три школьных тетради в клеточку, в которых наш отец Александр Филимонович Шевелёв, 1911 года рождения, уроженец д. Клубковская Выставка (второе название – Шевелёвы) Саминского сельсовета Вилегодского района, написал воспоминания о жизни: своей, деда и отца. Он написал их для нас – своих детей, внуков и правнуков. Это информация из первых рук о жизни крестьянской семьи начала XX века – жизни, характерной для многих семей северного края. Далее фрагменты этого текста выделены курсивом и приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

В записках отец повествует о своём отце – Филимоне Васильевиче Шевелёве, 1888 года рождения, и деду – Василии Яковлевиче, 1854 года рождения, который в течение шести лет нёс службу в Волынской бригаде пограничной стражи, был кавалеристом 2-го разряда и ратником 1-го разряда.

Дед был средним сыном в семье таёжника Якова Егоровича. Старшего – Леонтия, и младшего – Алексея, на военную службу не взяли. Когда Василий Яковлевич был недоростком, в наших местах жил поляк, попавший сюда после восстания в Польше. Отбыв срок, он вернулся в Польшу, и там во время службы дед его встретил седым стариком. Его фамилия была Савицкий. Только на службе дед узнал буквы на занятиях по словесности и научился расписываться.

Пришел домой дед Василий бравым храбрым солдатом 28 лет, около весеннего Николе, в 1882 году. На пути домой деревня Пригодино, а там престольный праздник. На «качулях» (качелях) качаются, с иконами по домам ходят. Поймал дед мяч. Ему надо садиться на качулю: его будут качать. Он подбежал к качуле, заскочил и проговорил: «Хиба (разве. – пол.) сесть покачаться». Окружающие подхватили, и Хиба с тех пор стало его прозвищем – Хаба. Впоследствии и моего отца Александра Филимоновича стали называть этим прозвищем.

В дневниковых записях отец помнит события с трёхлетнего возраста: *«1914 год, война с немцами. Отец мой Филимон сидит печальный, завтра отправка.*

Дед мой Василий Яковлевич взял меня на колени. Не тужи, Оля! Будешь мне помогать зайцев ловить, рыбу удить и будем потихоньку жить. Подрастешь и ты воевать пойдешь.

Мать моя Марфа Филипповна, темная, неграмотная женщина, мужем и свекром напугана ежедневными скандалами, руганью, места себе не находила. Не имела никаких прав ни в чем. Кроме того, все время, как неусыпая червь, работай, работай, паши, сей, дрова, сено, навоз вози, зерно молоти, колоти.

Детей нас на тот момент трое: Настя, Анна, и я. В некоторых хозяйствах, где согласие было, женщинам легче жилось, а наша мама все мужские работы делала: лес на дом возила, купеческий лес рубила, возила, сплавила, сушь возила, лен, хлеб сеяла, лен рвала, вешала, возила домой из лесу, колотила, стлала, когда улежит снимала, мяла на деревянной мялке, трепала, чесала, в пакуши вязала – повози мужик на ярмарку, да продавай – все готово!

Мама мояи уледи нам и себе шила, валенки ушивала, пряла холст, нас, себя и отца одевала. Да только подумаешь сколько делала делов безграмотная женщина: бердо нитила, сновала пряжу, кросна наставляла, ткала холст, пестряди шили, сарафаны, юбки, штаны, рубахи, платы выкладные, утиральники делали с такими узорами, как мороз зимой на стекле. Железный была человек наша мама. Зимой босой ходила и летом жары не знала и всем была мать: любого путника обогреет, напоит, накормит и добрым словом наградит».

Дальше в записях читаем: «Вот и ушел отец Филимон воевать, родную землю российскую от врага защищать, царя батюшка оберегать. Сплю я малое дитя в полухолодной избе, ведь времянок, буржук и в помине не было. На заслонку от печи накладешь лучины, на ведро с водой ее положишь, зажжешь, до потолка пламя, вот и тепло на полу и на полатях. Ночью мне сны снились страшные, нехорошие, кричу со сна мечусь вбреду, а поисти все охота, редко был сыт. А обувь, одеть-то лохмотье мамушкино, то тятино чего-нибудь, как воронье пужало и ходишь».

Вскоре после ухода отца Филимона на войну родился брат Андрей. Теперь детей четверо: Насте 7 лет, Анне 5, автору записок «Оле Филимонкову» – 3 года. Страничка за страничкой отцовых записей повествуют о житье-бытье крестьянской семьи того времени: «Растем, в ключевой воде купаемся и ей же питаемся, рясками одеваемся, слезами вместе с мамой умываемся. Дед Василий охотился на белку. Надо сказать, он был хороший охотник, с 9 лет ловил зайцев, тетерев, рябчиков стрелял, своими способностями поражал стариков, знал куда спуганный рябчик сел, то ли к тиле то ли на веселок, то ли на подсуху. Расходов на налоги было немного, почти все для себя. Белку сдавали по 10 копеек за штуку.

По записям отца, до 1918 года в хозяйстве Филимона была тысяча квадратных сажень земли на 1 душу. А с души было три рубля подати, налога. В записях, на примере своей семьи, отец подробно описывает крестьянский быт: «Штаны свои, холшовые или сукманы (одна нитка льна, вторая шерсти), также и озимы были сукманные, но и овчинные полушубки были, хотя на семью один-два. Верховицы холшовые, мылись в бане золой, щелоком, мыло не всегда было. Баня черная, на пол дощечки набросаны на землю, небольшой из

брусьев полк. Печь из камня, топшишь, по низу на коленках ползаешь, набздаешь, тепло, настоящий пар: здоровый, жгучий. В этой же бане лен улежалой сушили, в сенцах мяли, почти в бане же трепали и чесали, т.к. не у всех были хорошие хоромы, санники. У нас санника не было, и вся работа со льном в сенцах у бани производилась. В этом у нас была большая радость. Тепло в бане. «По плохой одежде и сажка черной бани мила». Да мама даст кусочек солью посыпан со жвак. Она сама-то ела большинство на ходу, даже и на холоде. Самовар был. Пили чай в субботу после бани и в престольные праздники. Были ломпасье к чаю, но редко. Часто заваривали чагу или крушину, или зажженную корку хлеба».

Шестилетним мальчуганом автор дневниковых записей запомнил возвращение отца с войны: *«Года два-три прошло отец мой пришел домой на костылях, пробиты обе ноги, сквозные прострелы. По выздоровлению опять ушел. А в деревню стали возвращаться раненые и инвалиды. В карты играют, деньги керенками называют. Мне какой-то добрый солдат подарил 5-ти копеечную марку. На ней был изображен царь Николай. Вот уж было у меня воображений: вот бы этих керенок мне целый воз попался, как говорят голодной куме, все хлеб на уме.*

Совсем возвратился отец Филимон домой к лету 1918 года.

Надумал дед Филимон строить свой дом и жить по разделу с родителями, а все потому что согласия в семье не было. Два хозяина не уживались. У деда Василия силы терялись, а у сына Филимона храбрость росла. Да и невестка со свекровью часто ругались. При дележе до драки дошло, ружье и топор в ход пошли.

Как говорят родительское благословение со дна моря выносит, мой отец пошел против отца матери.

Бабушка Акулина Фокановна ранее, когда воспитывала говорила «Филимонушка не ушибись», а теперь кляла его и приговаривала: как от камня плоду, так тебе Филимонушка разводу. Два раз дом бурей раскрывало, и крыша вся ломалась, снова надо было лес возить и маховой пилой пилить».

Осенью 1919 года мой отец Александр Филимонович пошёл в школу. Она была в соседней деревне. Когда пришёл записываться, не знал, что имя, а что отчество. Учительница спросила: «Как зовут?», ответил – «Филимон». «А как отчество?» – «Филимонович». Так все три года над ним подтрунивали: «Филимон Филимонович». В школе было 4 класса, учительниц две. В селе Богоявленске был пятый класс, а в райцентре и до семи классов учились. Пели до уроков и после уроков «Интернационал», потом услышал и «Варшавянку».

Отец пишет, что знал двух человек, которые в 1917 году имели уже семилетнее образование. Это Прокопий Фаддеевич Попов из д. Васютино, впоследствии умер церковным старостой в 1970 году, а второй – Иван Акимович Анкудинов из соседней деревни Курья, кавалер трёх георгиевских крестов. У имеющих семилетнее образование была привилегия: местный суд не имел право их судить. Об этом ему рассказывал сам Прокопий Фаддеевич. Далее вновь идут записи о себе:

«Года два хожу в школу, пою, радость к учебе, а все поесть не вдоволь дают. Утром кусок хлеба, хошь с собой в школу бери, хошь дома съешь. А если

сделают завтрак: хлеба крошат, кипятком обольют, малость посолят хлебаем. А што варилось спрашиваем: гоголь-утка варилась, мясо завтра.

Три года я проходил, мне уже шел 12-й год. Осень пришла, я в школу уже без желанья пошел. Меня потянуло к труду, т.к. я все эти годы, с 7 годов жал осенью, летом косил, боронил, навоз возил. Любовь к радостной жизни труда меня стала пересиливать. Сижу на уроке и смотрю в окошко. Навоз сверстники возят вгалоп на конях. Так и щемит сердечко, так и рвется организм: сесть мне на сани и взяться за вожжи лошади. Это четвертая зима. Учусь.

А те прошедшие три я на лесозаготовке много бывал, сосны с отцом пилой сортовкой спиливал, кукляк для сплотки леса рубил, с сестрой Настей за сеном за 20 верст ездил. Все мне это до смерти нравилось. Отец радовался моей помощи, но и учиться лицемерил, что мол здесь школу кончишь, в село Богоявленск, потом в Ильинск райцентр поедешь учиться. Все пропуски мне отражались за все три года, хотя я и догонял, и обгонял усидчивых. И втерлась же мне в душу эта работа. В мороз зимой топор как о железо звенит, с корня любил топором рубить, чем пилой пилить. А ночевать в дымной избушке без печки с каменкой... А соленый кусок с кипятком...

Чикорий или кофей... суррогат малиновый или земляничной... так еще как вспомню, слюнки текут и теперь. Кажется, в 1921 году периодически в школе варили сухие грибы с ячменной заспой и лучку немножко, ох, тоже очень вкусно было. А как-то тогда же мне дали на рубаху в школе какого-то серого материала. И долго же я эту рубаху носил. Сразу только по праздникам, а потом в школу. И вот на 4-ю зиму, я около февраля сдал книги и не пошел в школу. Тятя спросил: почему неидеешь в школу, я ответил, что хочу возить навоз, сено, работать на лесозаготовках. Отец сматерил меня, несколько раз хлопнул по столу кулаком. Ну, говорит, навозишься, схватишься, да поздно будет».

Не раз отец впоследствии сожалел о том, что не стал учиться. Когда на работу в конторщики определяли, на курсы учителей послать хотели; бригадиром работал, председателем – везде грамоты не хватало.

«С тех пор я досыта наездился, часто обморазивался, часто метляки желты, красны, зелены в глазах летали. Зимой от тяжести то воз извалит, то тяжелое бревно надо на сани навалить, то в бунт будешь сваливать, под берег улетит. И много же раз я сожалел этот легкой карандаш. Да правда, мало и карандашей-то было. А ивовых виц нарежешь в банку консервну, да в печь, перечахнут и пишешь ими, а чернила делали из голубицы или черники или к саже прибегали».

Далее в своих записях отец повествует о своём житье в возрасте 11 лет: «В лето 22-м году нас детей шестеро: Настя, Анна, Я-Александр, Андрей, Костя, Коля. Изба одна старая, пятистенок нечем отплотничать. Средств нет, мостов нет, чуть пробираемся до средней избы. Иногда кто чужой и во двор падет. На лесозаготовках в эти годы рассчитывали натурой: хлебом, рыбой, сахаром, мануфактурой.

Весной 1923 года хлеба получили, плотников есть чем кормить. Одну избу отплотничали, печь сбили».

В семью не раз приходило горе: «Летом 1923 года с промежутком в 23 дня умерли два моих брата. Один 5 годов, другой 10 месяцев. Отец Филимон терял

сознание при утере двух сыновей. Со мной отец ездил разрывал могилы, еще, говорит, нельзя ли вернуть. И тогда его прошибла тоска, он понял, что родители и что дети. И посылает нас четверых оставшихся детей, чтобы мы позвали дедушку и бабушку жить к нам. Но дедушка и бабушка отказались, не пошли. Только в 1931 году, когда бабушка померла, дедушка к нам пришел жить».

Тяжёлый труд познали подростки в то время, трудились наравне со старшими: «Сестра моя Настя старше меня на 4 года. Лес рубим, возим, плавим его плотами, за сеном чаще ездим вдвоем, но она меня все ругала, жаловалась на меня отцу, как будто ленюсь, а я никогда не ленился, а то, что у меня тогда еще сил мало было, так это не лень. Она с 16 лет начала маховой пилой пилить с отцом, что считалась самая тяжелая работа.

Мне 14 лет было, и Настя еще в девках была, мы с ней и отцом работали в лесу на лесозаготовках, жили в избушке 4x4, человек 6-7, спали в валенках. Вечером мы с ней, когда переодевались, отрывали рубахи друг у друга нарывы фурункулез от тяжелой работы был. Я выжил недель 7 подряд, а где там мыться, только одни зубы белеют. Один из вечеров поужинал лесного супа, и отец меня отправил домой уже глубоким вечером, чтобы на завтра я сходил на ярмарку. Там есть у матери 5 рублей денег и зайчина на сдачу.

18 верст надо было идти, я пришел домой уже к утру. Мать мне принесла поесть простокваши, а мне так хотелось молочка цельного. Но нет... Масло надо вам и нам в картошку. И вот я худенько помылся и поехали на ярмарку с соседом Федьком Филиным. Зайчину я сдал за 30 копеек. И вот на 5 рублей, 30 копеек я купил 4 пуда, 30 фунтов ржи, килограмма два калачей на липовой связке и фунт сахару. Пока я ходил по базару, съел большую глызу сахару, грамм 150. Только тогда я понял, что я досыта наелся сахару».

Нашему поколению трудно представить, чтобы два брата в 11 и 14 лет самостоятельно сплавливали лес, управляли плотами. А тогда это было, и отец описывает эти моменты в своих воспоминаниях.

«В 1925 году 18 лет Настя ушла замуж, Андрею брату 11 годов. Три года уже в школу ходил. Начали мы с ним сено возить и лес рубить. Весной строился райисполком в Ильинске. На весь дом мы заготовили лесу и плавили до места, до Ильинска. Отец сколько плавил сам, такие же плоты и нам с Андреем делал. Переживал отец. Мне было 14 лет. В плоту было 160 семиметровых бревен. На место поставить плот надо было иметь умение и силу в большую весеннюю воду. Я с приколом выскакивал на берег, заарачивал прикол в землю, чтобы закрепить плот. Это мне удалось сделать только с 3-го разу. С первого разу меня отбросило на несколько метров. Отвязав на строительство моста бревен, поплыли дальше. Ниже д. Пригодино нас на плоту бросило на лес, на березник и остановило. Сидели как вороны на вершине берез со своим плотом, только утром приехал на лодке отец, снял нас. Все собрались и свели плот к проточной воде.

Еще не раз приходилось сплавливать лес из верховий реки Охты до заостровья Борков р. Усть Виледь. Цена доставки была из Топоров до Борков 28 копеек с каждого бревна. Было все уж не так дорого: рожь копеек за пуд, мука 1 руб

20 копеек, телега железный ход рублей 100, корова рублей 70. В те годы отец как-то привез с ярмарки мануфактуры на 28 рублей. Едва в беремьях из кресел вынес в избу. Но уже сыты были. Рыбы, хлеба было уже почти вдоволь, но для тех, кто работал».

Раньше на лесозаготовках рассчитывали натурой, а затем отменили, поэтому хлеб надо было выращивать самим. Так как корова в хозяйстве была одна, земля плохо плодородила – навозу было мало. Отец рассказывает, как ходил в 1928 году в Якушино покупать корову и лошадь: *«Я за лошадь отдал рублей, за корову рублей 65 и ботинки хромовы 10 рублей. За корову, за лошадь отец похвалил, а за ботинки долго и строго ругал».*

В том же 1928 году в хозяйство Филимона Васильевича принесли окладной лист – 30 рублей налога, а до этого при советской власти ни копейки не плачивали, как бедняцкое хозяйство. В 1929 году отцу исполнилось 18 лет, стал проявлять самостоятельность. В своих записях он вспоминает, как сделал попытку вступить в образующуюся в Вилегодске коммуну: *«У нас в селе от нас в 7 км, стала организовываться коммуна, я часто там бывал мне нравилось, не то что у нас в д. Шевелевы, комсомольцы, удалые ребята: Андрей Иванович, секретарь сельсовета, Вани “лодочки” с Кочнихи, Фомин Василий Федорович, жулановых роду, Иван Федорович Воронцов Федька Корявого сын из Васютина.*

А произошло так: Однажды утром к нам из Самина пришел Гриша Данилов и говорит моему отцу, вот что Филимон Васильевич, в селе коммуна будет, как Вы думаете? Да, – отец ответил, если коммуна в селе, то надо обязательно в коммуну, самая хорошая земля прилегает к селу и жизнь будет хорошая, хлеб будет, сена там много, луга. Скот будет и жизнь будет. Я это слышал и стал звать туда соседей, чтобы веселя жить. Написал заявление, заявление написал мой сосед Михаил Ефимович с женой и двумя детьми, Михаил Егорович, Таусья Егоровна – все Шевелевы. Нас приняли. Ну вот я в коммуне, уже вступил в комсомол. Секретарь был Ватлин Иван Семенович со Скоблева из Павловска. Я побыл немного в коммуне, была осень, строительство, поработал. Председатель коммуны был Костя Гриши Лапича. Говорит он мне: Надо какой-то пай из хозяйства, раз один идешь к нам. А мне отец говорил, пока я еще не ушел в коммуну, я тебе лошадь и корову дам, а как ушел, он другое запел. Пришел я домой, отец дома все побил и убежал жаловаться на меня в сельсовет, что не хочет мне помогать, уходит куда-то, а у него семья большая, работников нет. Мать моя навоз намetyвает плачет, и ее отец побил. Надо мне еще гармошку отремонтировать задача вторая. Отец сказал: Будешь работать дома, гармонь отремонтируем. Мать плачет, грудные дети. Снял я пиджак, одел верховицу холишовую, взял навозную лопату и начал навоз намetyвать, а сам тоже плачу, видно и умереть мне с этим навозом...»

А жизнь продолжалась, и об этом отец повествует ещё в двух тетрадах. Семья Шевелёвых пережила репрессии 1933 года, конфискацию имущества, в последующем – восстановление в правах, благодаря упорству и настойчивости «Оли Филимонкова».

Александр Филимонович воевал в годы Великой Отечественной войны, награждён орденами и медалями. О его подвиге советский писатель Леонид Со-

болевым написал очерк «Флаг корабля». Прожил отец 87 лет, родил и воспитал вместе с женой Надеждой Ефимовной семерых детей. Держу в руках семейные реликвии. Читаю драгоценные для нас строки:

«Завещание

Желательно режим династии сохранить, деревню Шевелевы не покидать, что и будем этим счастливы, воспоминанием нас и наших предков за наши дела, прожитого небольшого времени, но все в борьбе за существование».

С.М. Соколов

О СВЯЩЕННИКЕ МИХАИЛЕ МИХАЙЛОВИЧЕ СОКОЛОВЕ

В одном из предыдущих выпусков «Двинской земли» О.Б. Зенковой был дан обстоятельный анализ событий, происходивших в 1918–1920 годах в Великоустюжской епархии¹. Там же были приведены факты репрессий в отношении духовенства. Одной из первых жертв красного террора стал священник Ямской Воскресенской церкви Сольвычегодского уезда Михаил Соколов. Он был арестован и затем расстрелян за произнесение проповеди в Шасской Васильевской церкви Великоустюжского уезда, где служил его отец, Михаил Соколов-старший. Отец также был арестован, но впоследствии освобождён. В архиве Великого Устюга удалось найти некоторые документы, касающиеся этих событий: в частности, приказ о расстреле от 21 ноября 1918 года². Кроме того, в архиве Управления ФСБ по Вологодской области сохранилось следственное (уголовное) дело, содержащее протоколы допросов, заявления арестованных, изъятые документы. Дальнейшие поиски позволили получить дополнительные сведения о священниках и даже найти некоторые фотографии.

Священники Соколовы – отец и сын – принадлежали к старинной династии вологодских священно-церковнослужителей. Первые известные нам её представители в XVIII веке служили дьячками под Вологдой, затем, в XIX веке – священниками в Никольском, Усть-Сысольском и Великоустюжском уездах Вологодской губернии. Михаил Платонович Соколов (1860–1931) более 45 лет являлся настоятелем Шасской Васильевской церкви. Это был уважаемый прихожанами и начальством священник, награждённый традиционными для духовенства наградами (набедренник, скуфья, камилавка, наперсный крест, орден Св. Анны 3-й степени). Состоял благочинным, в начале 1920-х годов возведён в сан протоиерея.

У него с женой Александрой Александровной было 14 детей (4 умерли в детстве). Первые 5 детей были девочками, Михаил стал шестым ребёнком и первым долгожданным мальчиком. Родился он 16 октября 1893 года и, видимо, был назван в честь отца. Михаил-младший получил традиционное для детей духовенства образование: в 1907 году закончил Устюжское духовное училище, в 1913 году – Вологодскую духовную семинарию. 17 августа 1913 года Михаил Соколов был определён псаломщиком к Ярокурской Спасо-Преображенской

церкви Великоустюгского уезда, однако 6 сентября перемещён по прошению к Теплогорской Богородской церкви неподалёку от родного села. В этом не было ничего необычного: будущие священники после окончания семинарии обычно в течение некоторого времени служили псаломщиками, набирались опыта, обзаводились семьями.

Женой начинающего церковнослужителя стала Лидия Дмитриевна Полякова, дочь священника Пушемской Николаевской церкви Никольского уезда. По-видимому, важную роль в создании этого семейного союза сыграли родители, так как они наверняка знали друг друга и предпочитали породниться с представителями своего сословия, получившими соответствующее воспитание и образование. Лидия была младше Михаила на 3,5 года (род. 19.02.1897). В 1915 году она закончила епархиальное женское училище в Великом Устюге.

25 января 1916 года Михаил Михайлович Соколов был определён священником Ямской Воскресенской церкви Сольвычегодского уезда. В тяжёлое время, к тому же на новом месте, начинает свою службу 22-летний священник. Шла Первая мировая война, жизнь народа заметно ухудшилась, рушились привычные устои. Как настоятелю, отцу Михаилу приходилось решать не только церковные вопросы (богослужение, ведение документации, контакты с церковным начальством), но и участвовать в решении многих хозяйственных вопросов, координировать работу приходского совета. В его непосредственном подчинении были другие члены причта – диакон Александр Дерягин и псаломщик Пётр Воронцов, оба довольно молодые и относительно недолго служившие в Ямской церкви.

Судя по всему, Михаил Соколов активно интересовался политической обстановкой в стране и пытался разобраться в процессах, происходящих в обществе. В его следственном деле есть упоминание о церковной летописи, которую он вёл в то время: *«По примеру других лет я в 1917 году изложил события в жизни приходской и жизни Русского государства, отмечая те из них, которые имели важное историческое значение для потомков. Так в этой книге последовательно изложен ход русской революции, как об этом сообщалось на страницах газет и журналов. Революция сдвинула устои и церковной жизни, разрушила многое, во что русский народ веровал просто, посему эта революция и произвела катастрофу в области церковной жизни и мысли и жертвой той катастрофы явились некоторые духовные лица, как об этом сообщалось на страницах журналов. Коснулся я в этой летописи октябрьского переворота, когда власть перешла в руки рабочих и крестьян. Как беспристрастный наблюдатель, я раскрыл сущность партии большевиков, как понимал ее тогда и как сообщалось на страницах газет»*³.

С установлением Советской власти у священно-церковнослужителей и прихожан начались конфликты с местными властями. Например, волостной совет потребовал освободить дом диакона под потребительскую лавку, а семью диакона переселить в дом священника. Ещё более остро противостояние выразилось в вопросе о мукомольной мельнице. Эта мельница была построена на церковные и общественные суммы, и долгое время ею заведовал приходской совет. В апреле 1918 года волостной совет постановил распределять муку его продо-

вольственному отделу, установив цену 15 рублей за пуд. Тем не менее, вскоре приходской совет решил поднять цену до 40 рублей за пуд для некоторых категорий граждан, в частности, служащих (они получали приличное жалование) и приезжающих из других регионов. Такое решение объяснялось тем, что муки не всегда хватало своим крестьянам, и они вынуждены были покупать её на стороне по более высоким ценам. Священник Михаил Соколов предвидел возможные проблемы из-за этого, но его доводы не услышали. Приходскому совету всё же пришлось подчиниться требованиям местных властей, установив одинаковую цену для всех (позднее она стала 30 рублей за пуд).

В изменившихся условиях священник и прихожане ищут новые формы функционирования мельницы: *«Коллективное мнение народа о мельнице и их твердое и решительное желание оставить ее за церковь, согласно обещанию причтам при постройке с одной стороны, а с другой возможность отобрания мельницы в прод. отдел..., посредством какового отнятия церковь наша будучи бедною, лишалась бы главного и единственного источника доходов для покрытия многочисленных нужд церковно-приходских – все это побудило нас, причт, для блага поддержания церкви нашей и в интересах прихожан держать мельницу за храмом нашим посредством образования трудовой крестьянской коммуны. Эта трудовая крестьянская коммуна – весь приход, к строительству участник в постройке своей мельницы. Мельница строилась сообща – трудовой крестьянской коммуной и каждый член этой коммуны имеет право получить причитающуюся ему часть муки, которой ведает продовольственный отдел, обращая больше внимания на действительно нуждающихся бедняках, которых у нас в приходе очень много. Доход же от размолы муки с мельницы трудовая крестьянская коммуна жертвует в пользу церкви на благотворительные и просветительные цели ее. В образовании подобной коммуны мы, причт, имели в виду исключительно интересы церкви, и шли навстречу желаниям прихожан. Подписи прихожан на приговорах вполне свободные без всякого принуждения свидетельствуют о сем»⁴.*

Можно представить, насколько молодому священнику Ямской Воскресенской церкви Михаилу Соколову было сложно разбираться в текущих проблемах. Наверняка он часто советовался со своим отцом, чувствовал поддержку всей своей семьи.

12 сентября (30 августа ст. ст.) 1918 года в Шасской Васильевской церкви отмечался праздник святого благоверного князя Александра Невского, и в этот день к родителям приехал в гости сын Михаил. С разрешения отца священник Михаил Соколов-младший произнёс проповедь, посвящённую празднику. Она была основана на тексте, напечатанном в брошюре «Воскресный листок» за 1914 год. В проповеди говорилось о том, что Александр Невский может служить примером мужественного стояния за православие в трудные для страны времена: под угрозой смерти он отказался от языческих обрядов в татарской орде, отверг и помощь Папы Римского в обмен на принятие католичества. В конце проповеди священник призвал чтить церковь и любить ближних. Проповедь и сам приезд молодого священника вызвали большой интерес у прихожан,

в том числе из-за слухов о привезённом им хлебе, который впоследствии действительно был продан нуждающимся по низкой цене.

Вскоре один из местных жителей сделал донос на настоятеля церкви (как потом выяснилось, доносчик даже не был в церкви во время проповеди). В доносе утверждалось, что на проповеди звучали антисоветские речи, а священник в разговорах якобы утверждал, что монархический строй будет восстановлен. 26 сентября Михаил Соколов-старший был арестован и помещён в тюрьму Великого Устюга. В своих заявлениях он отрицал все обвинения:

«В этой брошюре-проповеди, прочтенной в день праздн. Св. Благов. Кн. Александра Н. внушается любовь ко св. вере православной, взаимная любовь, братство христианское и равенство, мужественное стояние за веру православную, а никакой агитации против Советской власти и ничего контрреволюционного в произнесенной-прочтенной печатной брошюре не содержится...»

В доносе на меня взведено обвинение, что когда-то на перевозе будто бы я сказал: будет смена нынешней Власти, каковыя слова приняты за агитацию; на самом же деле никакой агитации в данном случае не было. Дело в следующем: переезжая р. Юг я действительно говорил: сменилась старая власть, настала новая – Советская Власть. Пройдут времена и века – и нынешняя Власть сменится – заменится другою; все ведь изменяется: люди, народы и власть; неизменяем только Бог: «вчера, и днесь..., Той же и вовеки».

Кроме того, раньше и позже я говаривал: всякой власти следует повиноваться. Прежде Русью повелевали язычники, монголы. Во времена мучений высшая власть была в руках язычников. Как в древней Руси так и во времена гонения на Христиан, Христиане своим долгом считали – быть в повиновении языческим властям и Императорам (во времена гонений) в делах гражданских, а в области веры, – бывало отказываясь исполнить повеления языческой власти – поклониться солнцу, кусту и идолам, исполнение такого языческого обряда означало отречение от веры Христовой, – были верны И. Христу, готовые за Него положить свою жизнь, напр., Свв. Благ. Кн. Михаил Черниговский и Александр Невский»⁵.

Михаил Соколов-старший подчёркивал также свою лояльность и готовность повиноваться Советской власти. Например, после объявления реквизиции лошадей он отвёл собственную лошадь в Усть-Алексеевский военкомат.

14 октября был взят под стражу его сын, священник Михаил Соколов-младший. В следственном деле сохранилось много документов, изъятых у него во время обыска. Среди них служебная переписка, послания и постановления Поместного собора 1917–1918 годов, документы съездов местного духовенства, «приговоры» крестьян о передаче дохода от мельницы в пользу церкви и др. Особо стоит отметить вырезанный из какого-то журнала большой портрет царя Николая II, к тому времени уже расстрелянного. Церковная летопись, упоминавшаяся выше, в деле не сохранилась, как и текст из «Воскресного листка», по которому читалась проповедь, однако автору удалось найти этот журнал в Российской национальной библиотеке.

По поводу изъятых документов Михаил Соколов-младший давал такое объяснение: *«Что же касается найденных в церковном архиве печатных соборных постановлений, патриарших посланий и др. бумаг от епархиального начальства, на это отвечаю, что во-первых, означенные документы находятся в каждой церкви и были предлагаемы к каждой церкви для прочтения во исполнение отношения епархиального начальства. Во-вторых, из означенных документов я читал в церкви те из них, которые носили религиозно-нравственный характер, вне же церкви вышепоказанных бумаг я не распространял в народе и агитацией против Советской власти не занимался. Об этом твердо и решительно заявляю, ссылаясь на свидетельства прихожан»*⁶.

Более месяца провёл в тюрьме Михаил, там же встретил и своё 25-летие. Понятно, что убедительных доказательств антисоветской деятельности со стороны священников у следствия не было. Однако следует учесть, что в начале сентября 1918 года в стране был официально объявлен красный террор, как ответ на покушение на Ленина. Такая государственная политика фактически ставила целью уничтожение классовых врагов, к которым относилось и духовенство. В таких условиях для вынесения приговора священнику оказалось достаточно имеющихся обвинений (проповедь, хранение сомнительных документов). Думается, что и экономические причины (приходская мельница) тоже сыграли важную роль. 21 ноября 1918 года Северо-Двинская губернская ЧК, *«рассмотрев дело № 44 о гражданине Соколове Михаиле Михайловиче, обвиняемого в агитации с церковного амвона против Советской власти и распространении противосоветских прокламаций»*, постановила: расстрелять⁷. Отец, Михаил Соколов-старший, был в тот же день освобождён по амнистии от 6 ноября.

По какому-то случайному совпадению (или неслучайному, как знать), священник Михаил Соколов-младший был расстрелян 21 ноября, когда все православные отмечают Михайлов день. Оба священника были реабилитированы прокуратурой Вологодской области 20 мая 2003 года.

Совсем недавно удалось выяснить, что у священника Ямской Воскресенской церкви был сын Леонид, родившийся в 1918 году (точную дату рождения пока установить не удалось). После гибели главы семейства его жена Лидия с сыном переехали в г. Никольск. Леонид в сентябре 1939 года был призван в армию. В Великую Отечественную войну служил в артиллерии, занимал должности начальника разведки дивизиона, командира батареи и командира дивизиона, прошёл путь от лейтенанта до капитана, имел ранения. В 1943 году Леонид Михайлович Соколов был награждён орденом Красной Звезды, в 1944 году – орденом Отечественной войны II степени. 19 февраля 1945 года капитан Л.М. Соколов был убит в бою на территории Латвии. Похоронен на воинском братском кладбище в г. Юрмала⁸. Как и его отец, Леонид прожил совсем короткую жизнь – 26 лет. К слову, десять внуков протоиерея Михаила Платоновича Соколова защищали Родину в войну, шестеро не вернулись. При этом практически у всех отцы были репрессированы.

Летом 2012 года возле Шасской Васильевской церкви в д. Обрадово Великоустюгского района был установлен памятный крест в честь протоиерея

М.П. Соколова и его сыновей – священников Михаила и Феодосия. Феодосий Михайлович Соколов (1898–1937), дед автора, был последним священником этой церкви. После его ареста в 1931 году церковь была закрыта.

¹ Зенкова О.Б. Великоустюжская епархия: новомученики и исповедники. 1918–1920 гг. // Двинская земля. Вып. 7. Котлас, 2013. С. 294–306.

² Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 131. Л. 5.

³ Архив УФСБ по Вологодской обл. Д. П-17803. Л. 27в.

⁴ Там же. Л. 27а.

⁵ Там же. Л. 17а, 22 об, 22а.

⁶ Там же. Л. 27б об.

⁷ ВУЦА. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 131. Л. 5.

⁸ Память народа. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru>

В.В. Антоновская

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА В.А. ДОЛГОПОЛОВА ДЕТЯМ

Фронтовые письма представляют собой особую разновидность эпистолярного жанра. Это обусловлено и тематикой, и спецификой коммуникативной ситуации. Адресант «письма с фронта» находится в экстремальных условиях, за пределами мирного, домашнего пространства.

Во второй половине XX – начале XXI веков почти в каждом регионе издавались сборники фронтовых писем Великой Отечественной войны. Письма публиковались в периодической печати и на интернет-ресурсах. При издании таких сборников составители либо располагают письма в хронологическом порядке, либо используют жанровую систематизацию текстов: письма родным и близким, письма любимым, письма друзьям и подругам, письма коллегам, письма в газеты и в официальные органы власти. Намного реже встречаются письма, адресованные детям. Так, в сборнике «Письма с фронта. 1941–1945», где опубликованы более 180 фронтовых писем жителей Архангельской области, только одно адресовано дочерям¹. В связи с этим особый интерес представляют письма Владимира Александровича Долгополова, бывшего директора и учителя Лимендской школы № 1 (в 1940 году Лименда вошла в состав Котласа), своим детям.

Владимир Долгополов родился 28 июля 1909 года в д. Долгополово Вятской губернии (ныне – Арбажский район Кировской области). В 1933 году окончил Кировский педагогический институт и вместе с женой Матроной Семёновной Соловьевой направлен на работу учителем химии в Лимендскую школу № 1. В 1935 году Владимир Александрович назначается директором школы. В этой должности он проработал один год, потом продолжил работать учителем химии.

26 июня 1942 года Владимира Долгополова призвали в ряды Красной Армии и направили на учёбу в Москву, в Военную академию химической защиты

РККА имени К.Е. Ворошилова. Академия в годы войны перешла на сокращённые сроки обучения, и уже с 1943 года её выпускник Владимир Долгополов служит на Карельском фронте.

Дома остались ждать папу трое детей – девятилетняя Ренуальда, семилетняя Галина и четырёхлетний Стасик. Письма домой, в Лименду, Владимир Александрович писал жене и каждому своему ребёнку в отдельности. Дети тоже отправляли отцу на фронт письма.

По официальным документам, служил Владимир Долгополов старшим лаборантом 3-го отделения стационарно-испытательной химлаборатории, был уникальным специалистом по огнемётной технике и огнемётным смесям. В наградном листе читаем: «...обеспечивал дальность полёта огнесмеси из ФОГ на 110-120 м против 60-70 м»². В одном из писем он пишет жене: «Крепко, очень крепко действуют мои подшефные. Меня сюда направили “шеф-поваром” для приготовления “кушанья”»³.

Однажды, возвращаясь из очередной командировки, Владимир встретил в поезде солдата, который ехал в отпуск в Лименду, и передал с ним письмо родным. Письмо датировано 1 июня 1944 года. В нём говорится: «Это письмо пойдёт без цензуры и пишу о себе то, что нельзя писать в обычных письмах. Я являюсь начальником огнемётного отделения стационарной испытательной химич. лаборатории Карельского фронта (сокращенно СИХЛ КФ), которая обслуживает все армии Кар. фронта (от р. Свирь до океана). Я – один из основательно подготовленных специалистов огневикиков на все пять армий и на моей обязанности лежит помощь, контроль и подготовка огнесмесей во всех огнем. батальонах и ротах фронта»⁴.

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистами, Владимир Долгополов награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вернуться домой после окончания войны ему не удалось. В июне 1945 года лабораторию в полном составе отправили на Дальний Восток для участия в войне с Японией.

После гибели Владимира Долгополова в автокатастрофе 6 ноября 1945 года его письма и личные вещи были отправлены из воинской части жене Матроне Семёновне Соловьёвой. В настоящее время письма хранятся у сына, Станислава Владимировича Соловьёва, проживающего в городе Котласе Архангельской области. Копии писем С.В. Соловьёв передал в архив Котласского краеведческого музея в 2020 году (дело в настоящее время формируется).

Из 27 писем, отправленных домой с войны, 7 адресованы детям (мы не включаем сюда письма, которые адресованы «всем домашним»). Для анализа мы выбрали три наиболее показательных письма Владимира Долгополова детям (приводятся в Приложении).

Первое письмо не датировано, предположительно написано в период с декабря 1942 года по февраль 1943 года во время учёбы в Военной академии химической защиты. Письмо написано на трёх тетрадных листах, разлинованных в линейку без полей. Владимир Долгополов пишет его почти каллиграфическим почерком, ручкой с синими чернилами, чётко по разлинованным строкам. Из

всех писем, отправленных им домой, это самое разборчиво написанное письмо. Буквы округлые, чётко выделены, правильно соединены друг с другом. Можно предположить, что у автора было достаточно времени для спокойного изложения своих мыслей и он ещё не переключился с профессии учителя на профессию огнемётчика.

Второе письмо датировано 16 ноября 1943 года, отправлено уже с Карельского фронта. Письмо написано зелёными чернилами на неразлинованном пожелтевшем листе, скорее всего, вырванном из блокнота, о чём свидетельствуют его неровные края. Строчки письма уходят вверх, буквы угловатые, некоторые обведены два раза.

Третье письмо также не датировано, отправлено из госпиталя в Москве. Письмо написано карандашом на двух тетрадных листах в линейку с красными полями. На первом листе буквы округлые, строчки ровные, на втором листе буквы становятся угловатыми. Следует отметить, что почерк автора во всех письмах к детям разборчивый, в отличие от писем, адресованных жене.

Владимир Долгополов имеет педагогическое образование и опыт административной работы, он человек письменной культуры. Очевидно, что автор имеет навык «продумывания» письменной речи, умеет составлять план мысленного высказывания, выдерживает общую последовательность мыслей. Предложения развёрнутые, дополнены второстепенными членами, подобраны правильные грамматические формы каждого слова. Автор не допускает орфографических ошибок, но иногда пропускает запяты. Каждое предложение завершено знаком препинания, новое начато с большой буквы. Почти в каждом письме просьба: «Пиши чаще письма».

В зачине писем – ласковые обращения к детям. Первое письмо начинается с обращения: «Здравствуйте мои дорогие ребятки!» и ниже между первой и второй строкой приписка буквами меньших размеров: «Здравствуй Реничка!». Отдельное обращение к старшей дочери объясняется во второй строке: «Получил твоё письмо и в нём Мурку». Начало второго письма: «Рене, Гале и Стасику. Милые мои крошки!». Третье письмо начинается с обращения: «Здравствуйте милые мои ребятки Реня, Галя и Стасик». Именные обращения к детям свидетельствуют о том, что для Владимира Долгополова, девять лет проработавшего учителем в школе, каждый из детей – отдельная личность, заслуживающая уважения и самостоятельно отвечающая за свои поступки. Этот подход прослеживается и в письме из госпиталя: «Посылаю каждому из вас по карточке». Наличие своей фотографии отца у каждого из детей позволяет сохранять более близкую связь во время разлуки.

Тоска по детям, желание быть рядом с ними отражаются во всех письмах Владимира Долгополова: «Хочется посмотреть, какие вы стали сейчас и как выросли», «Если бы удалось приехать домой так стал бы играть с вами день и ночь. Вот как я соскучился о всех вас».

Автор писем – человек властный, его желание максимально контролировать ситуацию прослеживается в следующих фразах: «Напиши чего ты кушаешь дома утром в обед и вечером и в чем ходишь в школу»; «Я писал бабушке письмо, спроси ее почему она мне ничего не написала»; «Пошлите мне распорядок дня твой и Гали со Стасиком, чтобы я знал в какой час, что вы делаете».

Заметим, что своё расписание Владимир Долгополов пишет очень подробно, используя нумерацию, с указанием не только часов, но и минут, например, «С 5.40 до 9 ч.», «с 10.30 до 10.45». Он – человек обстоятельный, привыкший к детальной точности (сказывается опыт работы учителем химии) и дисциплинированный.

Автор писем – человек зрелый, призван в ряды РККА в 33 года. Он ответственно подходит к своим семейным обязанностям и даже на фронте постоянно беспокоится о близких: «Очень рад, что вы получили мою посылку к елке с конфетами и печеньем. Хотел послать больше, но сумел достать только это»; «Около 20-го ноября будет первая моя посылка, и тогда я пошлю аттестат. Этим хотя немного, но улучшу ваше положение»; «Может быть у вас нет дров, и вы мерзнете в квартире, а папа не может помочь вам ничем».

Стереотипная формулировка «Обо мне не беспокойтесь, я чувствую себя хорошо», которая характерна для большинства фронтовых писем, дополнена фразой «одет тепло и сыт (даже пополнил)». Заметим, что обычно в письмах с фронта встречается клише «чувствую себя хорошо», но у Владимира Долгополова чётко выделяется местоимение «Я». Мы видим это и в других формулировках. Например, в первом письме: «Я написал в этом месяце расписание дня», следующее предложение начинается тоже с местоимения «Я»: «Я писал бабушке письмо...». Отметим, что в большинстве случаев местоимение «Я» написано как заглавная буква, даже если стоит в середине предложения.

В письме, отправленном детям с Карельского фронта, читаем: «Сейчас только что закончил проработку доклада товарища Сталина и вот сижу и думаю: как живут мои ребяташки. Может быть, они живут плохо?» Мы видим здесь не только идеологическую позицию автора, но и отношение к детям как к равным. Владимир Долгополов не объясняет, кто такой товарищ Сталин: он не сомневается, что дети о нём знают.

В письмах детям Владимир Долгополов не рассказывает о своей работе в химлаборатории фронта и об ужасах войны. Единственное письмо, в котором эмоционально прорывается война, написано после ранения или контузии из госпиталя в Москве: «Я видел сотни таких же ребяташек как вы которых фашисты расстреляли, закололи штыками, зарезали ножами или головы задавили танками, сожгли и даже зарывали живыми в землю. И вот за этих истерзанных ребяташек и за всех вас я и все советские папы будем бить всех немцев, мстить за каждого убитого советского человека. Мстить им, колоть их, давить, резать и всячески истреблять до последнего фашиста».

Затем жёсткие интонации письма неожиданно меняются: «А пока вы растите и учитесь. Будьте умными ребятками». На первом листе письма буквы округлые, строчки ровные, на втором листе буквы становятся угловатыми. Возможно, что такая резкая смена настроения письма и изменение почерка обусловлены последствиями контузии.

Владимир Долгополов уверен, что вернётся домой. «Радуется то, что Красная Армия гонит фашистов и, может быть, скоро мы будем все опять вместе. Будем надеяться, что к следующему учебному году будем с вами», – пишет он в ноябре 1943 года. Мечты о послевоенной жизни прослеживаются и в первом письме

ме: «Вот кончится война и тогда мы все вместе устроим замечательную елку для всех». Набор формульных концовок в его письмах ограничен: «До свидания мои дорогие крошки. Целую всех вас. Ваш папа»; «До свидания. Целую вас. Папа»; «Целую вас, мои дорогие. Ваш папа».

Первое письмо завершено знаком #. Этот знак автор часто использует в письмах, адресованных жене, в качестве разделителя смысловых и структурных блоков и завершающего элемента в конце письма. Письма жене больше напоминают подробные списки с перечнем дел, разделённые знаком #, что в большей степени характерно для отношений руководитель – подчинённый. Письма детям к таким спискам не относятся: в них больше эмоций, описаний, надежд и воспоминаний. Поэтому символ # появился в них только один раз в письме с распорядком дня.

Фронтовые письма представляют собой уникальный исторический источник, являются носителями особой информации, ценной для анализа психологии военного времени и бытования личности в условиях экстремальных ситуаций. По ним можно сделать выводы о жизненных ценностях, мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах человека. Переписка с родными позволяла сохранить связь с близкими, поддерживала и оберегала защитника Родины. Великая Отечественная война усилила любовь к родным, ярко проявила отцовские чувства мужчины-семьянина. Ответственность за близких, понимание своей значимости в их жизни помогали выжить в суровых условиях войны⁵. Всё это характерно и для писем В.А. Долгополова.

Приложение

Здравствуйте мои дорогие ребятки!

Здравствуй Реничка!

Получил твое письмо и в нем Мурку. Очень хотелось бы и мне поиграть с вами вокруг елки. Вот кончится война и тогда мы все вместе устроим замечательную елку с богатыми подарками для всех. Очень рад, что вы получили мою посылку к елке с конфетами и печеньем. Хотел послать больше, но сумел достать только это. Как бы мне хочется вместе с вами за одним столом выпить чаю или пообедать, а еще больше хочется посмотреть какие вы стали сейчас и как выросли.

Если бы удалось приехать домой так стал бы играть с вами день и ночь. Вот как я соскучился о всех вас. Напиши чего ты кушаешь дома утром в обед и вечером и в чем ходишь в школу.

Напиши досыта кушаешь или бывает так, что есть хочется, а ничего нет.

Я написал в этом месяце расписание дня, чтобы вы знали когда и что папка делает.

Я писал бабушке письмо, спроси ее почему она мне ничего не написала. Пиши чаще письма.

Письма посылайте без марок.

Пошлите мне распорядок дня твой и Гали со Стасиком, чтобы я знал в какой час, что вы делаете: когда встаете, завтракаете, когда идете в школу и в садик и так далее. За весь день.

До свидания мои дорогие крошки
Целую всех вас. Ваш папа

Что я делаю ежедневно:

- 1) В 6 часов – встаю.
- 2) С 6 до 6.15 – одеваюсь, умываюсь и заправляю кровать.
- 3) С 6.15 до 7 ч. – завтракаю
- 4) С 7 до 8 ч. – еду на занятия на трамвае
- 5) С 8.30 до 3.20 – занятия
- 6) С 3.20 до 4 ч. – еду в общежитие
- 7) С 4.15 до 5 ч. – обед
- 8) С 5 ч. до 5.40 – мертвый час (если обедали вовремя, чаще обед запаздывает и мертвого часа не бывает)
- 9) С 5.40 до 9 ч. – часы самоподготовки (готовимся к занятиям на завтра)
- 10) С 9 ч. до 10 ч. – ужин
- 11) С 10 до 10.30 – свободное время (в это время можно написать письмо, почитать газету, обычно это время уходит на то, чтобы побриться, вычистить сапоги и другие дела по самообслуживанию)
- 12) С 10.30 до 10.45 – вечерняя поверка
- 13) С 10.45 до 11 ч. – подготовка ко сну
- 14) В 11 ч. – отбой.

Когда вам захочется узнать, что делает папа, вы спросите маму она посмотрит на часы и скажет, что в это время папа делает.

#

Рене, Гале и Стасику
Милые мои крошки!

Пишу я вам в 2 часа ночи. Слышно, как на улице воет пурга и я думаю, что может быть у вас стоят холода и вам сейчас холодно. Может быть у вас нет дров, и вы мерзнете в квартире, а папа не может помочь вам ничем. Каждый день жду ваших писем, страшно хочется узнать, как вы живёте и все ли здоровы?

Я сегодня дежурный по части и поэтому не сплю. Сейчас только что закончил проработку доклада товарища Сталина и вот сижу и думаю: как живут мои ребяташки. Может быть, они живут плохо?

Около 20-го ноября будет первая моя получка, и тогда я пошлю аттестат. Этим хотя немного, но улучшу ваше положение.

Радует то, что Красная Армия гонит фашистов и, может быть, скоро мы будем все опять вместе.

Будем надеяться, что к следующему учебному году будем с вами.

Обо мне не беспокойтесь; я чувствую себя хорошо: одет тепло и сыт (даже пополнел). Берегите себя, слушайте мамы и бабушки.

Пишите мне по адресу:

Полевая почта 68281.

До свидания

Целую вас.

Папа

16 ноября 1943 год

Здравствуйтесь милые мои ребяташки
Реня, Галя и Стасик

Посылаю каждому из вас по карточке.

Посылаю из Москвы, но фотографировался не в Москве.

Давно я не получал от вас писем, а ждал и жду сейчас каждый день.

Сейчас я лежу в госпитале в Москве. Недели через 2 или 3 из госпиталя меня выпишут и я снова буду здоров.

Обо мне не беспокойтесь, а помните, что папа защищал и снова будет скоро защищать вас, вашу будущую счастливую жизнь, чтобы вы никогда не испытали того, что пришлось испытать ребятишкам Украины, Белоруссии, Воронежа и многих других городов и деревень.

Я видел сотни таких же ребятишек как вы которых фашисты расстреляли, закололи штыками, зарезали ножами или головы задавили танками, сожгли и даже зарывали живыми в землю. И вот за этих истерзанных ребятишек и за всех вас я и все советские папы будем бить всех немцев, мстить за каждого убитого советского человека. Мстить им, колоть их, давить, резать и всячески истреблять до последнего фашиста. Только таким образом можно спасти вас и всех остальных советских ребят.

А пока вы растите и учитесь. Будьте умными ребятами.

Папе пишите чаще.

Целую вас, мои дорогие

ваш папа

Жду вашей общей фотографии. Марок у меня нет посылаю письмо доплатным.

¹ Письма с фронта. 1941–1945. / Сост. Л.В. Владимирова и др. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1989. 255 с.

² Центральный Архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 7295. № 34350815.

³ Котласский краеведческий музей. Ф. 28. Оп. 11. Письмо Долгополова В.А. от 10 октября 1944 г. 4 л.

⁴ Котласский краеведческий музей. Ф. 28. Оп. 11. Письмо Долгополова В.А. от 01 июня 1944 г. 4 л.

⁵ Моисеева И.Ю. Фронтовые письма 1941–1945 гг. в гендерном аспекте // Двинская земля. Вып. 3. Вельск: Вельти, 2004. С. 118.

В.В. Попов

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕКРАСОВ – СТРОИТЕЛЬ, ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК

19 марта 2011 года на 82-м году жизни не стало Анатолия Васильевича Некрасова – ветерана строительной отрасли, бывшего начальника строительно-монтажного поезда (СМП) № 353, почётного железнодорожника. Был он одним из немногих беспартийных долгожителей-хозяйственников Котласа прошлого столетия, посвятившим «железке» более 35 лет. Реквиемом ему стала газетная статья Василия Бровина «Не случайная встреча», опубликованная за день до кончины. В ней коллега-энергетик, председатель железнодорожной ветеранской организации, назвал его легендой времени: «Свой рабочий день он начинал в 6 часов утра. Именно в это время один, без сопровождения, начинал осмотр строящихся объектов, после чего на планёрке давал чёткие указания по устранению увиденных недочётов. Требовал беречь материалы и поддерживать рабочий настрой»¹. Увы, не случайная встреча оказалась последней...

Поводом для данного исследования стали записи А.В. Некрасова «Моя жизнь», предоставленные его дочерью Натальей Луновой. Уместились они в две общие тетради в мягком переплёте, по 48 пронумерованных листов в клеточку, являются по своим характерным чертам комбинацией дневника и воспоминаний. Записи непрерывно, в подробностях и деталях, велись по декабрь 1953 года, затем прервались на четыре с лишним десятилетия и возобновились после выхода автора на заслуженный отдых. Сожалея об этом, он написал: «Много воды утекло за это время, мне скоро 69 лет. Прочитал сегодня дважды свой дневник. Я один дома, Галя (супруга. – В.П.) в Ухте, и сожалею, что его не вёл так много лет. Как сложилась моя жизнь, говорит моя трудовая книжка, а как протекала семейная жизнь, тесно связанная с работой, стоит описать». Далее следует краткое изложение трудового пути с указанием значимых наград и обращение к внукам: «Прочтите эту страницу, будете знать многое о своём дедушке»².

Родился Анатолий 13 апреля 1929 года в многодетной крестьянской семье в д. Баулина Кулига (народное, устное название деревни – Баулиха) Кузнецовского сельсовета Котласского района Северо-Двинского округа Северного края (ныне – Архангельская область) последним ребёнком. От того и называла его мама «Заскрёбышем»³. Родители – крестьяне-колхозники Василий Ильич (1883–9.12.1953) и Евдокия Матвеевна (17.08.1885–28.03.1953); сёстры и братья – Анна (1910–04.1940), Наталья (1912–10.1978), Михаил (1913–19.07.1943), Мария (1916–10.1992), Николай (1923–10.01.1944) и Валентина (1926–08.05.2001).

Некрасовы – одна из распространённых фамилий на Севере России. Например, в Архангельской губернии по результатам Всероссийской всеобщей переписи 1897 года они следовали за Поповыми, Кузнецовыми и Шестаковыми, опережая Семаковых (Симаковых)⁴. Происхождение фамилии один из крупнейших ономастов В.А. Никонов связывает с отчеством от древнерусского нецерковного мужского личного имени Некрас – «некрасивый». Имя давали из суеверия – с целью обмануть «нечистую силу»⁵. Народный термин «кулига» в названии деревни в старину на Русском Севере имел несколько схожих по смыслу значений: «участок в лесу, расчищенный под сенокос или пашню», «лес на возвышенном месте», а также «отдельная деревня в лесу, отстоящая в стороне от старожильческих деревень»⁶.

Ничего не знал Анатолий о своих предках далее деда Ильи: не было у него для выяснения этого ни возможности, ни времени. С помощью знатока истории Забелино и Вонгоды, краеведа Ольги Фёдоровны Чупровой из д. Федотовской, удалось составить прямую родословную линию его рода к предку Владимиру, отданному в 1760 году в рекруты согласно ревизской сказке за 1782 год: Владимир (?–?) ← Василий (1754–1820) ← Михей (1790–1818) ← Тарас (1809–?)⁷ ← Илья (1849–?) ← Василий (1883–09.12.1953) ← Анатолий (13.04.1929–19.03.2011).

Женой Владимира стала «Параскева Петрова дочь», взятая «устюжского купца Петра Лудянова у записного Петра Шахова» (1723–?)⁸. Согласно записи в «Ревизской сказке Новинского и Приводинского волостных правлений» 1782 года, сын Владимира и Параскевы Василий для исправного платежа государст-

венных податей был переведён в Баулину Кулигу из д. Слободки Вонгодского прихода Спасо-Преображенской церкви Устюжского уезда. Приведённые даты по сведениям из ревизских сказок ориентировочны.

Казённой деревней упомянута Баулина Кулига в Списке населённых мест Вологодской губернии 1859 года: при одном дворе, при колодцах, с числом жителей мужского пола – 3; женского пола – 4⁹. По сведениям о прихожанах Комарицкой Николаевской церкви, в 1916 году в деревне имелось уже два двора с числом жителей: мужского пола – 6; женского пола – 6¹⁰. Проживали в ней семьи братьев Некрасовых – Василия и Андрея Ильичей.

В марте 1940 г. в рамках кампании по ликвидации хуторов семья Василия Ильича переселилась в д. Кузнецово бывшего Комарицкого Николаевского прихода, расположенную на правом берегу р. Вонгода. Согласно Ведомости Николаевской церкви за 1814 год, в Кузнецово, самой крупной по численности населения деревне прихода, числилось 116 душ обоего пола¹¹. Проживали в ней Раздобурдины, Кузнецовы, Голышевы, Некрасовы. Возможно, от Кузнецовых пошло название деревни.

До сентября 1804 года деревня относилась к имению княгини Шаховской, в метрических тетрадах прихода крестьяне указывались «шаховскими», а позднее стали удельными. В 1805 году в границах бывшего имения Шаховской было создано Кузнецовское отделение¹². По переписи 2010 года численность населения Кузнецово составляла 5 человек¹³. В наши дни она оживает лишь в летнее время. Сохранился здесь и родительский дом Некрасовых, перешедший по наследству сестре Анатолия Марии.

Старшая сестра Анна вскоре после переезда умерла в апреле 1940 года. Сестра Наталья, выйдя замуж, проживала неподалёку, в д. Печерино. Брат Михаил в 1934 году окончил Великоустюгский кооперативный техникум, до призыва в армию Великоустюгским райвоенкоматом 6 мая 1942 года работал директором хлебозавода в Устюге. В именном списке безвозвратных потерь личного состава 59-го гвардейского стрелкового полка 21-й гвардейской стрелковой дивизии сообщается: «Некрасов Михаил Васильевич. Гвардии красноармеец, рядовой стрелок, б/п, убит в бою в Великолукском районе Калининской области (ныне Псковская обл. – В.П.) 19 июля 1943 г. Тело находится на нейтральной полосе»¹⁴.

Сестра Мария, выйдя замуж за И.Ф. Карандашова, проживала в Лименде, вместе с мужем работала в Котласском техническом участке. Брат Николай после окончания школы работал трактористом. Призван в армию Котласским райвоенкоматом 14 марта 1942 года. Из именного списка безвозвратных потерь личного состава 40-й Гвардейской танковой Краснознамённой бригады: «Некрасов Николай Васильевич. Гвардии младший сержант, номер ПТР, б/п, пропал без вести 10 января 1944 в бою у станции Гнивань Тывровского района Винницкой области Украинской ССР»¹⁵. Сестра Валентина после окончания школы с 1942 года работала в Ямском сельпо Котласского райпотребсоюза, в 1949 г. вышла замуж за А.Ф. Бурдаева.

В 1941 году Анатолий окончил Кузнецовскую начальную школу, семилетнее образование получил в Забелинской средней школе. Трудным было его детство, как у всех детей войны. Учась в школе, работал в колхозе «Перекоп»,

позднее в укрупнённом «Ленинском пути». Возил на одноколке навоз, боронил поле, сгребал сено в валки на конных граблях. Два первых военных года пас коз общественного стада, жал ячмень, овёс, пшеницу.

С сентября 1945 по июнь 1949 года учился в Великоустюгском строительном техникуме, в здании на Советском проспекте¹⁶. В общежитии жили тесно, было холодно и голодно. По карточкам давали 500 гр. хлеба, помогали родители, держа корову и овец. На практике работал в Шипицыно на строительстве судоверфи. Судьба свела в техникуме с Василием Пинегиным – одноклассником, родившимся 3 ноября в д. Софроновская Слободчиковского сельсовета Ленского района. Не одно десятилетие в дальнейшем трудились вместе в Котласе. Василий Пинегин с первого колышка, будучи мастером стройучастка № 1, руководил строительством школы № 20 (ныне № 82) на 440 мест Печорской железной дороги, с 1966 по 1989 годы – главный инженер СМП-353, дружили семьями.

Анатолий, защитив на отлично дипломный проект «Кинотеатр в Новороссийске», получил специальность техника-строителя промышленно-гражданского строительства. Распределили в Новосибирский областной отдел по сельскому колхозному строительству. После месячного пребывания дома, несмотря на уговоры матери, 2 августа 1949 года отправился к месту работы. Пешком с матерью дошли до пристани в Комарице, затем пароходом до Котласа. На вокзале встретил однокурсницу – Анну Воронину, также направленную в Новосибирск.

Отправившись поездом к месту назначения вечером того же дня, с пересадками в Кирове и Свердловске прибыли утром 8 августа в Новосибирск. Анатолий получил направление в Доволенский район, а Анна в Купинский. Далее поездом ехал до города Каргат с одноимённой станцией Западно-Сибирской железной дороги. До села Довольное оставалось 120 км. Сначала пешком с женщиной-попутчицей, затем на автомашине добрались до села. На первых порах приютил его водитель попутки, а в дальнейшем снимал комнату в доме старушки по ул. Октябрьская, 33, с оплатой питания и проживания 60 рублей в месяц. Работал в райстройотделе, возглавляемом Григорием Ивановичем Семинько. Главной задачей села тогда являлось строительство зерносушилок ПЗС-3. Начались командировки в колхозы района, расположенные друг от друга за 20–30 километров. По возвращении из первой командировки купил хорошие кожаные сапоги, позднее зимнее пальто. Занимался в политкружке по изучению биографии И.В. Сталина. 24 марта 1950 года получил повестку о призыве в Советскую армию.

С 18 апреля 1950 года началась служба в воинской части 77148 (15-я армейская Гвардейская Краснознамённая орденов Суворова и Кутузова II степени, Неманская артиллерийско-гаубичная бригада резерва главного командования) по адресу: Разъезд Дроздов с. Александровка, Чкаловского района Приморского края. После карантина и принятия присяги с однокашником по техникуму Анатолием Полутовым занимался строительством спортивного городка, в дальнейшем солдатской столовой, ставшей первым объектом молодого специалиста в должности технического руководителя стройки. Ежедневно на ней работало 50–60 солдат и сержантов, начальником строительства был командир 4-

го дивизиона гвардии подполковник Иван Тихонович Дедичуров, относился к нему как к своему сыну.

17 ноября 1950 года столовая была принята с оценкой «хорошо», через два дня открылась торжественным обедом. Наряду с выступлениями командиров части было предоставлено слово и Анатолию Некрасову. Участники торжества приветствовали его бурными аплодисментами. Приказом по войсковой части от 19 ноября 1950 года старшему сержанту А.В. Некрасову за образцовое техническое руководство по строительству объектов объявлена благодарность с награждением денежной премией 150 рублей и предоставлением отпуска для поездки на родину. В дальнейшем на службе он занимался проектированием, ремонтом и строительством армейских объектов. Лучшим другом стал тогда младший сержант Александр Антонович Антонов. Позднее, в 1960 году, разыскал его в Москве, где он позже работал управляющим трестом № 17 Мособлстроя. Бывал у него с семьёй в гостях. А.А. Антонов умер 27 октября 1979 года.

За отличные показатели в боевой и политической подготовке и образцовое выполнение заданий командования Анатолию Некрасову в дальнейшем дважды предоставлялся краткосрочный отпуск, он неоднократно награждался Почётными грамотами и денежными премиями. В 1952 году в армии окончил вечернюю партийную школу (одногодичное отделение). На выпускных экзаменах показал следующие успехи по дисциплинам: «История ВКП(б)» – отлично; «Партийно-политическая работа и основы воинского воспитания в Советской Армии» – зачтено.

Перед демобилизацией решил поступить в Одесский гидротехнический институт. Техников, проработавших по специальности не менее трёх лет, принимали сроком обучения два с половиной года. Поступать в институт решил вместе с Серёжкиным, старшим сержантом-писарем строевой части штаба. Вступительные экзамены разрешили сдать в Ворошиловском государственном учительском институте, экзаменационные листы 20 августа отправили в приёмную комиссию. В полной уверенности, что будет принят, собрался в Одессу. Однако за 10 минут до отправления поезда привезли телеграмму об отказе в приёме по причине позднего представления экзаменационных листов. Решил остаться в Хабаровске, где 7 сентября обратился в ОКС завода им. Орджоникидзе. Приняли прорабом, но обстоятельства сложились так, что из Хабаровска пришлось уехать.

Сестра Мария дважды телеграфировала о плохом состоянии отца. 19 ноября прибыл домой. Через несколько дней отец слёг, ухаживал за ним до 25 ноября, но быть иждивенцем сестры Марии, работавшей дояркой, было невозможно. Стал искать работу, побывал в Котласе на строящемся заводе Стандартдом (будущий ДОК). Посмотрев объекты и узнав, что работают в основном заключённые, передумал. На третий день поисков пошёл в Дорстройтрест Печорской железной дороги, в стройучасток № 1, где встретил однокурсника по техникуму Василия Ивановича Пинегина. Тот работал нормировщиком, был женат, проживал в комнате дома на ул. Стаханова. Приняли строймастером, место жительства определили в комнате дома на ул. Образцова, 14. Первым объектом стал склад ОРСа-6 Печорской железной дороги в Кооперативном переулке. В

марте 1954 г. доверили строительство котельной железнодорожной бани и общежития Дортехшколы (перекрёсток ул. К. Маркса и Октябрьской). Достроить не удалось, так как с 5 августа поручили возведение железнодорожного вокзала станции Котлас-Южный. В том же году закончилась холостяцкая жизнь Анатолия: 1 августа женился на Галине Прокопьевне Балакшиной (12.01.1934). В молодой семье 17 января 1956 года родилась дочь Наталья, 16 апреля 1959 года – сын Александр.

Мастером работал до 7 октября 1954 года, в дальнейшем – прорабом с окладом 1440 руб. (оклад мастера – 880 руб.). На строительстве вокзала трудился без мастеров до марта 1958 года, лишь на завершающей стадии дали в помощь мастера Фёдора Павловича Зубова и строймастера Василия Ивановича Пинегина. Сложным и ответственным стал этот объект для Анатолия Васильевича. 26–28 декабря 1956 года вокзал сдаётся в постоянную эксплуатацию, а 22 января 1957 года его двери открываются для пассажиров. Одновременно со строительством вокзала под началом А.В. Некрасова возводились 18-квартирный жилой дом № 102 по ул. Ленина, 50-квартирный дом № 1 по ул. Маяковского с магазином «Двина» на первом этаже. В июне 1955 года семье предоставили двухкомнатную квартиру на втором этаже в доме № 4 по ул. Володарского. С сентября 1957 года А.В. Некрасов руководит строительством Дома культуры железнодорожников.

11 декабря 1957 года назначен начальником СМП-172, располагавшегося на котласской станции Мостозавод. 12 декабря принял дела у главного инженера, исполнявшего обязанности начальника поезда. Поезд возводил склады на станции Сольвычегодск, путевые дорожные мастерские и вагонное депо в Кулое, электростанцию на ст. Ядриха и другие объекты. Численность коллектива составляла 200 человек. Оставшиеся дни декабря новый начальник посвятил осмотру всех объектов. 1 июня 1958 года были сданы в эксплуатацию авторемонтные мастерские на Мостозаводе, поэтому пришлось контору поезда временно перенести в строящиеся склады на ст. Сольвычегодск. С передачей поезду пустующего здания клуба на ст. Сольвычегодск занимался его капитальным ремонтом и переоборудованием для размещения аппарата поезда.

С 1 июля 1959 года Печорскую железную дорогу объединили с Северной, Дорстрой Печорской дороги расформировали, СМП-172 и стройучасток № 1 передали в подчинение Дорстроя Северной железной дороги. В январе 1961 года СМП-172 перебазировали на ст. Рыбинск. А.В. Некрасова 8 февраля назначают главным инженером стройучастка № 6 Северной железной дороги, но он недолго пробыл в этой должности. 25 сентября 1961 года начальник участка Михаил Николаевич Адамов передал ему бразды правления. Тогда в стройучасток перешли многие работники из СМП-172. В июле 1966 года стройучасток № 6 переименовали в СМП-353 Дорстройтреста Северной железной дороги. О вкладе Анатолия Васильевича в развитие Котласа на новом посту довольно подробно, в деталях изложено в книге Н.В. Шептякова¹⁷. Лично занимался проектированием в составе 20 объектов, руководил строительством. Лебединой песней стало строительство новой собственной капитальной базы поезда на выработке карьера завода красного кирпича.

Посвятивший железнодорожному строительству 35 лет и 5 месяцев А.В. Некрасов был уволен 4 мая 1989 года в связи с выходом на пенсию по возрасту приказом Дорстройтреста № 7 от 18 апреля 1989 года. По акту от 5 мая передал предприятие вновь назначенному начальнику – Якову Гдольевичу Ламдан. Коллектив поезда составлял тогда 180 человек, штатное расписание заполнено с наличием вакантной должности строймастера. На расчётном счёте предприятия имелось 78800 руб., наличных в кассе – 185 руб. 18 коп. Назначению нового начальника предшествовали выборы на собрании коллектива 26 апреля 1989 года. Для обсуждения предлагались две кандидатуры: Я.Г. Ламдан и А.А. Потапов. Анатолий Васильевич предложил кандидатуру Ламдана, его и избрали при голосовании. На этом же собрании чествовали Анатолия Васильевича: выступили начальник Дорстройтреста В.И. Хлыщ, председатель райпрофсожа Г.А. Вяткин и другие. Вручено много Почётных грамот, приветственных поздравлений и подарков: от СМП-356 пылесос и шуба, от Дорстройтреста именные часы «Молния», от начальника Северной дороги благодарственное письмо и приказ о денежном вознаграждении в размере месячного оклада.

Выйдя на заслуженный отдых, Анатолий Васильевич больше стал уделять внимания семье, детям и внукам. До этого многие заботы несла на своих плечах жена Галина, его надёжный тыл. Появилась возможность больше заниматься на дачном участке в садово-огородном товариществе «Малодвинское», где своими руками построил садовый дом. Помогал детям в освоении садовых участков: основательно, продуманно, по личным проектам. Очень любил это занятие. По достижении 80 лет побывал на объектах, строительству которых посвятил свою жизнь. Прикасаясь обеими руками к стенам зданий, возведённых железнодорожными строителями, осознавал, что жизнь прожита насыщенно и достойно.

За самоотверженный труд Анатолий Васильевич награждён орденом «Трудового Красного Знамени» (1976), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда». Почётный железнодорожник (1980), награждён именными часами Министра путей сообщения СССР (1978), персональный пенсионер местного значения, 8 раз избирался депутатом Котласского городского Совета народных депутатов, неоднократно его портрет размещался на Доске Почёта передовиков производства Котласа. За большой личный вклад в строительство на территории муниципального образования «Котлас» и в связи с 80-летним юбилеем награждён Почётной грамотой МО «Котлас».

По стопам отца не пошли его дети, не стали строителями. Дочь Наталья окончила Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (ныне Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций), трудилась инженером в Котласском эксплуатационно-техническом узле связи. Сын Александр после окончания Вологодского политехнического института работал на Котласском электромеханическом заводе. Продолжают ныне род Некрасовых внуки: Евгений, Василий, Павел, и правнуки: Юрий, Михаил, Мария, Иван.

Зримый след оставил своими деяниями Анатолий Васильевич Некрасов, самоотверженно служа стезе, выбранной на всю жизнь. Запомнился целеустремлённой и многогранной личностью. Один из талантливых руководителей-хозяйственников советской плеяды в нашей местности. Достоинный образец для подражания.

¹ Бровин В. Не случайная встреча // Двинская правда. 2011. 18 марта. С. 3.

² Семейный архив Н.А. Луневой. Дневник А.В. Некрасова. С. 51.

³ Словарь русских народных говоров. Вып. 30. СПб.: Наука, 1996. (30:172)

⁴ Никонов В.А. География фамилий. М.: Наука, 1988. С. 10.

⁵ Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М.: Школа-Пресс, 1993. С. 81.

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980. (16:60-63)

⁷ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. 364. Оп. 1. Д. 1327. Л. 9; Д. 4500. Л. 60; Ф. 7. Оп. 1. Д. 197.

⁸ ВУЦА. Ф. 591. Оп. 1. Д. 127. Л. 17 об.

⁹ Вологодская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1866. С. 447.

¹⁰ Квасникова Т. Комарица – раздолье русское. Котлас, 2014. С. 14.

¹¹ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3627. Л. 4, 5.

¹² Котов П.П. Удельные крестьяне Великоустюгского уезда // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда: Русь, 2004. С. 142.

¹³ Котласский район [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Котласский_район#Населённые_пункты (дата обращения: 09 марта 2021).

¹⁴ Память народа. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie2509874/ (дата обращения: 09.03.2021).

¹⁵ Память народа. [Электронный ресурс.] Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie53243322/ (дата обращения: 09.03.2021).

¹⁶ Кудрин Н.[М.] Запечатленная память. Записки краеведа. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1986. С. 146–147.

¹⁷ Шептяков Н.В. Котлас: десятилетие предрика Георгия Елсакова. Очерки истории города в 1961–1971 годах. Котлас: [б.и.], 2010. С. 237–258.

Н.П. Залынский

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ФЁДОРА АБРАМОВА КАК МОТИВ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ПОРОКОВ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ

К духовно-нравственным ценностям отечественной культуры, несомненно, относятся духовные труды епископа русской православной церкви Стефана Пермского. Пожалуй, своеобразным проповедником духовно-нравственных ценностей отечественной культуры в XX–XXI веках для россиян был и остаётся советский и российский писатель Фёдор Александрович Абрамов. Того и другого объединяет нравственное поучение о смысле жизни, о трудности выбора линии жизненного поведения, освобождении от соблазна греха. Но, как говорят, дьявол реагирования на проблемы жизни прячется в её деталях. А дета-

ли, как правило, первыми замечают творческие люди, наиболее настроенные на оппозиционное восприятие общественной практики.

Одним из них для меня является Фёдор Абрамов. Особенно осознаю это теперь, находясь на пенсионном посту перечитывания его путевых заметок, перебора реплик героев его художественных творений. Аналитическое погружение в координаты мировоззрения Ф.А. Абрамова, инициированное в 1992 году¹, на этот раз связано с памятными подарками – книгами с дарственными автографами его вдовы Л.В. Крутиковой-Абрамовой. Первое её рукописное пожелание на книге Фёдора Абрамова «Трава-мурава. Были-небыли» помечено 17 апреля 2000 года. Оно – результат реагирования на мою принципиальную статью о проблемах нравственного развития российской цивилизации, фундаментальной новизны всего творческого наследия писателя, моего земляка². Надо было промчаться 21 году, чтобы перелистывание этой подаренной книги осенило подсказкой к разговору по актуальной теме, сжато сформулированной в названии этой статьи.

Функционально методика подачи материала состоит в идее ассоциирования той или иной книги с её автографами (а их у меня около 10) с зеркалом удивления Фёдора Абрамова несовершенством организации советского (российского) бытия. 6 сентября 1977 года он диагностировал тройной пессимизм как предтечу очень серьезного разговора о жизни советского общества: «Стоит ли особо выделять Пинегу? Где у нас складно-то да ладно? В газетах, речах, а ещё где?». Вряд ли бы ныне я апеллировал к мыслям писателя, если бы не подтверждалась острота этих вопросов и для нас, живущих в XXI веке.

Вокруг нас много несурязиц и необъективности объяснения причин их воспроизводства. Читаю сетования регионального министра, обеляющего претензии к медицинскому персоналу тем, что «сейчас действительно имеется дефицит медицинских кадров». Совестно признать нерешаемость этой проблемы на протяжении эпохи жизни не одного поколения жителей Архангельской области? Читаю правила дорожного движения. Норма о перевозке детей в специальных устройствах после 12 лет изложена так, что не предвосхитить её толкование инспектором в пользу водителя. Читаю решение суда с признанием норматива образования бытовых отходов на человека, учитываемого при расчёте тарифа для населения, завышенным. Казалось бы, вот она правовая защита пенсионеров с низкими доходами! Наивное ожидание: итоговый тариф текущего года опережает предыдущий.

Как-то Абрамов заметил, что «косца можно узнать, не глядя на него: по звуку косы»³. Коммерческую наживу можно узреть по манипуляциям с настроениями населения. К сожалению, они всегда гаранты финансовой маржи бизнеса, присасывающего к сфере ЖКХ. Так и в этом случае. Оказывается, для расчёта норматива накопления ТКО исходили из факта заполнения бака мусором жителями одного многоэтажного дома, сознательно игнорируя его использование жителями нескольких домов. Целевой блуд с исходной информацией тут очевиден: потворство коммерческим аппетитам.

Этот пример красноречиво доказывает: у каждой нелепицы, присутствующей в текущей жизни граждан, есть свои авторы, а их прописка в вековом маршруте развития государства – признак вяло текущего перманентного кризиса

неэффективной власти. Она – то ли мало интеллектуальна, то ли мало ответственна за результаты заботы о подданных. Всклосится ли новая цивилизационная культура диалога с потребителями услуг и управления развитием региона, когда наши чиновники сильны способностью объяснять несуразницы в организации функционирования подведомственных отраслей грехами предшественников и сиюминутными катаклизмами?

Если нелепицы быта вокруг нас живучи, присущи в нормативных моделях управления и противоречат здравому смыслу, то обостряется потребность в ответе о причинах их устойчивости в советской, рыночной и цифровой форме нашего существования. Освежу интерес к их осознанию четырьмя эпизодами из жизни советских предшественников. Ф. Абрамов дал каждому из них лаконичное определение: «Приспособились», «Новая форма демократии», «Знай наших», «Под грифом»⁴. В первом рабочие делают бесполезной дезинфекцию дома (разбавляют «конторский» раствор), если жильцы обратились в официальную инстанцию, а не в частном порядке. Во втором речь идёт о подмене книги отзывов анкетными бланками, опускание которых в урну – способ запрета их чтения другими. В третьем – о чрезмерной роскоши при строительстве шведской гостиницы, которая не по карману даже шведским миллионерам, и при этом невозможности покупки будильника для детского садика. Четвёртый эпизод – о банальном воровстве мяса на мясокомбинате, плате вахтёрше за его вынос и отнесению этого факта под гриф «государственная тайна».

Знакомые ситуации? Приметы нашего прошлого? Нет, они голос современной эпохи общественных взаимоотношений. Советский Союз распался, а советские реалии – нет. Перевёртыши поведения не исчезают как на входе в наши дома, так и в механизмах власти. Социальные контрасты, как итог федеральной политики и практики, государственные институты ретушируют от излишнего любопытства граждан. Для этого незаметно апробируется институт изъятия из публичного оборота нежелательной информации. В частности, ограничивается доступ к сведениям реестра о собственности высокопоставленных государственных чиновников, элитарных топ-менеджеров. Нам, обществу, государству всё также присуща пригнутость якобы «объективными» обстоятельствами, принуждающими ловчить, манипулировать, утолять персональный эгоизм (политический, меркантильный) порочными действиями, хотя в душе обитает желание подняться в небеса чистым. Но, наверное, наша история ещё не раз подтвердит, что как одни обыватели прячут, другие выпячивают свои пороки!

О повсеместном дефиците совестливых людей мне напомнила книга Ф. Абрамова, на обложке которой название когда-то нашумевшего открытого обращения писателя к своим землякам – «Чем живём-кормимся». Хронологически это вторая книга с автографом вдовы писателя – подарок датирован 25 июня 2001 года. В ней максимальный спектр личной позиции писателя как гражданина СССР, концентрированно вышедший к читателю через год после ухода его из жизни. В книге страстная публицистика, олицетворяющая выстраданность мировоззрения писателя, созвучного моему видению проблем хлеба насущного и хлеба духовного. Например, непреходящую ценность представляет требование Ф.А. Абрамова «Надо быть хозяевами своего Дома и в своем До-

ме!»). Сорок лет назад сказано, а мы до сих пор гадаем, отчего у нас мусорная реформа буксует, почему поднимаемся по обшарпанным подъездам. Потому что большинство живущих в российском Доме до сих пор – по социальной психологии – Наниматели, а не создатели гармоничного порядка в нём.

Но наиболее весомо наличие текста выступления писателя на встрече с архангельской интеллигенцией в 1981 году, которую он определил ответственной за сохранение и усиление целебных свойств Севера⁵. У меня возникло сомнение: а слышали ли мы эту афористичную задачу, предваряющую олицетворение северян счастливейшими людьми, которым доступна первозданность и первобытность среды жизни? Попытка перлюстрации фрагментов выступления – это способ соединения двух измерений: прошлого и настоящего; это сортировка вечного и преходящего, паспортизация решённого и не осуществлённого. Взглянем под этими углами на суждения Ф.А. Абрамова, окаймляющие контур его взгляда в будущее Севера.

На мой взгляд, он заблаговременно забил тревогу о вероятности потери Архангельском своего лица. Сохранение его неповторимого облика обозначено нравственной, духовной, культурной проблемой. Оптимально ли Архангельск берёт дух старины, насыщал его инновационной архитектурой, не преждевременно ли стирал в нём неповторимость, уступая напору богатых застройщиков и сиюминутным градостроительным решениям? Тут у каждого жителя города своё настроение, но с универсальной долей сожаления о некомфортности жизни в нём, в ряде случаев – тусклости (в прямом и переносном смысле) повседневного ощущения. Однако не все под лампой пессимизма! Культура северных мореходов, как и хотел Ф. Абрамов, при нас. В Архангельске возрождается народное судостроение, осуществляется проект «Поморский карбас», демонстрируется поморский коч и организуется школа традиционного деревянного судостроения, поощряемая в 2020 году Президентским грантом⁶, выполняются заказы на яхты из северного леса. Реализована идея о литературном музее, за которую он был обеими руками «за»⁷.

Только учёному не пристало быть апологетом позитивно свершённого. Учёный – это субъект, заряженный на бой с несовершенством существующих порядков, с серостью и убогостью управления государством. Учёный должен быть подобен колоколу, вещающему о невыполненных обещаниях и забытых общественно нужных проектах. Учёный, как и настоящий писатель – это ещё и врач, подбирающий лекарства для лечения окаянства бездушия и равнодушия к людям, если им не свойственно мировоззренческое заболевание. По Ф. Абрамову, оно в опасности социальной узости взгляда на мир.

С этим настроением более внимательно вник в текст архангельского выступления, и внезапно меня осенило, что даже прошедшее 100-летие со дня рождения писателя не вынесло на суд божий его идеи, до сих пор нами не воплощённые, проблемы, до сих пор стагнирующие кризисными нотами в музыке современной жизни. Приведу доказательства того и другого, которые восходят непосредственно к Пинежью и Архангельску. Так, нет и поныне в Архангельске памятника феноменальной бабушке «Махоньке» – сказительнице М.Д. Кривополеновой, маловато старания по расширению пространства узна-

ваемости в России великого сказочника С.Г. Писахова⁸. Абрамову никто не дал и доказательного ответа о времени исчезновения чуди на Пинеге, в других районах Архангельской области, никто не поразился его креативной пронциательности, ныне позволяющей России точнее идентифицировать цивилизационную миссию и суверенную духовную дорогу в будущее. Ещё в 1975 году ему была противна идея безнациональной культуры, которую он уподобил космополитической похлёбке, и непонятны взоры европейской интеллигенции на Россию как источник новых идеалов для Запада.

Итожа суть подобных откровений, можно без лишних поклонов корректности назвать Фёдора Абрамова генератором мыслей, фактов и событий, донные олицетворяющих его как субъекта созидательного формирования и модернизации потребности человека быть человеком. Менее, на мой взгляд, приемлемо его отношение к совхозной организации сельского хозяйства как причины нерадения к труду, привязки запущенности сельхозугодий к приравниванию Пинежского района к Крайнему Северу⁹. Как профессиональный экономист и учёный, обосновавший перевод Пинежского района в состав территорий Крайнего Севера, скажу, что механизмы социально-экономического поощрения эффективной хозяйственной деятельности на Севере намного более усложнены большим многообразием факторов макроэкономического уровня и природно-климатической среды. Но я солидарен с ним в постановке вопросов: «Да что же мы за страна такая!? Что за народ?.. Еду на Север, и думаете там лучше? То же самое, только ещё в более тягостном варианте».

Вероятно, именно эта тональность настроения предшествовала пророчеству сопоставления Ф. Абрамовым России, где граждане живут со страхом перед будущим, и остального мира, живущего с жадной перемен, порывами в будущее. Обрезаны ли корни подобным ощущениям? У каждого жителя севера России найдётся своё крепкое слово в адрес устоев дня сегодняшнего. И всё же не радужную концепцию перспективы истории жизни народа, а кого-то из нас писатель отрицал примером мотивации литературного героя Ивана Гавриловича, коему «всегда жизнь в удовольствии». На страницах «Чистой книги»¹⁰, вручённой мне Л.В. Крутиковой-Абрамовой 1 мая 2002 года, я сразу выделил его, как значимый для организации личных коммуникаций с окружающим миром. Почему? Вокруг себя ощущаю вовсе не виртуальную, а современную голытьбу с порченным нравственным багажом. Она представлена сонмом посредственных топ-менеджеров предприятий и образовательных учреждений, чиновников различного уровня, которые априори «не ведают радости от работы».

Это преддверие явления «отфутболивания», с которым многие граждане знакомы по практике волокиты при рассмотрении должностными лицами законных требований. Так, формальное отношение областного центра социальной защиты к ветерану боевых действий из Няндомы задержало установление ему дополнительной денежной выплаты как лицу, имеющему государственные награды¹¹. При этом центр использовал техническую уловку – пропуск дня обращения, вопреки невозможности такового из-за нахождения ветерана на лечении. В других случаях дело в нищете духа клерка, предопределяемой прокрустовым ложе лояльности к «верховному божеству» – протезе и куратору на-

значения на должность, гарантирующему материальный достаток и общественный статус. Знаю директора одной из высших школ университета с ярко выраженной способностью к заумной академичности обозначения управленческих задач, но не способной доказать, что решением какой-то из них обеспечено институциональное благоприятствование эффективной работе персонала.

Подобные экземпляры «голытьбы» – это ситуационные герои дня до исчезновения режима покровительства. Однако их тлетворность для общества вполне реальна. Они программируют в наёмном работнике равнодушие к обществу, к функциональным обязанностям; поэтому там, где могли возникнуть будущие мастера инноваций, вырастают толерантные обыватели, не заинтересованные в дифференциации зёрен истин от губительных для совести плевел адаптации к управителям нашей жизнью и деятельностью. Впрочем, «на эту тему должен быть спор»¹², который, исключая идеализацию каждого из нас и не тяготея к абсолютизации используемых в нём аргументов, не отменит при этом пафос стратегической задачи – помогать ныне живущим людям и думать о будущем России. Вокруг нас всегда будут те, кому достаточен мир на шести огородных сотках, и те, которые при любой власти говорят «я весь мир беру», чтобы улучшить его для других.

Когорта последних скромнее армии обывателей, духовной «голытьбы», но мне сподручна философия их поступков и дел, потому что они тоже были и есть на орбите моей жизни. Вспоминаю добром В.Н. Ступина – архангельского предпринимателя. Перед защитой диссертации на соискание учёной степени доктора экономических наук в 2001 году мне нужно было соблюсти регламентное требование: опубликовать диссертационную монографию. Избыточных денег ни у нищего доцента (норма того времени), ни у университета (обращение к нему посчитал излишним) не было. Безвозмездное финансирование взял В.Н. Ступин, которого едва уговорил разместить свой потрет на обложке книги. Кто помогает выкарабкиваться из трудных лабиринтов эпохи, тот непременно светлый гражданин, ибо вселяет веру, что богатый не тот, у кого сундуки ломаются от золота, а тот, кто богат красотой помощи человеку в трудной жизненной ситуации.

К такому суждению меня спонсировали две мысли Фёдора Абрамова, подчеркнутые ещё в одной книге, сопровождающей автографом Л.В. Крутиковой-Абрамовой¹³. Предварю их двумя фактами несуразицы вокруг нас, памятуя, что их тьма тьмушая. Например, расходы на централизованное теплоснабжение устанавливаются по общей площади квартиры. Такая зависимость понятна. Но почему плату за пользование лифтом тоже вносим по метражу квартир, а не по количеству проживающих? Ответ прост ссылкой на действующие инструкции, утверждённые «наверху». Только впору обозначить потребность ещё в одной гильотине, отсекающей из навязываемого документооборота то, что далеко от здоровой основы нормативного регулирования финансово-экономических отношений юридических лиц и граждан.

Аварийные дома сходят со свай, дырявые стояки не заменяются в течение десятилетия с первого обращения в управляющую компанию, она не реагирует на требования жильцов по периодической уборке подъездов, но затраты на это

не исключает из счетов на оплату. Эти и другие прегрешения – синоним системной недобросовестности системы оказания услуг. Они не выталкиваются нашими обращениями, так как местным чиновникам проще стонать о «долговременных трудностях» на пути лишения управляющей компании лицензии. Иначе говоря, рядовой гражданин ощущает институциональную среду, не ориентированную на оперативное устранение текущих проблем бытия, поэтому ему уготована гарантированная волокита, нервозность при защите своих гражданских прав.

Поневоле вспоминаешь абрамовское допущение: а «не возвращены ли бюрократы, чиновники, карьеристы, приспособленцы, демагоги, циники, экстремисты в нашей среде»? И его утверждение: «Жить честно и помогать ближним. Выше этого ничего нет. К этому придут все мои герои». А помогают ли этому современное государство и атомизированное рыночной спесью общество?! Не претендую на однозначное толкование возможных версий ответа. В принципе это и невозможно: интеллектуальное касание любой стороны бытия российского человека искрит социальной напряженностью. «Недовольство властью – это уже не маргинальная позиция, она становится мейнстримом»¹⁴.

Продолжу недоумения по поводу системы организации текущей жизни примерами современной практики, подтверждая оценку Людмилой Владимировной моей способности «точно определять самую суть творчества писателя»¹⁵. Развернутое представление о нём дано ранее¹⁶, поэтому сразу пойду дорогой дополнительного доказательства не дряхлеющей новизны миссии художественного и публицистического наследия Ф.А. Абрамова для XXI века как актуального метода противления порядкам, унижительным для современного россиянина, не выкорчёвываемым из истории социально-экономического Дома под названием Россия.

Уже не удивляюсь, что стратегии организации режима деятельности россиянина присуще торможение его инициативы. Я поражён совершенно другим: общественным поклоном давно известным истинам. Ведь когда подобострастно кланяются лицемерию и лжи, то критично, а тем более креативно не мыслят. Например, демократично не то общество, где есть власть народного большинства. Для цифровой формы его функционирования важна открытость, прозрачность деятельности институтов власти сверху донизу. Куда мы идём? К авторитарному диктату IT-компаний, отрубаящих «рубильник» информации даже Президенту США? Накопление огромных объёмов персональных данных на любого человека – повод ли для беспрепятственного доступа любого потребителя к этим данным? Необходимо ли удовлетворение нашего гражданского любопытства во всех мыслимых случаях жизни? Пропорция между ограничением и доступом к информации похожа на два символических яйца: одно – диетическое, другое – золотое.

Дороги жизни неисповедимы. Пожалуй, это обманчивая психологическая парадигма, но с нею уживается большинство обывателей. Одни запутались в институциональных дебрях текущего уклада жизни; других запутали, завели в них и грубо оборвали нравственную взыскательность к качеству функционирования государственного механизма до потери мотива к исправлению пороков

повседневного бытия. Есть основания и для утверждения, что недостаток институционального человеколюбия – это то, чего часто нам не хватает в России. Возможно, это обобщение сильно дистанцировано от достоверного мироощущения россиян. Тем не менее, оно – не вымышленный образ качества российского общества, прототип правды об одной из сторон его негативной деформации, который сбрасывать со щита креативной диагностики неразумно.

Это тот случай, когда лучше отстать от традиционного ассоциирования Пекашино с Верколой, повсеместно утвердившегося в сознании массового российского обывателя и литературных интерпретаторов творчества Ф.А. Абрамова. Лучше жить в правде, в дружбе с истиной, которую он оставил нам в виде однозначного оппонирования мифологической идеализации родной деревни, ибо «сказать, что Пекашино – Веркола, это, конечно, ни в какие ворота!». Можно приветствовать эгоистичное самопризнание того или иного жителя Верколы, что узнаваемый прототип героя его произведений он, но полезней исключить конфликт воображения и исторической правды присоединением к Ф.А. Абрамову: «я лично, который писал, я на этот вопрос затрудняюсь ответить»¹⁷.

¹ Залывский Н. Перед судом совести // Волна. 1992. 25 февраля. С. 2.

² Залывский Н. Нравственный писатель всегда современен, или о наиважнейшем вопросе нашей жизни – духовности народа // Волна. 2000. 29 февраля. С. 1–2.

³ Абрамов Ф.А. Чем живём-кормимся. Очерки. Статьи. Воспоминания. Литературные портреты. Заметки. Размышления. Беседы. Интервью. Выступления. Л.: Советский писатель, 1986. С. 472.

⁴ Абрамов Ф.А. Трава-мурава. Были-небыли. СПб.: Культ-информ-пресса, 1993. С. 186–197.

⁵ Абрамов Ф.А. Чем живём-кормимся... С. 187.

⁶ 3 миллиона рублей президентского гранта досталось архангельским корабелам на строительство поморского коча. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://www.pomorie.ru/2021/01/15/600177f8e881665136678622.html> (дата обращения: 20.01.2021).

⁷ Абрамов Ф.А. Чем живём-кормимся... С. 192.

⁸ Там же. С. 185–186.

⁹ Абрамов Ф.А. Эпистолярное наследие // Двина. 2020. № 4. С. 16.

¹⁰ Абрамов Ф.А. Чистая книга. СПб.: Нева, 2000. С. 135.

¹¹ Ветеран Афганистана из Няндомы добился справедливости в областном суде. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://нд29.рф/2021/01/28/veteran-afganistana-iz-njandomy-dobilsja-spravedlivosti-v-oblastnom-sude> (дата обращения: 29.01.2021).

¹² Абрамов Ф.А. Чистая книга. СПб.: Нева, 2000. С. 191.

¹³ Крутикова-Абрамова Л.В. Жива Россия. Фёдор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения. СПб.: АТОН, 2003. С. 35, 54.

¹⁴ Недовольство властью – уже не маргинальная позиция. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://thebell.io/nedovolstvo-vlastyu-uzhe-ne-marginalnaya-pozitsiya-chto-govorili-o-mitinge-ego-ochividtsy-lyudi-iz-biznesa-politologi-i-yuristy> (дата обращения: 27.01.2021).

¹⁵ Крутикова-Абрамова Л.В. Указ. соч. С. 394.

¹⁶ Залывский Н. Возвращаясь к Фёдору Абрамову // Пинежье. 2020. 14, 21 марта, 8 апреля.

¹⁷ Абрамов Ф.А. Чем живём-кормимся... С. 196.

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА КАРГОПОЛЬЕ

Как сообщает Интернет: «История архивного дела тесно связана с историей первых документов. Распространение письменности, развитие государственного аппарата и появление письменных приказов, договоров и переписей обусловило необходимость сохранения подобного рода бумаг. Первоначально роль архивов выполняли монастыри, в которых появилась должность “ларник”. Такое название первые архивариусы получили потому, что все документы хранились в ларях. Ответственные лица принимали бумаги, вели учёт и обеспечивали их физическую сохранность. Позже такие должности стали появляться при государственных учреждениях – отраслевых приказах и ведомствах»¹.

Одним из насыщенных старинными рукописными книгами регионов Архангельской области является Каргополье (территория по реке Онеге от озера Лача до Кены и Кенозера включительно). По данным 1988 года, достоверно локализовано 650 рукописных книг. Основной комплекс их содержится в Библиотеке Академии наук (391 – в Каргопольском собрании, 105 – в Северном собрании, 86 – в Новом собрании); кроме того, 28 рукописей хранятся в составе Карельского собрания Института русской литературы и 40 – в Каргопольском краеведческом музее² (через 20 лет число рукописей в музее увеличилось до 128).

Наиболее древними являются берестяные рукописи³, рукописные грамоты, церковные книги и документы. Документальные свидетельства непосредственно о Каргополье появляются в XIV веке. В 1378 году в Устюжском летописном своде промелькнуло упоминание о том, что великий князь Дмитрий Иванович Донской сослал «в заточенье на Лачь озеро в Карго поле» какого-то попа⁴. Первые документальные сведения о городе Каргополе связаны с упоминанием некоего безымянного города. Например, завещание Дмитрия Донского 1389 года указывает «на Белоозере два города с пошлинами, а неколи бысть Белозерское княжение великое». Эти же два безымянных города в Устюжском летописном своде названы «Карголом да Каръгополь»⁵.

В завещаниях московских великих князей и царей Каргополь упоминается в числе значительных владений. В духовном завещании (грамоте) 1504 года Иван III отдаёт сыну Василию «Великий Новгород со всем, с пятью пятнами, с волостями и с погосты... Заволотцкую землю всю, Онего и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Велской погост, и Колмогоры, и всю Двинскую и Заволотцкую землю...»⁶

Учитывая экономическое значение Каргополя, Иван Грозный записывает его в 1565 году в число 19 «опричных», то есть царских, городов. В ту пору город на Онеге становится административным, торговым и культурным центром края. Сохранился, к сожалению, не полностью, интересный документ – «Сотная перепись» Каргополя 1561–1564 годов. Из переписи видно, что в это время Каргополь представлял собой «важнейшее место вывоза в Россию произведений Северного моря». Поэтому он и был вместе с богатейшими городами Севера – Вологодой, Тотьмой, Устюгом и другими – «взят государем Иваном Гроз-

ным на свой особый обиход», иными словами, включён в опричнину⁷. Посол английской королевы Джильс Флетчер (Giles Fletcher), должность которого позволяла собирать стратегические сведения о наиболее важных объектах России, в 1588 году писал: «...главные города России суть: Москва, Новгород, Ростов, Владимир, Псков, Смоленск, Ярославль, Нижний Новгород, Вологда, Устюг, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломна...»⁸.

В нескольких документах XVI века хорошо представлено канцелярское делопроизводство и архивная работа на местах. Так, в 1536 году от имени малолетнего Ивана IV всем людям Онежской земли (в том числе каргопольцам) даётся Уставная грамота, определившая взаимоотношения населения и властей. Из грамоты, хранившейся в Каргопольском городском магистрате, видно, что страна Онежской пятины (по р. Онеге) управлялась тогда присланным из Москвы наместником⁹. Он вершил все дела с помощью тиунов, старост, пошлинников и целовальников по московским приказным порядкам. Среди наместников бывали Д.И. Шуйский, В.Ф. Скопин-Шуйский – именитые бояре и военачальники, участники ратных московских дел.

В средневековом Каргополье составлялись и велись книги писцовые (описание города и уезда), дозорные (исправления и дополнения к ним), таможенные (записи сборов), вкладные (описание вкладов), городские (сведения о должностных лицах), записные (с текстами грамот, судебных и других дел), сторожевые (описание пограничных пунктов). Документы эти создавались в Каргопольской приказной избе, где и хранились. Находились они также в монастырях и церквях уезда. Так, архив Строкиной пустыни одних только грамот насчитывал около четырёхсот. Некоторые памятники местной деловой письменности дошли до наших дней. Документы эти представляют не только исторический интерес, но и являются образцы писцового дела средневекового Каргополья¹⁰.

Развившееся в Каргополье книгописание приобретает со временем характер ремесла. Среди многих происходящих из Каргополя книг выделяется большое Евангелие первой половины XVII века. Образцом для писца послужило одно из так называемых «безвыходных Евангелий» XVI века. В конце книги, написанной чётким полууставом, содержится запись, из которой видно, что переписал книгу некий поп Василий. Писцы XVII века нередко пользовались более древними образцами¹¹.

Кроме старинных книг, известен ряд ценных документов. Так, в 1539 году Каргополю дана губная грамота (судная), из которой можно узнать о составе населения Каргополья, о взаимоотношениях, подчинённости и занятиях представителей различных сословий¹². 18 декабря 1546 года дана грамота великого князя Иоанна Васильевича в Каргополь о запрещении каргопольцам, онежанам и окрестных волостей крестьянам привозить с морских варниц для продажи соль «с кардехою или иною вредною примесью»¹³. Октябрём 1598 года датирована таможенная уставная (в списке), государем царём Фёдором Иоанновичем данная каргопольским таможенным головам Сабурову и Сивкову о сборе в Каргополе, Турчасове, Устьмоше и Мехреньге разного рода пошлин¹⁴. Грамота 1630 года говорит о посылке в распоряжение Московского каменного приказа и приказа тайных дел 16 каменщиков и кирпичников из города Каргополя и 13

таких же специалистов из его уезда. В «Летописи занятий Археологической комиссии» опубликована другая грамота 1630 года о привлечении кирпичников и каменщиков из Каргополя и Чердыни для работ в Москве¹⁵.

В Каргопольском уезде постепенно формируется местный уездный архив (не как организация). В 1875 году по просьбе Олонецкого статистического комитета в уезде подобрали документы неоднократно проводившихся обследований архитектурных памятников Каргополя, на основе которых комитет в 1876 году подготовил для Академии художеств подробный список старинных зданий Олонецкой губернии с описанием и указанием времени их постройки¹⁶.

Немало местных документов и старинных книг отложилось в Петрозаводске. Наличие каргопольских книжных памятников в карельских собраниях объясняется территориальной близостью Карелии и Каргополя и административным подчинением Каргополя Петрозаводску в XVIII – начале XX века (Каргополь являлся уездным городом Олонецкой губернии). Известны случаи, когда по решению церковных властей книги передавались из Каргополя в Петрозаводск. Так, в конце XIX века по требованию консистории из каргопольского Спасо-Преображенского монастыря в древлехранилище при братском Назарьевском доме Петрозаводска было передано Евангелие-тетр (Четвероевангелие), писанное в XVII веке царевной Софьей¹⁷.

Существовали также архивы монастырские и церковные. К сожалению, целостность таких архивов и библиотек с течением времени нарушалась. Карп Андреевич Докучаев приводит факты продажи книг «з братцкого совета» из Каргопольского Спасского монастыря в XVI веке или, наоборот, самовольной продажи раскольникам «старонаречных церковных книг» священником Пятницко-Владимирского прихода в XVIII веке. Ситуация только усугубилась на волне возросшего интереса к старине. Все древние архивные дела городского Спасо-Преображенского монастыря были затребованы в 1870 году в канцелярию архиерея. В.И. Срезневский подтверждает, что от богатой монастырской библиотеки остались одни крохи. Дело о пожаре 1765 года, как пишет К.А. Докучаев, было отослано в губернский статистический комитет, а подлинная грамота Ивана Грозного, хранившаяся до 1892 года в городской управе, увезена высокопоставленным лицом в столицу: К.А. Докучаев деликатно не называет имени одного из Романовых, великого князя Владимира Александровича¹⁸.

В 1909 году было создано Каргопольское отделение Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК). Общество создавало отделы в уездных городах Севера, открывало в них музеи (в том числе в Каргополе, входившем с 1919 по 1929 годы в Вологодскую губернию). Каргопольское отделение было довольно многочисленным (более 100 человек). В 1920-е годы каргопольские краеведы разыскивали некоторые уникальные дореволюционные архивы (духовного училища, уездного суда, земской управы, городской думы и др.), что спасло от утраты ценные документы. Благодаря усилиям краеведческой организации в 1925 году в Каргополе создан архив. Фонд Каргопольского отделения ВОИСК в Государственном архиве Архангельской области насчитывает около 100 дел и хранит записи этнографических наблюдений, заговоров, частушек, пастушьих отпусков, собранных во многих деревнях уезда¹⁹.

Большой вклад в архивную деятельность внесли краеведы и учёные Каргополя. Иван Ильич Рудомётов (1891–1975) в течение 30 лет занимался краеведением, собирая у крестьян сказки, былины, легенды, и готовил материалы для очерков о своём крае. Состоял членом Общества изучения Олонецкой губернии. В 1919 году вышла написанная им познавательная брошюра «Каргопольский край». Генрих Павлович Гунн (1930–2006) – писатель, журналист, искусствовед, исследователь, путешественник, влюблённый в Северный край – участник каргопольских научных конференций, автор более десятка книг о Севере, даритель библиотеки, названной его именем (более двух тысяч томов). Геннадий Петрович Дурасов (род. 24.08.1945) – собиратель русского народного творчества, этнолог, агиограф – известен как крупный исследователь народного искусства. По командировке Союза художников России впервые приехал в Каргополь из Москвы в декабре 1971 года. С 1990 года Г.П. Дурасов передаёт свои многочисленные архивы и коллекции в дар Каргопольскому музею.

Заслуживают внимания следующие современные издания: «Каргопольский край: Природа. История. Экономика. Культура...» (1999) – первый опыт библиографического указателя, отражающего печатные и рукописные документы по истории, экономике и культуре Каргопольского края. В другом указателе – «Каргопольский край. XX век...» (2008) собраны опубликованные письменные источники и литература по истории и культуре Каргопольского уезда с 1901 по 1929 годы; основу его составили материалы местной (губернской и уездной) периодической печати, выходившие в данный хронологический период²⁰.

С 2005 года формируется электронный авторский архив районных газет «Потомству в пользу!» (в формате «3 К», по менявшемуся названию газеты: «Коммунар» – «Коммунист» – «Каргополье»). При отборе взяты наиболее интересные и значимые (по версии автора) материалы по истории Каргопольского уезда и района. Архив выпущен на трёх дисках: 1-й содержит информацию за 1936–1950 годы, 2-й – за 1951–1990 годы, 3-й – за 1991–2010 годы. В 2019 году архив пополнен и переиздан²¹.

Сильно влияли на сохранность каргопольских архивов пожары Каргополя. Город горел в 1515, 1552 (пожар, «испепеливший город»), 1612, 1615, 1619, 1679 (большой пожар) годах. 18 мая 1731 года «город Каргополь со всяким в нём хоронным строением сгорел без остатку». Во время пожара 1765 года полностью сгорел городской архив²². «...По згоранию в 1778 г. бывшего городнического казенного дому, городничий со всей канцелярией занимал обывательский дом». В 1815 году в Успенском женском монастыре пожаром были уничтожены все постройки, «в огне погибло много икон высокой работы»²³. Церковь Флора и Лавра в Саунино сгорела в начале XX века с церковными книгами²⁴. И в настоящее время пожары наносят значительный урон старине.

Об утратах древностей с тревогой писали краеведы. Так, К.А. Докучаев-Басков в 1910 году в заметке «Утраты, расхищения древностей в стране Олонецкой» перечисляет имена тех, кто вывез или похитил ценные рукописи, книги и документы из собраний монастырей и церквей Олонецкой епархии, в том числе каргопольских. Например, первый олонецкий архиерей Игнатий обратил внимание на местные древности, предписав приходским пастырям доставлять

ему все важные старинные документы и другие замечательные вещи. Он собрал таким образом много древностей, но был переведён «в страну Воронежскую», где и умер...²⁵

Каргопольский районный архив (ныне – архивный отдел местной администрации) функционирует с 1920-х годов. Многим документам нашлось место и в областном государственном архиве. К примеру, в 1938 году Каргопольский архив отослал в Архангельск (с 1937 года Каргопольский район входит в состав Архангельской области) 300 старинных свитков 300- и 400-летней давности. Некоторые свитки, например, грамота царя и великого князя Михаила Фёдоровича 1619 года, имеют длину более семи аршин. Свитки написаны от руки и представляют собой челобитные, грамоты царей, заёмные кабалы (денежные расписки) и другие документы в копиях и оригиналах²⁶. Местный архив ВКП(б), позже КПСС, был организован в первые дни советской власти. По указу Президента России 1991 года архивы райкома КПСС сданы в Архангельский партийный архив, где и сосредоточены документы по истории Каргопольской районной (ранее уездной) партийной организации²⁷.

Как фиксировалось в 1966 году: «...если бы в БАН удалось собрать максимум книг и рукописей Каргопольского края, то созданное особое собрание этих рукописей могло бы послужить хорошей базой изучения русской культуры одного из важнейших районов Русского государства XVI–XVIII вв.»²⁸. Поэтому в 1960–70-х годах в Каргопольском районе было разыскано и собрано около 400 рукописей и более 200 старопечатных книг, которые составили Каргопольское рукописное собрание Библиотеки Академии наук. Одна треть из них связана с учением каргопольских скрытников.

Вышеизложенная фрагментарная информация показывает, что каргопольские архивные материалы располагаются не только на родной земле (что важно), но большей частью находятся на хранении в различных региональных и федеральных государственных архивах и библиотеках, что существенно затрудняет изучение истории Каргополя.

¹ История архивного дела. [Электронный ресурс.] Код доступа: <https://orbrm.ru/articles/istoriya-arhivnogo-dela/>

² Культура Русского Севера / Сост. А.Н. Давыдов, А.А. Куратов. Л.: Наука, 1988. С. 111.

³ Библиографический указатель литературы // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1915. Т. 6. С. 100.

⁴ Гемп К.П. Каргополь. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1968. С. 36.

⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVII–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. С. 45.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 357.

⁷ Каргополь. Памятники древне-русского зодчества. / Вступ. ст. А.Я. Каковкина. Л.: Искусство, 1971. С. 4.

⁸ Флетчер Дж. О государстве русском. М.: Захаров, 2002. Цит. по: Библиотека древних рукописей. [Электронный ресурс.] Код доступа: http://www.drevlit.ru/texts/f/fletcher_1.php.

⁹ Описание Олонецкой губернии в исторических, статистических и этнографических отношениях / Сост. В. Дашков. СПб., 1842. С. 2.

¹⁰ См. например: Каргопольские челобитные XVII века. / Сост. В.Я. Дерягин. Архангельск: АГПИ им. М.В. Ломоносова, 1985.

¹¹ Дурасов Г.П. Каргополье. Художественные сокровища. М.: Советская Россия, 1984. С. 123.

¹² Гемп К.П. Указ. соч. С. 21.

¹³ Указ... // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 47–48.

¹⁴ Грамота... // Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819. С. 135–143.

¹⁵ Гемп К.П. Указ. соч. С. 45–46.

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Срезневский В.И. Отчёт Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.). СПб., 1904. С. 16.

¹⁸ Онучина И.В. Образ Каргополя в творчестве К.А. Докучаева-Баскова // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции: Материалы X Каргопольской научной конференции. Каргополь: [б. и.], 2009. С. 227.

¹⁹ Поморская энциклопедия. Т. IV. Культура Архангельского Севера. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 126.

²⁰ Каргопольский край: Природа. История. Экономика. Культура. Библиографический указатель / Сост. С.В. Кулишова. Архангельск: Правда Севера, 1999; Каргопольский край. XX в. Вып. 1: 1901–1929 гг.: Библиографический указатель / Сост. С.В. Кулишова. Архангельск: Правда Севера, 2008.

²¹ Панин Г.Л. Авторский выборочный электронный архив районных газет «Коммунар» – «Коммунист» – «Каргополье» с 1936 по 2016 гг. за 80 лет (в формате PDF). Каргополь: Студия «Панин-граф», 2019 (12222 фотокопии, 4,1 Гб, электрон. опт. диск DVD).

²² Дурасов Г.П. Указ. соч. С. 15–16.

²³ Турандин Ю. Ещё раз о меценатах // Каргополье. 2005. 10 августа.

²⁴ Алфёрова Г.В. Каргополь и Каргополье. М.: Стройиздат, 1973. С. 128.

²⁵ Федоринова И. Истоки краеведения // Каргополье. 1993. 9 сентября.

²⁶ Кочуров Н. Архиву – полвека // Коммунист. 1970. 29 сентября; Наш корр. В архиве интересные рукописи // Коммунар. 1938. 21 марта.

²⁷ Наш корр. Пятьдесят лет в строю // Коммунист. 1968. 12 марта; Сергеев Н. Архивы райкома сданы в Госархив... // Каргополье. 1991. 17 сент.

²⁸ Бубнов И.Ю., Копанев А.И. Отчёт об археографической экспедиции библиотеки АН СССР 1965 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН. М.-Л.: Наука, 1966. С. 201.

С.К. Мальцев

XX ВЕК В ИСКУССТВЕ ВЕЛИКОГО УСТЮГА (1901–1991 гг.)

В начале XX века в городе Великом Устюге и Великоустюгском уезде работала группа художников и мастеров: А.А. Борисов (1866–1936), Н.Г. Бекряшев (1874–1939), Е.П. Шильниковский (1890–1980), Г.И. Матвеев (1889 – после 1963), П.Я. Костров (1876–1933), А.П. Шубин (1893–1947), Ф.Г. Богданов (1894–?), М.П. Чирков (1867–1938), П.А. Сосновский (1873–1972), Н.В. Вепрев (1885–1965) и другие.

Одновременно в губернской Вологде с 1905 по 1920 годы действовал кружок любителей изящных искусств, одним из организаторов которого был известный художник А.А. Борисов. Этот кружок занимался изучением изобразительного искусства Вологодской губернии.

После революции 1917 года в культурной и художественной среде Великого Устюга началась активная жизнь: открывались художественные выставки, появился театр, работали изостудии, люди стремились приобщиться к культуре и искусству. В 1918 году из Академии художеств в Петрограде вернулся Е.П. Шильниковский и сразу же включился в работу, став инструктором при уездном отделе народного образования и одновременно художником-декоратором в народном драматическом театре, начал руководить студией Пролеткульта. Он любил повторять: «Жизнь имеет смысл, если работа нравится». В драмтеатре вместе с ним работали в качестве художников-исполнителей З.А. Добрынина и С.П. Белых (1913–1988), ставший впоследствии художником областного театра в Архангельске, где был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Одно время художником-исполнителем работал А.В. Казаков (1899–1946), также переехавший в Архангельск и ставший известным художником. В студии Пролеткульта занимался М.П. Цибасов (1904–1967). Позднее он работал в Ленинграде художником-постановщиком на киностудиях «Ленфильм» и «Леннаучфильм». В ноябре 1918 года в городе открылась выставка А.А. Борисова, Н.Г. Бекряшева и других устюжских художников. Инициатором и активным участником этой выставки был Н.Г. Бекряшев, им было спасено от разграбления более 230 картин, этюдов и эскизов художника А.А. Борисова. Эта выставка положила начало Музею северодвинской культуры в Великом Устюге.

В январе 1920 года в Клубе Красной Армии и флота была открыта изостудия, руководил которой Н.Г. Бекряшев. Летом 1920 года открыта 1-я Северодвинская художественная выставка, которая проходила с 13 июня по 8 июля в школе им. Герцена. За время работы её посетило семь тысяч человек. Музей приобрёл несколько картин с выставки у художников Н.Г. Бекряшева, Е.П. Шильниковского, Г.И. Матвеева и Д. Плотникова. Выставка по количеству и богатству произведений, а также по устройству производила впечатление столичной. Из выставочных произведений особенно выделялись этюды А.А. Борисова «Устье реки Териберки» и «Лунная ночь на Новой Земле»; произведения Н.Г. Бекряшева «Студент», «Выбор приданного», «Присяга», «Два портрета». Е.П. Шильниковским было представлено около семидесяти произведений: декоративное панно «Место молитвы», эскиз к декорации Э. Ростана к «Белому ужину», портрет «Мой отец», графический портрет «Моя бабушка», этюд «Внутренность моей комнаты» и др. На выставке также были представлены художники Д. Плотников («Труд») и П.Я. Костров («Закат солнца»), ученики студии Яхлаков («Листопад»), Воронин и Ивонинский; показаны работы мастеров прикладного искусства: Матвеева, Плотникова, Тарутина и Порошина.

В 1920 году в селе Красавино Великоустюгского уезда прошла выставка молодых художников. В 1922 году в Великом Устюге устроена персональная

выставка картин А.А. Борисова, посвящённая 25-летию творческой деятельности художника. В августе 1925 года новый директор музея Н.Г. Бекряшев читал доклад о состоявшемся объединении квалифицированных работников искусств Северо-Двинской губернии – художников Н.Г. Бекряшева, А.А. Борисова и Е.П. Шильниковского – в «коллектив художников северодвинцев», о желании «коллектива» числиться при художественном отделе музея Северо-Двинской культуры и о предстоящем в ближайшем будущем присоединении указанного «коллектива» к «А.Х.Р.Р.» (Ассоциации художников революционной России). В 1935 году отмечалось 25-летие творческой деятельности художника Н.Г. Бекряшева.

В январе 1937 года Постановлением Президиума ЦИК СССР упраздняется Северная область, на её территории создаются Вологодская и Архангельская области. В этом же году на Всемирной выставке в Париже комплект изделий «Сказки Пушкина», изготовленный по рисункам Е.П. Шильниковского артелью «Северная чернь», удостоен Почётного диплома I степени и Большой золотой медали, а художник получил Большую серебряную медаль и диплом. Гравировала этот комплект изделий мастер-гравёр П.А. Насоновская (1916–1990). Участниками Парижской выставки были также ученица М.П. Чиркова М.А. Угловская (1913–2002) и Н.В. Вепрев, с шемогодскими берестяными изделиями.

Е.П. Шильниковский с 1920 по 1937 годы работает в газете «Советская мысль», где им было нарезано на линолеуме свыше шести тысяч клише. С 1935 года он начинает работать художником в артели «Северная чернь», затем главным художником на заводе «Северная чернь» до 1965 года. Он сумел соединить профессиональное графическое искусство с народными традициями старинного промысла и поднять на достойную высоту изделия великоустюгских мастеров чернения по серебру. Художником было выполнено более десяти тысяч рисунков к изделиям, изготовленными мастерами-гравёрами. За свой многолетний труд Е.П. Шильниковский был удостоен в 1956 году высокого звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР», в 1970 году стал почётным гражданином города Великий Устюг.

В художественной среде Великого Устюга Е.П. Шильниковский был знаковой фигурой. На протяжении шестидесяти лет он подготовил и воспитал не одно поколение мастеров и художников. В разные годы у него обучались или пользовались его советами Л.А. Ивановский (1915–1988), С.М. Петряшев (1922–1992), В.А. Тельтевская (1927–1992), В.В. Покровский, Заслуженный художник России Е.Ф. Тропина (1930–2006), А.С. Чернов (1934–2006), Н.И. Облупин (1946–2016), Г.Н. Осиев (1950–1991), Заслуженный художник России А.М. Шебунин и многие другие. Можно отметить и работы в соавторстве: например, тарелку «С. Дежнёв» (1948 год, А.Е. Маркова – резьба, Е.П. Шильниковский – рисунок). В свою очередь, уже его учениками была воспитана целая плеяда молодых и талантливых мастеров и художников.

В сентябре 1939 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР создаётся оргбюро советских художников. В 1957 году была образована Вологодская организация Союза художников РСФСР. В 1991 году, с распадом СССР, Союз художников РСФСР стал именоваться «Союз художников России», а с 1999 го-

да был переименован во Всероссийскую творческую общественную организацию «Союз художников России» (СХР). В 1992 году на территории Вологодской области появились две независимые друг от друга организации СХР: Вологодская и Череповецкая. Бессменным председателем Череповецкой организации СХР с 1992 по 2012 год был А.М. Шебунин. Г.Н. Осиев в 1980-е годы возглавлял молодёжное объединение художников при Вологодском отделении Союза художников РСФСР.

Великоустюгские мастера и художники первой половины XX века внесли значительный вклад в развитие культуры и искусства на вологодской земле. Своими произведениями они воспевали красоту Русского Севера и Великого Устюга. Основой их творчества была окружающая действительность и человек, её созидающий. Их работы не потеряли своего очарования и сегодня. В них живёт поэтическая душа родного края. В эти годы прошли выставки: 1940 – городская в Клубе речников, 1949 – городская в Доме культуры, 1952 – там же городская выставка самодеятельных мастеров, 1957 – городская, посвящённая 40-летию Октября.

1960-е годы – время творческой работы старшего поколения художников, которые стремились воссоздать действительность в сдержанной, условно обобщённой форме. Их интересуют и исторический, и историко-революционный жанры. Особое место в их творчестве занимает северный пейзаж, покоривший художников своей неброской красотой. В своих произведениях они стремятся отразить тишину и поэзию старинных русских деревень и небольших древних городков. Великоустюгским художникам и мастерам были не чужды темы, отражающие жизнь страны, и они плодотворно участвовали в ней своим творчеством.

В эти годы на заводе «Северная чернь» под руководством ведущего художника Е.Ф. Тропиной трудится коллектив художников: В.П. Шорохов, Л.М. Бобылева, Л.С. Меньшикова, А.С. Чернов. В 1981 году открыта фабрика художественных изделий «Великоустюгские узоры», объединившая мастеров-резчиков по бересте во главе с А.Е. Марковой (1930–2007): Л.А. Корепину, И.П. Хомутильникову; художников Т.Г. Вязову и Т.Ю. Лабутину, занимавшихся росписью и плетением по бересте. В 1970 году в Великом Устюге открыта детская художественная школа, первым директором которой стал В.П. Степченков (1943–2007), а с 1978 по 1989 годы – Н.И. Облупин; преподавателями школы были В.А. Тельтевская и Л.В. Остроумова. На судоремонтно-судостроительном заводе работал талантливый самобытный артист и художник Г.Ф. Лыжов (1927–2000). Н.Н. Будахин (1926–2002) вёл уроки изобразительного искусства в школе № 9. В 1982 году в город приехал художник Е.Д. Замотин (1938–1995). На Красавинском льнокомбинате работали художники-супруги Н.П. и Е.Н. Преминины, в городе работал художник В.С. Тчайников (1920–2000). В это время в Великом Устюге проводятся выставки: 1973 – городская, 1975 – городская, посвящённая 30-летию Победы в Великой Отечественной войне; персональные выставки самодеятельного художника С.М. Петряшева в 1978 и 1987 годах.

Яркой фигурой в городе тех лет был художник-график Е.С. Шатохин, приехавший из Белоруссии в 1973 году. Он активно участвует во всесоюзных, рес-

публиканских и областных выставках, при нём заметно возросла выставочная деятельность в Великом Устюге. Под его председательством проходит ряд тематических выставок: например, первая общегородская в Доме культуры, посвящённая 60-летию образования СССР. В выставке приняли участие 18 человек. В буклете, посвящённом этой выставке, художник написал: «Город Великий Устюг должен стать центром художественной культуры всего восточного региона Вологодской области».

В 1982 году прошла выставка «Наш край», в которой приняли участие 24 человека – художники и мастера. В 1984 году прошла вторая городская художественная выставка, в ней участвовали 11 человек. В 1985 году проходит городская выставка «Четвёртая весна», в 1987 году – городская выставка, посвящённая 70-летию Октября. Художник А.М. Шебунин в 1974 и 1984 годах показал свои персональные выставки в краеведческом музее. Е.С. Шатохин провёл в музее персональные выставки в 1979, 1983 и 1987 годах. В 1985 году при его содействии в обществе «Знание» в Вологде прошла художественная выставка «Художники Великого Устюга». К сожалению, в 1988 году художник уехал в Белоруссию.

В 1960–1980-е годы художниками-устюжанами было создано немало интересных произведений:

Вязова Т.Г. – папка для памятного адреса Е.П. Шильниковскому в День 90-летия (1980), шкатулка «Семья» (1985), шкатулка «Прогулка» (1989).

Замотин Е.Д. – «Дом бакенщика» (1975, холст, масло), «Осень» (1983, холст, масло), «Стога» (1983, холст, масло).

Лабутина Т.Ю. – шкатулка «60 лет СССР» (1982), шкатулка «Былина» (1985), шкатулка «Русь» (1989).

Льюров Г.Ф. – «Над Сухоной» (1968, картон, масло).

Облупин Н.И. – «Натюрморт с гладиолусами» (1974, холст, масло), «Гостья мастерской. Вероника» (1982, холст, масло).

Осиев Г.Н. – «Натюрморт с мольбертом» (1980, холст, масло), «Опоки» (1981, холст, масло), «Сёстры» (1983, холст, масло), «Николай Рубцов» (1987, холст, масло).

Петряшев С.М. – «Сухоная. Раннее утро» (1969, холст, масло), «Сумерки» (1973, холст, масло), «Подснежники» (1983, холст, масло).

Тропина Е.Ф. – эскиз коробочки «Ленинград» (1989).

Шатохин Е.С. – «Дионисий и Нил Сорский» (1972, автолитография), «Мёртвое дерево» (1977, карандаш), «На острове Русский Кузов» (1978, карандаш), «Разведка» (1980, гравюра), «Маяк на острове Жижгин» (1981, автолитография), «Доброе утро, Великий Устюг» (1983, карандаш).

Шебунин А.М. – памятник выпускникам Пуховского военного училища в городе Великий Устюг (1985), памятник Герою России матросу С.А. Преминину в городе Красавино (1989).

В конце 1980-х годов активная культурная и художественная жизнь в Великом Устюге затихает. Перестройка, проводимая в стране с 1985 года, воспринятая вначале с энтузиазмом, привела к разочарованию и в конечном политическом итоге – к распаду СССР в 1991 году. Всё это не могло не отразиться на ху-

дожниках и мастерах: они были вынуждены приспособливаться и выживать в изменившихся условиях, кто как мог. Наступали рыночные отношения, зарождалась новая Россия, но это уже другая история, которая ещё ждёт своего часа.

Источники и литература

1. Александр Шебунин. Альбом. Вологда, 1998.
2. Воронова О.П. Художники Вологды. Ленинград, 1979.
3. Вторая городская художественная выставка. Каталог. Великий Устюг, 1984.
4. Выставка графики Евгения Шатохина. Буклет. Великий Устюг, 1979.
5. Геннадий Осиев (1950–1991). Буклет. Вологда, 2001.
6. Евгений Шатохин. Графика. Избранные произведения. Буклет. Великий Устюг, 1986.
7. Замотин Е.Д. (1938–1995). Выставка в ДХШ. Буклет. Великий Устюг, 2001.
8. Искусство Великого Устюга. XX век. Вологда, 2007.
9. Казаков А.В. (1899–1964). Буклет. Вологда, 2002.
10. Мунин А.Н. Север и художники. Вологда, 1964.
11. Мунин А.Н. Серебряных дел художник. Архангельск, 1979.
12. Николай Облупин. Живопись. Избранное. Буклет. Великий Устюг, 2006.
13. Первая общегородская художественная выставка. Буклет. Великий Устюг, 1982.
14. Петряшев М.С. (1922–1992). Буклет. Великий Устюг, 2005.
15. Художественная выставка «Наш край». Каталог. Великий Устюг, 1982.
16. Художники Вологодской области XX – начало XXI. Библиографический словарь. Вологда, 2011.
17. 41-я областная выставка произведений Вологодских художников, посвящённая 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Каталог. Вологда, 1989.
18. 70-летию Великого Октября. Искусство и революция. Каталог выставки. Архангельск, 1988.

С.А. Мальцева

ВЕЛИКОУСТЮГСКИЙ РАЙОН: ПРОЕКТ «ВОЗРОЖДЕНИЕ. К ИСТОКАМ ПРАВСТВЕННОСТИ, ДУХОВНЫМ ТРАДИЦИЯМ»

История Великого Устюга является одной из примечательных глав русской церковной истории¹. Издревле Устюг был центром духовности на Русском Севере. Отсюда православная вера распространялась на Урал и Сибирь. В городе с 1682 по 1788 годы существовала Великоустюжская епархия, владения которой простирались от Тотьмы до Урала (города Тотьма, Великий Устюг, Сольвычегодск, Лальск, Никольск, Красноборск, Усть-Сысольск и Яренск с уездами). На начало XVIII века епархия насчитывала 277 храмов.

Великоустюжская земля находится под молитвенным покровом своих святых, что составляет духовную сокровищницу края. Первый на Руси Христа ради юродивый – святой Прокопий Праведный, защитник и небесный покровитель города Великого Устюга и устюжан, открывает этот сонм, а завершается он десятками имён новомучеников, пострадавших за веру Христову.

В XX столетии культурному, историческому и духовному наследию края, как и всей России, был нанесён невосполнимый урон. Взрывались храмы, уничтожались иконы, снимались на переплавку колокола, разрушались духовные богатства, попирались нравственные ценности. Это, несомненно, является национальным позором. Но в конце того же XX века пришло время покаяния. После многих лет поругания и забвения люди вновь возвратились к духовным истокам. Возрождаются благочестивые обычаи и традиции, открываются новые церковные приходы и воскресные школы, проводятся православные праздники, устанавливаются поклонные кресты и восстанавливаются храмы. Народ укрепляет свои духовные силы.

С 1995 года в Великоустюгском районе реализуется один из приоритетных долгосрочных проектов, цель которого – сохранение истинных человеческих ценностей, возвращение к духовным традициям и православным истокам. Проект «Возрождение. К истокам нравственности, духовным традициям» реализуется в тесном сотрудничестве светских структур – органов власти, образования, культуры – с религиозными объединениями, православной церковью. Ведётся исследовательская работа в архивах, фондах музеев, собираются уникальные исторические материалы в экспедициях, проводятся семинары, научные конференции, межрегиональные Прокопиевские чтения (в том числе малые детские Прокопиевские чтения), восстанавливаются престольные праздники, Дни памяти устюжских святых, открываются фестивали и выставки. Выпускается литература для широкого круга читателей, а также сборники в помощь краоведам, школьникам и всем людям, интересующимся историей (брошюры, карты-схемы, методические разработки и т.д.).

Особая примета нового века – постройка и освящение Князе-Владимирского храма в городе Красавино Великоустюгского района. Усердием предпринимателей и жителей района возведено несколько часовен. В 2014 году вновь открыта Великоустюжская епархия. Важным событием 2018 года стало посещение Великого Устюга Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

Благодаря работе с архивными документами, исследованию исторического материала, в 1998 году впервые была выпущена план-схема «Великий Устюг (сохранённое и утраченное)», где указано местонахождение местных храмов². Второе, дополненное издание плана-схемы вышло в 2013 году, к 710-летию со Дня памяти Прокопия Праведного. Карта-схема вызывает большой интерес, особо пользуется популярностью у туристов и гостей города. На ней обозначены 63 культовых объекта Великого Устюга, отмечены названия церквей, часовен, монастырей, годы их постройки и освящения, годы утраты (закрытия), места расположения, указаны старые и новые названия улиц и т.д.

В 2003 году вышла брошюра «Храмы и часовни Великоустюгского района (сохранённые и утраченные)»³. В ней впервые представлен каталог храмов и часовен, существующих на территории Великоустюгского административного района. Печальный факт: из 38 храмов сохранилось 23 разграбленных и разрушенных, а 15 полностью уничтожены. Судьбы святынь схожи – к примеру, если Опокскую Николаевскую церковь разобрали по приказу НКВД, то Георгиев-

скую в Горбачеве разобрали на кирпичи для своих бытовых нужд жители сельсовета. Из 58 часовен осталось четыре развалины.

До революции Великоустюгский уезд имел площадь в два раза большую, чем нынешний район. И храмов соответственно было больше. Так, в 1910 году на территории Великоустюгского уезда числилось 97 православных приходов. Поэтому местные храмы, ныне оказавшиеся в Нюксенском, Котласском, Лузском районах, не вошли в общий список храмов каталога.

Более пяти лет велась работа по подготовке данного издания. Проводились исследования в архивах и музеях, изучались летописи, клировые ведомости, ревизские сказки и церковные хроники. В брошюре не только цифры и факты: в ней представлены уникальные чёрно-белые фотографии когда-то удивительных по красоте памятников, а ныне утраченных святынь культовой архитектуры Великоустюгского уезда XIX – начала XX столетия. Были также сфотографированы все оставшиеся на территории района церкви и часовни. Цветные фотографии демонстрируют или сохранившиеся полуразрушенные церкви, или недавно утраченные. Некоторые из церквей – свидетели существовавших когда-то в этих местах малых монастырей, являвшихся частью единой монастырской сети и проводниками монастырской колонизации Русского Севера (например, Симоно-Воломская и Теплогорская пустыни). В книге также помещены фотографии установленных в конце XX – начале XXI веков поклонных крестов на местах утраченных православных святынь.

Нужно отметить, что собранные исторические сведения помогли восстановить в районе престольные праздники; отчасти возродились традиционный семейный бытовой уклад, местные обычаи и обряды. Ведь гибель сельских приходов, разрушение храмов привели к вырождению сельского образа жизни. Осознаётся это, к сожалению, только сейчас, когда русской деревни уже не стало. Самая маленькая и неказистая церквушка в воспоминаниях старожилов вырастает в символ красоты и души деревни. Не случайно места для храмов выбирали самые лучшие, самые видные. Иногда для храмовых комплексов даже создавали рукотворный ландшафт: например, вокруг Тихвинской Богородской церкви на реке Стриге. Документы и предания приписывают сооружение Богородского храма и пруды в виде буквы «В» выдающемуся устюжскому епископу Варлааму.

Первой «ласточкой» возрождения в Великоустюгском районе стала установка силами работников культуры в 1995 году памятного знака на месте разрушенной часовни Параскевы Пятницы у деревни Кошово. Здесь же отреставрирована часовенка святого старца Максима, почищен и облагорожен святой родник, расположенный неподалеку от Пятницкого погоста. Священнослужители провели праздничный молебен в разрушенной Параскево-Пятницкой Погореловской церкви, которая была построена в 1794–1806 годах на месте двух ветхих деревянных «тщанием устюгского купца Ивана Курочкина». Прошёл крестный ход к святому роднику, совершён водосвятный молебен. До сих пор не зарастает тропа к святому источнику, ежегодно сотни православных совершают сюда паломничество.

Ратмеровская Ильинская церковь была построена в 1781 году «на месте сгоревшей деревянной тщанием и иждивением великоустюжских купцов Петром и сыном его Иоанном Бестужевыми». Церковь стояла на высоком холме. Ежегодно к ней на престольный праздник – Ильин день – стекалось множество народа из ближних и дальних деревень. В 1997 году у разрушенного храма после полувекового перерыва вновь зазвучали праздничные песнопения, совершены водосвятный молебен и крестный ход, окропление нового урожая святой водой, возрождён обряд «зажин первого снопа».

На много вёрст раздавался колокольный звон стоявшей на высоком угоре Шарденгской Георгиевской церкви (построена в 1817–1847 годах вместо ветхой деревянной). У этого храма ежегодно по весне проходила Егорьевская ярмарка. Чёрно-белая фотография 1910 года говорит о том, сколь величественным был храм. А ныне, как укор из прошлого, осталась одна стена от колокольни. 6 мая 1996 года здесь вновь собрались люди на весеннюю ярмарку. У развалин храма установлен и освящён поклонный крест, священники отслужили молебен, возрождён традиционный в этих местах обряд на Егория Вешнего – «выгон скота».

В 1865 году усердием церковного старосты крестьянина Николая Ноготкова у деревни Копылово над родничком был установлен каменный столп, имевший вид небольшой часовни. Деревня эта располагалась вдоль большого Лальского тракта – в прошлом знаменитой дороги в Сибирь. Часовню освятили во имя великомученика Георгия Победоносца, небесного покровителя русских воинов и крестьян. Прихожане, живущие далеко от города, предпочитали молиться именно у этой часовни. В Егорьев день здесь служили молебен, освящали поля и домашний скот. Старожилы вспоминают, что это было очень торжественное и красочное событие. Заботливые хозяева приводили к часовенке своих чисто вымытых и украшенных лошадей, чтобы священник смог освятить скотину перед весенними полевыми работами. У крестьян это было ежегодной традицией. В 1998 году часовенку восстановили и вновь освятили.

Почитание святых – древнейшая церковная традиция. С самого начала своего исторического бытия церковь совершала прославление имён тех усердных деятелей на ниве заповедей Христовых, чьи богоугодные подвиги в единении с благочестием народа-молитвенника составляли незыблемую основу Святой Руси. На Великоустюгской земле особо чтят память своих святых угодников Божьих: это святой преподобный Киприан Устюжский (ум. 15.X.1276); святой праведный Прокопий, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец (ум. 21.VII. 1303); святитель Стефан Великопермский (ум. 9.V.1396); блаженный, Христа ради юродивый святой Иоанн Устюжский (ум. 11.VI.1494.); святой преподобный Симон Воломский (ум. 25.VII.1641) и другие⁴.

Благодаря собранному историческому материалу и архивным документам к празднованию 200-летия со дня основания храма во имя святителя Стефана Великопермского в Великом Устюге и к 605-летию со Дня памяти его вышла брошюра⁵, в которой помимо жития и акафиста помещена карта-схема территории, на которой вёл миссионерскую деятельность святитель, а также фотографии: икона «Святая Троица» (зырянская) XIV века, по преданию исполненная самим

Стефаном (находится в Вологодском музее-заповеднике); посох епископа, находящийся в музее г. Перми. Следом вышло житие и акафист Праведного Иоанна Устюжского чудотворца⁶, который повторил высочайший подвиг Христа ради, как и его предшественник блаженный Прокопий Праведный⁷. Во имя святого праведника Иоанна в Великом Устюге поставлены две часовни и две церкви.

В Великом Устюге проходят большие городские торжества в юбилейные дни памяти святителя Стефана Великопермского (9 мая по новому стилю) и Христа ради юродивого Устюжского чудотворца Праведного Прокопия (21 июля по новому стилю). В эти дни в город съезжается много паломников, священнослужителей и людей, равнодушных к истории и культуре России. К этим дням приурочены фестивали духовной музыки «Благовест», фестивали колокольного звона, открываются православные выставки.

Издавна на Руси считалось святым долгом знать о своих предках, родных, своих корнях, беречь свою родословную и передавать эти знания по наследству. Один из многих современных примеров: через программу духовно-нравственного воспитания в образовании, которая включает в себя предмет «Истоки», ученик кадетского класса Матвей Бычихин в процессе исследования своей родословной обнаружил, что его предки на протяжении 122 лет были православными священниками, и четверо из них служили в Великоустюгской Петропавловской церкви, которая была уничтожена в 1929 году. В течение трёх лет он исследовал историю храма, создал его макет и выступал со своей исследовательской работой на различных семинарах и конференциях.

Не зря говорят, что без прошлого нет будущего. Православная вера, проникающая в души наших современников, побуждает у людей, за Россию «болеющих», интерес к истории и культуре, помогает осознать свои корни и истоки.

¹ Подробно см.: Непеин А.[С.] Святые и достопримечательности города Великого Устюга и его окрестностей. Вологда, 1915; Чебыкина Г.Н. Великий Устюг. Летописная книга XII – начала XXI века. Великий Устюг, 2007; и др.

² Великий Устюг (сохранённое и утраченное). План-схема. / Сост. С.К. Мальцев. Великий Устюг, 1998.

³ Храмы и часовни Великоустюгского района (сохранённые и утраченные). / Авт.-сост. С.А.Мальцева, С.К. Мальцев. Великий Устюг, 2003.

⁴ См. например: Верюжский И.[П.] Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. Вологда, 1880.

⁵ Святой Стефан, епископ Пермский. История церкви святого Стефана Пермского. Житие. Акафист. / Авт.-сост. С.А. Мальцева. Вологда: [Б.и, б.г.].

⁶ Праведный Иоанн Устюжский чудотворец. Житие. Акафист. / Авт.-сост. С.А. Мальцева. Вологда, 2002.

⁷ Подробно см.: Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010.

ИСКУССТВО СОХРАНЯТЬ ИСТОРИЮ: РЕСТАВРАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИЙ СЕВЕРОДВИНСКОГО МУЗЕЯ

25 марта 2021 исполнилось 150 лет со дня рождения Игоря Эммануиловича Грабаря – академика, искусствоведа, художника, основоположника отечественной школы научной реставрации. Это событие является хорошим поводом для того, чтобы рассказать о работе Северодвинского краеведческого музея по реставрации фондовых предметов, а также о плодотворном сотрудничестве с Архангельским филиалом Всероссийского научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря (далее – АФ ВХНРЦ).

Северодвинский музей получил статус краеведческого и стал самостоятельным в 1990 году. В советские годы он формировался как музей социалистического города с соответствующими задачами и тематикой. Его фонды пополнялись предметами, передаваемыми первостроителями, корабелями, коллекционерами, организациями и жителями города; а также за счёт экспедиций: археологических в селе Нёнокса, этнографических в бывшие вотчины Николо-Корельского монастыря и труднодоступные места в окрестностях Северодвинска (территории бывших старообрядческих скитов), историко-бытовых.

По объективным причинам качество фондов нашего музея можно охарактеризовать как фонды музея молодого индустриального центра, не обладающие значительным временным периодом их комплектования. Поэтому сотрудники музея с большой бережностью и ответственностью относятся к предметам, имеющим особую историческую ценность, уникальность.

Музей хранит фотодокументальные, изобразительные и вещественные памятники по истории Судостроя – Молотовска – Северодвинска и его окрестностей, а также памятники отечественной истории и культуры. Это коллекции: «Археология», «Нумизматика», «Документы», «Фото», «Дерево», «Керамика и стекло», «Ткани», «Живопись», «Скульптура», старопечатные и редкие книги, предметы, состоящие из драгоценных металлов, и другие. Одной из больших коллекций является «Мемориальная библиотека Иннокентия Степановича и Валентины Станиславовны Бахтиных». Передаются на хранение семейные реликвии, поступают как отдельные уникальные предметы, так и целые коллекции. Систематическая и целенаправленная работа по комплектованию позволила собрать и значительно пополнить музейное собрание. В его состав входят 33 музейные коллекции. В настоящее время фонды музея насчитывают 62147 музейных предметов (основной фонд – 41025, научно-вспомогательный – 21122).

К сожалению, не все предметы поступили в музей в идеальном состоянии и хорошей степени сохранности. Многие из них долгие годы хранились в не отапливаемых помещениях, на чердаках и поветях, на улице, в земле, что, безусловно, отразилось на состоянии их сохранности. Но бывает и так, что предмет в домашних условиях активно использовался в повседневной жизни без должных условий хранения. Особенно уязвимы в этом отношении предметы на бумажной основе: документы, произведения графики и т.д. Чтобы обеспечить эстети-

ческий уровень музейных экспозиций, ввести поступающие памятники в активный научный оборот, а зачастую просто сохранить уникальные экспонаты для настоящих и будущих поколений, требуется их реставрация.

Естественно, что неоценимую помощь в этом оказывают музею специалисты-реставраторы. Ведь их миссия – воссоздать произведения искусства, памятники старины без утери исторической эстетики и натуральности. Задача реставратора – не пытаться сделать предмет лучше, а законсервировать его в том состоянии, в котором он был передан музею. Квалифицированная работа специалиста должна также предупредить рецидивные процессы разрушения и порчи в последующем хранении и использовании. Каждый предмет имеет свой возраст, следы бытования, которые надо обязательно сохранить (пометы, записи и т.д.). Ведь посетитель идёт в музей не для того, чтобы смотреть новодел или современную вещь, которую можно купить в магазине; а чтобы увидеть предмет, который прожил свою долгую, может быть, и сложную жизнь. Это очень важно не только с точки зрения эстетического восприятия, но и целостного культурного воспитания человека.

В настоящее время Северодвинский музей работает с ведущими реставрационными организациями – ВХНРЦ (г. Москва) и его Архангельским филиалом. Архангельский филиал ВХНРЦ был создан для обеспечения сохранности коллекций музеев и музейных фондов в 1988 году. Северодвинский музей активно сотрудничал с реставрационным центром с первых дней его основания. За эти годы отреставрировано более 200 уникальных экспонатов. Часть этих предметов находится в постоянной экспозиции музея, а также была представлена на разных областных выставках, посвящённых реставрации, и в каталогах выставок по реставрации музейных собраний.

Реставрации предметов предшествуют плановые профилактические осмотры музейных коллекций и отдельных музейных предметов, которые проводятся по заявке музея совместно с реставраторами. Далее следуют составление списка предметов, включение их в городские программы по реставрации и собственно проведение работ. План и методы работы обсуждаются на реставрационных советах с участием всех специалистов, когда собран весь объём информации, ясна картина.

Северодвинский городской краеведческий музей обладает рядом ценных произведений художественной культуры, каждое из которых является гордостью города и края. Хотелось бы особо отметить реставрацию значимой для музея иконы «Спас Нерукотворный»¹ (2-я половина XVII века), которая является ярким памятником древнерусской живописи. Она представляет собой доску из четырёх частей с ковчегом, с двумя врезными сквозными шпонками. Колорит иконы приглушённый, характерный для «северных писем».

В фонды музея она поступила в 1989 году в неудовлетворительном состоянии. Икона была вывезена из деревни Вологодской области, где, распиленная на две части, была прибита к крыше сарая. В результате большая часть левкаса и красочного слоя были утрачены. Позже в нескольких местах утрат были сделаны пробные непрофессиональные расчистки на ликах. Икона находилась под потемневшей олифой, частично – под записью. Вздутие левкаса, шелушение

живописи могли привести к полному исчезновению этого интересного культурного памятника.

В 1990-е годы над иконой работал художник-реставратор Архангельского музея деревянного зодчества и народного искусства Евстафий Иванович Фокин. Им была сделана проба на удаление старой олифы на изображении лика Спаса. Раскрытый им фрагмент иконы «окно в лике» показал подлинную авторскую живопись. Это было началом большой кропотливой работы. В дальнейшем предстояло освободить икону от поздних наслоений. В 2001 году она поступила на реставрацию в АФ ВХНРЦ. Работа продолжалась в течение восьми с половиной лет (реставратор Сергей Анатольевич Субочев), и в 2009 году икона вернулась в музей. Мастерство реставратора сохранило её для потомков.

В настоящее время в музейной экспозиции «История Поморского края с древнейших времён до начала XX в.» достойное место занимает отреставрированная клиросная скамья² с фигурной спинкой и росписью на боковых стенках (XVIII век). Находилась она первоначально в Троицком храме села Нёнокса. Скамья была вывезена из недействующего храма в августе 1999 года в связи с её ухудшающимся состоянием и невозможностью обеспечить сохранность на месте. Предмет поступил с многочисленными загрязнениями, ослабленными деталями крепежа. Шпонки выходили из пазов, на деталях основания и боковых стенках – трещины. Сильное шелушение росписи, утраты красочного слоя, местами полностью. В результате проведения реставрационных работ (реставратор Татьяна Юрьевна Турыгина) была укреплена древесина, красочный слой на боковых стенках, проведена очистка от загрязнений.

На протяжении нескольких веков соль была главным богатством Нёноксы. Количество солеварен в разное время доходило до двадцати. В силу экономических причин к началу XX века промысел почти сошёл на нет. В годы Великой Отечественной войны он по необходимости был возрождён, но уже в 1950-60-х годах окончательно исчез. Усолье более полувека оставалось заброшенным, превращаясь в свалку. За это время многое было утрачено. Из нескольких старинных солеварен чудом уцелела лишь одна, остальные были разрушены³.

Нёнокский филиал Северодвинского музея с 2011 года стал организатором раскопок на данной территории. Исследования проводились под руководством Марины Евгеньевны Ворожейкиной, научного сотрудника Института археологии РАН. Во время археологических раскопок были обнаружены многочисленные находки, характерные для территории соляного промысла: система рассольных желобов (три фрагмента были переданы в фонды музея); семиметровая деревянная труба рассолоподъёмного насоса, большая кованая цепь со скобой на конце, фрагменты цренов (в том числе заклёпки). Долгое время предметы находились в земле, поэтому требовалось срочное проведение консервационных и реставрационных работ, обусловленное их очевидной необходимостью. В том же году эти работы были выполнены.

Специалисты центра имени Грабаря имеют разную квалификацию. Это даёт нам возможность расширить рамки сотрудничества, работая с определёнными группами реставраторов. К примеру, обувь, как правило, плохо сохраняется и быстро выпадает из обихода. Руками Александры Михайловны Григорьевой

была отреставрирована женская обувь: ботинки, туфли «лодочка», полусапожки⁴, а также обувь, название которой, наверное, в наши дни мало кто слышал. Например, струтни – примитивные туфли, сшитые из кусков коровьей кожи с оборками – верёвками для подвязывания. Как рассказывали дарители, в такой обуви раньше ходили по болоту, и ноги оставались сухими. Или повседневная обувь для хозяйственных нужд, привезённая из Вилегодского района Архангельской области – уледи⁵: кожаные мужские или женские сапоги с кожаными ляжками вокруг голенища (конец XIX – начало XX вв.).

В разное время из этнографических экспедиций были привезены покрывцы – матерчатые платы, которые хранились в амбурской моленной⁶ и кудемской часовне⁷. Об их истинном назначении новым владельцам ничего не было известно. Хранились они, как правило, в не отапливаемых помещениях, прибитыми гвоздями к стене, что отразилось на их сохранности. Практически все произведения поступили в руинированном состоянии: со значительными утратами ткани и декоративных деталей, разрывами, деформацией и загрязнениями. К примеру, в центре покрывца⁸ (материал: шёлковая ткань, тесьма, холст, атлас, шёлковый шнур, золотная тесьма, золотный шнур, золотные нити) на среднике расположен голгофский крест с орудиями страстей. Поступил он с сильными загрязнениями, по нижнему краю был полностью покрыт плесенью белого цвета. Шёлковая узорная ткань значительно утрачена, атласная ткань частично утрачена, золотная тесьма, шнур и нити сильно потемнели. По всей поверхности многочисленные загрязнения, затёки, пятна воска. Видно, что предмет активно использовался во время служб.

Реставратору Марии Александровне Григорьевой пришлось проделать ювелирную работу по восстановлению покрывца. Первоначально была проведена его дезинсекция и дезинфекция, демонтирован средник, проведена очистка от пятен, воска и затёков. Подобраны ткани и нити для укрепления подклада. Укреплена атласная ткань средника. Смонтирован средник к подкладу. Здесь перечислены только основные работы, которые были проведены для восстановления предмета.

Особо следует отметить работу реставраторов с коллекцией «Графика». Среди отреставрированных – литографии Соловецкого монастыря: «Вид ставропигиального первоклассного монастыря», «Савватиева пустынь», «Свято-Троицкий скит», «Скит на Секирной горе»⁹, которые поступили в фонды музея в плачевном состоянии. На многих листах – многочисленные разрывы, изломы, пятна и затёки различного происхождения, сильное загрязнение. Разорванные на части листы были склеены липкой лентой. Реставратору Марине Анатольевне Соколовой предстояло удалить поздние надписи, загрязнения и липкую ленту с оборотной стороны, подклеить разрывы, укрепить изломы, восполнить утраты основы, отпрессовать, тонировать, монтировать в двойное бумажное паспарту.

Не менее интересный экспонат, прошедший реставрацию – целебник церковный¹⁰ (конец XIX – начало XX вв., реставратор Екатерина Алексеевна Поздеева). Ранее он бытовал в моленной Амбурского старообрядческого скита, вывезен в 1972 году. Целебник представляет собой печатный лист размером 455x377 мм. По всему листу в два столбца размещён церковнославянский текст,

обрамлённый прямоугольной орнаментальной рамкой. В левом столбце названия молитв об исцелении от различных болезней, избавлении от разных бед и другие, в правом – имена православных святых и дни их памяти. Подобного рода церковные целебники рассылались по церквям и обычно висели в алтарях на стенке.

Видно, что им активно пользовались. Поступил он сильно загрязнённый, с утратами основы по полям, многочисленными сгибами, переходящими в разрывы, пятнами плесени и затёками. После реставрации была убрана желтизна бумаги, естественный тон листа выровнялся. Восполнены утраты, изломы, потёртости красочного слоя. Видны обезвреженные остатки затёков, следов плесени, пятен различного происхождения.

Одним из уникальнейших предметов коллекции «Графика» является печатный гравированный лубок «Книга глаголемая Козмография»¹¹ (XVIII век, реставратор Е.А. Поздеева). Бытовал он в старообрядческой семье Мамоновых из Нового Лукино, что под Архангельском. Лубок представляет собой лист размером 652x548 мм. Состоит он из четырёх частей, склеенных между собой. Лубок поступил в неудовлетворительном состоянии, с пожелтением основы, с различными видами загрязнений, большими и мелкими утратами основы, разрывами, изломами. Разрывы были укреплены скотчем. Предстояло осуществить просто филигранную работу по восстановлению этого произведения изобразительного искусства: провести обеспыливание с обеих сторон, закрепить красочный слой, удалить скотч и наклейки с оборота, промыть дистиллированной водой от желтизны и водорастворимых загрязнений.

Наиболее хрупкие, уязвимые предметы – из фарфора и фаянса. Как правило, посуда поступает в фонды музея с трещинами, сколами и различными утратами. Руками Татьяны Владимировны Сидоровой восстановлено тринадцать предметов коллекции «Керамика»: бокал «На память св. коронования Николая II»¹² (1896–1917), чайная чашка с растительным орнаментом на тулове и надписью: «Дарю въ день Вашего Ангела»¹³ (1889–1900), фарфоровый чайник с печатным рисунком на тулове и надписью: «Все в культпоход»¹⁴ (1930-е годы) и другие.

Страдают в процессе бытования и статуэтки. Например, у скульптурной композиции «Квартет», состоящей из четырёх фигур, у осла, играющего на альте, было утрачено ухо. А у статуэтки «Слон» в виде массивного животного, изображённого в движении, с поднятым хоботом над головой, утрачен один бивень. Эстетическое восприятие таких предметов было нарушено. Реставратору предстояла ювелирная работа по восстановлению утрат: изготовление модели по аналогии. Это снятие формы и отливки с дальнейшей подклейкой по месту утраты, а также мастиковка, обработка, тонирование.

Большей частью предметы берутся в план АФ ВХНРЦ и реставрируются для музея бесплатно. В 2016 году на муниципальном уровне была принята программа «Развитие сферы культуры в МО «Северодвинск» на 2016-2021 гг. Реставрация этнографических предметов», которая позволила отреставрировать часть амбурской коллекции: стулья со съёмным сиденьем, с фигурной спинкой и немного изогнутыми ножками (конец XIX – 1-я треть XX вв.)¹⁵, покрывец¹⁶,

чайную чашку¹⁷, лампаду¹⁸, парчовый кокошник¹⁹ и оклад (ризу) к иконе Богородицы.

Одним из видов совместной работы с реставраторами являются профосмотры музейных предметов. Так, 11 января 2019 года художники-реставраторы АФ ВХНРЦ Александра Михайловна и Мария Александровна Григорьевы провели плановый осмотр коллекции головных уборов и предметов коллекции «Ткани». Они кропотливо вымеряли каждый предмет, составляя перспективный список на дальнейшую реставрацию. Была детально осмотрена одна из интереснейших находок последнего времени – наборный оклад на холщовой ткани (риза) к иконе Богородицы²⁰ (XIX век). Этот тканевый оклад был обнаружен в 2010 году в дачном доме, расположенном на территории садово-некоммерческого товарищества «Беломор» (возле Кородского озера). Ранее здесь находился Большекородский старообрядческий скит.

Подобного рода предмет – единственный в фондах Северодвинского музея. Он представляет значительный интерес и имеет важное историко-культурное значение. В связи с тем, что оклад поступил в музей в ветхом состоянии, сильно загрязнённый, с многочисленными утратами фрагментов ткани, фольги и шитья в верхней его части, предстоит большая и длительная работа по его восстановлению. Из-за большого объёма реставрационных работ и особой их сложности (демонтаж и монтаж предмета, наличие разнообразных материалов: холст, нить, фольга, бисер, бумага, стекло, перламутр, с которыми предстоит отдельная работа) реставрация будет проходить в два этапа и рассчитана на два года: 2020-й и 2021-й.

Отреставрированные предметы старины и произведения искусства представляются на различных тематических выставках. Одна из первых выставок по реставрации предметов под названием «Возрождение» открылась в музее в 1993 году (экспозиционер Любовь Николаевна Назарова, автор художественного решения Геннадий Петрович Садомовский). На ней впервые была представлена коллекция отреставрированных икон. В музее также имеется полное редкое собрание живописных Миней – церковных календарей с изображениями праздников и святых, созданных в XIX веке. Ни в одном музее Русского Севера нет подобного собрания. Данная коллекция неразрывно связана с историей поморского села Нёнокса. Е.И. Фокиным была отреставрирована большая часть этой коллекции. Выставка располагалась в двух залах музея, на ней были представлены предметы православной, народной и городской культуры XVII – начала XX веков. Это наиболее интересные памятники из собрания музея: древнерусская живопись, предметы культа, ткани, дерево, документы.

14 февраля 2010 года состоялось открытие выставки «Возрождённый шедевр» (выставка одного предмета, экспозиционер Надежда Николаевна Попович). На ней была представлена икона «Спас Нерукотворный» и комплекс фотографий, характеризующих процесс её реставрации.

В 2014 году была организована выставка «Семейные реликвии старообрядцев Мамоновых в собрании Северодвинского музея» (экспозиционер Елена Фёдоровна Луцковская). На ней представлено 78 экспонатов, многие из которых отреставрированы. Это, прежде всего, уникальные экспонаты старообрядческой

культуры, к которым относятся предметы из Выго-Лексинского общежительства, на протяжении почти 150 лет являвшегося духовным центром староверия не только Русского Севера, но и всей России. В семье Мамоновых сохранился целый комплекс предметов, связанных с Выговской пустыней. Это литография с изображением Поморского Выгорецкого общежительства женского монастыря, рисованный лубок XIX века «Древо рода Андрея и Семена Дионисиевичев господ Вторушиных Выгорецких предводителей». Ценными для фондового собрания стали литографии: «Райские птицы Сири и Алконост» (2-я половина XIX – начало XX вв.), «Соловецкий монастырь» (1901) и печатный гравированный лубок «Книга глаголемая Козмография» (XVIII–XIX вв.).

Из переданных Иваном Михайловичем Мамоновым документов был отреставрирован и представлен на выставке достаточно уникальный – свидетельство Финляндского Горного Артиллерийского парка Интендантскому каптенармусу Михаилу Мамонову в том, что он в продолжение трёх лет службы в парке отличался всегда трезвою жизнью и примерным поведением, исполняя все возложенные на него обязанности честно, аккуратно и добросовестно, и при отличном знании своего дела, усердии и любви к службе всегда пользовался полным доверием начальствующих лиц²¹. Датирован документ 15 декабря 1909 года и выдан по окончании военной службы. Благодаря И.М. Мамонову, фонды музея пополнились бесценными реликвиями этой замечательной семьи, имеющими большое культурно-историческое значение.

Итоговой работой по реставрации предметов стала совместная выставка Северодвинского музея и АФ ВХНРЦ «Искусство сохранять историю» (экспозиционер Е.Ф. Луцковская). Она предоставила посетителям возможность впервые за 15 лет увидеть богатые «плоды» реставрации, осуществлённые квалифицированными специалистами. Были представлены разные музейные предметы: иконы, лубки, старопечатные книги, декоративно-прикладное искусство, в том числе мебель, ткани, посуда; а также показана вся необходимая документация, сопровождающая проведение реставрационных работ: реставрационные паспорта, описание реставрационных процессов и используемых материалов, подробная фотофиксация до, в процессе и после реставрации. Организаторам удалось рассказать, как специалист, «прочитывая» историю и раскрывая по мере возможности первоначальный облик памятников, возвращает их фактически из небытия к полноценной жизни – изучению, экспонированию, публикации.

Уникальным явлением совместной деятельности АФ ВХНРЦ и Северодвинского музея стало проведение музейных гостиных как по результатам реставрации одного предмета, так и на базе выставок. Например, на основе выставки «Семейные реликвии старообрядцев Мамоновых в собрании Северодвинского музея» прошла гостиная на тему: «Реставрация коллекции “Графика” из собрания И.М. Мамонова» (15.02.2018), на которой были представлены произведения графики после реставрации. Художник-реставратор Е.А. Поздеева, грамотный специалист, профессионал высокого уровня, простым и доступным языком рассказала обо всех тонкостях работы по реставрации экспонатов на бумажной основе на примере графических работ из фондов нашего музея. Участники гостиной узнали много интересной информации о технологии, приёмах, инстру-

ментах и оборудовании, которыми пользовались реставраторы, восстанавливая предметы.

На базе выставки «Старообрядческие центры на Беломорском Севере» была организована гостиная «Реставрация старопечатных книг из фондов СГКМ» (16.10.2014), на выставке «Искусство сохранять историю» прошла встреча «Реставрация коллекции “Керамика” из фондов СГКМ» с реставратором Т.В. Сидоровой (29.09.2016). Отдельным предметам были посвящены такие гостиные, как «Старообрядческий лубок. Дерево рода Денисовых из Выгорецкого монастыря» (17.03.2010), «Два сапога – пара: о реставрации коллекции обуви из фондов СГКМ» (16.04.2011), «Реставрация коллекции “Ткани”. Коллекция покровцов» с реставратором М.А. Григорьевой (03.11.2016).

16 марта 2019 года в музее состоялась гостиная с участием Галины Алексеевны Григорьевой – художника-реставратора произведений из тканей высшей квалификационной категории АФ ВХНРЦ. Тема её лекции – «Реставрация и изучение головных уборов Русского Севера». Рассказ сопровождался показом цветных фотографий головных уборов, бытовавших в различных уездах Архангельской губернии. У присутствующих на встрече северодвинцев вызвало истинное восхищение художественное творчество северных мастериц, которые использовали в изготовлении кокошников, повязок и других головных уборов различные материалы и технологии пошива, умело сочетая в причудливых узорах золотые нити, жемчуг, бисер, фольгу... Г.А. Григорьева показала себя не только умелым, грамотным реставратором, но и исследователем, организатором и участником многих этнографических экспедиций в Архангельской области и за её пределами. Участники встречи смогли приобрести профессионально изданный каталог «Головные уборы Русского Севера в собраниях музеев Архангельской области» с дарственной надписью автора.

Надо отметить, что участники гостиных всегда с большим интересом слушали специалистов-реставраторов, задавали много вопросов по технологиям и способам восстановления предметов (обувь, бумага, ткани), так как эти знания можно применить и в быту. На таких встречах каждый желающий мог получить профессиональные консультации по хранению и реставрации предметов, в том числе личных.

Сотрудничество Северодвинского музея с АФ ВХНРЦ даёт более ёмкое, расширенное и очень полезное понимание и представление о специфике работы профессионалов как музея, так и центра. Эта деятельность постоянно совершенствуется. Музейные сотрудники нарабатывают опыт в изучении и показе уникальных предметов, а реставраторы, получая их в работу, совершенствуют свою научную и производственную базу: подробно, со всех сторон исследуют предмет, подбирают современные вещества и материалы, улучшают способы и технологии работ, тем самым повышая свою квалификацию.

Северодвинский музей и в дальнейшем намерен развивать и укреплять основные направления сотрудничества с АФ ВХНРЦ имени И.Э. Грабаря. Это консервация и реставрация музейных предметов, консультации по их хранению, проведение экспертиз, оценка и рекомендации по климатическим и тем-

пературно-влажностным условиям хранения отреставрированных предметов, а также постоянный обмен опытом и проведение совместных мероприятий.

Работа реставратора, так же как и работа хранителя музейных предметов, незаметна для посетителей. Эти две профессии требуют от человека большой ответственности, знаний, терпения и усидчивости. Но именно благодаря их труду появляется возможность увидеть сохранные произведения искусства и памятники истории на музейных выставках и в экспозициях.

¹ Северодвинский городской краеведческий музей (далее – СГКМ). КП 6734.

² СГКМ. КП 14456.

³ Волкова В.А. Натурные археологические исследования на территории Усолья Нёнокса // Музей для города. Северодвинск, 2015. С. 125–126.

⁴ СГКМ. КП 5719/1,2; КП 6404/1,2; КП 17467/1,2.

⁵ СГКМ. КП 7154/1,2; КП 9510/1,2.

⁶ Амбурский скит – духовный центр местного старообрядчества. Находился в 50 км от Архангельска, за болотами сёл Рикасихи и Кудьмы. Был известен староверам обеих столиц Российской империи и пользовался большой популярностью.

⁷ Большая Кудьма – неофициальное название трёх близко расположенных деревень: Таборы, Волость, Лахта, относящихся к муниципальному образованию «Северодвинск» Архангельской области. Расположена в 15 км к югу от Северодвинска, на берегу Кудьмозера.

⁸ СГКМ. КП 23705.

⁹ СГКМ. КП 19108, КП 19109, КП 19110, КП 19111.

¹⁰ СГКМ. КП 385.

¹¹ СГКМ. КП 16487.

¹² СГКМ. КП 286.

¹³ СГКМ. КП 16450.

¹⁴ СГКМ. КП 6888.

¹⁵ СГКМ. КП 22992, КП 24025.

¹⁶ СГКМ. КП 548.

¹⁷ СГКМ. НВФ 13482.

¹⁸ СГКМ. КП 23120.

¹⁹ СГКМ. КП 1113.

²⁰ СГКМ. КП 24202.

²¹ СГКМ. КП 16559.

Н.В. Шептяков

МЕСТО И РОЛЬ ДВИЖЕНИЯ «СЕВЕРНОЕ ТРЕХРЕЧЬЕ» В РОССИЙСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ

Котласскому историко-просветительскому местному общественному движению краеведов «Северное трехречье» (далее – СТ) исполнилось 22 года¹. Оно имеет своё лицо, свои заслуги, не избежало и своих проблем. Какие же у нас перспективы, дальнейшие возможности? Каковы наши место и роль в общероссийском краеведческом сообществе? Проанализирую сложившуюся на данный момент ситуацию.

Многие годы являясь региональным отделением Союза краеведов России (СКР), какую помощь наше движение получило из центра? Не вдаваясь в детали, отвечу кратко: малую. Лишь косвенную, общего толка, когда представители Котласа выезжали на всероссийские чтения, выступали там, впитывая атмосферу, общаясь, публикуясь в сборниках. Слабый организационно, СКР по факту никогда особо не руководил краеведческой армией страны. Ни настоящей методической поддержки, ни обещанного журнала для получения опыта и трибуны для обсуждения проблем.

Более того, не имея даже статуса юридического лица, СКР не просто деградировал как некий управленческий, пусть и общественный, орган, но и практически распался. С уходом лидеров, четверть века подвижнически тянувших худо-бедно Союз, державших краеведов хоть в аморфном, но едином творческом поле, наступил полный крах. Новая схема – сменный руководитель СКР на год – дала сбой, сразу забуксовала: главный редактор одного московского журнала, технический и временный фигурант в руководстве СКР, через 12 месяцев глухо ушёл в тень, а новый лидер (предполагался профессор из Омска) так и не объявился. Даже как член Совета Союза я не могу найти концов. Стыдно признаться: мы в Котласе, как региональное отделение СКР, ведём первичный приём в Союз, а документы выписать некому. Нет Союза – нет и рекомендаций, советов, просто помощи.

Теперь взглянем на региональную ситуацию. Пятнадцать лет назад в Архангельске автор этих строк и к.и.н. С.А. Гладких от лица СТ инициировали создание Краеведческой Ассоциации Архангельской области (КААО)². Она как бы и жива: проводила отчётные конференции, её официальным органом является журнал «Известия Русского Севера». Руководит Ассоциацией ректор САФУ. Как заместитель председателя КААО по связям с регионами, я накапливаю областную словарь краеведов, стараюсь объединить их и наладить сотрудничество с районами. Есть связь, самая тесная, например, с вилежанами (совместные Полушинские и Пузыревские чтения), контакты с Каргополом и Коношей. Однако хотелось бы единого краеведческого областного организма, организационной помощи, общения – например, на региональном краеведческом съезде. Ничего этого нет, ибо, как в случае с СКР, так и по области напрочь отсутствует какая-либо внятная государственная и региональная политика в сфере краеведения. А есть ли некая политика на местах?

Посмотрим на третье крупное звено краеведения в стране, местное, на примере нашего КИПМОДК «Северное трехречье». Кто мы в свете выше сказанного? Правильно: лишь локальный самостоятельный центр, очаг активности, инициатива общественников, удачно сочетаемая с работой учреждения культуры – музеем. Именно на таких местных островках и держится по сути неистощимое, всегда на низовом энтузиазме, российское краеведение.

Хоть и без руля сверху, мы идём, если говорить высоким слогом, верным курсом созидания и просвещения. А получить такой же опыт откуда-то – возможность есть: интернет в помощь. Всего один пример: открываю в сети городок ярославский, старинный – Переславль-Залеский. И с восторгом нахожу

сайт с названием «Переславль-Залесское краеведение»³. Выставлено 5900 текстов по истории края, публикации из редких источников. Каково?!

Абрис (чертёж, контур) СТ – каков к марту 2021 года? Мы по-прежнему вкупе с музеем создаём лицо Котласа и района, проводя молодёжные Малые Стефановские чтения (прошли уже 16-е по счёту), Межрегиональные Стефановские в ранге Всероссийской конференции (нынешние – уже 14-е). По чётным годам проводим Ракитинские краеведческие чтения. Работает на базе музея и СТ клуб «Моя родословная». Трудно, но тянем Школу юного историка. Участвуем в сторонних конференциях и чтениях. Многие котласские краеведы издают книги. Углубляется содружество краеведов с музеем по многим позициям, в частности, и через участие в новом формировании – Учёном совете музея.

Проще сказать: движение наше живо, работоспособно⁴. Тем не менее всё сильнее ощущаю тревожные тенденции в нашей деятельности – весьма, к слову, специфической. Всё ли правильно идёт? Куда заносит? В чём отстаём? Чего не видим? Что упустили? Куда, к чему идти единственно выверенно? Эффективно ли социальное партнёрство, есть ли оно вообще в нашем случае?

Так что же волнует? Что и как нужно подкорректировать? Вот первый блок проблем, назову его организационным. Малые чтения становятся зыбкими, на грани срыва. География заявок «скачет»: в текущем году не участвовала Вологодчина – нет уже межрегионального статуса. Самая главная боль – игнорирует наши чтения котласское городское образование: школы не заявляются. Даже не пропал, его и не было – разве в самом начале, контакт с учителями истории. Для нас, организаторов, это загадка.

Рядом стоит и проблема со Школой юного историка: не добились полного интереса к ней. Почему? Одна из причин – стимулы отсутствуют. Даже на подарки победителям Малых чтений много ли могут выделить музей и общественники? А ведь это прекрасная схема обучения и воспитания, работы с молодёжью. Нам понятно, что нужна индивидуальная работа с учителями. Но высвечивается и общегородская задача в росте эффективности Малых чтений и Школы.

По Стефановским «большим» чтениям: даже в условиях пандемийной изоляции, как видим, интерес стабильный. Поэтому вернусь к давней идее: всё-таки Котлас способен принять съезд краеведов для разговора-анализа на региональном уровне. Но без поддержки властей нашего городского округа и муниципального района такой проект не потянуть.

Почему, работая на имя города и окружающей территории, всё время приходится просить – постоянно, в частности, на издание итогового сборника чтений. А ведь на кого надеяться, кроме администраций, которые только и могут помочь – даже, мне кажется, призваны по статусу, коль мы, общественность, реально обслуживаем потребности власти в изучении края! Или её нет, этой потребности? Понимания такой простой истины? Потому и нет стабильно заложенной в бюджет суммы? Это что – криминал некий финансовый? Вот поэтому и заявляю снова отчётливо, громко: нет в стране политики краеведения сверху донизу, на всех трёх уровнях административно-управленческих.

Слова «краеведение» нет в бюджетном лексиконе местного самоуправления: оно не соперник, например, благоустройству. Но значение этого реально существующего явления – огромно. Писатель М.М. Пришвин, подвижник краеведения в 20-е годы XX века, писал в дневниках, что есть родина, над ней отечество, над отечеством – творческие труды. Цитирую далее: «Изучение жизни человека в данном месте: краеведение»⁵. По мысли писателя, краеведение, выполняя задачу изучения края, тем самым и охраняет его – от забвения, от незнания⁶.

А каким при этой очевидности задач видится механизм нашего сотрудничества – содружества культуры, местного самоуправления и общественности? Важное сближение в этом вопросе в Котласе уже произошло в последние годы: краеведы де-факто попали под крыло музея. Связи крепнут. Но надо расширять поле исследовательской пахоты. Озвучу, наконец, самую свою потаённую мечту-боль – о социальных заказах.

Мы, кто ищет и собирает историю, для кого работаем? Разве ради своих амбиций? Нет. Всё добываемое, транслируемое на чтениях, издаваемое в сборниках – для города и района! Так почему местной власти не выступить заказчиком в тематических исследованиях?

Назрела, просится в повестку дня будней наших общих тематическая координация: и от музея, и от культуры, и от ключевых отраслей. Полагаю, не ошибусь, что лакун, белых пятен, неизученного – море: от истории предприятий до истории общественных движений. В городе и районе столько потрясающе интересных имён! Их надо поднимать на щит. Нашему району вот-вот набегает столетие. Давайте сообща составим дорожную карту исследований – посильно-научную, на базе прямых договоров с исследователями, авторами книг. Не конкурсные гранты, всегда ненадёжно-мифические, а прямая просьба-заказ от власти, если она заботится, говоря возвышенно, о величии края.

В этом – реальная поддержка энтузиазма. Ведь как-то надо разрешать противоречие: найти-собрать информацию на энтузиазме ещё можно, а вот оформить, скажем, в книгу – уже совсем другое, затратное и трудное дело. Уместно здесь и такое рассуждение: худо-бедно, книги о крае выходят (подчеркну в свете вышесказанного – самиздатом, а не по лелеемому социальному заказу). И наше движение инициировало конкурс выходящих книг⁷. Теперь вкупе с музеем, учёными, по научным критериям, подводятся итоги своеобразного состязания – кто сумел лучше? И каковы же награды? Диплом и шоколадка!

К чему клоню? Наша городская культура, даже после бурных дебатов, профукала литературную премию, не решила вопрос. Но речь шла о поэзии, художественном слове. Не пора ли учредить более серьёзную, значимую и нужную премию – за краеведческую книгу? Разве это не дело чести города и района?!

Ведь никакой мотивации пока нет у краеведа-писателя! Важный опыт издания по истории Шипицыно, своеобразная книга о детях войны (авторы их хорошо известны в округе)⁸ – получили признание на областном уровне, став дипломантами конкурса «Чаша раздумий». А на местном уровне что? Вопрос риторический. Если бы наш местный конкурс подкрепить полновесной совокупной и громко-торжественной премией городского округа и районного мунци-

ципалитета – вот и престиж территории, и весомое уважение к труженику-исследователю.

Надо искать механизмы взаимодействия, изобретать свой опыт. Тогда вспомним и эффективные поисковые формы – например, экспедиции. Может заиграть новым содержанием информационная сторона нашего общего дела.

Теперь о самом важном. Если нам пойдут навстречу – что от нас потребуется? Да и при любом раскладе, даже только при личном энтузиазме? Несомненно, качество исследований. Здесь я солидарен с более жёстким подходом к итоговым работам краеведов. Любая деятельность требует самосовершенствования. Исследовательская стезя – тем более. Методы научного краеведения должны быть освоены от А до Я. Ибо для нас это – инструмент, канва.

Осознание этого помалу приходит к местному краеведческому сообществу. Однако и помочь нам надо. Серия опубликованных методичек от музея – это прекрасно. Но призываю коллег к следующему шагу, логичному и необходимому: на базе музея организовать краеведческую школу. Нам очень нужны знания, как правильно и эффективно исследовать, и особенно – как оформлять конечный результат.

Предлагаю этот проект осенью начать, зимой продолжить, весной подвести итоги и дать выпускные целевые задания-исследования с прицелом выступления на будущих Стефановских чтениях. А то ведь как: в округе появляются доморощенные авторы – не участники движения, от них и книги, которые читать невозможно, с искажёнными фактами и структурно не выстроенные⁹. А местная полиграфия запросто печатает их. И разве помешает некий механизм контроля, предварительное рецензирование? История с ошибками или глупостями – кому нужна?

Исследовать край методично, грамотно; не наскоком, а по планам, направленно – вот к чему пришёл, размышляя о ситуации на сегодня. Осенью у нас очередная отчётно-выборная конференция – детальное и глубокое осмысление места и роли движения «Северное трехречье». Оно работает, гостей принимает. Но опрометчиво почивать на достигнутом: опасно закисать, не двигаясь вперёд.

100 лет назад секретарь Академии наук Сергей Фёдорович Ольденбург выразил отношение академической науки к краеведению: «Без краеведения мы бессильны»¹⁰. Это утверждение актуально и сейчас. Краеведческий энтузиазм, помноженный на знание основ подлинно научного исследования, максимально поддержанный центральной и местной властью – вот формула дня, чтобы расти.

¹ «Северное трехречье»: летопись десяти лет. Котлас: [б. и.], 2009. С. 5.

² Там же. С. 25–30.

³ Переславль-Залесское краеведение. [Электронный ресурс.] Код доступа: <http://pki.botik.ru> (дата обращения: 19.03.2021).

⁴ Подробно см.: «Северное трехречье»: летопись второго десятилетия. Котлас: [б. и.], 2019.

⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. Кн. 4. М.: Русская книга, 1999. С. 19.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Истомина Л. Рассекреченные факты // Вечерний Котлас. 2021. 2 апреля. С. 10.

⁸ Барсуков А.В. По шипицынской стороне (очерки истории). Котлас: [б. и.], 2017; Яхлакова Т.А. Сердца молодые, пронзённые войной... Котлас: [б. и.], 2019.

⁹ См. например: Книжная полка // Вестник Котласского краеведческого музея. 2017. С. 10; Книжная полка // Вестник Котласского краеведческого музея. 2018. С. 40–44; Книжная полка // Вестник Котласского краеведческого музея. 2019. С. 45–46.

¹⁰ Пришвин М.М. Указ. соч. С. 391.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Антоновская Виктория Владимировна, кандидат педагогических наук, заведующий отделом музейной педагогики Котласского краеведческого музея, г. Котлас.

Барсуков Анатолий Витальевич, член Союза краеведов России, п. Шипицыно Котласского района.

Бебякина Анна Сергеевна, независимый исследователь, г. Череповец.

Безменова Екатерина Александровна, учитель истории Ошлапецкой основной школы, д. Бор Ленского района.

Гладких Сергей Александрович, кандидат исторических наук, учёный секретарь Котласского краеведческого музея, г. Котлас.

Данков Михаил Юрьевич, независимый исследователь, г. Петрозаводск.

Дубинина Екатерина Александровна, член клуба «Краеведы Виледи», с. Ильинско-Подомское.

Едовин Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, учёный секретарь Архангельского краеведческого музея, г. Архангельск.

Залывский Николай Павлович, доктор экономических наук, профессор, г. Архангельск.

Зорина Елена Васильевна, научный сотрудник отдела истории Великоустюгского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Великий Устюг.

Зубова Ольга Алексеевна, научный сотрудник художественного отдела Великоустюгского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Великий Устюг.

Коноплёв Андрей Владимирович, независимый исследователь, г. Вологда.

Красавцева Светлана Анатольевна, главный специалист Великоустюгского центрального архива, г. Великий Устюг.

Красноштанов Георгий Борисович, независимый исследователь, г. Москва.

Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, г. Вологда.

Луцковская Елена Фёдоровна, главный хранитель музейных предметов Северодвинского городского краеведческого музея, г. Северодвинск.

Мальцев Сергей Константинович, художник, краевед, г. Великий Устюг.

Мальцева Светлана Анатольевна, краевед, г. Великий Устюг.

Мясников Вадим Павлович, прикрепленное лицо Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, г. Вологда.

Остапенко Марина Вячеславовна, учитель истории и обществознания Козьминской средней школы, с. Козьмино Ленского района.

Панин Геннадий Леонидович, член Союза краеведов России, г. Каргополь.

Плотников Виталий Иванович, писатель, краевед, г. Котлас.

Попов Валерий Витальевич, руководитель отдела по общественным связям Культурно-исторического центра «Свѣточь», член Союза краеведов России, г. Котлас.

Проц Диана Анатольевна, научный сотрудник, хранитель музейных коллекций Национального музея Республики Карелия, г. Петрозаводск.

Пшеницын Дмитрий Александрович, руководитель отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Вологда.

Русьянц Софья Романовна, победитель Малых Стефановских чтений 2020 года, ученица 8«а» класса средней общеобразовательной школы № 17, г. Котлас.

Соколов Сергей Михайлович, краевед, г. Нижний Новгород.

Соколова Дарья Павловна, победитель Малых Стефановских чтений 2021 года, ученица 10 класса Черевковской средней школы, д. Романцево Красноборского района.

Студенцова Екатерина Олеговна, ведущий архивист Государственного архива Архангельской области, г. Архангельск.

Фокина Ольга Леонидовна, экскурсовод Вилегодского районного краеведческого музея, с. Ильинско-Подомское.

Чебыкина Галина Николаевна, заведующий отделом истории Великоустюгского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Великий Устюг.

Шептяков Николай Васильевич, председатель Котласского историко-просветительского местного общественного движения краеведов «Северное трехречье», член Совета Союза краеведов России, г. Котлас.

Щипин Владимир Игоревич, независимый исследователь, г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. История Котласа и Котласского района

Едовин А.Г. Новые данные о средневековых памятниках Нижней Вычегды	3
Красноштанов Г.Б. Родословная Ерофея Хабарова: факты, загадки, предположения	9
Кузнецов А.В. Фамилии с народными прозвищами в основе у жителей посада Соли Вычегодской (по переписи 1710 года)	25
Пшеницын Д.А. Население Котласа в первой половине – середине XVIII века (по материалам переписей)	34
Красавцева С.А. Шаги к портрету города: Котлас в вопросах и ответах	42
Щипин В.И. Они были первыми... (Председатели Сольвычегодского уездного исполнительного комитета в 1918 году)	51
Русьянц С.Р. История развития жилищного строительства на Макарихе в 30–50-е годы XX века	55
Студенцова Е.О. Церковная деятельность в Котласе в 1951–1960 гг. ...	60
Барсуков А.В. Из истории образования и становления совхоза «Шипицынский»	74
Плотников В.И. Котласское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1968–1972 гг.)	87
Гладких С.А. Котлас в трудах историков и краеведов	98

Часть II. Социально-экономическая история Севера

Коноплёв А.В. Механизм конкурентной борьбы в среде архангельских лоцманов XVII века	112
Данков М.Ю. Полгода жизни царя Петра Алексеевича в Олонецком уезде	121
Мясников В.П. На свете не без добрых людей, или Как сольвычегодский земский исправник махновским городничим стал (К.С. Бедарев и П.М. Капцевич)	130
Безменова Е.А. Традиции благотворительности населения Русского Севера на примере деятельности Яренского Дамского комитета в годы Первой мировой войны	144
Бебякина А.С. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сольвычегодского и Великоустюгского уездов	148
Зорина Е.В. Деятельность Великоустюгского уездного временного правительственного комитета (7 марта 1917 г. – 1 марта 1918 г.)	156
Проц Д.А. Финский Петрозаводск. О раритетных документах Национального музея Республики Карелия периода оккупации 1941–1944 гг.	164
Фокина О.Л. Кулаки Федяевы	174
Остапенко М.В. Нелёгкий женский труд совхоза «Козьминский»	177
Соколова Д.П. Испытание сенокосом (школьное механизированное звено по заготовке сена)	182

Часть III. Русский Север: человек, традиция, культура

Зубова О.А. Деревянные календари в собрании Великоустюгского музея-заповедника	189
Чебыкина Г.Н. Кирилл Александрович Цивилёв: учитель, краевед, внештатный сотрудник Великоустюгского музея	197
Дубинина Е.А. Детство и отрочество вилегодского парня «Оли Филимонкова», изложенные в его воспоминаниях	203
Соколов С.М. О священнике Михаиле Михайловиче Соколове	209
Антоновская В.В. Фронтовые письма В.А. Долгополова детям	214
Попов В.В. Анатолий Васильевич Некрасов – строитель, железнодорожник	220
Залывский Н.П. Творческое наследие Фёдора Абрамова как мотив к преодолению пороков социально-экономического бытия населения Севера России	227
Панин Г.Л. Из истории архивной деятельности на Каргополье	235
Мальцев С.К. XX век в искусстве Великого Устюга	240
Мальцева С.А. Великоустюгский район: проект «Возрождение. К истокам нравственности, духовным традициям»	245
Луцковская Е.Ф. Искусство сохранять историю: реставрация предметов на примере коллекций Северодвинского музея	250
Шептяков Н.В. Место и роль движения «Северное трехречье» в российском краеведении	258
Авторский коллектив	264

Научное издание

ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Выпуск 12

Материалы
всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции
«14-е Стефановские чтения»

Подписано в печать 27.09.2021 г. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman Cug».
Объём 19,21 п.л. Заказ № 3554. Тираж 100 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ООО «РГ "Успешная"»
165651, г. Коряжма Архангельской обл., проспект им. В.И. Ленина, д. 84